gaudeamus

М. Л. Ремнёва

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

УДК 800.2; 802/809.1
ББК 81.2 Р
Р 37

К 250-летию Московского университета

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Рекомендовано Учебным комитетом при Священном Синоде Русской Православной Церкви в качестве учебного пособия для духовных учебных заведений

Рецензенты:
д. ф. н. проф. *А. А. Волков*, д. ф. н. проф. *Е. А. Галинская*,
к. ф. н. доц. *В. П. Гудков*, к. ф. н. доц. *Л. А. Илюшина*,
к. ф. н. доц. *М. Н. Шевелёва*

Ремнёва М. Л.

Р 37 **Старославянский язык**: Учебное пособие. — 2-е изд., испр. — М.: Академический проект, 2004. — 352 с. — Прилож.: *Ремнёва М. Л., Дедова О. В.* Старославянский язык: Электронный курс. CD. — («Gaudeamus»).

ISBN 5-8291-0270-6

В пособии на основе современных научных концепций дается детальное описание системы старославянского языка IX—XI вв., анализируется процесс ее становления начиная с исходных характеристик индоевропейского языка, прослеживается судьба конкретных явлений старославянского языка в истории национальных славянских языков.

В настоящем издании книга дополнена подготовленным на ее основе электронным гипертекстовым курсом (авторы М. Л. Ремнёва и О. В. Дедова).

УДК 800.2; 802/809.1
ББК 81.2 Р

ISBN 5-8291-0270-6

Оглавление

Введение

В отечественной университетской традиции курс старославянского языка прочно занимает место историко-лингвистического введения в научное изучение русского и других славянских языков. Именно этот курс дает фактическую и методическую основу для овладения элементами сравнительно-исторического анализа и, следовательно, обеспечивает реализацию требований историзма в лингвистическом образовании будущих филологов, приобретая тем самым важное методологическое значение в университетском филологическом образовании, готовит студентов к углубленному пониманию литературных и языковых процессов эпохи Средневековья, изучаемых на русском, белорусском, украинском и славянском отделениях филологических факультетов.

Ко второй половине XX в. в научной палеославистике обозначился принципиально новый подход к старославянскому языку как языку славянской культуры, созданному Константином Философом и Мефодием в соответствии с требованиями социально-культурного развития эпохи Средневековья и функционировавшему в славянских странах православной ориентации вплоть до начала национальных движений. Такой взгляд на происхождение и культурно-историческую роль старославянского языка, впервые провозглашенный в знаменитых «Тезисах Пражского лингвистического кружка», находит отражение в предлагаемом учебном пособии. Автор подробно останавливается на характеристике судьбы церковнославянского языка восточнославянского извода (генетически – старославянского) и его роли в истории и историко-литературном процессе Древней Руси, а затем России. При описании различных процессов и явлений автор пытается показать, что история старославянского языка продолжается за пределами XI в., приобретая свою специфику на разных славянских территориях. В связи с этим само понятие «церковнославянский язык», введенное в связи с возникновением «редакций» старославянского, обретает свои характеристики. В результате

становится ясным, что границы между старославянским и церковнославянским не могли быть строгими, поскольку для творцов церковнославянских книг эталоном был старославянский («славенский»).

Старославянский (церковнославянский) язык рассматривается в пособии и как литературный язык Средневековья, обслуживающий не только потребности христианского культа (как это было первоначально задумано солунскими братьями), но и все основные сферы общения складывающихся славянских государств (культ, церковное законодательство, богословская литература, формирование различных литературных жанров).

Кроме того, автор ставит своей задачей описать старославянский язык как культурно-литературный феномен в его противопоставлении языку диалекта, языку обиходного общения, что позволяет уже в самом начале курса старославянского языка показать и специфику книжного («созданного») языка, и особенности его изменения под влиянием живых процессов, происходящих в диалектах. В связи с сопоставлением книжного языка и языка диалектов автор счел необходимым ввести понятие нормы.

Особенностью этой книги является то, что в *процессе* изложения в разных частях учебного пособия автор позволяет себе экскурсы в историю науки, в историю становления старославянского языка как дисциплины (паннонская теория), знакомит с именами ученых, участвовавших в разработке спорных проблем палеославистики, а также обращается к сфере общего языкознания (анализ развития недифференцированного имени, проблемы становления и истории двойственного числа, теории происхождения категории рода), и, поскольку студенты-филологи изучают старославянский язык на первом курсе, оказывается необходимым дать в тексте пособия основные грамматические понятия в виде характеристики грамматических категорий разных частей речи.

Поскольку сегодня еще не может быть реализована идея отделения курса «Праславянский язык» от курса «Старославянский язык», сведения о протославянских и праславянских процессах и явлениях находят свое место в предлагаемом учебном пособии.

Автор осуществляет описание древнего материала в процессе движения от протославянской системы к эпохе Константина и Мефодия: дается характеристика исходной фонетической системы протославянского языка, затем рассматриваются основные процессы и явления протославянского периода, которые подводят язык к исходной, ранней праславянской фонетической системе, когда уже в рамках существования праславянского языка начинают действовать славянские процессы. Действие основных тенденций праславянского языка определяет структуру слога и слова, системы вокализма и консонантизма позднего праславянского языка и языка переводов Константина и Мефодия и их учеников, кардинально изменяя эту систему по сравнению с поздним протославянским и ранним праславянским языком.

Большое внимание в тексте уделяется реконструкции форм.

Автор использует понятие «протославянский язык», поскольку именно оно позволяет представить себе наиболее адекватную схему развития языка: диалектная дифференциация индоевропейского языка (возникновение протославянского, протороманского, протогерманского и т. д.), развитие протоязыков (ситуация, когда одинаковые индоевропейские процессы в разных диалектных зонах дают различные результаты), возникновение и развитие праязыков, в том числе праславянского, диалектная дифференциация праязыков, в том числе праславянского, реализация в разных диалектах праславянского языка разных результатов общих праславянских тенденций, возникновение на этой основе славянских языков.

Данное пособие является результатом чтения автором лекций по старославянскому языку на первом курсе филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова на протяжении двенадцати лет. Сам курс в своей основе сложился в представленном виде в 1992–1993 гг. Реальным толчком для написания книги стала начатая в 2000 г. доц. О. В. Дедовой работа над компьютерным пособием, основанным на материале курса лекций и выпускаемым в качестве приложения к настоящему изданию (см.: *Ремнёва М. Л., Дедова О. В.* Старославянский язык: Электронный курс. CD). Автор прекрасно понимает, что концепция курса старосла-

вянского языка за почти 200 лет работы специалистов над его проблемами оформилась, сложилась структура учебника, поэтому влияние концепций авторов друг на друга неизбежно. Однако, думается, изложенное выше позволяет автору дать жизнь этому пособию.

Автор пользуется случаем поблагодарить тех, без кого издание не состоялось бы, – О. В. Дедову, без доброжелательной убежденности которой в том, что книга должна быть, я, вероятно, не взяла бы на себя смелость продолжить труд предшественников; Е. Г. Домогацкую, Е. А. Певак, Н. В. Николенкову и А. М. Егорова, занимавшихся редакционно-издательской подготовкой пособия. И, конечно, особая моя благодарность – рецензентам проф. А. А. Волкову, проф. Е. А. Галинской, доц. В. П. Гудкову, доц. Л. А. Илюшиной, доц. М. Н. Шевелёвой.

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

§ 1. Старославянский язык – язык древнейших переводов греческих богослужебных книг на славянский язык. Эти переводы были осуществлены во второй половине IX в. Однако самые ранние рукописи, в которых оказались зафиксированными тексты на старославянском языке, датируются лишь X в., причем основная масса текстов принадлежит XI в.

Не сохранились переводы самих Первоучителей – Константина и Мефодия, не сохранились переводы и тексты, писанные их ближайшими по времени учениками. Списки (копии) ранних славянских переводов, переписанные в X–XI вв., в определенной мере отражают уже черты, свойственные речи переписчиков. И поскольку нет памятников, отражающих классический старославянский, – реально, опираясь на данные поздних старославянских, древнерусских и других памятников, на данные родственных языков, мы *реконструируем* исходный старославянский язык, который был создан Первоучителями. Именно этот реконструированный язык описан в учебниках.

Традиционно же старославянскими памятниками считаются тексты X–XI вв., язык которых по своим фонетическим, морфологическим, синтаксическим особенностям очень близок классическому старославянскому и в которых не отражается процесс падения носовых.

§ 2. По самому замыслу старославянский язык не был разговорным языком, языком повседневного общения. Он был задуман как письменный наддиалектный нормированный язык, язык литературный, созданный для обслуживания нужд христианского культа. Чтобы понять специфику старославянского языка как культурно-письменного феномена, следует представить себе, чем так называемый живой язык, язык повседневного общения отличается от письменно-литературного.

Возникновение и эволюция языка как средства повседневного общения не зависит от воли, сознания и инициативы отдельного

индивидуума, лица. Появление и дальнейшие судьбы *литературных языков* являются результатом сознательной творческой деятельности. Эта деятельность может быть коллективной, а в ряде случаев – и индивидуальной, как в случае создания старославянского языка Константином и Мефодием.

Именно в *языке повседневного общения* происходят фонетические, фонологические, грамматические изменения. Он эволюционирует, и изменения в языке бытового общения характеризуются исторической непрерывностью. При этом они никак не связаны со сменой социально-экономических формаций или с идеологическими преобразованиями в истории общества.

Литературный же язык уже в своем появлении социально обусловлен. Литературные языки никогда не появляются до разложения общинно-родового строя. Непременным условием появления литературного языка является письменность. А письменность – продукт государственности. Так, славянская письменность распространялась в славянском мире по мере укрепления средневековых славянских государств. Иначе говоря, в отличие от живого разговорного языка, появление литературного языка социально обусловлено.

Язык повседневного общения – это обязательно местный язык, диалект. Письменно-литературные языки Средневековья – всегда международны: латынь – в католическом мире, старославянский – в славянском, язык Корана – в исламском мире. И, как правило, это языки культа, официальной религии. Используемые в высокой литературе, они нормированны и наддиалектны.

Основными причинами языковых изменений являются так называемые внутренние законы развития языка. Объективный смысл их действия – это тенденция к установлению регулярных отношений между формой и значением. В изменениях же литературных языков главную роль играет сознательная деятельность людей, а также теория, лингвистическая или нелингвистическая, созданная людьми.

Понятие *нормы* не связано только с понятием «литературный язык». Норма – это совокупность наиболее устойчивых, тради-

ционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных общественной языковой практикой. «Народный язык определенного географического или классового целого (местные или социальные диалекты) также имеет свою собственную норму, то есть комплекс грамматических и лексических регулярно употребляемых средств»[1]. Возникновение и развитие литературной нормы, ее характер и структура отличаются от развития и действия нормы народного языка (языка повседневного общения). *Норма литературного языка* создается и развивается при участии языковой или неязыковой теории. Она обладает высокой степенью императивности (обязательности), значительной стабильностью. «Литературная норма – это некоторая совокупность коллективных реализаций языковой системы, принятых обществом на определенном этапе его развития и осознаваемых им как правильные и образцовые»[2]. Признаком нормы литературного языка является *кодификация*, реализованная в грамматиках, словарях, справочниках, а на раннем этапе развития литературных языков – в образцовых текстах.

Таким образом, специфика бытования литературного языка, каковым является старославянский, – не развитие, эволюция, а изменение в зависимости от характера сознательной нормализаторской деятельности людей. Старославянский язык, как говорилось ранее, был языком переводов богослужебных книг с греческого языка, который к X в. насчитывал уже тысячелетие литературного развития. Братья Константин и Мефодий и их ученики реально создали не язык, который мы называем старославянским, а азбуку. Язык создавался в процессе перевода греческих книг, и он впитал в себя многие достижения литературного греческого языка. Переводчики на славянский искали и находили славянские эквиваленты греческих термиинов, форм, конструкций, которых не могло быть в славянском языке бытового общения, использовали греческую лексику и греческий синтаксис, создавали

[1] *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 339.

[2] *Семенюк Н. Н.* Норма // Общее языкознание. М., 1970. С. 556.

славянские слова по греческому образцу, поэтому уже в древнейших письменных памятниках старославянский выступает как язык богатый лексически, с развитым синтаксисом, хорошо обработанный стилистически, реализованный в разных жанрах письменности.

§ 3. Старославянский язык в пору своего бытования на различных славянских территориях претерпевал определенные изменения под влиянием фонетических и грамматических особенностей языка переписчиков. Так, например, под влиянием языка восточных славян в языке памятника XI в. Остромирова евангелия в формах глагола 3-го лица единственного и множественного числа вместо окончания -тъ (идетъ) последовательно используется окончание -ть (идеть), свободно меняются «юс большой» (ѫ) и «оук» (ѹ), «юс малый» (ѧ) и «аз» (а), «юс малый» йотированный (ѩ) и йотированный «аз» (ꙗ), что свидетельствует об исчезновении носовых гласных из фонетической системы древнерусского языка («падение» носовых).

Когда мы говорим о старославянском языке, изменяющемся под влиянием языка повседневного общения, носителями которого были переписчики текстов, мы обращаемся к понятию «церковнославянский язык».

Старославянский язык очень рано (уже в X–XI вв.) начинает использоваться славянами не только как язык церкви, но и как язык науки и литературы. В этой функции он и распространялся среди ряда славянских народов и под влиянием живой местной речи (болгарской, македонской, сербской, древнерусской) проникался особенностями, характерными для разных славянских языков. С течением времени у каждого из славянских народов старославянский язык стал выступать как бы в местной редакции. Эти позднейшие местные разновидности старославянского языка называют церковнославянским языком определенного извода (или редакции). Так, например, Киевские листки (памятник конца X в.) характеризуются чертами, свойственными языку западных славян. По особенностям языка можно говорить об их моравском происхождении. Южнославянскими (болгарскими) особенностя-

ми характеризуются Зографское, Мариинское евангелия, Саввина книга и др. Следы значительного древнерусского влияния несет на себе язык Остромирова евангелия, самого раннего книжно-литературного памятника Древней Руси.

§ 4. Наряду с терминами «старославянский язык» и «церковнославянский язык» в научной литературе используются термины «древнеболгарский» и «древнецерковнославянский». Каждый из них в определенной мере характеризует ту или иную сторону данного языкового феномена. Этот язык может называться древнеболгарским, поскольку в его лексической, фонетической и грамматической системе отразились фонетические и грамматические особенности одного из болгарских диалектов. Болгары – народ тюркского происхождения, который подчинил себе славянские племена, жившие на западном берегу Черного моря вдоль Дуная и занимавшие также северную часть Балканского полуострова. Славяне ассимилировали захватившие их племена, но сохранили их этническое имя. Однако старославянский язык по самому своему предназначению не мог быть ориентирован на особенности одного живого диалекта: задуманный как язык славянской богослужебной литературы, он не был результатом развития одного из живых славянских языков. Он стал итогом единого творческого акта. И хотя мы обоснованно можем говорить о народно-разговорной основе старославянского языка, его отличительными чертами с самого начала были наддиалектность и обработанность. Греческие богослужебные тексты не могли быть переведены ни на один из разговорных славянских языков, потому что последние не были приспособлены для передачи сложного содержания греческих книг.

Термин «древнецерковнославянский» для обозначения древнего языка славянства весьма четко отражает назначение языка первых славянских переводов греческих богослужебных книг и его отношение к сложившимся позднее местным разновидностям (изводам, редакциям) церковнославянского языка. Однако, созданный для нужд христианского культа, старославянский язык достаточно рано (уже в X–XI вв.) начинает использоваться сла-

вянами как язык науки и литературы, поэтому название «древнецерковнославянский» не дает полного представления о сфере использования языка.

Еще один термин – «древнеславянский язык» – ввел в отечественную лингвистику акад. Н. И. Толстой для обозначения позднего церковнославянского языка, который функционировал в качестве общего литературного языка восточных и южных славян вплоть до XVIII в.

В отечественной научной традиции принят термин «старославянский язык». И хотя мы не находим в этом названии древнейшего славянского литературного языка указания на живую народную основу языка древнейших славянских переводов и исходную предназначенность для нужд христианского культа, термин указывает на древность изучаемого языкового феномена и на то, что этот язык использовался славянами не только как язык церкви, но и как язык науки и культуры, в нем зафиксирована многофункциональность использования старославянского языка.

Значение изучения старославянского языка

§ 5. Значение знания древних языков чрезвычайно велико. Всякое явление в истории возникает, проходит разные этапы развития и достигает современного состояния. Это относится и к языку. Все реализации, проявления, особенности бытования любого современного языка становятся понятными, когда осознаются особенности его возникновения и жизни во времени, что возможно лишь в случае опоры на историю любого данного языка, а также родственных языков, живых и мертвых. Старославянский язык был первым закрепленным в письменности славянским языком (ранние древнерусские памятники датируются XI, древнесербские – XII, древнечешские – XIII, древнепольские – XIV в.). Уже это делает его уникальным явлением при изучении любого современного славянского языка и его истории.

А. Мейе писал: «Но одно счастливое обстоятельство ставит лингвиста, изучающего общеславянский (в современной терминологии – праславянский. – *М. Р.*) язык, в более благоприятные

условия, чем, например, германиста или кельтолога. В IX веке было сделано несколько переводов текстов, предназначенных для отправления христианского культа: евангелия, псалтири, молитвенников, поучений. Эти переводы написаны особым языком, отличным от общеславянского, принадлежащим к южнославянскому типу. Но говор, на который опирался этот письменный язык, содержал в себе множество архаических черт, и, за исключением небольшого числа диалектных особенностей, язык этих текстов тождествен в значительной мере тому, чем был бы общеславянский язык, если бы он был засвидетельствован в письменности. Мы будем называть этот язык старославянским»[3]. Таким образом, изучение старославянского языка помогает восстановить особенности более ранних этапов развития славянских языков, позволяет представить характер праславянского языка незадолго до его распада, что дает возможность определить те характеристики, которые получили в наследство от праславянского в начале своего самостоятельного развития древнерусский и другие славянские языки. Это и делает старославянский язык тем предметом, той дисциплиной, с которой начинается изучение любого современного славянского языка и его истории.

Изучение старославянского языка имеет и особое значение для истории праславянского языка: в силу определенного сходства с праславянским позднего периода его развития знание его системы позволяет восстановить облик праславянского языка последних веков его существования, охарактеризовать те процессы, в результате реализации которых сложились фонетические и грамматические системы древних славянских языков.

§ 6. Для истории русской письменной культуры, литературы, для понимания специфики культурно-письменной ситуации на разных этапах русской истории изучение старославянского языка особенно важно, поскольку историческим продолжением старославянского языка был церковнославянский язык восточнославянского извода, являвшийся на Руси литературным языком

[3] *Мейе А.* Общеславянский язык (Париж, 1934). М., 1951. С. 7.

вплоть до XVIII в. Еще в XVII в. церковнославянский язык был широко распространен, и его знание было свидетельством образованности. Элементарной грамотности обучали по Псалтири и богослужебным книгам. Генрих Лудольф, автор русской грамматики, изданной на латинском языке в Оксфорде в 1696 г., писал: «...русские говорят по-русски, а пишут по-славянски».

Церковнославянский язык очень рано (уже в X–XI вв.) становится книжно-литературным языком восточных славян, при этом в Древней Руси он складывается в результате усвоения старославянских традиций в древнерусских условиях. Он стал прежде всего языком беседы с Богом, языком богослужения, богослужебных книг. И в этом своем качестве церковнославянский язык пережил долгую тысячелетнюю историю и в основных своих чертах сохраняется и в сегодня издаваемой литературе, обслуживающей потребности православного культа. Церковнославянский язык становится также языком, на котором излагались представления о мире, человеке, истории – языком науки Средневековья. Большой популярностью пользовалась в Древней Руси богословская литература – переводы сочинений римских и византийских богословов, Изборники, представлявшие собой либо свод нравственных правил, которыми следовало руководствоваться в жизни, либо собрание сведений о мире, о науке (Изборник 1076 г. и Изборник 1073 г.). Примерно в XI в. возникает оригинальная (непереводная) древнерусская литература. В ней разрабатываются жанры как пришедшие вместе с христианской литературой, так и родившиеся на восточнославянской почве (нет, например, среди переводных произведений точного соответствия жанру русских летописей), и все они писаны по-церковнославянски, поскольку пришедший с христианской литературой язык становится языком высокой русской книжности, обладает высоким авторитетом и несомненным престижем и втягивает в сферу своего влияния нарождающуюся новую культуру.

Церковнославянский язык оказывается языком переводов, осуществляемых на Руси. Летопись рассказывает о распространении книжности и образования у восточных славян. После при-

нятия христианства князь Владимир «послал собирать у лучших людей детей и отдавать их в учение книжное» (X в.), а в 1037 г. князь Ярослав «заложил город большой и собрал книгописцев множество, которые переводили с греческого на славянский язык. И написали они много книг, по которым верующие люди учатся и наслаждаются учением божественным. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил, а мы пожинаем, получая учение книжное»[4]. Д. С. Лихачев считает, что в этой переводческой школе при храме Софии в Киеве работали те самые русские из детей «нарочитой чади» (лучших людей), которых Владимир приказал набирать для обучения. Научное исследование памятников древнерусской литературы открывает все большее количество переводов, которые были сделаны в XI в. с греческого и при этом – восточнославянскими переводчиками. Церковнославянский язык становится также языком переводной деловой и юридической письменности – языком Закона судного людем, Мерила праведного, Устава Студийского, договоров русских князей с греками, сохранившихся в тексте летописи. Таким образом, церковнославянский язык обладал таким важным свойством литературного языка, как многофункциональность, способность обслуживать все основные потребности культурной и общественной жизни восточных славян.

Церковнославянский язык обладал и таким свойством литературного языка, как стилистическая дифференциация: в текстах разных жанров, в произведениях сакрального и мирского содержания он выступал в разных своих вариантах – более и менее строгом. А. М. Селищев писал о том, что элементы русского (древнерусского) языка при переписывании и создании новых произведений проникали в той или иной мере в язык рукописей, выполнявшихся русскими писцами. Влияние русского языка, родного языка писцов, не одинаково отражалось в русских произведениях: их проникновение в язык рукописей зависело от степени грамотности и начитанности писца, а также от того, была ли рукопись копией со

[4] Памятники литературы Древней Руси. М., 1980. С. 132, 166.

старославянского оригинала, или она представляла собой оригинальное произведение русского книжного человека: в списках со старославянских оригиналов элементы древнерусского языка отражались слабее, чем в оригинальных произведениях. Степень проникновения черт родного языка зависела и от содержания произведения: в церковно-богослужебных текстах, в торжественных словах, проповедях точность, правильность использования книжного, старославянского языка строго соблюдались русскими книжными людьми, в произведениях же, ближе стоявших к общественно-бытовой жизни, в летописях и в особенности в деловых документах более значительными были элементы бытовой русской речи[5].

Церковнославянский язык был нормированным и наддиалектным. Можно говорить о двух вариантах нормы церковнославянского языка, реализовавшихся в памятниках разных жанров, – строгой и сниженной нормах, первая из которых характеризуется последовательным отталкиванием от восточнославянских элементов, а вторая допускает достаточно широкое проникновение черт древнерусского (восточнославянского) языка, которые оказываются не случайными заимствованиями, лексическими, орфографическими или грамматическими окказионализмами, а существуют в языке в качестве допустимых вариантов, равноправных церковнославянизмам. Оба типа нормы характеризовались определенным «своим» набором признаков, обусловливались и поддерживались «своим» типом образцового текста (до появления первых грамматик церковнославянского языка во второй половине XVI в. единственным средством кодификации, диктующим и определяющим специфику нормы языка древних памятников, были образцовые тексты). Каждый тип нормы реализовался в памятниках определенных жанров. Так, церковнославянский язык строгой нормы использовался авторами богослужебной литературы, переводчиками памятников деловой и юридической письменности с греческого, создателями произведений ораторской прозы, авторами житий. В языке летописей, слов, повестей

[5] *Селищев А. М.* Старославянский язык: В 2 ч. Ч. 1. Введение. Фонетика. М., 1951. С. 82–83.

реализуется сниженная норма церковнославянского языка. Следовательно, мы можем говорить о стилистической дифференциации языка текстов в зависимости от жанра произведения.

Церковнославянский язык оставался литературным языком России до конца XVII в. Генрих Лудольф писал: «Для русских же знание славянского языка необходимо потому, что не только Св. Библия и остальные книги существуют только на славянском языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки или образования, не пользуясь славянским языком»[6]. В XVIII в. М. В. Ломоносов в своем трактате «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» писал о достоинствах «славенского» (церковнославянского) языка: «Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова, коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. <...> Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке...»[7]

В XVIII в. – в условиях формирования национального самосознания, на пороге нового времени – возникает необходимость в создании литературного языка, ориентированного в своих нормах на разговорную речь, необходимость замены церковнославянского языка в его вариантах кодифицированной разновидностью живого языка нации. С XVIII в. церковнославянский язык в России становится только языком христианского культа.

Таким образом, изучением древнерусских и старорусских текстов, истории русской литературы, истории русского литературного языка и проблемами становления современного литературного языка нельзя заниматься без знания старославянского языка.

§ 7. Кроме того, изучение этого предмета необходимо еще и потому, что мы можем извлечь из языка старославянских памятников сведения о структурных характеристиках других славян-

[6] Цит. по: *Ларин Б. А.* Грамматика Генриха Лудольфа. М.; Л., 1937.
[7] *Ломоносов М. В.* Соч. М., 1987. С. 248.

ских языков в более ранний период, чем тот, от которого сохранились письменные источники: переписывая старославянские тексты, писцы неосознанно вносили черты живого языка, носителями которого они являлись, – русского, болгарского, сербского, поэтому знание старославянского языка поможет при лингвистическом изучении церковнославянской письменности получить сведения о языке писцов.

Древнеславянское языковое влияние отражается и в современном русском литературном языке – в особенностях его литературного синтаксиса, фонетики, морфологии, словообразования.

Старославянский язык в системе славянских языков

§ 8. Славянские языки – это группа родственных языков индоевропейской семьи, распространенных на территории Европы и Азии: от Эльбы на западе до берегов Тихого океана на востоке. Общее число говорящих на славянских языках в настоящее время около 300 млн. человек. Славянские языки по степени близости их структур делятся на три группы:

1) восточнославянские языки: русский, украинский, белорусский;

2) западнославянские языки: польский и сохраняющий в определенной степени генетическую самостоятельность и близкий польскому кашубский; чешский, словацкий и серболужицкий (язык национального славянского меньшинства Федеративной республики Германии; основные диалекты серболужицкого языка – верхне- и нижнелужицкий – часто рассматривают как самостоятельные близкородственные языки); кроме того, к западным языкам относится исчезнувший в XVIII в. язык славянских племен, живших в Германии в нижнем течении Эльбы (славянское название Эльбы – Лаба), – полабский язык;

3) южнославянские языки: болгарский, сербский, хорватский, словенский, македонский; к группе южнославянских языков по своей структуре относится и старославянский язык.

Славянские языки содержат довольно значительный набор тождественных и, что особенно важно, соотносительных языковых особенностей, число которых настолько велико, что можно гово-

рить о близком родстве славянских языков. Родство славянских языков обусловлено их происхождением из единого источника, который условно можно назвать праславянским языком.

Праславянский язык – это гипотетически реконструируемый язык, сложившийся задолго до начала нашей эры, являющийся предшественником и источником славянских языков (как живых, так и «мертвых», как литературных языков, так и их диалектов), к которому они все восходят генетически. Праславянский язык, вероятно, никогда не был монолитной системой, исключающей диалектное деление. Древние славянские племена были многочисленны, постоянно меняли место своего жительства, имели соседями разные народы, взаимовлияли друг на друга. Обособившиеся племена развивали новые языковые особенности. Все это не могло не отражаться на праславянском языке в целом. Таким образом, праславянский язык состоял из близкородственных диалектов или диалектных зон. Однако ввиду того, что состав и отношения между ними менялись, с определенной достоверностью можно говорить о характеристиках этих диалектных зон только для праславянского языка позднего периода. Процесс распадения праславянского языка и становления восточно-, южно- и западнославянских диалектных групп был длительным и сложным и происходил в середине и второй половине первого тысячелетия новой эры.

Праславянский язык сформировался на основе одного из индоевропейских диалектов – протославянского. Время возникновения протославянского языка должно быть отнесено к той эпохе, когда в индоевропейском языке наметилась существенная диалектная дифференциация и появились зоны, в которых общеиндоевропейские языковые процессы, тенденции имели разные результаты. Элементы структуры протославянского языка восстанавливаются с помощью сравнительно-исторического метода на основе анализа древних и современных живых и мертвых языков. Таким образом, в протославянском языке при сохранении общеиндоевропейской языковой системы уже появились *специфические* результаты индоевропейских фонетических процессов,

хотя собственно славянские закономерности еще не сформировались. Так в складывающейся общеславянской диалектной зоне возникали специфически славянские результаты действия общеиндоевропейских законов. При этом в соответствующих диалектных зонах индоевропейского языка реализации общих законов различны, но соотносительны. История собственно праславянского языка начинается тогда, когда появляются специфически славянские системно-языковые инновации, не имеющие параллелей в других индоевропейских языках.

Происхождение старославянского языка. Деятельность славянских Первоучителей

§ 9. Возникновение старославянского языка и старославянской письменности связано со становлением славянской государственности, требовавшей письменности на славянском языке для выполнения многообразных и сложных общественных функций как внутри страны, так и во взаимоотношениях с другими государствами, для создания корпуса юридических документов, необходимых для решения внутригосударственных задач, для определения отношений личности и государства, а также для взаимоотношений с другими странами. В связи с возникновением и распространением христианства в славянских государствах стали необходимы тексты с изложением норм «христианского порядка» на понятном для славян языке. Так возник стимул для возникновения славянской письменности.

Кроме того, появление славянской письменности в IX в. было связано с историческими условиями жизни славян, стремившихся противостоять германским феодалам, опираясь на которых римское духовенство распространяло христианство среди соседних народов буквально огнем и мечом. Объективно римская церковь стремилась затормозить развитие национальной культуры, языка и письменности, признавая только три языка достойными текстов Священного писания – древнееврейский, греческий и латинский. В соответствии с этим в западно-христианских церквах богослужение велось на непонятном для населения латин-

ском языке. Страны, принявшие христианство от Рима, сразу же наполнялись немецкими духовниками, которые захватывали огромные земли, за ними шли воинствующие немецкие князья, стремившиеся присоединить страну, в которую принесли христианство, к своим владениям.

В связи с этим, стремясь к ограничению деятельности латинско-немецкого духовенства, распространявшего христианство в западных славянских государствах, моравский князь Ростислав, стараясь сохранить культурную независимость страны, направил в конце 862 или в 863 г. посольство к византийскому императору Михаилу III с просьбой прислать в Моравию миссионеров, которые могли бы вести богослужение и читать проповеди на понятном для моравян языке – вместо латинского языка западной церкви. Согласно версии, изложенной в Житии Константина, послы заявили императору, что их народ отказался от язычества и держится христианского закона, но нет у него такого учителя, который мог бы их наставить в истинной христианской вере на их родном языке.

Моравское (Великоморавское) княжество (Великоморавская держава, Великоморавское государство) – раннефеодальное государство западных славян в IX – начале X в. В период своего расцвета оно охватывало территорию Моравии, Словакии, Чехии, Лужиц, Паннонии и, по-видимому, часть Польши.

Обращение Ростислава к византийскому императору было вполне понятным. Оно объяснялось гибкой, искусной политикой византийских императоров: они не препятствовали мирному расселению славянских племен на территории империи, охотно включали смелых в бою славянских воинов в свои войска и допускали славянскую знать к участию в государственном управлении. Главным средством византийского влияния на славян было не оружие, а распространение среди них христианской религии. Византийское духовенство не взимало с населения обязательного «десятинного» сбора, не препятствовало, а способствовало созданию у обращенных им в христианство народов своей письменности, развитию на этой основе народной культуры, переводу на

местные языки богослужебных книг и даже отправлению на этих языках церковных служб вместо греческого. Кроме того, Ростислав, направляя посольство в Византию, руководствовался и политическими соображениями – ему нужен был союз с Византией для предотвращения сближения Болгарии с Людовиком Немецким и для борьбы с усилившимся немецким влиянием в Моравии. С другой стороны, просьба Ростислава о присылке миссионеров соответствовала интересам Византии, давно стремившейся распространить свое влияние на западных славян. Поэтому император Михаил и патриарх Фотий с удовлетворением приняли просьбу Ростислава и направили в Моравию ученого Константина Философа и его брата Мефодия.

Константин и Мефодий были избраны не случайно. Братья были родом из города Солуни (ныне – Салоники), жители которого, как правило, владели и греческим языком, и тем болгарско-македонским диалектом, на котором говорила часть населения города и его окрестностей. Житие Мефодия свидетельствует о том, что император сказал братьям, объясняя обоснованность своего выбора: «**въι бо ѥста селоунѧнина да селоунѧне вьси чисто словѣньскꙑ бесѣдоують**» («Ведь вы оба солуняне, а солуняне все хорошо говорят по-славянски»).

Однако основной причиной, вероятно, было то, что Константин Философ очень рано проявил себя как последовательный защитник восточного христианства. Совсем молодым он стал победителем на ожесточенном диспуте между партией почитателей икон (византийское духовенство и монашество) и партией иконоборцев, выступавших против монастырских имений, владений и считавших поклонение иконам идолопоклонством. В этом диспуте Константин Философ одержал блестящую победу над опытным вождем иконоборцев константинопольским патриархом Иоанном VII Грамматиком, что принесло ему широкую известность в столице. Именно с этого времени император Михаил и патриарх Фотий начинают почти непрерывно направлять Константина как посланника Византии к соседним народам для убеждения их в превосходстве византийского христианства над всеми иными религиями.

В начале 850-х гг. он в Болгарии на реке Брегальнице обращает в христианство большое количество болгар, затем отправляется в Малую Азию к сарацинам, где одерживает победу в богословских спорах с сарацинскими учеными. На рубеже 860-х Константин едет к хазарам, держава которых образовалась в низовьях Волги в VII в. Византия нередко пользовалась религиозными миссиями в политических целях. Вероятно, хазарская миссия находилась в какой-то связи с походами древних русичей на Константинополь в 860 г. В хазарской миссии обнаружились разносторонние способности Константина. По пути к хазарам, в Херсонесе (административном центре греческой колонии в Крыму), он нашел Евангелие и Псалтирь, писаные «роусьскъıми писменъı» (в ранних списках Жития Константина есть также варианты «роуш'ким писменем(ъ)», «роусъскъı писменъ», в первоначальном Житии – «соурьскъıми писменъı»[8]; предполагается – русскими буквами), и человека, умеющего разбирать такие «письмена», и быстро научился читать эти книги, что свидетельствует о том, что они были написаны на языке, известном Константину. Там же он научился читать самарянские книги «бес порока». Свое знание древнееврейской, в частности самарянской, письменности Константин обнаружил вскоре после возвращения от хазар: он прочитал в Константинополе загадочную самарянскую надпись на одной древней чаше. Вскоре после возвращения его из путешествия к хазарам в Византию прибывают моравские послы.

§ 10. О жизни и деятельности Константина Философа и Мефодия известно из ряда старославянских, церковнославянских, греческих и латинских источников. Основными источниками о начальном периоде жизни Константина и Мефодия и раннем периоде деятельности являются списки славянских житий, написанные людьми, хорошо знавшими братьев, бывшими свидетелями их деятельности. Правда, древнейший список Жития Мефодия датируется XII в., а Константина – XV, однако, судя по тексту житий, они были составлены их учениками в конце IX –

[8] Цит. по кн.: *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1986.

начале X в., вскоре после их смерти, но до изгнания их учеников из Моравии (886 г.) или, во всяком случае, до завоевания Моравии немцами (905 г.), поскольку в них ничего не говорится о событиях, последовавших после смерти Мефодия, и в то же время сообщается о величии Моравского государства. Известно пятнадцать списков Жития Мефодия, самый старый из которых (XII в.) находится в составе Успенского сборника, памятника древнерусской книжности. Житие Константина известно в 48 списках XV–XVIII вв., наиболее ранний из которых – южнославянский список XV в. По мнению большинства исследователей, оригинал Жития Константина был создан раньше, чем Житие Мефодия.

Важным источником сведений о характере и значении деятельности солунских братьев является сочинение болгарского писателя X в. черноризца (монаха) Храбра «**О письменѣхъ**», рассказывающее о письменности, которой пользовались славяне до создания братьями славянской азбуки: «**чрътами и рѣзами чьтѣахѫ и гатаахѫ погани сѫще**» (вероятно, они использовали черточки и надрезы, зарубки на палочке или куске дерева), а потом начали записывать славянскую речь «римскими и греческими письменами без устроения» (судя по всему, без приспособления латинского и греческого алфавитов к специфике славянской фонетической системы). Храбр сам показывает, насколько несовершенным было использование чужих азбук для записи славянских текстов: ибо как сказать **боукꙑ** (б), **живѣте** (ж), **црькӧвь** (ц), **чаание** (ч), **широта** (ш) и т. д., если нет таких букв ни в греческом, ни в латинском. И черноризец Храбр замечает, что совершенная славянская азбука из 38 букв была создана в середине IX в. Константином Философом, называемым Кириллом: «**сътвори имъ •л• писмена и осмь, ѡва оубо по чиноу грьчьскꙑхъ писменъ, ѡва же по словѣн'стѣеи рѣчи**».

Важными являются письменные источники на латинском языке, среди которых есть документы, созданные при жизни братьев. Это прежде всего буллы (послания) Римских пап Адриана II и Стефана V, письма папского библиотекаря и секретаря по делам Востока Анастасия, который лично знал Константина и восхищался

его ученостью и личностными качествами. Интересной является так называемая «Итальянская легенда», составленная в IX в. епископом Веллетрийским Гаудерихом, о житии и перенесении мощей св. Климента, найденных Константином в Херсонесе, в Рим.

На греческом языке написаны Жития Климента и Наума Охридских, учеников Константина и Мефодия, составленные в первой половине X в. и содержащие сведения о деятельности братьев.

Все названные и некоторые другие материалы, взятые вместе, дают возможность составить более или менее определенное представление о личности составителей старославянской азбуки, об обстоятельствах, связанных с возникновением и начальным этапом развития славянской письменности, о жизни и деятельности Константина и Мефодия.

§ 11. В Моравию Константин и Мефодий отправились не ранее 864 г., и известно, что еще до отъезда в Моравию Константин составил азбуку для славянского языка и приступил к переводам греческих богослужебных книг на славянский язык. По сообщению Жития, он «**сложи писмена и нача бесѣдоу писати еуагген'скоу**», а затем «**поути сѧ ѩтъ моравьскааго**». Это важное указание, которое означает, что Константин занялся созданием славянской азбуки не только в связи с моравской миссией: за такой короткий срок, который был у него от момента приезда послов до отъезда в Моравию, вряд ли можно было составить азбуку, хорошо приспособленную к специфике славянской фонетической системы, какой является азбука Константина. Значительной подготовительной работы требовал и сам перевод: необходимо было приспособление народно-разговорного языка одного из славянских диалектов к новым функциям, к новым задачам – к передаче книжного языка литургических текстов. Ввиду этого можно предположить, что проблема славянской письменности для славян Византии и соседней Болгарии давно занимала Константина и, вероятнее всего, вызвала некоторую подготовительную работу. Моравская миссия побудила Константина продолжить работу по переводу богослужебных книг и – объективно – по формированию книжного языка славянских народов.

Константин (826–869) и его старший брат Мефодий (приблизительно 820–885) родились и провели детство в шумном македонском портовом городе Солуни. От названия города идет традиция называть их солунскими братьями. Национальность братьев в имеющихся документах не указывается. Отец их был крупным солунским военачальником – друнгарием под стратигом (стратиг же по византийской иерархии – воинский чин высшего ранга). Константин получил по тому времени блестящее образование: в четырнадцать лет он приглашается ко двору малолетнего тогда императора Михаила, поскольку был к этому времени известен своим умом и прилежанием. Там одним из его учителей становится знаменитый Фотий, который дважды занимал престол византийского патриарха и превосходил по уму и образованию едва ли не всех своих современников. Он был составителем и автором многих литературных произведений, в том числе Номоканона, сборника наставлений Соборов, определяющих нормы внутрицерковной жизни. Фотий разглядел исключительные способности Константина, и позже библиотекарь Анастасий в одном из своих писем называл Константина «крепчайшим другом Фотия». Как человек больших знаний, он был назначен хартофилаксом (библиотекарем) патриаршей библиотеки, но, вероятно, даже эта работа мешала его ученым занятиям: он покинул патриаршую библиотеку и на полгода скрылся в каком-то уединенном монастыре на «узком море» (вероятно, в районе Босфора). По возвращении Константин становится преподавателем философии и получает возможность «оучити философии своѧ земцѧ и страниꙑѧ». Затем начинается его миссионерская деятельность.

Характер и жизнь Мефодия во многом были сходны, а во многом отличны от характера и жизни его младшего брата. Оба они жили духовной жизнью, стремясь к воплощению своих убеждений и идей, не придавая значения ни богатству, ни карьере, ни славе. Они никогда не имели постоянного пристанища, жили скитаясь и умерли на чужбине. Младший был талантливым ученым, тонким филологом и в историю вошел как Константин Философ, старший был способным организатором и практическим

деятелем. Но до нас не дошло ни одно из их произведений, хотя создали и перевели они немало, при этом до сих пор исследователи спорят даже о том, какую именно азбуку создал Константин Философ – кириллицу или глаголицу. Ни о каких подробностях первых лет жизни Мефодия Жития не сообщают: вероятно, в его жизни не было ничего замечательного до тех пор, пока его деятельность не пересеклась с деятельностью младшего брата. Известно, что Мефодий поступил на военную службу, около десяти лет был управителем славянской области, подвластной Византии, затем он удалился в монастырь, где «усердно прилежал книгам». На рубеже 860-х гг. он то ли крестил, то ли подготовил к крещению болгарского царя Бориса. Вероятно, именно за заслуги в Болгарии ему был предложен высокий сан архиепископа, от которого Мефодий отказался, выбрав более спокойную и тихую должность настоятеля небольшого монастыря Полихрон на азиатском берегу Мраморного моря.

В Моравии Константин и Мефодий проработали более трех лет (сорок месяцев). Эти годы прошли в подготовке славянских книжных людей и в изготовлении необходимых славянских переводов с греческого. Константин быстро перевел «весь церковный чин» – и обучал учеников **оутрьници, часомъ, вечерьни, павечерьници и таинѣи слоужьбѣ**. Эти пять названий действительно и составляют «весь церковный чин» – утреня, часы, вечерня, повечерие и литургия. Затем братья направились в Рим. Их деятельность встретила нескрываемую вражду и резкое сопротивление со стороны латинско-немецкого духовенства, крестившего мораван и насаждавшего латинский язык в богослужении. Помимо этого, их деятельность в Моравии в принципе была вмешательством в сферу влияния римской церкви. Отправляясь в Рим, Константин и Мефодий собирались посвятить в священники своих учеников и получить поддержку папы. По дороге в Рим они остановились в Паннонии у князя Коцела, где обучили пятьдесят учеников славянской письменности. Затем братья отправились в Венецию, где у них были острые споры с «треязычниками», полагавшими, что богослужение должно осуществляться только на

трех языках – на еврейском, греческом и латинском. Идеологической основой теории треязычников была легенда о том, что надпись на кресте, на котором был распят Иисус Христос («Иисус Назарянин цесарь иудейский»), была сделана только на этих языках. «Треязычники» были посрамлены греческим философом.

В Риме папа Адриан II торжественно принял Константина и Мефодия, посвятил в священники их учеников, признал законность славянской литургии. Большую роль при этом сыграли мощи св. Климента, обретенные Константином в Херсонесе и привезенные в Рим. Адриан II велел проводить в ряде римских церквей в течение нескольких дней богослужение на славянском языке, в одной из римских церквей он совершил торжественную литургию над богослужебными книгами на славянском языке, составил послание к князьям Ростиславу и Коцелу, в котором подтвердил разрешение совершать литургию и пользоваться богослужебными книгами на славянском языке. Кроме того, Адриан, желая поддержки славян и принимая во внимание большой авторитет братьев в славянских княжествах, установил славянскую епископию в Паннонии и Моравии. В Риме братья провели около двух лет. Константин из Рима не вернулся: он умер там 14 февраля 869 г. в возрасте 42-х лет, приняв схиму и монашеское имя Кирилл (под которым он и был канонизирован) и завещав себя похоронить в церкви св. Климента. Мефодий вернулся в славянские земли – сначала в Паннонию, затем в Моравию. Он был назначен епископом во вновь установленной там папой славянской епископии. Однако в Моравии в это время усилилось немецкое влияние, и Мефодий был заключен в Баварии в тюрьму, где просидел более двух лет. Последние годы жизни Мефодия были заняты переводами: он перевел всю Библию (кроме книги Маккавеев), Номоканон и Патерик.

§ 12. После смерти Мефодия ученики братьев были изгнаны из Моравии, переводы Константина и Мефодия, а также их учеников подверглись сожжению, а славянский язык в богослужении стал решительно искореняться. Изгнанники отправились на юго-запад – к хорватам и на юго-восток – в Болгарию. В западной

болгарской области – Македонии, где работал выдающийся ученик Мефодия Климент Охридский, возник крупный культурный центр, в котором было изготовлено много славянских рукописей. При этом в памятниках Охридской школы была сохранена орфографическая и грамматическая традиция в том виде, в котором она установилась в кирилло-мефодиевских оригиналах. Большинство *глаголических* рукописей XI в. принадлежит именно Охридской школе. Во время правления болгарского князя Симеона (893–927) центром славянской книжной культуры на востоке Болгарии становится государственный административный центр Преслав. Выдающимися писателями преславского круга деятелей культуры были Иоанн экзарх и черноризец Храбр. Между двумя этими центрами существовала и личная связь, и обмен рукописями, они пользовались одним и тем же языком, однако в восточноболгарских рукописях были более значительные отступления от языковых норм, заданных языком кирилло-мефодиевских переводов, были отличия и в графической системе, используемой книжниками восточной Болгарии: в преславской школе создано большинство *кириллических* рукописей XI в. В Охриде и Преславе было создано много переводов, оригинальных произведений, списки с которых распространились позже среди славянства.

Но в Моравии и Паннонии славянская письменность прекратилась не совсем: известны пусть и немногочисленные славянские памятники, написанные здесь глаголицей в X и даже в XI в. (Киевские листки, Пражские отрывки и др.). Кроме того, папские буллы 890 и 915 гг. предают анафеме богослужебные книги на славянском языке и запрещают славянское богослужение. Следовательно, оно продолжало существовать, несмотря на жестокие преследования. Предполагают, что кирилло-мефодиевскую традицию среди западных славян продолжали Горазд (преемник Мефодия в руководстве моравской церковью) и любимый ученик Мефодия Лаврентий. Следы их после смерти Мефодия и изгнания из Моравии учеников братьев загадочно исчезают, при этом славянское богослужение в Моравии, несмотря на запреты, продолжается.

Дополнительная литература:

- *Бернштейн С. Б.* Константин-Философ и Мефодий: Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984.
- *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. 1. М., 1961.
- *Истрин Е. М.* 1100 лет русской азбуки. М., 1963.
- *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды Славянской комиссии. Т. 1. М.; Л., 1930.
- *Хабургаев Г. А.* Первые столетия письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. М., 1994.
- *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1974; 2-е изд., перераб. и доп.: М., 1986.

Вопрос о диалектной основе старославянского языка

§ 13. Осуществляя свои первые переводы греческих богослужебных книг на славянский, Константин и Мефодий, несомненно, ориентировались на известный им живой славянский диалект. Таким мог быть только язык солунских славян, среди которых братья провели свое детство и которым, если опереться на данные Житий, они владели, как и все жители двуязычного города. Необходимо учесть и то обстоятельство, что в Моравию Константин и Мефодий отправились, вероятно, после создания славянского алфавита и с частично начатыми, частично готовыми переводами. Следует учитывать и то обстоятельство, что административная деятельность Мефодия проходила некоторое время среди славян, говоривших на языке, близком языку славян солунских, где-то на юго-востоке Балканского полуострова. Фонетические особенности языка кирилло-мефодиевских переводов свидетельствуют о болгаро-македонской диалектной основе старославянского языка.

Праславянский язык позднего периода знал по диалектным зонам разные рефлексы сочетаний *tj, *dj, а также *kt, *gt перед *ĭ: в диалектах болгаро-македонских и в памятниках старославянского языка мы находим соответственно – [s͡'t'], [z͡'d'] (*svētjā – свѣща, *mĕdjā – межда, *nŏktĭs – нощь, *mŏgtei̯ – мощь), тогда как у словенцев (север современной Словении составлял южную

часть старой Паннонии) мы находим другие рефлексы: méja, svéča. Восточнославянские диалекты на месте соответствующих сочетаний знали [č'] и [ž'] (**свѣча, межа, нощь, мочь**), западнославянские – [d͡z], [c] (польск. świeca, miedza). Киевские листки, написанные в X в. в области Моравии, указывают именно на эту фонетическую черту: **дазь, обѣцати**. Таким образом, только в памятниках старославянского языка и в болгаро-македонских диалектах рефлексами *tj, *dj, *ktĭ, *gtĭ являются [s͡'t'], [z͡'d'].

В глаголических памятниках была одна буква ⰰ для обозначения звуков [ě] и ['a]. Это означало, что в обоих случаях славянский книжник, создававший тексты, слышал один звук или звук, близкий к ['a], то есть в диалекте, который лег в основу старославянского языка и которым владели братья, различия между этими звуками были минимальными, а следовательно, [ě] произносился как гласный, близкий [a] после мягкого согласного, – как звук переднего ряда нижнего подъема; в других славянских диалектах (моравском и словенском, например) **ѣ** произносился как [и] или [е], что находит отражение и в древних памятниках, и в современных славянских языках.

Лексика старославянского языка свидетельствует о том, что для диалекта, легшего в основу первого книжного языка славянства, характерно было соседство с народом, пользующимся греческим языком. Связи с греческим населением и обусловили появление в языке соседей славян греческих слов, при этом фонетический облик некоторых из них показывает, что источником их был не литературный греческий, а живой язык народной греческой среды. Так, в славянской среде употреблялись слова **сѫбота, левьг'итъ** и под., звуковой вид которых свидетельствует о том, что они пришли не из литературного греческого языка: **сѫбота** – в значении «неделя, суббота» – соответствует не литературному σάββατον, а народно-греческому σάμβατον, поскольку только сочетание непереднего гласного с носовым согласным в позиции между двумя согласными могло дать носовой звук, нашедший отражение в памятниках старославянского языка. На греческую народную основу указывают и слова с **г'**: старославянским **пара**-

скєвьг'ни и лєвьг'итъ соответствуют народно-разговорные παρασκευγή и λευγίτης при литературных παρασκευή и λευίτης и под. И другие черты старославянского словаря свидетельствуют о том, что славянский алфавит и сложившийся в процессе осуществления славянских переводов первый письменный язык славян возникли в той среде, в которой использование греческих слов без перевода не представляло трудностей для понимания текста. Такая ситуация сложилась на юго-востоке Балканского полуострова, в частности в самом городе Солуни и его окрестностях.

§ 14. Вопрос о родине старославянского языка был поставлен в славянской филологии очень рано. Крупнейший чешский ученый Йозеф Добровский (1753–1829) определял старославянский язык как болгаро-сербо-македонский (сербами он называл всех славян, живших к югу от Дуная). Он считал, что поскольку Константин и Мефодий были уроженцами Солуни, то и язык их переводов был, по всей вероятности, языком солунских славян. Город же находился на территории распространения македонских говоров болгарского языка. Близкой точки зрения придерживался замечательный русский славист А. Х. Востоков (1781–1864), считавший старославянский язык в основе своей древнеболгарским. Однако эта точка зрения не получила в начале XIX в. признания.

В течение весьма продолжительного времени в языкознании была очень популярной так называемая *паннонская теория*. Суть ее состояла в том, что в основу старославянского языка лег диалект жителей Паннонии, где некоторое время протекала деятельность Константина и Мефодия. Паннония же в это время, по мнению создателей теории, была населена предками современных словенцев. Таким образом, паннонская теория была по своему содержанию обоснованием словенской народно-языковой основы старославянского языка. Создателями этой теории были авторитетные ученые своего времени словенцы В. Копитар (1780–1844), Ф. Миклошич (1813–1891) и словак П. Й. Шафарик (1795–1861).

Паннонская теория была изложена В. Копитаром в 1836 г. в предисловии к изданию глаголического памятника, который в науке стал называться Сборником Клоца. Его основными аргумен-

тами были следующие: Константин и Мефодий некоторое время работали в Паннонии, княжество Коцела входило в сферу влияния братьев, следовательно, они должны были создать старославянский язык на словенской диалектной основе. Кроме того, он отметил наличие в языке старославянских памятников латинских и немецких по происхождению слов (**олтарь, цѣсарь, оцьтъ, постъ, попъ**), которые могли появиться только на территории распространения римского и немецкого влияния – в Паннонии, а не в Болгарии.

Большую роль в утверждении паннонской теории сыграл Ф. Миклошич, крупнейший славист, создавший фундаментальную сравнительную грамматику славянских языков. Он развил идеи В. Копитара, углубив их своими аргументами. Он отметил, что в старославянском языке в сильной позиции редуцированные **ъ** и **ь** вокализовались соответственно в [о] и [е], тогда как в болгарском языке **ъ** и **ь** совпали в одном звуке [ъ]; фонетическая система старославянского языка знает носовые гласные **ѧ** [ę] и **ѫ** [ǫ], тогда как в болгарском языке носовых гласных нет; фонетическая система старославянского языка знает сложные согласные [$\widehat{\check{s}'t'}$] и [$\widehat{\check{z}'d'}$], тогда как в македонских диалектах им соответствуют [g'], [d'], [k'], [č']. Правда, он не нашел всех названных явлений и в диалектах словенского языка, однако следы их есть в славянских заимствованиях в венгерском языке (galamb – **голѫбь**, rend – **рѧдъ**, pentek – **пѧтъкъ**, pe$\widehat{\check{s}'t'}$ – **пешть** и др.), а ближайшими соседями венгров являются словенцы.

П. Й. Шафарик к этим аргументам добавил свои: в старославянском языке есть ряд слов, которые мы находим только в словенском, хорватском и чешском: **ресннота** («истина, правда»), **балии** («врач»), **отокъ** («остров»), **крижь** («крест»), **година** («час»), **локва** («дождь») и др. Кроме того, он отметил также, что в словенском, хорватском и чешском языках до сих пор преобладают прилагательные с суффиксом **-ьск-** (**небесьскъ, земьскъ**), характерные для языка памятников старославянского языка.

Однако аргументация сторонников паннонской теории оказывалась неполной, поскольку все их соображения не давали ответа на главный вопрос – как могло получиться так, что Константин и Мефодий, будучи уроженцами Солуни, расположенной на терри-

тории распространения болгаро-македонских диалектов, отправляясь миссионерами в Моравию, где провели более трех лет, богослужебные книги перевели на язык жителей Паннонии, где обитали предки современных словенцев. Разумно было бы предположить, что народно-диалектной основой старославянского языка был либо язык солунских славян, либо язык мораван, но никак не язык обитателей Паннонии.

Однако по мере изучения болгарского языка и его истории, по мере обретения, изучения, описания и издания памятников старославянского и церковнославянского языков разных местных изводов паннонская теория теряла под собой твердую почву. Основной удар нанес по ней словенский ученый Ватрослав Облак (1864–1896). После появления в 1896 г. его исследования о македонских говорах в районе Солуни несостоятельность паннонской теории стала очевидной: В. Облак нашел в этих говорах все те особенности, которые характерны для фонетической системы старославянского языка: переход сильных ъ и ь соответственно в [о] и [е] (тогда как в словенском они по диалектам совпадают с [а] или [е]), произношение [шт] и [жд] в соответствии со старославянскими щ и жд, сохранение носовой артикуляции или слоговых носовых в соответствии со старославянскими носовыми и произношение ѣ как гласного переднего ряда нижнего подъема. Что же касается немецкой и латинской лексики, то следует учитывать, что мораване по крайней мере за сорок лет до Константина и Мефодия получили христианство от Рима, поэтому солунские братья нашли в Моравии население, привыкшее к определенной церковной терминологии. Эта терминология естественно вошла в старославянский язык, в язык произведений, обслуживающих христианский культ. Кроме того, нельзя не учитывать факта взаимодействия Византии и Запада, в результате чего ряд слов полноправно использовался и в греческих, и в латинских текстах: missa – мисса, paganus – паганость, altare – алтарь и под. Таким же естественным и понятным было проникновение в старославянский язык местных слов.

Однако, как уже отмечалось выше, неверно было бы утверждать, что старославянский язык – это письменно зафиксированный солунский диалект. В языке первых славянских переводов были элементы, которых не было в языке ни городского, ни сельского славянского населения в районе Солуни, в нем было представлено многое, не существовавшее в обиходном языке: славянские слова, созданные по греческой модели (кальки), греческие слова, вошедшие в текст без перевода, палатализованные к', г', χ', губно-зубной ф и др. Старославянский язык по самому замыслу – это литературно обработанный язык, язык славянских переводов с высокоразвитого греческого, насчитывающего тысячелетие литературного развития. Он, по словам М. В. Ломоносова, впитал в себя «греческое изобилие». Таким образом, уже в ранний период своего существования старославянский язык был филологически обработанным «по образу и подобию» (Н. И. Толстой) греческого языка, но без «слепого подражания» и не в ущерб его общей структуре.

Об искусстве кирилло-мефодиевских переводов

§ 15. Все исследователи языка старославянских памятников отмечают исключительную культуру переводческой деятельности Константина и Мефодия. Старославянские рукописи свидетельствуют о тонком языковом чутье первых славянских переводчиков, об их глубоком знании элементов греческого и славянского языков. Какой была техника перевода? Перевод может быть пофразовым. При таком переводе в качестве высшего критерия оценки качества перевода выступают нормы того языка, на который осуществляется перевод. Внимание к языковой норме, речевому узусу может привести к полной перестройке всей исходной фразы.

Между тем любой исследователь славянских евангельских текстов знает, что пофразовый принцип перевода в этом случае не годится и что элементом перевода здесь является слово. По справедливому замечанию А. Достала, на греческий текст Евангелия можно смотреть как на параллельный, считая слова греческого текста лексическими соответствиями старославянских слов. По-

сколько элементом перевода является слово, сам принцип перевода можно назвать пословным.

Пословный принцип перевода в Средние века не только практиковался интуитивно, но и обосновывался с богословских позиций. Исключительная важность адекватных переводов богослужебных книг видна на многочисленных исторических примерах, полемика по этим вопросам регулярно влекла за собой обвинения в ереси. Характерно при этом, что адекватность перевода лучше всего обосновывается именно при использовании принципа пословного перевода: в этом случае каждое греческое (латинское) слово (форма) соответствует определенному слову (форме) в тексте перевода. Первым переводчиком, сознательно отказавшимся от пословного принципа перевода, был Лютер, который постоянно ссылался на нормы переводящего языка (в его случае – немецкого) и ставил их превыше всего: «Нет нужды спрашивать латинские буквы, как должно говорить по-немецки, об этом надо спрашивать мать в доме, детей на улицах, простого человека на рынке...» Однако это уже эпоха Реформации, в Средние же века пословный перевод Священных книг был не просто распространенным, но и единственным. Естественно, он ограничивал возможности переводчиков ориентацией на нормы иной языковой структуры. Мастерство Константина и Мефодия сказалось в том, что, используя пословный принцип перевода, они, учитывая специфику контекста и лексические и грамматические особенности и возможности славянского языка, создали тексты, почитающиеся образцовыми.

Правильный учет контекста при переводе многозначных греческих слов неоднократно отмечался исследователями деятельности Константина и Мефодия и по справедливости оценивался очень высоко. Так, существительное πηγή обычно переводится как **стѫденьць** или **кладезь**, но в беседе Иисуса с самаритянкой, где говорится о воде живой, используется слово **источьникъ**; слово κλίνη переводится как **одръ**, если речь идет о носилках, и **ложе**, если говорится о постоянном месте ночлега; в соответствии со словом πεντέρα, которое в греческом языке использова-

лось в следующих значениях: «свекровь», «теща», «мальчик лет 10–14», «девочка того же возраста», в старославянский язык вошли слова свекры, тьща, отроча, отроковица. Иногда в зависимости от контекста одно греческое слово передается разными славянскими, даже если оно немногозначно: так, слово ἡγεμών заимствуется в виде игемонъ (правитель), но может переводиться в тех же памятниках и как воевода, владыка и т. д. Обращая внимание на тонкое знание славянского языка, некоторые исследователи высказывали предположение о славянском происхождении Первоучителей.

В итоге переводческой деятельности Константина и Мефодия и их учеников был создан корпус текстов на славянском языке, дававших представление о главных нормах христианского мира, полностью обеспечивших потребности христианского культа, способных наиболее эффективно служить просвещению славян. Кроме того, они, работая над этими переводами, создали литературный язык, способный на столь же высоком уровне, как греческий и латинский, обслуживать по существу все сферы общественной жизни славянства. Следует отметить, что переводы этих книг принесли в книжно-письменный мир славян литературные произведения разных жанров: послания, своеобразный вид исторической хроники (Деяния апостолов), гимнографические тексты (в составе служб), произведения древней религиозной поэзии (Псалтирь), жития, сложные прозаические произведения, сочетающие в себе особенности ряда жанров. Переводы этих произведений означали не просто возникновение литературного языка средневековых славян, но его сложение уже сразу в тех зрелых, развитых формах, которые вырабатывались в греческом тексте оригиналов как результат многовекового литературного развития.

Дополнительная литература:

- *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972.

- *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.

Славянские азбуки и их происхождение

§ 16. Древнейшие памятники старославянской письменности, дошедшие до нас, представляют собой уникальное, вполне оригинальное явление в том отношении, что они писаны не одной, а двумя азбуками. Одна из них – кириллица, состоящая из букв, которые сегодня лежат в основе русского, украинского, белорусского, сербского и болгарского алфавитов.

Термин «кириллица», очевидно, имеет значение «азбука, изобретенная Кириллом», однако степень древности этого термина неизвестна, исследователи отмечают, что образцы азбуки ни в одном источнике кирилло-мефодиевского периода не приводятся, рукописи эпохи Константина и Мефодия до нас не дошли, а с X в. уже известны две азбуки.

Вторая азбука – глаголица. Она представляет собой иные, часто неясные, неоднозначно интерпретируемые по своему начертанию буквы. В современных славянских языках эта азбука не используется. Словенский ученый Райко Нахтигал отмечал, что термин «глаголица» возник на хорватской почве и что он не старше позднего Средневековья.

Вопрос об условиях появления в славянской письменности двух азбук, об их сравнительной древности и их составителях, равно как и вопрос об источниках каждой из них, особенно той, которая называется глаголицей, долгое время был в славистике столь же обсуждаемым и столь же спорным, как и вопрос о народно-диалектной основе старославянского языка.

§ 17. Дискуссия о временнóм и генетическом соотношении двух азбук началась еще в XVIII в., с большой горячностью продолжалась на протяжении всего XIX в. и имеет неоднозначное решение в современной науке. Во всяком случае уже в X в. глаголицей были написаны Киевские листки, а кириллицей – надпись на могильном камне, датируемая 993 г., сделанная по распо-

ряжению западноболгарского царя Самуила. Но хотя X в. фиксирует наличие двух азбук, ни одно историческое сочинение не говорит об этом: Житие Кирилла Первоучителя сообщает только о том, что им были изобретены славянские письмена. Черноризец Храбр в своем трактате указывает на время создания азбуки, говорит о числе букв, а также о преимуществах алфавита Кирилла для славян перед греческим и латинским, но никак не упоминает о второй азбуке и ее создателях. Не говорится нигде и о том, что Кирилл и Мефодий в Моравии или в Паннонии создали новую, вторую азбуку. При этом надо принять во внимание, что если бы это произошло, то само такое умолчание было бы в принципе невозможным: такое крупное событие, как изобретение новой азбуки и необходимость переучивать многочисленных учеников, привлекло бы внимание и получило бы отражение в письменных источниках.

Основатель славистики Й. Добровский считал глаголицу очень поздним явлением (приблизительно XIV в.) и относил возникновение ее к Хорватии. Он полагал, что кирилловское письмо как письмо, явно носившее следы византийского влияния, подвергалось гонениям со стороны Рима. Стремясь сохранить богослужебные книги на родном языке, славяне (хорваты) создали глаголицу. Такой взгляд на глаголицу господствовал до 1836 г. и вполне соответствовал научным данным того времени: глаголические рукописи древнее XIV в. и нехорватского происхождения не были известны. Поэтому ранним защитникам древности глаголицы приходилось оперировать в своей аргументации соображениями общего характера: они говорили о грубости глаголических начертаний, об их оригинальности, которая более соответствует древним свидетельствам о *новых* письменах, изобретенных Константином Философом. Что же касается кириллицы, то в ее начертаниях четко просматривается греческий источник, узнаются греческие буквы, поэтому назвать ее новой для современников было трудно.

В 1836 г. впервые была дана реальная основа для подтверждения мысли о древности глаголицы. Была открыта и издана глаголическая рукопись, известная в русской традиции как Сборник

Клоца. Этот памятник представлял глаголическое письмо более округлой формы, нежели хорватская глаголица. Язык же памятника свидетельствовал о том, что глаголица была известна болгарам и притом в очень древнюю эпоху. На основании показаний этого памятника его издатель В. Копитар предложил гипотезу о большей древности глаголицы по сравнению с кириллицей, считая глаголицу изобретением Константина. Для убедительности этого вывода в 1836 г. еще не хватало фактов. В утверждении концепции, согласно которой глаголица древнее кириллицы и является созданием Константина, большую роль сыграло собирание, издание и изучение старославянских и церковнославянских рукописей, писанных в разных славянских областях. Эти открытия подготовили новую точку зрения на проблему взаимного отношения глаголицы и кириллицы.

В 1840-е гг. русский славист В. И. Григорович вывез из своего путешествия на Афон и Балканский полуостров материалы, имевшие важное значение для понимания временно́го соотношения глаголицы и кириллицы. Им был открыт ряд глаголических памятников: Зографское евангелие, Мариинское евангелие, кириллический памятник XIII в. Боянский палимпсест, в котором кириллический текст был написан поверх смытого глаголического, Охридский апостол XII в., в котором отдельные фрагменты написаны глаголицей. Григорович нашел также греческое житие св. Климента, в котором сообщалось, что св. Климент изобрел новую – «более ясную» – азбуку.

В 1855 г. были открыты глаголические Пражские листки с чешскими чертами в языке, и этот памятник заставил П. Й. Шафарика пересмотреть свое отношение к временно́му соотношению глаголицы и кириллицы (первоначально он был согласен с концепцией Й. Добровского). В работе 1857 г. «О происхождении и родине глаголитизма» (издана в России в 1860 г.) Шафарик выступил с научно обоснованной гипотезой, которая затем была признана большинством славистов. В ней три основных положения: глаголица древнее кириллицы; глаголица – изобретение Константина; кириллица – изобретение Климента Охридского.

Доводы его таковы: в областях, где начиналась или куда рано проникла проповедь Первоучителей (Великоморавское государство, Паннония), была распространена не кириллица, а глаголица; язык древнейших глаголических памятников более архаичен, чем язык кириллических памятников; в большинстве палимпсестов более ранним, выскобленным текстом был текст глаголический; Киевские глаголические листки, единственный старославянский памятник, который, судя по палеографическим данным, старше XI в., создан в западных славянских областях (он представляет собой перевод богослужебной книги католического состава, а язык этой рукописи – старославянский язык моравского извода); у далматинских хорватов с XII в. зафиксирована только глаголица. А между тем в X в. на поместном соборе в Спалато славянская литургия уже осуждалась как зло, прочно укоренившееся в хорватских областях. Но в это время она могла проникнуть к хорватам только из Паннонии. Следовательно, в Паннонию братьями была принесена глаголица. Кроме того, Шафарик указывал на нелогичность, противоестественность замены простой и ясной кириллицы вычурной и сложной в написании глаголицей. Именно в силу вычурности и сложности букв глаголицы ее легче можно представить как результат индивидуального акта творчества, какой и была азбука, созданная Константином Философом в IX в.

Противники этой теории ссылались на название «кириллица», считая, что этим названием определяется ее происхождение: азбука, созданная Кириллом. Эту трудность Шафарик устранил указанием на возможность смешения потомством названий обеих славянских азбук. Ему удалось найти фактическое подтверждение этому допущению. В *кирилическом* списке Книги пророков, сделанном в 1499 г., повторена запись оригинала 1047 г. Запись эту сделал в 1047 поп Упирь Лихой. В ней указано, что рукопись списана «**ис коуриловицѣ**»: **слава тебѣ г҃и ц҃рю н҃бсный ꙗко съподоби мѧ напьсати кънигы сиꙗ ис коуриловицѣ**». Приписка свидетельствует о том, что эта кириллическая рукопись была списана с оригинала, написанного иным письмом, нежели рукопись Упиря Лихого, которое новгородцы называли кириллицей, в

самой же рукописи встречаются глаголические буквы и даже целые слова, доказывающие, что оригинал был написан глаголицей. Очевидно, в Новгороде в XI в. кириллицей называли глаголицу.

В. Н. Щепкин писал о концепции П. Й. Шафарика: «Гипотеза Шафарика оказалась одной из тех живучих гипотез, которые способны бесконечно совершенствоваться и черпать от времени новые силы... Гипотеза Шафарика до сих пор удовлетворительно истолковывает все вновь открываемые факты и вновь возникающие вопросы... Однако следует помнить, что по ограниченному и отрывочному характеру материала, на котором покоятся выводы Шафарика, они принципиально могут быть названы только гипотезой. Мы уверены только в том, что дошедший материал не допускает иного, более вероятного вывода, но не можем утверждать, что этот материал достаточен для полного обнаружения истины»[9]. Исследования конца XIX–XX вв. (работы С. М. Кульбакина, Р. Нахтигала, А. Вайана, Б. Велчева, В. Мошина и др.) окончательно установили, что Константин-Кирилл создал именно глаголическую азбуку. Подтвердилось и положение о том, что кириллица формировалась на территории первого Болгарского царства как результат синтеза издавна распространенного здесь греческого письма и тех элементов глаголической азбуки, которые наилучшим образом могли передавать особенности языка славянского (древнеболгарского) населения. Находка кириллических надписей X в. требует отнести момент ее создания к рубежу X–XI вв. Эта азбука была результатом компромисса между греческим духовенством, отстаивавшим монопольное положение греческого языка как языка богослужения и письменности, и болгарским духовенством и знатью, стремившимися к богослужению на славянском языке.

Языковые элементы кириллических памятников заключают в себе меньше архаических черт по сравнению с глаголическими. Так, глаголические памятники знают формы простого аориста (типа **могъ**), в то время как в кириллических старославянских

[9] *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1999. С. 34–35.

памятниках они редки, а в Супрасльской рукописи вовсе отсутствуют; в части глаголических памятников (Зографское евангелие, Сборник Клоца) в формах имперфекта во 2-м и 3-м лице двойственного и во 2-м лице множественного числа используются только формы с окончаниями -шета, -шете, в других наряду с этими окончаниями находим новообразование – аористные окончания -ста, -сте, хотя этих новообразований немного. В кириллических памятниках либо используются только формы на -ста, -сте (Остромирово евангелие), или образования с -шета, -шете употреблены лишь в немногих случаях (Супрасльская рукопись). В глаголице не было букв, которые соответствовали бы греческим «кси» и «пси», так как для отражения особенностей славянской фонетической системы не было в них потребности: сочетание *ks в праславянскую эпоху изменилось в [ch] (*rěksŏn – рѣхъ), сочетание *ps – в [s] (*ŏpsā – оса). В случаях же, когда надо было использовать в переводе греческие слова, в которых были такие сочетания, они были приспособлены к специфике славянской фонетики посредством артикуляции [ъ] между элементами этих сочетаний: пъсалъмъ, алекъсанъдръ. Введение букв ѯ (кси) и ѱ (пси) в кириллический алфавит свидетельствует о том, что азбука составлялась тогда, когда сочетания [ks] и [ps] стали возможными и перестали противоречить славянской фонетической системе. Палеографический анализ кириллицы также позволяет сделать вывод, что эта азбука составлена не в IX в., а следовательно, не Константином: тот греческий унциал, который лег в основу кириллицы, как на то указывают полуовалы, заостренность и вертикальность букв, относится к X в.

Состав славянских азбук

§ 18. По количеству букв в алфавите глаголица и кириллица, представленные в памятниках X–XI вв., близки: 40 букв содержит глаголица и 43 – кириллица (в глаголице не было букв ѯ, ѱ, ѥ, ꙗ, но была буква геръв для обозначения [g']). В целом общими был порядок букв, их названия и тонкая передача специфики славянской фонетики. Отличие алфавитов состояло в начертаниях букв и

в логике буквенного обозначения чисел. Кроме того, предполагается, что глаголица в первоначальном виде имела 38 букв (см. трактат черноризца Храбра), то есть состав ее был другим.

Подобно буквам греческого алфавита, глаголические и кириллические буквы имели кроме звукового также цифровое значение. В кириллице числовое значение имели только буквы, заимствованные из греческого алфавита, причем за этими 24 буквами было закреплено то самое числовое значение, какое они имели в греческой цифровой системе. Исключение составляют **ѕѣло** – 6, **чрьвь** – 90, **ци** – 900, для которых в греческой системе использовались буквы, утратившие свое звуковое значение и употреблявшиеся только для обозначения чисел. Именно в связи с этим в кириллическом алфавите для обозначения соответствующих чисел использовались новые славянские буквы. В глаголице же каждая буква без пропусков от **азъ** до **ша** имела числовое значение:

Кириллица				Глаголица
Буквы	Название	Числовое значение	Звуковое значение	
а	**азъ**	1	[a]	Ⰰ
б	**боукы**	–	[b]	Ⰱ
в	**вѣди (-ѣ)**	2	[v]	Ⰲ
г	**глаголи**	3	[g]	Ⰳ
д	**добро**	4	[d]	Ⰴ
є	**ѥстъ**	5	[e]	Ⰵ
ж	**живѣте**	–	[ž’]	Ⰶ
ѕ	**ѕѣло**	6	[d͡z’]	Ⰷ
з	**землꙗ**	7	[z]	Ⰸ
и	**ижеи**	8	[i]	Ⰻ
і	**иже**	10	[i]	Ⰹ
(ꙉ)	**(г’ервь)**	–	[g’]	Ⰼ
к	**како**	20	[k]	Ⰽ
л	**людиѥ**	30	[l]	Ⰾ
м	**мыслите**	40	[m]	Ⰿ
н	**нашь**	50	[n]	Ⱀ
о	**онъ**	70	[o]	Ⱁ
п	**покои**	80	[p]	Ⱂ
р	**рьци**	100	[r]	Ⱃ

Кириллица				Глаголица
Буквы	Название	Числовое значение	Звуковое значение	
с	слово	200	[s]	Ⱄ
т	тврьдо	300	[t]	Ⱅ
оу	оукъ	(400)	[u]	Ⱆ
ф	фрьтъ	500	[f]	Ⱇ
х	хѣръ	600	[x]	Ⱈ
ѡ	отъ (омега)	800	[o]	
ц	ци	900	[c']	Ⱌ
ч	чрьвь	90	[č']	Ⱍ
ш	ша	–	[š']	Ⱎ
щ	ща	–	[š͡t']	Ⱋ
ъ	кръ	–	[ъ]	Ⱏ
ы, ъи	кръı	–	[y]	ⰟⰊ
ь	крь	–	[ь]	Ⱐ
ѣ	ıать	–	[æ]	Ⱑ
ю	–	–	['u], [ju]	Ⱓ
ıа	–	–	['a], [ja]	
ѥ	–	–	['e], [je]	
ѧ	юсъ малъıи	(900)	[ę]	Ⱔ
ѩ	–	–	['ę], [ję]	Ⱗ
ѫ	юсъ большии	–	[ǫ]	Ⱘ
ѭ	–	–	['ǫ], ['jǫ]	Ⱙ
ѯ	кси	60	[ks]	
ѱ	пси	700	[ps]	
ѳ	ѳита	9	[f]	Ⱇ
ѵ	ижица	400	[i], [v]	Ⱛ

§ 19. Все буквы имели название, причем эти названия были славянскими, а не слепо перенесенными из греческого. Из греческого языка был заимствован самый принцип – давать названия буквам. Источник сведений о названиях букв и порядке их следования мы находим в древних абецедариях (алфавитах) и азбучных молитвах: Парижский абецедарий XII в. представляет глаголицу, причем в нем над буквами даны их названия, в Мюнхенском абецедарии содержатся уже и глаголица, и кириллица.

Источником сведений о названиях букв и особенно об их порядке следования являются также азбучные молитвы: азбучная молитва, как полагают, Константина Пресвитера (IX – начало X в.), известная в более поздних списках, и азбучная молитва из Ярославского Евхология XII в. Эти молитвы составлены так, что начальные буквы стихов (строк) задают порядок, в котором буквы расположены в алфавите. Молитвы имели двоякое назначение – богослужебное (это были церковные песнопения, в которых славились дела Божии) и практическое (молитва облегчала запоминание порядка следования букв, и таким образом выучивалась азбука). Такие молитвы были и у греков (одну из них в IV в. составил Григорий Богослов).

Славянская азбучная молитва состоит из 40 стихов (строк), из которых четыре последние Н. С. Трубецкой считает традиционной концовкой. Молитва Константина Пресвитера, ученика Константина и Мефодия, начинается так:

Азъ словомь симъ молюсѧ бгоу҃: –
Бе҃ всеꙗ твари зиждителю: –
Видимꙑимъ и невидимꙑимь: –
Га҃ ба҃ пошли живѫщааго: –
Да въдъхънеть въ срьдьце ми слово: – и т. д.

Однако эти стихи свидетельствуют о порядке букв в алфавите, но ничего не говорят об их названиях, обозначенных уже в Парижском абецедарии. Исследователи полагают, что названия букв в алфавите – это остатки азбучной молитвы, которая не дошла до нас и которую составил какой-нибудь педагог древности (им мог быть Климент Охридский). Вероятно, он использовал первые слова стихов молитвы, составил из них цепочку слов, которые облегчали его ученикам выучивание славянской азбуки. Предполагается также, что эти слова, расположенные в определенной последовательности, имели свой смысл, независимый как от азбуки, так и от азбучной молитвы. С течением времени их формы при переписывании изменялись (большинство букв названо славянскими словами или формами слов разных частей речи: **азъ**,

боукы, вѣди и др.), и смысл цепочки слов утратился. Наличие названий у славянских букв обусловлено еще финикийской традицией, пришедшей к славянам через греческий язык.

Названия славянских букв – это либо славянские слова и формы (кроме названных – добро, ѕѣло, глаголи, живѣте, землꙗ, како, иже, людие, мыслите, нашь, онъ и др.), либо, как полагают, сокращенные греческие слова – (а)кръ, хѣр(оувимъ) и нек. др., названия букв кси и пси заимствованы из греческого алфавита, при этом они называют буквы, которых не могло быть в глаголическом алфавите, поскольку в ранний период развития языка не могло быть сочетаний [ps], [ks] в связи с действием тенденции построения слога по принципу восходящей звучности и в связи с характером упрощения групп согласных. Название буквы фрьтъ – неясного происхождения, А. Вайан считал его звукоподражанием [fr]; ци, ша, ща являются фонетическими названиями букв, то есть такими, которые идентифицируют звук и букву. Название буквы ꙗть (ѣ) А. М. Селищев производит от слова ꙗдь («еда»), приводя в доказательство своего предположения приписку писца в Битолской триоди к лигатурному написанию букв в прѣ: прѣ покои и рьци и ꙗдь закдьно написахъ простѣте мѧ. Название буквы юсъ А. И. Соболевский производит от ѫсъ («ус»), однако, возможно, название этой буквы относилось к ю, так как в Парижском абецедарии название iuzz написано над буквой ю ('оу).

В Сказании черноризца Храбра есть указание на то, что не только буквы, но и их названия созданы Константином Философом.

§ 20. Глаголица и кириллица кардинально различались формой букв. В кириллице форма букв была простой, геометрически правильной, четкой и удобной для письма. Форма букв глаголицы, напротив, была чрезвычайно сложной и замысловатой, с множеством петель и завитков.

Дополнительная литература:

- *Нахтигал Р.* Славянские языки. М., 1963.
- *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1986.
- *Hamm J.* Phonologische Erwägungen: Das Urslavische // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 1970. Bd. 16. S. 54–76.

Происхождение глаголической и кириллической азбук

§ 21. Источник *глаголицы* долго был загадочным и в принципе остается таковым. А. Вайан отмечал, что не похожая ни на одно старое письмо глаголица кажется каким-то стилизованным письмом с элементами, не свойственными известным системам европейского письма. Однако уже в конце XVIII – первой половине XIX в. в отдельных глаголических буквах ученые увидели видоизменение греческих букв. В 1880-х гг. английский палеограф Исаак Тейлор попытался найти источник всей глаголицы в минускульном греческом письме, греческой скорописи, которой обычно пользовались при составлении деловых документов. Точка зрения И. Тейлора была поддержана таким авторитетным славистом, как И. В. Ягич. Однако для греческого минускульного письма характерны черты, не свойственные глаголице: в минускульном письме буквы выходят за пределы строки; буквы соединены между собой; оно используется только для деловой письменности, поэтому вряд ли, создавая первую славянскую азбуку для перевода греческих богослужебных книг, текстов, дистанцированных от обыденной жизни, Константин Философ опирался только на греческое скорописное письмо деловых документов. До сих пор глаголическое письмо связывают с албанским, с готскими рунами, с буквами армянского и грузинского алфавитов, с хазарскими знаками письма, писали о происхождении глаголицы из латинского курсива (латинское скорописное письмо IV–VI вв.), искали сходство с греческими астрономическими, медицинскими и пр. символами, с магическим греческим письмом, с клинописью, арабской графикой и под. Таким образом, ясна связь глаголицы с несколькими алфавитами, прежде всего с греческим минускульным, древнееврейским (в основном в его самаритянской разновидности), коптским (письмом египетских христиан). Ряд глаголических букв не обнаруживает связи ни с одной из известных нам азбук. Возможно, в основе таких букв лежат знаки не дошедшей до нас письменности. Некоторые буквы носят следы индивидуальной творческой деятельности, например, начинающая алфавит буква азъ в форме креста, христи-

анского символа, естественного для начала азбуки, созданной для перевода на славянский язык текстов Священного Писания.

Все это свидетельствует о том, что составитель глаголицы должен был быть знаком с различными, в том числе восточными системами письма, а также о том, что создание глаголицы было результатом творческой деятельности серьезного филолога. И именно таким человеком был Константин Философ.

Кириллица (24 буквы) составлена на основе греческого унциала, торжественного уставного письма, которым писались богослужебные книги (устав – это особый почерк, отличающийся четкостью, пересечением прямых линий, их перпендикулярностью и точностью овалов и дуг).

Сходство букв кириллицы и греческого унциала столь велико, что по внешнему виду, если не обращать внимание на язык, легко смешать греческую рукопись и славянскую.

Итак, из 43 кириллических букв 24 были заимствованы из византийского уставного письма с сохранением их графической формы. Кириллическое письмо в некоторых случаях сохранило греческий способ передачи звуков: так, звук [u] передается сочетанием ѹ. Некоторые буквы византийского унциала использовались исключительно потому, что за ними были закреплены определенные числовые значения: ѳита (9), пси (700), кси (60), парные обозначения звука [o] – онъ и отъ, где онъ обозначает число 70, а отъ – 800, а также н и і (ижен и иже), известные как «*и* восьмеричное» (н) и «*и* десятеричное» (і), обозначавшие соответственно 8 и 10, при этом никаких фонетических различий между ними не было.

Остальные 19 букв кириллицы, необходимые для передачи специфики славянской фонетики, в греко-византийском письме отсутствовали и были созданы или заимствованы из других алфавитов, в том числе из глаголицы. Почти все новые буквы помещены в конце кириллического алфавита, и только четыре из них – боукы, живѣте, ѕѣло и ѹкъ – находились среди букв, заимствованных из византийского письма.

Часть новых кириллических букв были лигатурами, то есть представляли собой соединение двух букв: ѹ (ѹкъ – соединение букв онъ и ижица); щ (соединение ш и т); ъı, или ъи, или ьи, или ъі (буква єръı), представляющая собою соединение ъ с и или і, иногда первым элементом могло быть ь, и тогда буква єръı выглядела так же, как в современной азбуке (ы). Лигатурами были так называемые йотированные (или йотованные) буквы ꙗ, ѥ, ѩ, ѭ, ю (в последней букве элемент ѵ отсутствует), которые после согласных обозначали их мягкость, а перед гласными или в начале слова сочетание двух звуков: [ja], [je], [ję], [jǫ], [ju]. Построение остальных букв можно, например, увидеть таким: буква б (боукъı) могла возникнуть в результате преобразования глаголической Ⰱ (если представить себе поворот вокруг оси сверху вниз) при видоизменении ее в соответствии со стилем греческого унциала. Преобразование греческой буквы ι могло дать ь, ъ, ъı, а также б, преобразование греческой буквы α могло дать буквы а и ѧ, хотя, с другой стороны, «юс малый» (ѧ) и «юс большой» (ѫ) могли стать результатом перестроения соответствующих глаголических букв (Ⰵ, Ⱖ) путем поворота слева направо и изменения начертаний в соответствии с греческим унциалом. Ш, ц, ч – результат заимствования и некоторого изменения древнееврейских букв «шин» и «цаде», причем относительно ч, с одной стороны, предполагают, что она является вариантом буквы «цаде», а с другой – возможным является влияние греческой буквы «коппа», тем более что ч получила то же самое числовое значение, что и «коппа» (90); возможно предположить влияние глаголицы. В кириллической живѣте (ж) можно увидеть и соответствующую букву глаголицы Ⰶ, и вертикально перечеркнутую кириллическую букву хѣръ (х), и соединенные крестом две буквы землꙗ (з), одна из которых развернута слева направо. В букве ѕѣло (ѕ) узнается греческая буква ζ. Итак, 19 кириллических букв, передающих специфику славянской фонетики, возникли как результат изменения и преобразования греческих, глаголических и еврейских букв.

В связи с близостью кириллицы к византийскому уставу, а глаголицы – к греческому минускульному письму особое значение приобретает вопрос *о самостоятельности славянской азбуки*. Что это – новая система письма или лишь разновидность греко-византийского письма? При ответе на этот вопрос надо иметь в виду, что в истории письма не было ни одной буквенно-звуковой системы, которая возникла бы совершенно самостоятельно, без влияния предшествующих систем письма. Так, финикийское письмо возникло на основе древнеегипетского (правда, был изменен самый принцип письма), древнееврейское и древнегреческое – на базе финикийского, славянское и латинское – на основе греческого, немецкое, французское и английское – на основе латинского и т. д.

Поэтому корректнее ставить вопрос о *степени* самостоятельности новой системы письма. А для решения этой проблемы важно понять, насколько точно созданный алфавит соответствует звуковой системе языка, который он намерен обслуживать. Именно в этом отношении создатели славянской азбуки проявили огромное филологическое чутье, глубокое знание фонетической системы того славянского диалекта, который лег в основу старославянского языка. Кроме того, при составлении алфавита они обнаружили большой графический вкус (ср., например, славянское χ и немецкое ch, ч и tsch и т. д.). И в этом плане славянский алфавит вполне оригинален.

Числовое значение кириллических букв. Надстрочные знаки (диакритики)

§ 22. В соответствии с традициями греческого письма буквы старославянских азбук, как уже отмечалось, служили для обозначения не только звуков, но и чисел. В отличие от глаголицы, в которой для обозначения чисел использовались буквы в порядке их следования, в кириллице числа обозначались обычно теми же буквами, что и в греко-византийской письменности, в соответствии с их порядком в греческом алфавите.

В случаях, когда буквой надо было обозначить число, над ней ставился надстрочный знак – титло, а по обеим сторонам от нее – точки (•а҃• – 1, •в҃• – 2). Девять букв служили для обозначения единиц, девять – десятков и девять – сотен. Как и в современной цифровой системе, десятки добавлялись к единицам, а сотни к десяткам *слева* (•к҃в• – 22, где •к҃• – 20, •в҃• – 2). Исключение составляли числа второго десятка: здесь сначала ставился знак единицы, а затем, справа, знак десяти (•а҃ı• – 11, •в҃ı• – 12 и т. д.); эта особенность отражена и в современном языке (ср.: *двадцать один, тридцать один,* но *одиннадцать*). Для обозначения тысяч использовались те же буквы, что и для обозначения единиц, только слева внизу добавлялся специальный значок тысячи (•҂а• – 1000, •҂в҃ргл• – 2133). Нередко числа разных разрядов (единицы, десятки, сотни, тысячи) в старославянских памятниках указываются раздельно (•м҃• и •г҃• – 40 и 3, то есть 43).

§ 23. В старославянской письменности широко использовались *надстрочные (диакритические) знаки*. Так, титла, о которых упоминалось выше, не только сигнализировали о том, что буквой обозначено число. Основной функцией титла было указание на *сокращенное написание слова*.

Необходимость экономии дорогого писчего материала (пергамена), а также и времени приводила к тому, что наиболее употребительные слова давались в сокращении. Для указания на сокращенное написание слова над ним ставился знак титла: б҃г – богъ, г҃дь или г҃ь – господь, г҃лъ – глаголъ («слово»). Титла могли иметь разные начертания: ҃, ҃, ⁀ и др.

Иногда для ясности над строкой под титлом вписывалась одна из пропущенных букв (обычно обозначающая согласный); в таких случаях использовалось титло в виде дужки: бы҇с – бъıстъ, иер҇смъ – иероусалимъ.

Для обозначения пропуска букв ъ (еръ) и ь (ерь) использовался особый надстрочный значок ʃ или ʼ, получивший в соответствии со своей функцией название *паерок*: кʃто – къто, вʼсѣхъ – вьсѣхъ.

Специальные надстрочные значки служили для указания на мягкость согласных: кон'ь или кон҃ь, к н'емоу.

§ 24. Старославянские тексты являются переводами с греческих книг. Поэтому в них нередко употребляются знаки, *механически* перенесенные из греческих оригиналов и в самих старославянских памятниках ничего не обозначавшие. К таким «пустым» знакам относятся в первую очередь так называемые знаки придыхания, которые ставились над гласными в виде скобочек или запятых: ’ или ‘ (в греческих текстах они обозначали придыхания разных типов, что отражало произношение ряда гласных в начале слов в древнегреческом языке; в византийский период сами придыхания были уже утрачены, но знаки по традиции сохранялись).

§ 25. Старославянское письмо было *сплошным*: слова в строке не выделялись, прописные буквы употреблялись в начале глав, но не предложений. Конец главы обычно обозначался комбинацией точек и черточек (:·, :- и т. п.). Знаков препинания в современном смысле не было, хотя отдельные предложения и конструкции могли (впрочем, далеко не всегда) выделяться точками, которые ставились не внизу строки, а на уровне середины буквы (**Ізидє сѣꙗи сѣꙗтъ сѣмєнє своєго·**).

Старославянские памятники

§ 26. Сохранились памятники старославянского языка X и – главным образом – XI в. Условно старославянскими памятниками мы называем памятники, созданные до 1100 г. Главным критерием такого приурочения является правильное употребление носовых гласных («юсов»). Однако уже в этих памятниках просматривается целый ряд черт, свойственных южным, западным и восточным славянам.

Основные центры, в которых создавались памятники, – Македония и Восточная Болгария.

Изучение старославянских памятников в сопоставлении с памятниками других славянских народов, с разными редакциями церковнославянского языка, с современными славянскими языками дает возможность реконструировать старославянскую фонетическую и морфологическую систему, воспроизвести реконструированные

особенности языка старославянских оригиналов, созданных Первоучителями и их ближайшими по времени учениками.

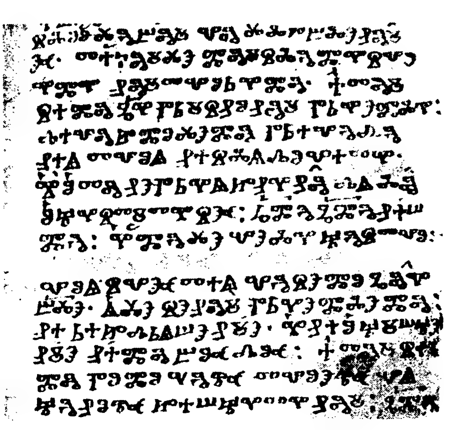
Памятники старославянского языка – кириллические и глаголические – написаны чернилами на специально выделанной коже, называемой пергаменом.

Первые старославянские тексты, созданные Кириллом и Мефодием и их учениками во II половине IX в., не сохранились. Наиболее ранние старославянские памятники (X–XI вв.) представляют собою различные церковные тексты, в основном Евангелия (от греч. εὐαγγέλιον – «благая весть»), повествующие о земной жизни Иисуса Христа: четвероевангелия (тетры), содержащие повествование четырех евангелистов – Матфея, Марка, Луки, Иоанна – о жизни и деятельности Иисуса Христа, входящие в состав Нового завета, составляющие его первые четыре книги; служебные Евангелия (апракосы) – сочинения, содержащие отрывки из Евангелия, расположенные в порядке недельных чтений при отправлении церковной службы; Псалтирь, евхологии (сборники молитв на разные случаи), требники, Четьи-минеи (фрагменты), патерики, сборники поучений и др.

Глаголические памятники

§ 27. *Киевские листки* (Киевский миссал) – старославянский памятник чешской редакции. Это отрывок из обедни по римскому обряду со службой св. Петру (7 пергаменных листов). Памятник найден И. И. Срезневским в 1874 г. в библиотеке Киевской духовной академии, куда он попал из Иерусалима (пожертвование архимандрита Антонина). Это наиболее древний старославянский памятник, на что указывают особенности языка и палеографические характеристики. В палеографическом отношении памятник примечателен тем, что в нем находим древнейшие начертания ряда глаголических букв – Ⰾ, Ⰿ, Ⱏ, Ⱐ (л, м, ъ, ь), параллели к которым можно встретить в большинстве случаев только в самом раннем из остальных глаголических памятников – Зографском евангелии. В других глаголических памятниках представлены уже более новые начертания букв. Так, Ⱆ (ѹ)

представлен еще с ясным разделением частей. Для правописания памятника характерно правильное употребление ъ и ь (нет отступлений в их употреблении, кроме двух случаев написания ⰲⱏⱄⱑⱈⱏ – въсѣхъ (вместо вьсѣхъ). Исследователи видят в этом недосмотр писца. Вместо букв, обозначавших звуки [ŝ't'], [ẑ'd'] в соответствии с праславянскими *tj и *dj (в русском им соответствуют [č'] и [ž']), в тексте используются буквы, обозначающие звуки [s] и [z]: ⰴⰰⰸⱐ – дазь (вместо южнославянского даждь), ⱁⰱⱑⱌⱑⱀⰻⱑ – обѣцѣниѣ (вместо обѣщѣниѣ), ⱂⱃⱁⱄⱔⱌⰵ – просѧце (вместо просѧще). Есть также лексические особенности, указывающие на западнославянское происхождение памятника, – непереведенные латинские термины: оплата (oblata), прѣфации (praefacio), мѣша (missa).

Фрагмент Киевских листков

Следовательно, текст написан, вероятно, в Моравии. Скорее всего, он не связан с деятельностью Кирилла и Мефодия непосредственно: они переводили греческие богослужебные книги. Он, может быть, свидетельствует о стремлении некоторых представителей католического духовенства совершать богослужение на славянском языке. По языку и начертаниям букв относится к X в.

Лучшее издание сделано И. В. Ягичем в Вене (см.: Glagolitica: Wurdigung neuentdeckter Fragmente. Wien, 1890).

Зографское евангелие – четвероевангелие. Получило свое название от Зографского монастыря на Афоне, где долго хранилось. Объем текста 304 листа, 17 (41–57) листов вставлены позднее: они написаны в XII в. и заменяют часть утраченного текста. Евангелие найдено в 1848 г. А. Михановичем, а в 1860 г. поднесено Александру II и с тех пор хранится в Публичной библиотеке в Петербурге (ныне Российская национальная библиотека).

Памятник является копией с более древнего старославянского оригинала, сделанной в Македонии в XI в. У памятника отсутствует начало, есть пропуски в некоторых местах в середине.

Язык Зографского евангелия является более поздним, чем язык Киевских листков, однако в употреблении ъ и ь больше правильности, чем в других памятниках. Текст следует отнести к XI в., может быть, даже к началу XI, но не к XII, так как общей для всех более поздних болгарских памятников мены носовых нет. Нельзя его отнести и к X в., поскольку его текст отражает ряд позднейших фонетических изменений. По сравнению с Мариинским евангелием отличается использованием более древних форм и начертаний букв. В Евангелии обнаруживается старое начертание Ⰿ, Ⰾ, Ⱆ, Ⱋ, Ⱅ, Ⰸ (м, л, оу, щ, т, з), еще различаются ръ, лъ и рь, ль: бръвь, плъть и крьстъ, пльвати, чего мы уже не найдем в Мариинском евангелии (например, кръстити, слъзами и др.).

В лексике памятника значительно число греческих слов, оставшихся без перевода: алавастръ, архисинагогъ, архитриклинъ, игемонъ, геена, лептатектонъ и др.

Издано Зографское евангелие И. В. Ягичем в 1879 г. в Берлине, переиздано в 1954 г. в Граце.

Мариинское евангелие (четвероевангелие) вывезено славистом В. И. Григоровичем из Афонского монастыря Пресвятой Богородицы Марии, где этот памятник находился в течение долгого времени и был обнаружен в 1842 г. Хранится рукопись в Москве в Российской государственной библиотеке. Она состоит из 173 ли-

стов, недостает шести первых и двух последних листов. Писцом, создавшим рукопись, вероятно, был южный славянин – серб или болгарин. Написан памятник в Македонии. Начертания Ⰾ, Ⱏ, Ⱐ, Ⱆ (ʌ, ъ, ь, ѹ) отражают более позднюю палеографию по сравнению с Зографским евангелием. По своим лексическим особенностям Мариинское евангелие близко Зографскому евангелию, однако в некоторых случаях остаются непереведенными греческие слова и выражения, переведенные в Зографском евангелии (ср., например: Мариинское евангелие – кринъ, сикера, миса; Зографское евангелие соответственно: цвѣтъ сельнꙑи, творена кваса, гребище, блюдо). В Мариинском евангелии есть случаи, когда редуцированные в сильной позиции заменяются гласными полного образования: золъ вместо зълъ, день вместо дьнь. Есть случаи мены ъ и ь в слабой позиции (ь вместо ъ перед слогом с гласным переднего ряда и ъ вместо ь перед слогом с гласным непереднего ряда), что свидетельствует о том, что в этот период редуцированные уже отсутствовали в речи писца: вьнѣ, дьвѣ (ср. дъва), зьлѣ (ср. зъло). Памятник сохраняет букву ѕѣло [d'z']: польѕа, помоѕи, подвиѕати.

Памятник издан в 1883 г. И. В. Ягичем в Санкт-Петербурге со статьей об особенностях языка и полным словарем; переиздан в Граце в 1960 г.

Сборник Клоца (так называемый Glagolita Clocianus) – сборник поучений, похвальных слов, состоящий из 14 листов. 12 листов были найдены видным словенским филологом В. Копитаром в библиотеке графа Клоца в Триденте и изданы в 1836 г. Позднее Ф. Миклошичем в библиотеке в Инсбруке были найдены еще два листа этой рукописи (изданы в 1860 г.). Этот памятник представлял глаголическое письмо более округлой формы, нежели хорватская глаголица. Язык же памятника свидетельствовал о том, что глаголица была известна болгарам еще в очень древнюю эпоху. В лексике памятника встречаются инновации, отсутствующие в других, более древних памятниках: гробъ (вместо жаль), трѣбище (вместо олътарь), испрьва (вместо искони) и др.

Полное издание с описанием палеографических особенностей и словарем сделано В. Вондраком в Праге в 1893 г. Там же в 1959 г. А. Досталом выпущено новое издание с фотокопиями всех листов и с передачей текста кириллицей. Последнее издание осуществлено в Любляне. Автором анонимной гомилии (проповеди), находящейся в составе этого сборника, многие ученые (Гривец, Вайан, Вашица) считают Мефодия. Некоторыми чертами языка памятник сближается с Мариинским евангелием.

Ассеманиево служебное евангелие (Ассеманиев кодекс) – апракос (сборник евангельских чтений по христианскому календарю), рукопись Ватиканской библиотеки (отсюда название – Ватиканское евангелие). Рукопись привезена в Рим в XVIII в. (1736 г.) ученым-ориенталистом патером Иосифом Ассемани из Иерусалима. Памятник содержит 158 листов, создан в Македонии. Ассеманиево евангелие неоднократно издавалось. Впервые памятник был издан в 1865 г. глаголическими буквами хорватским ученым Рачким (Racki) с обширным введением И. В. Ягича; второй раз – в 1878 г. Чернчичем (Crncic) латиницей. Лучшее издание (фототипическое) осуществлено И. Вайсом и И. Курцем в 1929 г. в Праге, там же в 1955 г. И. Курц выпустил новое издание кириллицей.

На полях рукописи в XII–XIII вв. и позднее сделаны кириллические записи. Интересны записи XII–XIII вв. о «злых днях» каждого месяца (см. статью М. Н. Сперанского: Злые дни в приписках Ассеманиева евангелия // Македонски преглед. София, 1932. № 8. Кн. 1). Евангелие характеризуется и в начертаниях букв, и в языке более поздними чертами по сравнению с такими памятниками, как Киевский миссал и Зографское евангелие.

Синайская псалтирь находится в монастыре св. Екатерины на горе Синай (на Синайском полуострове), откуда и получила свое название. Псалтирь – книга псалмов, одна из книг Ветхого завета. Состоит из 150, а по греческой и славянской Библии – из 151 песни (или псалма). Автором обычно считают царя Давида, но во многих псалмах присутствуют следы их более позднего происхождения. Псалтирь – поэтический сборник, песни-псалмы сложены

в соответствии с правилами еврейской поэзии, то есть основаны на синтаксическом параллелизме. Псалтирь употреблялась как богослужебная книга уже у иудеев: псалмы пелись или прочитывались при богослужении. Этот обычай перешел и к христианам. Считается, что как необходимая для богослужения книга Псалтирь была переведена на старославянский самим Мефодием (IX в.), в древнерусских списках известна с XI в., впервые напечатана по-славянски в Кракове в 1491 г. Входя в состав каждого, даже самого краткого богослужения, Псалтирь стала также основной учебной книгой для овладения грамотой в Древней Руси. Синайская псалтирь содержит 137 псалмов (177 листов). На основании содержания и особенностей языка этот памятник считают связанным с кирилло-мефодиевской традицией. Лучшее издание принадлежит С. Северьянову (Пг., 1922). Переиздан памятник в 1954 г. в Граце.

Синайский требник (евхологий). Евхологий (греч. «молитвенник») – книга, содержащая молитвы и требы, церковные службы на разные случаи жизни. Это самый старый славянский молитвенник. В основной своей части памятник представляет собой перевод с греческого языка, однако некоторые части переведены с немецкого и латинского. Вероятно, оригинал требника был создан в мораво-паннонский период. Памятник был впервые опубликован в Загребе в 1882 г. Гейтлером, поправки и дополнения к этому изданию сделаны И. В. Ягичем. Текст содержит 106 листов. Три листа памятника были вывезены с Синая П. Успенским и Н. Крыловым в 1853 г. и изданы И. И. Срезневским в его серии «Древние глаголические памятники» (СПб., 1866). Лучшее издание осуществлено Р. Нахтигалом в Любляне в 1941–1942 гг.

Охридские листки были найдены В. И. Григоровичем в Охриде. Хранятся в Одессе. Полтора листа – отрывки из евангелия XI в. Вероятно, рукопись принадлежит к концу XI – может быть, началу XII в. Лучшее издание – в серии «Памятники старославянского языка» (Ч. 3. Вып. 2. Пг., 1915).

Македонский глаголический листок найден В. И. Григоровичем. Хранится в Библиотеке Российской Академии наук в

Петербурге. Предположительно содержит отрывок из произведения Иоанна, экзарха болгарского, по палеографическим данным принадлежит XI в.

Кириллические памятники

§ 28. Старейшими кириллическими памятниками являются *надписи на могильных плитах.* Древнейшая из них – Добруджанская надпись, найденная в Румынии в 1950 г. и датированная 943 г. Надпись прочитана славистом Ф. В. Марешем, который считает, что она болгарского происхождения.

Не датирована, но, судя по начертаниям букв и содержанию, выполнена не позднее 960-х гг. надпись на могиле чергубыля Мостича, обнаруженная в 1952 г. в Болгарии и превосходящая по объему большинство древнейших славянских граффити.

Вот текст надписи (царь Петр, о котором здесь идет речь, правил Болгарией с 927 по 969 г.):

сьде лежить мо-
стичь чрьгоубы-
лꙗ бывъи при
сѵмеонѣ ц҃ри
и при петрѣ ц҃ри [о]
с[м]иѭ же десѧ-
ть лѣтъ сы оста-
вивъ чрьгоубъль-
ство ї вьсе імѣни-
ѥ бысть чрьнори-
зьць і въ томь сь-
врьши жизнь своѭ.

Появление надписей, сделанных кириллическими буквами, должно было, по-видимому, служить знаком распространенности кириллического письма.

Наиболее интересной для лингвистов является надпись на надгробном камне, поставленном в 993 г. по распоряжению

Самуила, царя юго-западной Болгарии и Македонии. Камень находился у могил умерших членов семьи Самуила.

Памятник содержит 11 строк. Он был найден в юго-западной Македонии, в селе Герман в 1894 г. Это старейший кириллический памятник, имеющий точную датировку – 993 г. Она очень важна в палеографическом отношении: начертания букв, сделанные в точно определенном году, являются исходными при выяснении сравнительной древности кириллических памятников старославянского языка. Правая сторона плиты отломана, поэтому в надписи есть пробелы.

Надпись царя Самуила

В 1956 г. в южномакедонском городе Битоле при разборе мечети была открыта мраморная плита с довольно большой по объему датированной надписью XI в., очень ценной в историческом отношении (в ней впервые славянское население Балканского полуострова называется болгарами). Битольская надпись 1015–1016 гг. публиковалась неоднократно: Й. Заимову принадлежит наиболее полная публикация – фотоснимок, прорись, выборное воспроизведение и перевод надписи[10].

[10] См.: Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 123–133.

Страница Саввиной книги

Саввина книга – служебное евангелие, сборник евангельских чтений (Евангелие апракос), содержащий фрагменты Евангелия, расположенные в порядке недельных чтений при отправлении церковной службы. Названо так по двум припискам с упоминанием попа Саввы. Хранится в Российском государственном архиве древних актов. Евангелие (129 листов) написано в пределах Восточной Болгарии. Рукопись относится к XI в. (может быть, к началу или первой половине) и по особенностям орфографии и палеографии считается одним из ранних кириллических памятников. Начертания букв совпадают с таковыми в надписи Самуила. В 1899 г. вышло исследование В. Н. Щепкина «Рассуждение о языке Саввиной книги», которое содержит тщательный анализ языка памятника.

Саввина книга издана В. Н. Щепкиным (СПб., 1903) в «Памятниках старославянского языка» (Т. 1. Вып. 2), переиздана в Граце в 1959 г.

Часть страницы Супрасльской рукописи

Супрасльская рукопись содержит мартовскую минею (от греч. μήν – «месяц»), то есть книгу церковных чтений на все дни марта, включавшую в себя жития святых, легенды о мученичестве и подвижничестве, беседы и слова Иоанна Златоуста, творения отцов церкви и под., расположенные в порядке дней месяца. Рукопись была найдена в Супрасльском монастыре около Белостока (отсюда ее название) в начале XIX в. Содержит 285 листов. Первая часть ее (118 листов) хранится в Любляне (Словения), она поступила туда в 1845 г. вместе с книгами и бумагами Копитара; вторая часть (151 лист) находится в Варшаве; 16 листов были куплены в 1856 г. академиком А. Бычковым и находятся в Российской национальной библиотеке в Петербурге. Рукопись восточноболгарская. Полагают, что, как и Саввина книга, она принадлежит первой половине XI в.

Лучшее и полное издание осуществлено С. Северьяновым (СПб., 1904) в «Памятниках старославянского языка» (Т. 2. Вып. 1), переиздание – в Граце в 1956 г. По состоянию языка памятник не может быть отнесен к начальной эпохе возникновения славянской письменности.

Енинский апостол – сборник апостольских чтений, найденный в декабре 1960 г. при реставрации церкви св. Параскевы в селе Енина (близ Казанлыка) в Болгарии. Рукопись содержит 39 листов, большинство из которых очень плохо сохранилось. Издан Енинский апостол в 1965 г. в Софии К. Мирчевым и Хр. Кодовым с фотографическим воспроизведением каждого листа, лингвистическим описанием и словником. По мнению издателей, памятник относится к XI в. и отражает особенности древнеболгарского языка.

Известны и другие кириллические памятники, представляющие собой отрывки текстов религиозного содержания: Хиландарские листки – отрывок поучения Кирилла Иерусалимского (найдены В. И. Григоровичем в Хиландарском монастыре на Афоне); Листки Ундольского – отрывки Евангелия, принадлежавшие книголюбу В. М. Ундольскому (более поздний памятник по отношению к Хиландарским листкам, Саввиной книге и Супрасльской рукописи); Македонский листок – отрывок текста, напоминающий одно из произведений экзарха Иоанна, и ряд других. В основном эти тексты издавались в 1900–1906 гг. в Петербурге в серии «Памятники старославянского языка». Памятники, относящиеся к деятельности Константина и Мефодия, собраны П. А. Лавровым в книге «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности» (1930).

Из числа *славянских памятников, отражавших черты родной речи восточных славян*, следует прежде всего отметить Остромирово евангелие, самый ранний древнерусский датированный памятник, написанный в 1056–1057 гг. дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира. Памятник включает 294 листа, прекрасно оформлен и очень хорошо сохранился. Находится в Петербурге в Российской национальной библиотеке. Впервые Остромирово евангелие было издано А. Х. Востоковым в 1843 г. с очерком грамматики и словарем и фотолитографически в 1883 и 1889 гг. купцом Савинковым в Петербурге. Остромирово евангелие писано двумя писцами и разделяется по этому принципу на такие части: 1–24 л. об.; 25–289 л. Первый писец

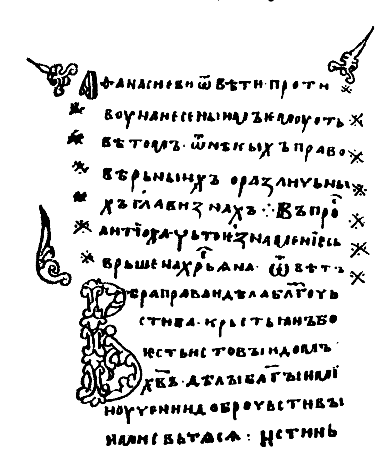
последовательно отступал от старославянского оригинала при написании сочетания плавного с редуцированным между согласными: он писал ъ и ь перед ρ и λ (**скърбь, мьртвъ**), тогда как второй писец чаще пишет по-старославянски (**скръбь, мрьтвъ**). В Остромировом евангелии нашли отражение и другие черты живого восточнославянского языка.

КАЗАЕТЬЕМОУДѢ
ЛА·ДАВЪІЧЮДИТЕ
СѦ+ ꙖКОБООЦЬВЪ
СКРѢШАЕТЬМЬР
ТВЪІꙖИЖИВИТЬ·
ТАКОЖЕИСН҃Ъ·ꙖЖЕ
ХОЩЕТЬЖИВИТЬ+
ОЦЬБОНЕСѪДИТЬНИ
КОМОУЖЕ·НЪСѪДЪ
ВЬСЬДАСТЬСН҃ОВИ·
ДАВЬСИЧЬТѪТЬ
СН҃А·ꙖКОЖЕЧЬТѪ

Фрагмент страницы Остромирова евангелия

Из других памятников старославянского языка восточнославянской редакции можно назвать Чудовскую псалтирь XI в, Архангельское евангелие конца XI в, Изборники 1073 и 1076 гг. и др. Из памятников чешской редакции заслуживают упоминания Пражские отрывки XI–XII вв. Первоначально их древность была переоценена, П. Й. Шафарик относил их к концу IX в., однако изучение показало принадлежность их более позднему периоду: это моравско-паннонский перевод болгарского текста. Памятники, писавшиеся в болгарских областях в XII–XIV вв., представляют собой группу среднеболгарских рукописей. Они отражают черты языковых процессов, которых не было в XI в. Это Добромирово евангелие XII в., Охридский апостол конца XII в., Болон-

ская псалтирь начала XIII в., Битольская триодь XIII в. (в кириллическом тексте встречаются отдельные слова и целые строчки, писанные глаголицей), Боянское евангелие XIII в. (палимпсест: написан кириллицей по пергамену, с которого смыто, хотя не везде чисто, глаголическое письмо) и др.

Страница Изборника Святослава (1076 г.)

Дополнительная литература:

- *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. 1. М., 1961. С. 106–107.
- *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952. Введение.
- *Ван Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957.
- *Карский Е. Ф.* Славянская палеография. М.; Л., 1928.
- *Кульбакин С. М.* Древнецерковнославянский язык. 2-е изд., изм., испр. Харьков, 1913.
- *Селищев А. М.* Старославянский язык: В 2 ч. Ч. 1. Введение. Фонетика. М., 1951.
- *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1986.

ФОНЕТИКА

Фонетическая система старославянского языка

§ 29. Каждый язык характеризуется определенным составом звуков. Между ними существуют различия. Одни из этих различий самостоятельны, не зависят от фонетического положения и фонетического окружения в слове; другие – несамостоятельны, и их образование и звуковое качество зависят от фонетического положения, фонетического окружения, обусловлены положением их в ряду других звуков.

Если качество звука не зависит от фонетического окружения, он может быть различителем слов и морфем: [сат] – [сыт] – [сут].

Минимальная фонетическая единица, которая служит, с одной стороны, для различения, а с другой – для отождествления значимых единиц языка (слов и морфем), называется *фонемой*. Изменение фонетических единиц, обусловленное фонетическим окружением, фонетической позицией в слове, представляет собою видоизменение этих фонем в разных фонетических условиях: [п'ӓт'], *пят* [п'ит'и́], [п'ьтач'о́к].

Таким образом, фонема выступает в ряде звучаний, которые представляют собой ее разновидности, реализующиеся в определенных фонетических условиях. А поскольку они не могут быть в одной позиции, то и не обладают способностью различать или отождествлять слова и морфемы. В каждом языке на определенном этапе существует строго ограниченное число фонем. Звуков же, представляющих видоизменение этих фонем, обычно бывает значительно больше.

Фонетическая обусловленность разновидностей фонемы в разных позициях неодинакова: в одних позициях эта обусловленность больше, в других – меньше. Позиция наименьшей фонетической обусловленности называется *сильной* позицией в отличие от других позиций, которые называются *слабыми*. В сильной позиции представлен *основной вид* фонемы.

Совпадение двух или нескольких фонем в определенной позиции называется *нейтрализацией*. При нейтрализации две или несколько фонем реализуются одним и тем же звуком: [вол] – [вал] > [валы́]; он [м'ил] – он [м'ол] > она [м'ила́].

§ 30. Определение старославянского языка как книжного, письменного не позволяет говорить о его звуковой системе в том смысле, в каком мы говорим о фонетике живого языка.

Сохранившиеся тексты отражают (с разной степенью последовательности) особенности чтения в то время и в тех областях, где они были созданы. А их сопоставительное изучение позволяет нам восстановить *орфографические* нормы кирилло-мефодиевских переводов, определявших книжные нормы чтения текстов, то есть орфоэпические нормы старославянского языка. На основании анализа орфографической системы поздних списков, сопоставленных с живыми диалектами, в результате реконструкции орфографической системы первых славянских переводов и изучения позднейших местных отклонений от нее, а также реконструкции при помощи сравнительно-исторического метода звуковой системы праславянского языка позднего периода можно с большой степенью определенности *воссоздать систему фонем* старославянского языка, а точнее – того славянского диалекта, на который ориентировался Константин Философ, создавая свою азбуку.

Изучение показывает, что азбука Кирилла довольно точно воспроизводит систему фонем одного из древних славянских диалектов Македонии, скорее всего распространенного в окрестностях Солуни.

В результате мы можем охарактеризовать азбуку Кирилла как фонологическую. При фонологическом письме нет соответствия между *звуком* и буквой. Фонологическое письмо не стремится изображать каждый звук в том виде, как он реально произносится говорящим. Оно передает только те звуковые качества, которые дифференцируют морфемы, отличают одно слово от другого, следовательно, одно значение от другого. Кириллическое письмо, усовершенствованное практикой болгарских книжников, обладало достаточными средствами для передачи всех гласных и почти всех согласных фонем восточнобалканских славянских говоров.

Вероятно, уже у Кирилла была попытка обозначить даже основные позиционные варианты фонем, хотя переписчики были при этом не всегда последовательными, в целом же в старославянском языке (в отличие, например, от современного русского языка) позиционные изменения были минимальными, поскольку в большинстве позиций фонемы выступали в своем основном виде (в сильной позиции).

Система гласных фонем

§ 31. Старославянские тексты отражают наличие в языке 11 гласных фонем, для обозначения которых в кириллическом алфавите используется 21 буква, причем только некоторые из них служат для обозначения позиционных вариантов фонем (ю, ѥ, ꙗ, ѩ, ѭ):

Фонемы	Кириллические буквы	Комментарии
<i>	и, і	
<y>	ꙑ, ъи, ьи, ы	
<u>	ѹ, ю	
<e>	є, ѥ	
<o>	о, ѡ	
<a>	а, ꙗ	
<ě>	ѣ	Фонема, обозначаемая этой буквой, имела различные звуковые реализиции по славянским диалектам, поэтому в общеславянской транскрипции ее обозначают символом [ě] без указания на качество, но в говорах, легших в основу ст.-сл. языка, это был звук переднего ряда нижнего подъема.
<ь>	ь	
<ъ>	ъ	
<ę>	ѧ, ѩ	
<ǫ>	ѫ, ѭ	

Они обладали определенными конститутивными (постоянными) признаками, и по особенностям артикуляции их можно систематизировать следующим образом:

Ряд / Подъем		Передний	Средний	Задний	
				Нелабиализов.	Лабиализов.
Верхний		<i>	<y>		<u>
Средний	Носовые	<ę>			<ǫ>
	Ротовые	<e>, <ь>		<ъ>	<o>
Нижний		<ě>		<a>	

§ 32. Славянские гласные фонемы отличались не только по образованию (по качеству – квалитативный признак), но и по количественному признаку (квантитативный признак), то есть по долготе или краткости. Однако различие по долготе – краткости в кирилло-мефодиевский период не носило фонематического характера: такие признаки, как долгота – краткость не обладали способностью различать или идентифицировать морфемы и слова и были наследием более раннего периода в развитии славянских языков. Носителями фонетической долготы были <i>, <y>, <u>, <ě>, <ę>, <ǫ>, <a>, краткими по происхождению были <e>, <o>. Интересно, что в системе вокализма, которая на фонематическом уровне не знала противопоставления по долготе и краткости, существовало противопоставление: сверхкраткие (редуцированные) <ъ> и <ь> – гласные полного образования. Такая ситуация определяла специфическое неустойчивое положение редуцированных в языке, которая обусловливала их особое место и особенности функционирования в слове, а также судьбу в истории языка (см. ниже).

Слабым звеном системы старославянского вокализма было и противопоставление носовых (назальных) <ę>, <ǫ> девяти гласным, не знающим (и, вероятно, не знавшим) носового призвука. Такая несимметричность системы должна была дать определенные результаты. Они зафиксированы в самых ранних восточнославянских памятниках (например, в Остромировом евангелии) в виде процесса «падения носовых», выражавшегося в мене «юса большого» и «юса малого» соответственно с оү и а, то есть в исчезновении носовых.

Следует обратить внимание на определенную симметричность системы вокализма в отношении противопоставления друг другу гласных переднего и непереднего ряда: <i> – <u>; <e> – <o>; <ę> – <ǫ>; <ě> – <a>; <ь> – <ъ>. Исключение составляет <y>,

тем самым определяя свою неустойчивость в системе славянского вокализма в целом, что сказалось и на его дальнейшей судьбе (так, в русском языке [ы] стал позиционным вариантом фонемы <и>), в большинстве славянских языков «неустойчивость» [y] привела к фонетическому совпадению [y] и [i].

Гласные фонемы противопоставлялись не только по «горизонтали» (ряд), но и по «вертикали» (подъем), причем, как правило, не менее чем по двум признакам (например, <i> и <ę> – по степени подъема и наличию назальности, <ъ> и <о> – по квантитативному признаку и лабиализованности – нелабиализованности), и только <ь> и <е> противопоставлялись по одному признаку – квантитативному: как редуцированная гласная фонема и гласная фонема полного образования.

Признак лабиализации закреплен за некоторыми гласными заднего ряда, поэтому как средство противопоставления он участвует при идентификации фонем только этого ряда: во всех остальных случаях определение фонемы как лабиализованной оказывается избыточным.

Звуковое значение ѣ (в кириллице), Ⱑ (в глаголице) – широкий гласный переднего ряда нижнего подъема [ä]. На такой характер звучания указывают графика, некоторые черты правописания, дальнейшая судьба фонемы в болгарском языке, а также некоторые факты графики древнерусских и древнесербских рукописей. Важное значение для характеристики этого звука имеет глаголица, в которой буква Ⱑ используется для обозначения [ě], ['a].

Звуковое значение **ѧ**, **ѫ**, **ъ** и **ь** установил в начале XIX в. русский ученый А. Х. Востоков.

Позиционные изменения гласных

§ 33. Можно предположить, что в случаях существования в пределах одного слога звуков разной зоны образования происходила *аккомодация*. А. М. Селищев полагал, что гласные непереднего ряда [a], [u], [ǫ] после мягких согласных произносились как звуки, продвинутые вперед: **чаша**, **ꙗдъ**, **волѭ**, **любꙑ** – [č'ȧ-š'ȧ],

[ja-dъ̯], [vo-l'o̯], [l'ü-by] и др. Продвинутость к зоне переднего ряда при транскрипции обозначается точкой.

Предполагалось также, что в случае типа **чаша** непередний гласный, оказываясь между двумя мягкими согласными, произносился как еще более передний – [č'ä-š'a]. Однако в этом случае, думается, мы забываем о том, что даже в поздний праславянский период основные процессы происходили в пределах слога, а не через его границу.

Сильное и слабое положение редуцированных

§ 34. В начальный период развития старославянского языка сверхкраткие **ъ** и **ь** произносились во всех положениях, были самостоятельными фонемами. Этим и объясняется, что в азбучной молитве пресвитера Константина, наиболее оформленном стихотворении из всей немногочисленной известной нам поэзии старославянского языка, встречаются стихи такого типа: **Азъ словомь симь молѭсѧ богоу**. Это двенадцатисложные стихи, разделенные на два полустишия в пять и семь слогов, где все [ъ] и [ь] выступают в качестве слогообразующих звуков.

Будучи сверхкраткими, **ъ** и **ь** в зависимости от положения в слове могли быть в сильной и слабой позиции. От этого обстоятельства зависела и их дальнейшая судьба. В транскрипции редуцированные в сильной позиции обозначаются [ъ̳], [ь̳], в слабой – [ъ̯], [ь̯]:

Слабая позиция	Сильная позиция
1. В абсолютном конце неодносложного слова: **сынъ** [sy-nъ̯], **кость** [ko-st'ь̯].	1. В положении под ударением: **тьмьнъ** [t'ь̳-m'ь̳-nъ̯].
2. В безударном положении перед слогом с гласным полного образования: **тьма** [t'ь̯-ma], **зъ-ло** [zъ̯-lo].	2. Перед слогом с редуцированным в слабом положении: **жьньць** [ž'ь̯-n'ь̳-c'ь̯].
3. В безударной позиции перед слогом с редуцированным в сильном положении: **дьньсь** [d'ь̯-n'ь̳-s'ь̯], **въздъхъ** [vъ̯-zdъ̳-chъ̯].	

В сильной позиции оказывались **ъ** и **ь** в односложном слове под ударением: **тъ, сь, нъ**. Кроме того, сильной была позиция **ъ** в предлоге в том случае, если в первом слоге следующего слова

был редуцированный в слабой позиции: **въ мьнѣ, въ тъ часъ, отъ въстокъ** и под. В остальных случаях редуцированные в предлогах были в слабой позиции. Определение позиций шло от конца слова к его началу.

Редуцированные [ў] и [ĭ]

§ 35. Редуцированные гласные среднего подьема **ъ** и **ь** под влиянием соседнего (следующего за ним) согласного звука [j] и перед гласным переднего ряда верхнего подьема [i] подвергались аккомодации, в результате чего они становились напряженными редуцированными верхнего подъема. Мы обозначаем их в транскрипции [ў] и [ĭ]. Эти редуцированные гласные не были самостоятельными фонемами, поскольку их возникновение обусловлено только влиянием определенной фонетической позиции – [ъj] > [ўj], [ьj] > [ĭj]: [krъješ'i] > [krўješ'i] > ст.-сл. **кръıкши**, [dobrъjь] > [dobrўjь] > ст.-сл. **добръıи**, [vъ istinǫ] > [vў istinǫ] > ст.-сл. **въı истинѫ**, [vъ inǫ] > [vў inǫ] > ст.-сл. **въı инѫ**; [im'ěnьje] > [im'ěn'ĭje] > ст.-сл. **имѣние**, [kost'ьjǫ] > [kost'ĭjǫ] > ст.-сл. **костиѭ**, [bratrьja] > [bratr'ĭja] > ст.-сл. **братриꙗ** (отмечены наиболее широко распространенные случаи использования редуцированных [ў] и [ĭ]).

Процесс возникновения редуцированных [ў] и [ĭ] имел место не только в слове, но и при сочетании предлога с именем или местоимением, начинавшимися с **и**: *vъ inǫ > ст.-сл. **въı инѫ** > ст.-сл. **въıнѫ**, а также при сочетании двух самостоятельных слов, одно из которых оканчивалось на **ь** или **ъ**, а другое начиналось с **и**: **слъıшахомъı и, памѧти имъ, поставитъı и** (вместо **слъıшахомъ и, памѧть имъ, поставитъ и**) и др.

Вероятно, создатели азбук чувствовали, что редуцированные [ў] и [ĭ] являются не самостоятельными фонемами, а лишь фонетическими вариантами фонем **ъ** и **ь** в определенной фонетической позиции, поскольку ни в алфавите Константина, ни в кириллице нет букв для их специального обозначения. Эти редуцированные в старославянских памятниках обозначались посредством **ъı** и **и**: **кръıкши, добръıи, братриꙗ, бикши**. Однако этими же буквами обозначались также **ъı** и **и** полного образования, не-

редуцированные, долгие (например, бити, пити, мъıти, крыти и др.). Чтобы различить редуцированные ъı и и и соответствующие гласные полного образования, надо иметь в виду, что в текстах старославянских памятников ъı и и обозначали редуцированные только в том случае, если за ними следовали [j] или [i].

В старославянских памятниках мы находим и другую графическую передачу этих редуцированных гласных – посредством ь и ъ: гостик и гостьк, абик и абьк, добрыи и добръи и под.

Редуцированные [y̆] и [ĭ] могли быть в сильной и слабой позициях, причем позиция определяется так же, как у редуцированных [ъ] и [ь].

Признаком редуцированности ъı и и в указанных сочетаниях является то обстоятельство, что перед слогом с гласным полного образования такой гласный [ĭ] был утрачен ко времени написания дошедших до нас памятников XI в. Это был гласный неполного образования, находившийся в слабом положении (примеров с [y̆] в слабом положении нет). В силу его утраты проясняются редуцированные ь и ъ, предшествующие слогу с этими редуцированными в слабой позиции: бреник вместо брьник, нечестик вместо нечьстик, пришествик вместо пришьствик, цѣсарествик вместо цѣсарьствик и др.

Процесс падения редуцированных

§ 36. Процесс падения редуцированных имел место в живой речи славян и состоял в том, что к середине XI в. редуцированные гласные ъ и ь, ъı и и перестали произноситься в живом языке писцов. В слабой позиции ъ и ь, а также ъı и и редуцированные исчезли, а в сильной позиции ъ и ь вокализовались в [о] и [е], а редуцированные ъı и и – в гласные [у] и [i] полного образования (во всяком случае в диалектах, которые легли в основу старославянского языка). Орфография старославянских памятников в основном оставалась традиционной в отношении использования ь и ъ, то есть в целом они употреблялись почти так же, как в переводах первых переводчиков – Первоучителей и их учеников.

На каком основании нами делается вывод, что процесс падения редуцированных имел место?

Переписчики под влиянием того диалекта, которым они владели и в котором происходил процесс падения редуцированных, делали ошибки: писали ъ и ь не там, где это было необходимо согласно этимологии, пропускали их, использовали одну букву вместо другой. Проблема состояла в том, что они не слышали больше редуцированных ни в сильной, ни в слабой позиции: в одном случае не произносилось ничего (слабая позиция), а в другом произносились [о], [е], [у], [i] полного образования. В этих условиях руководством для авторов и писцов становилась лишь орфографическая традиция, за которой в данный момент не было уже никаких звуковых ассоциаций. Это обстоятельство приводило к тому, что даже очень грамотные переписчики делали ошибки.

Именно эти ошибки писцов дают нам возможность утверждать, что в XI в. редуцированных гласных уже не было в живой речи старославянских книжников, работавших в Болгарии и Македонии.

Каковы были эти ошибки? Как проявлялся в памятниках процесс падения редуцированных?

В Киевских листках конца X в. норма употребления редуцированных соблюдалась во всех многочисленных случаях их употребления (исключение составляет лишь двукратное написание въсьхъ вместо вьсьхъ). Это обстоятельство является свидетельством того, что в говоре, легшем в основу кирилло-мефодиевских переводов, редуцированные гласные были.

Памятники XI в. содержат достаточно многочисленные примеры утраты слабых ъ и ь, но не дают прямого ответа на вопрос, в каких именно позициях прежде всего осуществлялось падение редуцированных.

Наиболее ранней, вероятно, была утрата слабых редуцированных в конце слова и в начальном безударном слоге перед ударным слогом с гласным полного образования. Особенно характерно это для тех случаев, которые можно назвать абсолютно слабой позицией, когда слабые редуцированные не чередуются с сильными в пределах одного слога: пътица, мъного, кънига, кънѧзь

(ср. **сънъ** [sъ̲nъ] – **съна** [sъ̲na] и др.). Именно в этих случаях мы находим практически постоянный пропуск редуцированного.

Однако примеров с отсутствием слабых **ъ** и **ь** в конце слова мало. Это можно объяснить тем, что книжнику легко было запомнить правило, по которому в конце слова после согласного следует писать **ъ** или **ь**. Кроме того, в русском письме они (**ъ** и **ь**) обозначали границу слова и в таком качестве сохранялись очень долго (вплоть до орфографической реформы 1918 г.). У **ь** была еще одна функция, обусловившая его сохранение в конце слова: он обозначал мягкость предшествующего согласного.

Более ранняя утрата слабых редуцированных могла быть связана со значением слова, а также со способом его произношения. Ослабленной была артикуляция некоторых частиц, слов счета, слов-обращений, особенно слабо редуцированные гласные произносились в местоимениях и наречиях. Поэтому утрата редуцированных в артикуляционно ослабленных словах тоже должна была быть достаточно ранней: **кто, что, кде, где, когда** и др.

Если Киевские листки свидетельствуют о том, что редуцированные в X в. используются в основном правильно, то памятники XI в. представляют многие примеры утраты слабых **ъ** и **ь**, их смешения, мены в зависимости от качества гласных в следующем слоге, а также замены редуцированных гласными полного образования в сильной позиции. Какими же были «ошибки» писцов?

Как уже отмечалось, редуцированные утрачивались в слабой позиции (**много, книга, кто, что, где**), очень рано возникают многочисленные пропуски слабых редуцированных в суффиксах (**правьдна, подобна** вместо **правьдьна, подобьна**), а также мена редуцированных в суффиксах (**правьдьна – правьдъна**).

Старославянские памятники содержат многочисленные примеры замены редуцированных гласными полного образования (**въ мьнѣ – во мнѣ, въпль – вопль, шьпътъ – шепотъ** и др.). Достаточно часто встречаются случаи смешения и пропуска редуцированных (**зьрици – зърищи – зрищи, вьсѣхъ – въсѣхъ – всѣхъ, дьва – дъва – два** и мн. др.). В текстах отмечается мена редуцированных под влиянием гласного следующего слога, на что

первым обратил внимание И. В. Ягич: **вънъ**, но **вьнѣ**; **дъва**, но **дьвѣ**; **зълъ**, но **зьлѣ** и др. И. В. Ягич и другие лингвисты полагают, что эта мена отражала соответствующее явление речи – ассимиляцию слабых **ъ** и **ь** со следующим слогом. Они также считают, что это явление относилось к тому времени, когда **ъ** и **ь** еще существовали в слабой позиции как самостоятельные фонемы, и после падения редуцированных писец передавал традиционное написание, поскольку на месте слабого редуцированного он не слышал никакого гласного. В текстах мена **ъ** и **ь** в зависимости от качества гласного в следующем слоге не была связана с позицией: редуцированный мог находиться как в слабой (**вьнити**), так и в сильной позиции (**пльть**). Н. Ван Вейк называл это явление перегласовкой редуцированных.

Особо следует остановиться на замене **ь** > **ъ** после шипящих: **шъдъ**, **чъто**. В принципе это смешение, конечно, является результатом падения редуцированных. Однако следует учитывать и происходивший одновременно процесс отвердения шипящих, который должен был привести абсолютно к тем же результатам. Наиболее вероятной причиной мены **ъ** и **ь** в этих случаях, думается, является все-таки постепенное отвердение шипящих. Колебания в памятниках **шьдъ** и **шъдъ** могут объясняться неодновременностью процесса отвердения и смешением традиционного и живого в орфографии памятников.

Отражение процесса падения редуцированных в старославянских текстах относится, по всей вероятности, в основном к XI в. В памятниках XI в. он уже представлен широко и многообразно, хотя и неодинаково в различных памятниках.

Как происходил процесс падения редуцированных? Большинство исследователей считает, что первоначально произошло исчезновение редуцированных в слабой позиции и только затем – изменение сверхкратких в сильной позиции в гласные полного образования. Вероятно, это справедливо, однако следует учитывать, что речь идет не о временнóм промежутке, разделяющем процессы, а об их последовательности: утрата слабых редуцированных вызывала усиление и удлинение сильных гласных в предшествующем

слоге с последующим их переходом в гласные полного образования. В целом же процесс падения редуцированных был единым.

В результате падения редуцированных появляется новое средство образования форм – «беглые» [o] и [e]: **сонъ – сна, день – дне**, со временем распространившееся и на ряд слов, в которых исходно не было редуцированных.

Употребление гласных в начале слова

§ 37. Не все гласные в старославянском языке могли употребляться в начале слова.

– Свободно в начале слова употреблялись [o] и [ǫ]: **отьць, одъръ, олѣи, ѫтроба, ѫгль**.

– Достаточно свободно употреблялся гласный [a]: **алъкати, агньць, агода, авити**. Однако в памятниках встречаются написания, отражающие развитие протетического [j] перед начальным [a]: **ꙗгньць, ꙗгода, ꙗвити** (подобные примеры достаточно ограничены в старославянском языке). С другой стороны, в русском языке практически нет слов, начинающихся на [a], кроме заимствованных. Исключения составляют *а* и *ах* и образованные от них *акать*, *ахнуть* и т. д.

– Протетический [j] развивался перед гласными [e], [ě], [ę]; после развития протетического [j] перед [ě] осуществлялся переход [jě] в [ja]: **ѥзеро, ѥдинъ, ѩзыкъ, ѩти**, но **ꙗсти** (<*jěsti), **ꙗзва** (<*jězva), **ꙗдра** (<*jědra). Лишь ряд полузнаменательных слов произносился с начальным [e]: **етеръ** («некий»), **есе** («вот») и др.

– Протетический [j] достаточно часто встречался перед начальным [u], однако было возможно и начальное [u] без протетического согласного: **юноша, ютро, юже – оучити, оутро, оуже**.

– Абсолютно невозможны были в начале слова **ь, ъ** и **ы**. Перед [ь] (< *ĭ) возникал протетический [j] (из неслогового *i̯), после чего, например, в начале слова осуществлялся переход [jь] в [i], при этом не в начале слова использование **ь** в том же корне возможно: **и** (местоимение) – **въ нь** (форма винительного падежа), **имѫ – възьмѫ** и др. Перед **ъ** и **ы** (<*ŭ и *ū) развивался протетический [v] (из неслогового *u̯): **въпль – възъпити; выдра**, лит. ūdra.

Система согласных фонем

§ 38. Анализ старославянских памятников позволяет восстановить 30 согласных фонем.

Фонемы	Кириллические буквы	Комментарии
<p>	п	
<b>	б	
<v>	в	
<m>	м	
<t>	т	
<d>	д	
<s>	с	
<s'>	с	
<z>	з	
<l>	л	
<l'>	л	
<n>	н	
<n'>	н	
<r>	р	
<r'>	р	
<d͡'z'> (<z'>, <z>)	ʒ, ѕ	Фонема <d͡'z'> впоследствии изменилась в <z'>, а затем в <z>.
<c'>	ц	
<č'>	ч	
<š'>	ш	
<ž'>	ж	
<š͡t'>	щ, шт	
<ž͡d'>	жд	
<j>	ı	Фонема <j> была возможна только перед гласными в начале слова или перед гласным в середине слова, всегда образуя с последующим гласным один слог, что было отражено создателями кириллицы способом ее обозначения: знак ı + гласный (ꙗ, ѥ, ю, ѩ, ѭ). После согласного йотированная буква обозначала его мягкость.

Фонемы	Кириллические буквы	Комментарии
<k>	к	
<g>	г	
<ch>	х	
<f>	ф	Буква использовалась при передаче греческих слов.
<g’>	г’ (ћ)	В глаголице данная фонема обозначалась буквой «гервь».
<k’>	к	Наличие <g’>, <k’>, <ch’> не характеризовало остальные славянские языки.
<ch’>	х	

Согласные фонемы старославянского языка противопоставлялись по следующим признакам.

1. По участию голоса и шума: согласные могли быть *сонорными*, которые в свою очередь были носовыми (<n>, <n’>, <m>) и ротовыми (<l>, <l’>, <r>, <r’>), и *шумными* (все остальные согласные). Наиболее звучные ротовые сонанты, называемые также плавными, могли образовывать слог. Шумные согласные могли быть *глухими* и *звонкими*.

2. По способу образования в зависимости от типа и способа преодоления преграды (сомкнутых или сближенных органов артикуляции).

Сонорные согласные могли быть:

– *носовыми*: <n>, <n’>, <m>;

– *боковыми*: <l>, <l’>;

– *дрожащими*: <r>, <r’>.

Шумные согласные могли быть *фрикативными*, произносимыми при сближенных органах артикуляции, и *смычными*, при артикуляции которых был момент полной смычки. Среди смычных согласных выделялись:

– *взрывные* (при их произношении наблюдается момент полного прекращения протекания струи воздуха через ротовую полость): <p>, <b>, <t>, <d>, <k>, <g>;

– *аффрикаты* (или смычно-проходные) – это слитные звуки, при образовании которых отмечены три момента: органы речи

образуют полную смычку, а после взрыва – щель, через которую проходит воздушная струя): <c’>, <č’>, <d’͡z’>;

– *сложные* (звуки с фрикативным началом и взрывным окончанием): <ž’͡d’>, <š’͡t’>.

К фрикативным относились: <f>, <f’>, <v>, <s>, <z>, <s’>, <z’>, <š’>, <ž’>, <ch’>, <j>, <ch>.

3. *По месту образования*: согласные в зависимости от того, каким активным органом образовывалась преграда, делились на *губные* и *язычные*.

Среди губных согласных были:

– *губно-губные*: <m>, <b>, <p>, <v> (возможно, в произношении старославянских книжников фонема <v> имела уже губно-зубную артикуляцию, хотя первоначально она была губно-губной, так как произошла из неслогового *u̯);

– *губно-зубной*: <f>.

Язычные согласные в зависимости от того, какая часть языка к какому органу артикулировала, делились на:

– *переднеязычные*, в зависимости от пассивного органа артикуляции подразделявшиеся на *зубные*: <s>, <z>, <t>, <d>, <l>, <n>; *небно-зубные*: <s’>,<z’>, <c’>, <d’͡z’>; *передненебные*: <š’>, <ž’>, <č’>, <š’͡t’>, <ž’͡d’>, <n’>, <l’>, <r>, <r’>;

– *среднеязычные средненебные*: <ch’>, <j>, <k’>, <g’>;

– *заднеязычные задненебные*: <ch>, <k>, <g>.

4. *По твердости – мягкости* согласные фонемы старославянского языка, в отличие от системы консонантизма современного русского языка, были противопоставлены очень слабо. В старославянском языке были:

– *твердые* согласные фонемы: <v>, <f>, <p>, <b>, <m>, <t>, <d>, становившиеся перед гласными переднего ряда в результате позиционных изменений полумягкими;

– *твердые* согласные фонемы, которые не могли быть в позиции перед гласными переднего ряда, а потому не могли быть полумягкими: заднеязычные <ch>, <k>, <g>;

– *мягкие* согласные фонемы, унаследовавшие свою мягкость из праславянского языка: <c’>, <š’>, <ž’>, <d͡’z’>, <č’>, <š͡’t’>, <ž͡’d’>, <j>;

– лишь немногие согласные фонемы были парными по твердости – мягкости: <n> – <n’>, <l> – <l’>, <r> – <r’>, <s> – <s’>; при этом фонематический статус корреляции по твердости – мягкости парных фонем в старославянском языке был иной, чем в современном русском;

– в результате позднейших изменений в славянских диалектах можно встретить пару <z> – <z’> (<*d͡’z’);

– в старославянском языке были греческие слова с [k’], [g’], [ch’]; можно предполагать, что были противопоставлены твердые фонемы <k>, <g>, <ch> и мягкие <k’>, <g’>, <ch’>.

Звуки [f] и [f’] в старославянском языке имелись только в заимствованных словах: первоначально его в славянских языках не было. «Славянский», «собственный» [f] появится лишь после падения редуцированных, когда [v] после утраты слабых **ъ** и **ь** окажется в абсолютном конце слова или перед следующим глухим согласным: **любо**[f’]. Впрочем, в славянских языках и в диалектах русского языка существует стремление избежать [f]: *парус* – греч. φάρος; *Осип – Иосиф*; *Пилип*, *Хвилип – Филипп*. Таким образом, старославянский язык в этот период – единственный славянский язык, имеющий фонемы <f> и <f’>.

Звук [j] передавался в старославянском языке при помощи йотированных букв **ꙗ, ѥ, ю, ѩ, ѭ**; [j] мог быть только в начале слова и перед гласным в середине слова.

Смягченные [k’], [g’], [ch’] используются только в заимствованных словах, и, как правило, их мягкость отмечается особыми значками (дуга над буквой): **к҄итъ**, **х҄итонъ**, **х҄ероувимъ** и др. Таким образом, мягкие [k’], [g’], [ch’] из всех славянских языков в ранний период также существуют только в старославянском.

Место образования / Способ образования		Губные	Язычные					
			Переднеязычные			Среднеязычные среднenебные	Заднеязычные задненебные	
			Зубные	Небно-зубные	Перед-ненеб-ные			
Фрикативные		(<f>) (<f'>) <v>	<s> <z>	<s'> <z'>	<š'> <ž'>	(<ch'>) <j>	<ch>	Шумные глухие – звонкие
Смычные	Взрывные	<p> <b>	<t> <d>			(<k'>) (<g'>)	<k> <g>	
	Аффрикаты			<c'> (<d͡'z'>)	<č'>			
	Сложные				<š͡'t'> <ž͡'d'>			
	Носовые	<m>	<n>		<n'>			Сонорные
	Боковые		<l>		<l'>			
	Дрожащие				<r> <r'>			

Фонематический статус корреляции по твердости – мягкости

§ 39. Противопоставленность парных по твердости – мягкости согласных фонем в старославянском языке функционально отличалась от современного русского языка. В современном русском языке парные по твердости согласные соотнесены по этому признаку, находятся в коррелятивных отношениях. Это определяется тем, что для парных согласных есть позиции нейтрализации данного признака: ве[сн]а – о ве[с'н']е. Также существенным отличием является то, что в современном русском языке возможно чередование по твердости – мягкости согласных фонем при словоизменении и словообразовании: ко[р]а – ко[р']е.

В старославянском языке дело обстояло иначе: твердые и мягкие согласные были таковыми по происхождению, твердость – мягкость согласных была позиционно не обусловленной в любых позициях, следовательно, не могло быть нейтрализации этого признака. Твердые и мягкие согласные характеризовали разные слова и разные морфемы и не могли поэтому, как правило, чередоваться в формах одного слова. Полумягкость, приобретаемая

твердыми согласными в позиции перед гласными переднего ряда, была позиционной разновидностью твердости.

Слоговые согласные в старославянском языке

§ 40. Плавные согласные [r] и [l], обладавшие среди согласных наибольшей степенью звучности, могли быть слоговой вершиной; слоговость согласных в транскрипции обозначается кружком под буквой: [r̥], [l̥]. В старославянском языке слоговость плавных согласных обозначалась постановкой букв **ъ** и **ь** после соответствующего согласного: **влъкъ** [vl̥kъ], **длъгъ** [dl̥gъ], **плъкъ** [pl̥kъ], **прьвъ** [pr̥vъ].

Слова со слоговыми плавными следует отличать от слов, где после плавного шел редуцированный гласный звук: **кръвь** [krъ̳v'ь̭], **сльза** [sl'ь̭za], **бръвь** [brъ̳v'ь̭], **брьвьно** [br'ь̳v'ь̭no].

Подобные случаи помогают различить факты современного русского языка:

Старославянский язык	Современный русский язык
Слоговой согласный (графически: плавный + редуцированный): **влъкъ, длъгъ, плъкъ, прьвъ**	Гласный + согласный: *волк, долг, полк, первый*
Плавный + редуцированный (графически: плавный + редуцированный): **кръвь, сльза, бръвь, брьвьно**	Согласный + гласный: *кровь, слеза, бровь, бревно*

Позиционные изменения согласных

§ 41. В результате воздействия фонетической позиции согласные в старославянском языке могли подвергаться изменениям:

1. Твердые согласные [p], [b], [t], [d], [s], [z], [v], [m], [n], [r], [l] приобретали качество полумягкости перед гласными переднего ряда: **вѣра** [v'ěra], **дѣтѧ** [d'ět'ę], **хвалити** [chval'it'i].

2. Другим позиционным изменением согласных в старославянском языке была ассимиляция некоторых шумных согласных под влиянием следующего шумного.

Основанием для этого было то обстоятельство, что приставки на -з-: **из-**, **раз-**, **без-**, **чрѣз-**, **въз-**, которые не завершались

редуцированными, оказывались в позиции перед согласным, что влекло за собой определенные фонетические изменения:

– оглушение конечного согласного приставки под влиянием начального глухого согласного корня: **исходити, расточити**;

– ассимиляцию по месту образования: шумные согласные могли подвергаться регрессивной ассимиляции – **ишьдъ, ицѣли, бежизньнъ** вместо **исшьдъ, исцѣли, безжизньнъ**.

То же происходило и при соединении предлога и знаменательного слова: **бестраха**.

Позднейшие изменения согласных

§ 42. Говоря об изменении системы и характера фонем старославянского языка, мы должны учитывать, что на самом деле речь идет об изменении системы консонантизма и вокализма в живых славянских диалектах. В языке старославянских памятников эти изменения лишь отражались в виде ошибок писцов, которые и давали представление о том, что происходило в славянских диалектах. Однако эти изменения влияют на орфографию памятников.

Язык памятников отражает отвердение шипящих [č’], [ž’], [š’], [š’t’], [ž’d’]. Считалось, что знаком отвердения согласных является то, что после них начинают писать нейотированные гласные буквы **а, оу, ѫ**. Однако надо иметь в виду, что использование нейотированных гласных после мягких шипящих непарных согласных не обозначало твердости предшествующего согласного. Шипящие были только мягкими, и поэтому не возникало необходимости дополнительно, специально обозначать это качество согласного. В результате сложилась письменная традиция, когда наличие нейотированных гласных **а, оу, ѫ** после шипящих являлось орфографической нормой старославянского языка: обозначая самое себя и мягкость предшествующего согласного, йотированные гласные в этой позиции оказывались избыточными.

Кроме того, отсутствие йотации могло быть и старинной нормой старославянской орфографии, отражением того момента в развитии славянской азбуки, когда, возможно, не было йотированных букв.

Надо отметить, что для обозначения мягкости шипящих согласных, как правило, не использовались и диакритические знаки, поскольку в них также не было необходимости.

Употребление же йотированных букв могло было быть вообще довольно поздним явлением, возникшим по аналогии с теми случаями, когда требовалось специальное обозначение мягкости согласных.

Надежным критерием при решении вопроса об отвердении шипящих согласных может быть только употребление после них ъ, о, ы, то есть букв, обозначающих звуки, которые были принципиально невозможны после мягких согласных. ◊ и ы после шипящих в корне слов исследователями не отмечены. Следовательно, надо рассмотреть случаи замены ь > ъ после мягких шипящих: **шъдъ, виждъ, отрочъна**. Эта мена наблюдается как в сильном, так и в слабом положении.

Вероятно, это и есть свидетельство *начала* отвердения шипящих, поскольку показания по памятникам непоследовательны.

§ 43. Мягкая аффриката [d͡'z'] изменилась в [z'], которая впоследствии отвердела. Для обозначения этой аффрикаты использовалась особая буква ꙃ (ѕ) – **ѕѣло** (или **дзѣло**). Однако уже в памятниках XI в. начинают смешиваться ꙃ (ѕ) и **з** – **ѕѣло** и **землꙗ**. Два крупных кириллических памятника – Саввина книга и Супрасльская рукопись – вообще не знают использования ꙃ (ѕ), что свидетельствует об исчезновении особой аффрикаты [d͡'z'] и переходе ее в звук [z'], обозначаемый буквой **з** (**землꙗ**). Синайская псалтирь, Ассеманиево евангелие и часть Зографского евангелия имеют правильное употребление ꙃ (ѕ) и **з**. В основной части Зографского евангелия и в Мариинском евангелии буква **землꙗ** достаточно часто используется на месте **ѕ** (**дзѣло**). Это свидетельствует о том, что в памятниках западноболгарских (македонских) буква для обозначения [d͡'z'] употребляется последовательнее и сохраняется дольше, чем в памятниках, созданных в восточноболгарской традиции на восточноболгарской территории. Следовательно, в целом данные памятников свидетельствуют о том, что аффриката [d͡'z'] (<*g) рано подверглась изменению в [z'].

Памятники также отражают отвердение аффрикаты [d͡'z'] и возникшего из нее звука [z'].

Убедительным показанием этого отвердения может быть только наличие написаний типа -зъ. В Саввиной книге, Супрасльской рукописи и ряде других памятников преобладает именно -зъ. Однако при анализе употребления буквы з важен и характер использования йотированных букв, следующих за з, потому что, в отличие от шипящих, непарных по твердости – мягкости, [z] и [z'] противопоставлялись по этому признаку, а значит, необходимы были специальные показатели мягкости. Таковыми могли быть лишь йотированные буквы и надстрочные знаки, обозначающие мягкость. В случае их отсутствия следует считать предшествующий согласный твердым. Следовательно, показателем твердости [z] являются написания типа кънѧза, кънѧзоү, стьзѫ (стьза), в которых используется нейотированные а, оү, ѫ.

Таким образом, следует констатировать достаточно ранее отвердение [z] < [d͡'z'], зафиксированное уже в Зографском евангелии.

§ 44. Нужно отметить отражение в старославянских памятниках XI в. отвердения [r] и [s]: вечерѫ, вечера, цѣсаръ, цѣсара, вьсъ, вьса и др.

§ 45. Очень широко распространяется в старославянских памятниках XI в. упрощение неначальных сочетаний [ml'], [vl'], [pl'], [bl']. Этот факт свидетельствует об изменениях, происшедших в языке южных славян. Изменение состояло в том, что «эпентетический» [l] в позиции середины слова был утрачен. В ряде памятников (Зографское, Мариинское евангелия, Сборник Клоца, Синайский требник) л отсутствует перед ь и н: корабь (вместо корабль), земн (вместо земли). Прочие старославянские памятники обнаруживают утрату л не только перед ь и н, но и перед другими гласными (Ассеманиево евангелие: любѣаше, земѧ, възлюбѫ и др.; Саввина книга: ıавеник, възлюбенъ и др.; Супрасльская рукопись: древьк, капьıа и др.).

Фонетическая структура слога

§ 46. Фонетическая структура слова в старославянском языке второй половины IX в. определялась характером построения слога.

Слог строился по *принципу восходящей звучности*. Этот принцип регламентировал порядок расположения звуков в слоге: каждый последующий звук должен был быть более звучным, нежели предыдущий. В соответствии с этим слоги могли заканчиваться только слогообразующими звуками – гласными или слоговыми плавными согласными. Звучность определяется целым комплексом артикуляционных характеристик, работой голосовых связок, объемом резонатора, типом преграды и способом ее преодоления.

Построение слога по принципу восходящей звучности определяло не только порядок следования согласных и слогообразующих по отношению друг к другу, но и порядок следования согласных в группах согласных, предшествующих гласному (слогообразующему). Слогообразующий (гласный или слоговой согласный) завершал слог.

Наиболее звучными были гласные звуки и слогообразующие согласные, при этом слогообразующие согласные были менее звучными, чем гласные. Среди шумных звонкий был более звучным, чем глухой. Наиболее звучными среди согласных были сонорные – носовые и плавные. Носовые сонорные менее звучны, чем плавные, поэтому они естественны в положении перед последними: **нравъ**, **мрѣти**, **землıа** и др. По степени звучности им практически равен согласный [v] из неслогового *u̯. Поэтому **в** может предшествовать плавному (**р**, **л**): **врата**, **ловлıа** и т. п., а также может находиться перед гласным (**творити**, **сквозь** и др.). Однако установление порядка в построении слога вовсе не значило, что в каждом слоге должны быть все типы сочетания звуков: в слоге могло не быть согласного – **о-стро-въ**, мог быть только один согласный – **се-стра**, два согласных – **сто-лъ**, три согласных – **стра-на**, **о-стро-въ**, **бы-стръ** и под.

Тенденция к восходящей звучности требовала, чтобы в группе согласных не было рядом «равнозвучных» согласных, то есть согласных одинаковой степени звучности: например, невозможны были сочетания «шумный + шумный», «фрикативный + фрикативный», «плавный + плавный» (кроме случаев типа **исходити**). Естественно, что более звучный не мог стоять перед менее звучным.

Построение слога по принципу восходящей звучности было настолько всеобщим и обязательным, что оно распространялось и на заимствованные слова, если в них были сочетания, противоречащие требованиям указанного принципа: обычно перед менее звучным после более звучного развивался гласный призвук, позже совпавший с **ъ** или **ь**: ψαλμός [psalmos] – **пъсалъмъ**, σκάνδαλον [skandalon] – **скандѣлъ** («соблазн»), Ἀνδρεῖος [andrejos] – **анъдреи**, σκύμνος [skumnos] – **скумьнъ** («львенок») и др.

Интересно, что в дальнейшей истории языка эти по необходимости (по требованию тенденции к восходящей звучности) возникшие **ъ** и **ь** в процессе падения редуцированных ведут себя так же, как и исконные **ъ** и **ь**: в слабой позиции исчезают, в сильной вокализуются в **о** и **е** (см. русск. *псалом*). Вот почему в ранний период не нужны были буквы ѯ («кси») и ѱ («пси»).

Определенно обнаруживается и тенденция избегать резкого возрастания звучности внутри слога. Поэтому, когда рядом оказывались фрикативные свистящие и плавные, крайние (или маргинальные) по звучности, в ряде славянских диалектов между ними появлялись смычно-взрывные: **възрасти** > **въздрасти**; **възрадоуѩсѧ** > **въздрадоуѩсѧ**; **раздрѣшити**; **страмъ** и под.

Сказанное выше не означает, однако, что в каждом слоге были все типы согласных, но в случае, если их было больше двух, они располагались в соответствии с требованиями тенденции к построению слога по принципу восходящей звучности.

Порядок следования согласных в группах согласных и слогообразующих был таким:
фрикативный,
смычный (взрывной или аффриката),

сонорный носовой (а также [v]),
сонорный плавный,
слогообразующий (гласный или слоговой согласный).

Начало слога → Конец слога

Согласный				Гласный или слоговой согласный
фрикативный	смычный (взрывной или аффриката)	сонорный носовой или [v]	сонорный плавный	

Возможность для [z] и [s] (фрикативных) начинать слог не свидетельствует о том, что эти согласные были менее звучными, чем те смычные, перед которыми они появлялись. Смычные согласные являются менее звучными, чем фрикативные. У фрикативных согласных, при которых артикуляционные органы лишь сближаются, но не смыкаются, а образуют щель, степень звучности выше. Факт их появления в начале слога перед менее звучными смычными согласными может иметь такое объяснение: щелевые зубной зоны образования имеют особый статус в индоевропейских языках, который можно обозначить как немаркированность, «прозрачность» в отношении распределения звучности в пределах слога.

§ 47. В результате действия принципа восходящей звучности формировался *закон открытого слога*, в соответствии с которым каждый слог и каждое слово могли заканчиваться только слогообразующими звуками – гласными или слоговыми плавными согласными. Исключение составляет ряд *проклитик*, которые не встречаются в самостоятельном употреблении, а всегда примыкают к следующему за ними слову.

§ 48. Тенденция к *слоговому сингармонизму* (или *закон слогового сингармонизма*) требует, чтобы в пределах слога находились звуки только однородной артикуляции: (палатализованный) мягкий согласный + передний гласный; (непалатализованный) твердый согласный + непередний гласный, например: ко-нь, ко-нѩ, ко-ню и др. Если же складывалась ситуация, когда в пределах слога оказывались звуки разнородной артикуляции, в период

действия закона происходило частичное уподобление соседних звуков, их приспособление друг к другу в пределах слога.

В случае, если твердый согласный оказывался перед гласным переднего ряда, он приобретал качество полумягкости, то есть согласные приспосабливались к характеру передней артикуляции гласных: **пити** [p'i-t'i], **бити** [b'i-t'i] и др. В случае, если палатализованный согласный оказывался перед непередним гласным, гласный приспосабливался к характеру согласного и происходило продвижение артикуляции гласного вперед в первой фазе его образования, например: **ча-ша** [č'ä-š'ä], **чю-ти** [č'ü-t'i] и др.

История становления фонетической системы старославянского языка

Сравнительно-исторический метод

§ 49. Для выявления норм и закономерностей возникновения, бытования и развития любого языка мало дать их исчерпывающее описание и системную характеристику на синхронном срезе. Такое рассмотрение заведомо окажется односторонним, ограниченным в своих выводах. Известно, что каждое данное состояние языка представляет собою лишь определенный этап исторического развития языка, и если исследователь хочет понять и объяснить, а не только зафиксировать определенные языковые факты, ему не обойтись без ответа на ряд вопросов: как эти факты в истории возникли? Какие тенденции языкового развития они своим появлением реализовали? С какими другими явлениями они по происхождению связаны? В какой мере они отражают актуальные для данной эпохи процессы развития языка?

А поэтому любой функционирующий язык можно всесторонне исследовать, лишь опираясь на факты, явления, процессы предшествующих этапов развития языка. Именно результатом этих предшествующих этапов развития и является современное состояние языка.

Не ограничиваясь историей изучаемого языка за время его собственного существования, исследователь должен обратиться и к более далеким временам, учесть изменения, происходившие в языке-основе группы или семьи языков, в которые входит изучаемый язык. Так, для понимания истории старославянского языка следует подвергнуть анализу наиболее важные процессы в языке праславянском, а также предшествовавшем ему протославянском и даже праиндоевропейском.

История праславянского языка, история дописьменного периода отдельных славянских языков восстановлена, реконструирована и продолжает восстанавливаться. Возможным это стало в результате сравнительно-исторического изучения славянских и, шире, индоевропейских языков.

Основателем сравнительно-исторического языкознания с полным правом считается Якоб Гримм (1785–1863). Таким образом, сравнительно-историческое языкознание – довольно молодая наука. Хотя и до XIX в. ученые сравнивали языки между собой, однако научный подход к этому вопросу не был возможен до тех пор, пока не возникла идея *исторического развития языков* и не появилось истинного понимания *идеи сравнения языков*.

Положение изменилось в конце XVIII – начале XIX в., и этому способствовали два обстоятельства.

Во-первых, к тому времени уже получила признание идея сравнения в разных науках, и в 1781 г. Иоганн Кристоф Аделунг выдвинул требование сравнивать грамматические структуры, а также корни и их значения. Это он считал главным для градуирования родственных отношений между языками.

Во-вторых, преодолению традиционных представлений и созданию современного языкознания способствовало изучение санскрита, древнего литературного языка Индии. В 1788 г. сэром Вильямом Джонсом в докладе была сформулирована новая концепция: «Санскрит имеет поразительную структуру; он совершеннее греческого, богаче латинского и превосходит оба эти языка по утонченной изысканности. И однако в его глагольных корнях и в грамматических корнях обнаруживается отчетливое

сходство с этими двумя языками, которое не могло возникнуть случайно. Оно настолько сильно, что ни один языковед при исследовании всех трех языков не может не прийти к выводу, что они произошли из одного источника, который, по-видимому, уже не существует». Таким образом, Джонс пришел к понятию о сравнении языков и к мысли, что генетически родственные языки – это результат разной эволюции общего исходного языка, языка-основы. Работы Фридриха Шлегеля, Франца Боппа, А. Х. Востокова укрепили позиции нового метода изучения языков.

Опорой для сравнительно-исторического языкознания явился также сделанный исследователями вывод, что языковым изменениям присуща известная регулярность. Возникло понятие *фонетического закона*. Однако уже в XIX в. исследователи осознали, что действие законов может приостанавливаться, затемняться, причем не только под действием других звуковых законов, но и под действием иного мощного фактора – *аналогии*. Аналогия – это морфологическое преобразование по уже существующим в языке моделям, в результате которого обычно прекращаются и затемняются протекающие по определенным звуковым законам процессы чисто звукового развития.

Между родственными языками существует различная степень родства. Есть близкородственные языки (русский и украинский, русский и сербскохорватский, чешский и словацкий, чешский и польский, чешский и словенский, шведский и норвежский) и языки, родство которых можно установить в результате сложного изучения, опирающегося на глубокий этимологический анализ (армянский и латинский). Родственные языки восходят к одному источнику, который называется в науке праязыком.

§ 50. *Индоевропейский язык* – язык-предок языков индоевропейской семьи. Теперь говорят об этноязыковой индоевропейской общности. Предполагается, что прародина праиндоевропейского языка – средняя, восточная, юго-восточная Европа[11].

[11] Вопрос об индоевропейской прародине является спорным: одни исследователи включают в нее Балканы и северную часть Ближнего Востока (Ма-

В III тысячелетии до н. э. он уже не существует: уже известны древнегреческий и хеттский языки. Сравнительно-исторический метод – это метод ретроспективный: на основе реально существующих языковых фактов восстанавливается гипотетически реконструируемый язык, не нашедший отражения в письменности, существовавший до письменности.

Что является материалом для сравнительной грамматики? Источниками сравнительной грамматики являются памятники письменности, народные говоры, тексты на литературных языках, топонимия, заимствования в соседних языках и заимствования из родственных и неродственных языков в славянские и другие языки и т. д.

§ 51. Праславянский язык сформировался на основе одного из индоевропейских диалектов – *протославянского*. Его элементы могут быть восстановлены с помощью сравнительно-исторического метода на основе анализа древнейших индоевропейских языков. Время оформления протославянского языка должно быть отнесено к той эпохе, когда в индоевропейском языке наметилась глубокая диалектная дифференциация, появились зоны, в которых общеиндоевропейские языковые законы, тенденции имели разные, хотя и параллельные результаты.

§ 52. *Праславянский язык* – это гипотетически реконструируемый, но некогда реально существовавший общеславянский язык, являющийся источником как современных живых, так и известных по памятникам славянских языков и их диалектов. Праславянский язык – родоначальник современных славянских языков, все они восходят к нему генетически.

Праславянский язык пережил многовековую историю, он развивался, изменялся, имел территориальные (диалектные) особенности.

Период существования праславянского языка был более длительным, нежели период, охватывающий историю отдельных славянских языков. Однако достаточно долго ученые полагали,

---

лая Азия, Верхняя Месопотамия), другие – территорию от Балкан до Ближнего Востока и Южного Кавказа и т. д.

что его можно описывать, не учитывая его истории. Часто на вопрос, существовало ли то или иное явление в праславянском языке, считали достаточным ответить «да» или «нет», забывая, что праславянский язык начальных и поздних эпох различался сильнее, чем русский язык XII и XX вв.

§ 53. Вопрос о периодизации истории праславянского языка возник в конце XIX – начале XX в. Начиная с этого времени слависты много писали о принципах периодизации, о взаимоотношении диалектов, о критериях, на основании которых можно определить завершение праславянского периода. Многие из этих вопросов не имеют однозначного решения и в современной лингвистической литературе.

Праславянский язык трудно датировать хронологически, так как он не был зафиксирован памятниками письменности. Отсутствие строгих оснований для датировки событий истории праславянского языка вынуждает обращаться к относительной хронологии, установлению последовательности, очередности тех или иных фактов истории языка. Исторически, как уже отмечалось, праславянскому языку предшествовал протославянский. История собственно праславянского языка начинается с момента появления специфических славянских языковых инноваций. Важнейшим языковым процессом в истории становления системы праславянского языка стала тенденция к открытости слога, получившая наименование «закон открытого слога». Еще в 1920-е гг. Г. А. Ильинский говорил, что закон открытого слога *был движущим нервом праславянского языка.* О том же писали Н. Ван Вейк, Р. Нахтигал. Действительно, в результате действия этого закона произошли коренные изменения в облике праславянского языка.

И даже если считать закон открытого слога не законом, а тенденцией, надо констатировать, что она определила весь характер развития праславянского языка в I тысячелетии н. э., медленно, но неуклонно подчинила себе весь строй праславянского языка, вызвала в нем коренные преобразования. И мы не знаем позиции, в которой бы эта тенденция в конце концов не была бы реализована.

В связи с действием закона открытого слога история праславянского языка делится исследователями на два больших периода:

I. Период до утраты закрытых слогов:

– период после распада индоевропейского единства;

– период балто-славянской сообщности;

– период после распада балто-славянской общности до эпохи утраты закрытых слогов.

II. Период, продолжавшийся после утраты закрытых слогов:

– период утраты закрытых слогов;

– период распада праславянского языка.

§ 54. Еще на заре сравнительного языкознания ученые заметили, что между славянскими и балтийскими языками существовали в прошлом очень близкие отношения (то же – италийские и кельтские, иранские и индийские). Балтийские языки – одна из групп индоевропейских языков. Эти языки наиболее близки к славянским. Исключительная близость этих двух языковых групп позволяет говорить о возможности некоего балто-славянского единства, имевшего место в истории индоевропейских языков.

Очевидная близость славянских и балтийских языков позволила еще в XIX в. А. Шлейхеру высказать предположение о балто-славянском праязыке. Однако идея эта очень рано вызвала скептическое отношение ученых, хотя проблема сосуществования славянских и балтийских языков в эпоху, когда они отделились от остальных индоевропейских языков, продолжает обсуждаться и современной лингвистикой, поскольку эти языки пережили ряд сходных, аналогичных процессов. Исследователи отмечают также, что близость процессов может быть результатом независимого и параллельного развития языков, поскольку наблюдаемые в них явления скорее сходного, чем тождественного характера. Большинство современных ученых особую близость славянских и балтийских языков объясняет длительными историческими контактами древних балтов и славян, принадлежавших к одной группе индоевропейских диалектов.

Настоящее состояние науки таково, что праславянский язык восстановлен во всех существенных чертах. Менее всего поддаются реконструкции праславянский синтаксис и лексика. Начинают проясняться этапы развития праславянского языка. Но если реальность существования праславянского языка и сложность его истории не вызывают сомнений, труднее однозначно определить территорию праславянского этнолингвистического единства. Нет ни письменных славянских свидетельств, ни каких-либо непосредственных указаний. Не существует однозначного ответа на вопрос о том, на какой территории произошло обособление праславянского языкового континуума из индоевропейского.

§ 55. Можно с уверенностью сказать, что территория расселения древнейших славян неоднократно изменяла свои границы и очертания. Что же касается проблемы локализации славянской прародины незадолго до широкого расселения праславянских племен и распада праславянского языка, то существуют две основные гипотезы: висло-одерская и среднеднепровская.

Согласно *висло-одерской гипотезе*, древнейшие славяне сформировались как самостоятельная этноязыковая единица между Вислой и Одером, северной границей этой территории было Балтийское море, что приблизительно соответствует территории современной Польши. В первые века н. э. из этих районов начинается расселение славянских племен на юг, к Дунаю и на Карпаты, и на восток, к Днепру. Широкое расселение славян вызвало распад их древних диалектов, сложившихся на прародине. Они распадаются на самостоятельные этноязыковые единства, которые положили начало исторически известным славянским народам и языкам.

Гипотеза была сформулирована польским ученым Т. Лер-Сплавинским в 1946 г. в работе «О происхождении и прародине славян».

Однако С. Б. Бернштейн («Очерк сравнительной грамматики славянских языков») отмечает, что у нас нет оснований считать, что в I тысячелетии до н. э. славяне жили на берегу Балтийского моря. Если бы великий путь за янтарем пролегал по славянским территориям, влияние античных языков и античной культуры на славян было бы гораздо глубже и древнее.

Среднеднепровская гипотеза была выдвинута еще в XIX в. и поддерживалась такими крупными славистами, как М. Фасмер, Л. Нидерле и др. Она представляется наиболее вероятной, но с учетом определенных коррективов.

Согласно этой гипотезе, славянские племена в последние столетия до н. э. занимали территорию между средним течением Вислы и средним течением Днепра. На севере их предполагаемой границей была река Припять, на юге – правобережные лесостепные районы (южнее Киева, ниже по Днепру).

Какими данными пользуются ученые в поисках прародины славян?

1. Исследуются языковые контакты между праславянами и их родственными и неродственными соседями.

2. Изучаются географические названия, данные славянской топонимики (топонимика – раздел языкознания, изучающий имена собственные, представляющие названия географических пунктов: τόπος – место, ὄνομα – имя).

3. Наиболее убедительно данная территория устанавливается методом исключения: наука не знает других этнических групп, которые с большой долей вероятности могли бы поселиться здесь (балтийские племена жили к северу от Припяти; венеты – к западу от этой территории и т. д.).

4. Свидетельства, получаемые посредством других наук. Особенно важное значение имеют сведения древних писателей, относящиеся к жизни древних славян и их соседей.

Показания древних авторов свидетельствуют о том, что во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первые столетия н. э. Прибалтика (балтийские племена), северное Поднепровье (балтийские племена, на востоке смыкающиеся с угро-финнами), центральная Россия, южные области (скифы и сарматы) были заняты и исключаются как возможные области расселения древних славян. О венетах, появившихся на берегах Балтийского моря, сообщается только применительно к первым векам н. э., и предполагается, что до этого земли в бассейне Вислы и Одера были заняты восточногерманскими племенами.

Следовательно, остаются земли между Западным Бугом и Днепром, Припятью и приднепровской лесостепью.

В первые столетия н. э. древняя славянская территория значительно расширяется. Серьезные изменения происходят в эпоху «великого переселения народов» (передвижение в IV–VII вв. германцев, славян и других племен на территорию Римской империи, что способствовало ее крушению).

В VI в. славяне колонизируют Балканский полуостров; к VIII–IX вв. они достигают Эльбы и пересекают ее; на востоке перед образованием древнекиевского государства славянские племена оказываются на Волхове и у Чудского озера, в междуречье Оки и Волги и, вероятно, на Дону.

Именно применительно к первой половине I тысячелетия принято говорить о распаде древнего праславянского языка. Что стало причиной этого?

Вряд ли можно искать ответ в сугубо лингвистических явлениях. Решающей причиной скорее всего были внешние (экстралингвистические) обстоятельства. В VI–VIII вв. славяне расселились от озера Ильмень на севере до Греции на юге, от Оки на востоке до Эльбы и Балтийского моря на западе. Они оказались в разных природных и культурных условиях, вступили в контакты с народами разного происхождения и неодинакового уровня развития. И, наоборот, связи, ранее существовавшие между отдельными славянским племенами, оказались нарушенными. В результате усилилась диалектная дифференциация праславянского языка.

Славяне не имели в тот период письменности, общего стандартизированного языка, который мог бы подавлять растущие диалектные расхождения. В результате в условиях наступившей разобщенности реализация одних языковых тенденций на различных территориях стала разной: она приобретала не всеобщий, а локальный характер.

Прекращение всеобщих изменений с одинаковыми результатами и есть конец существования языка.

Праславянский язык перестал существовать сравнительно незадолго до возникновения славянской письменности и появления известных нам памятников.

Протославянский период

§ 56. В истории праславянского языка большую роль сыграла эпоха, когда в индоевропейском языке наметилась значительная диалектная дифференциация. В диалектных зонах реализовывались, осуществлялись близкие или различные результаты действия общеиндоевропейских языковых тенденций, законов. Так, в складывающейся общеславянской диалектной зоне возникали специфически славянские результаты, что положило начало выделению и обособлению праславянского языка в качестве отдельной ветви индоевропейского.

Но это была лишь предыстория праславянского периода, поскольку результаты процессов имели параллели в других индоевропейских диалектах: появлялись не только особые славянские реализации результатов индоевропейских процессов, но и германские, романские и т. д.

В этот период, называемый *протославянским*, праславянский диалект сохранял общеиндоевропейскую фонстическую систему и славянские закономерности как таковые еще не сложились, однако специфические результаты индоевропейских фонетических процессов были налицо.

История собственно праславянского языка начинается позднее, с появлением специфических славянских системно-языковых инноваций, не имеющих уже параллелей в других индоевропейских диалектах.

Однако значение протославянской эпохи велико. Именно здесь берут основу некоторые тенденции, сыгравшие большую роль в дальиейшей истории праславянского и (позже) славянских языков.

Система консонантизма протославянского периода

§ 57. Звуковой строй индоевропейского языка этого периода характеризовался ярко выраженной консонантностью. Эта черта проявлялась прежде всего в резком преобладании числа согласных фонем, а также в очевидном преобладании смычных над спирантами, которые по своему образованию ближе к гласным, поскольку при их образовании отсутствует момент полного смыкания артикуляционных органов, что делает их менее «консонантными», чем смычные.

Система согласных характеризовалась двумя основными дифференциальными признаками (ДП): способом образования и местом образования

Место образования / Способ образования		Губные	Зубные	Небные		
				Палато-велярные	Велярные	Лабио-велярные
Смычные	Глухие	p	t	k’	k	k^w
	Звонкие	b	d	g’	g	g^w
	Приды-хательные	bh	dh	gh’	gh	gh^w
Фрикативные			s (z)			
Сонанты		m u̯ u̥	n l r	i̯ i̥		

По обоим признакам – и по способу, и по месту образования – фонемы формировали *тернарные оппозиции*, то есть оппозиции, представленные тремя членами.

По *способу образования* согласные делились на 1) смычные, 2) фрикативные и 3) сонанты. Различительными признаками шумных взрывных (смычных) выступали глухость – звонкость – аспирация (придыхательность). Однако противопоставление «глухость – звонкость» было развито слабо. Эта черта также характерна для языков со слабо развитым вокализмом. Кроме того, указанное противопоставление охватывало лишь чистые (непри-

дыхательные) согласные, тогда как придыхательные выступали только в одной разновидности – звонкой.

В противовес развитой системе смычных согласных в индоевропейском языке есть один щелевой – глухой <s>. Предполагают, что особой фонемы <z> не существовало. Может быть, это был позиционный вариант <s>.

Третьей группой согласных были сонанты. Сонорные функционировали в зависимости от различных фонетических условий как слогообразующие и неслогообразующие, то есть фактически как гласные и согласные.

Наличие или отсутствие слоговости у сонанта целиком определялось фонетической позицией: между согласными и на конце слова они выступали как слоговые, в позиции рядом с гласным или в интервокальном положении – как неслоговые. Таким образом, каждый сонант выступал в виде двух позиционных вариантов: [u̯] – [u̥], [i̯] – [i̥], [r] – [r̥], [l] – [l̥], [m] – [m̥], [n] – [n̥].

В сочетании с предшествующим гласным неслоговые сонанты образовывали дифтонги и дифтонгические сочетания.

Следует обратить внимание на то, что сонанты <u> и <i> в индоевропейский период не принадлежали к системе гласных. Однако для фонетической системы позднего индоевропейского языка, когда формируется протославянский язык, возможно предполагать разделение на сонанты (<r>, <l>, <m>, <n>), для которых первична консонантная функция, и полугласные (<u>, <i>), для которых первична функция вокалическая.

По *месту образования* выделялись также три наиболее радикально противопоставленные зоны – губная, зубная и небная, представленные тернарными оппозициями: <p> – <t> – <k>; <b> – <d> – <g>; <bh> – <dh> – <gh>.

При этом среди небных согласных различались:

1) собственно велярные (задненебные): <k> – <g> – <gh>;

2) палатовелярные (средненебные): <k'> – <g'> – <gh'> (акустический эффект повышения тембра);

3) лабиовелярные (произносимые с участием губ): <k^w> – <g^w> – <gh^w> (акустический эффект понижения тембра).

Система вокализма протославянского периода

§ 58. Исходная фонетическая система характеризовалась наличием следующих гласных фонем[12]:

Ряд / Подъем	Передний	Средний	Задний
Средний	ĕ		ŏ
Нижний		ă	

Эти гласные противопоставлялись друг другу не только по качеству, но и по количеству (по долготе – краткости). И качественные, и количественные характеристики были фонематическими, то есть они могли служить для различения и отождествления слов и морфем. К гласным примыкали – по степени звучности и по функции в слове (возможность быть слоговой вершиной) – слоговые сонанты [r̥], [l̥], [m̥], [n̥] и полугласные сонанты [i̯], [u̯].

Для реконструируемого периода можно предполагать систему гласных, связанных морфологическими чередованиями в корне, – *аблаут*. Аблаут (нем. Ablaut) – термин, введенный Якобом Гриммом для описания грамматической системы индоевропейских языков. Аблаут обозначает позиционно не обусловленное чередование гласных, выражающее самостоятельно или при помощи соответствующих аффиксов словоизменительные или словообразовательные значения. Аблаут представлял собой систему качественных и количественных чередований, в его систему входила и нулевая ступень: чередование с нулем звука [o] // [ø], [e] // [ø]. Качественно-количественные чередования имели три ступени – полную, продленную, нулевую: [ĕ] // [ŏ] // [ē] // [ō] // [ø].

Дифтонги и дифтонгические сочетания в исходной фонетической системе

§ 59. Кроме перечисленных гласных фонем, которые являлись монофтонгами, в индоевропейском языке были широко представлены дифтонги и дифтонгоиды (или дифтонгические сочетания).

---

[12] См.: *Соссюр Ф. де.* Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках; *Зализняк А. А.* О «Мемуаре» Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Дифтонги образовывались сочетанием долгих и кратких гласных неверхнего подъема в качестве слоговых компонентов и неслоговых сонантов – «полугласных» <i̯>, <u̯>.

āi̯	ēi̯	ōi̯	ăi̯	ĕi̯	ŏi̯
āu̯	ēu̯	ōu̯	ău̯	ĕu̯	ŏu̯

Не существует единого мнения о статусе дифтонгов в фонематической системе протославянского языка, но функциональная связь дифтонгов и монофтонгов несомненна, о чем свидетельствуют чередования <*ŭ> // <*o͡u̯> // <*ū> (ъ // оу // ы): **съхнѫти – соушити – въсъıхати**.

Дифтонгические сочетания (*дифтонгоиды*) представлены сочетанием долгих и кратких гласных в качестве слоговой вершины и сонорного согласного <r>, <l>, <m>, <n>. В протославянском языке было 24 дифтонгических сочетания:

ār	ēr	ōr	ăr	ĕr	ŏr
āl	ēl	ōl	ăl	ĕl	ŏl
ām	ēm	ōm	ăm	ĕm	ŏm
ān	ēn	ōn	ăn	ĕn	ŏn

Древнейшие фонемические процессы

§ 60. Исследования обнаруживают, что язык общеславянского единства формировался на базе индоевропейских диалектов, которые переживали определенные изменения. Чтобы представить себе, как складывался и как сложился праславянский язык, надо осознать значение каждого процесса, имевшего место в предшествующие периоды. Для этого надо остановиться на следующих явлениях:

– история придыхательных задненебных смычных согласных;
– судьба лабиовелярных задненебных согласных;
– история палатовелярных задненебных согласных;
– переход *s > [ch];
– утрата слоговых согласных;
– утрата индоевропейских геминат;
– судьба сочетаний «j + лабиализованный гласный»;
– изменения в системе дифтонгов и дифтонгоидов.

История придыхательных задненебных смычных согласных

§ 61. Придыхательные смычные согласные отмечаются в древнеиндийском, греческом, италийском, венетском языках индоевропейской системы языков. На основе этого был сделан вывод о наличии придыхательных смычных согласных в общеиндоевропейском языке.

В славянских языках следы древней придыхательности не сохранились. Ср. др.-инд. dhūmas, nabhas, madhu; лат. fūmus; лит. dúmai, праслав. *mědŭs; ст.-сл. **дымъ, небо, медъ.**

Как правило, придыхательные в славянских языках совпали с непридыхательными. Только *gh > χ в таких словах, как **прорѣха, соха, хытити** и др.

Судьба лабиовелярных задненебных согласных

§ 62. Лабиовелярные $*k^w$, $*g^w$, $*gh^w$ не сохранились в праславянском языке, они полностью совпали с нелабиализованными согласными, как и в других индоевропейских языках. Однако в некоторых языках можно обнаружить их следы (лат. lingua, quālitās – «качество» и др.).

Судьба палатовелярных (смягченных) задненебных согласных

§ 63. Вряд ли в индоевропейский и протославянский период они могли быть чистыми задненебными. Вероятно, в результате палатализации эти согласные были несколько продвинуты в своем образовании вперед, в *средненебную* зону, чем и обусловливалась их смягченность, или *палатализованность*.

В славянской диалектной зоне это продвижение оказалось настолько значительным, что смягченные заднеязычные перешли в согласные зубные (свистящие): *k' > [s], *g' > [z]. Первоначально [z] и [s] были, вероятно, полумягкими, в результате чего, например, [s] в условиях перехода в [ch] (см. ниже) вел себя иначе, чем исходный индоевропейский *s. Затем они отвердели, совпав с древними [s] и [z] (лат. cor, cordis – **сръдьце**, лат. granum – **зрьно** и др.).

В зависимости от судьбы древнейших *k’, *g’ индоевропейские языки делятся на две группы – западную и восточную. И в качестве критерия для отнесения языков к той или иной группе используется произнесение слова, обозначающего число 100.

Западная группа		Восточная группа	
латинский	kentum (centum)	иранский	satəm
готский	hund	славянский	съто
греческий	ἑκατόν		

Языки, где сохранился [k] (западная группа), называются «kentum»-языками; языки, где [k] перешел в [s], называются «satem»-языками.

Правда, процесс этот не был регулярным. Было возможным: славянский – **гѫсъ**; прусский – sansey; немецкий – gans и др.

Вероятно, однако, что часть этих нерегулярностей объясняется поздним характером процесса и возмущающим, нарушающим действием других, встречных тенденций (в частности, перехода *s > [ch]).

Во всяком случае исчезновение лабиовелярных и изменение палатовелярных, будучи поздними индоевропейскими процессами, в то же время оказывались наиболее ранними явлениями, в которых отразились новые тенденции. Они проявятся затем с большей силой в праславянском языке. Это тенденция к делабиализации звуков и тенденция к ассибиляции смычных, то есть к сообщению им фрикативного свистящего или шипящего элемента.

Переход *s > *ch

§ 64. Этот процесс характерен, кроме славянского и балтийского, и для других индоевропейских языков (например, иранских).

Однако в праславянском языке он охватил наибольшее число позиций: переход *s > [ch] осуществлялся после [ī̆], [ū̆], [r], [k] ([r], [i], [u] могли выступать и как слогообразующие, и как вторые элементы дифтонгов), но не перед [t], [p], [k]: *stŏlo͡i̯sŭ > ст.-сл. **столѣхъ**, *sūnŭsŭ > ст.-сл. **сынъхъ**,

*gŏstĭsŭ > ст.-сл. **гостьхъ**, *blŭsā > ст.-сл. **блъха**, *mousa > ст.-сл. **моуха**, *sousŏs > ст.-сл. **соухъ**, *būsŏn > ст.-сл. **быхъ**, *rěksŏn > ст.-сл. **рѣхъ**, но: **бысте** (из *būstě), **рѣсте** (из *rěkstě > rēstě) и др.

Переход *s > [ch] охватил только исконное индоевропейское *s, новый [s] из палатовелярного *k' в [ch] не переходил; ср. русск. *рисую* (лат. picto).

В целом процесс имел *прогрессивный* характер: он осуществлялся под влиянием предшествующего звука, то есть фонетическое влияние шло слева направо. Переход *s > [ch] осуществлялся как в пределах слога, так и на стыке слогов, а также на стыке морфем. Это следует отметить, поскольку далее в праславянском языке изменения будут носить преимущественно регрессивный характер и совершаться в пределах одного слога.

Первоначально [ch] выступало как вариант фонемы <s> в соответствующих фонетических условиях: после [ĭ], [ŭ], [r], [k]. Затем произошло обособление [ch] в самостоятельную фонему. Это связывают со становлением чередования [s] // [ch] в аффиксах аориста (типа [byste] – [bychъ]), в результате чего стало возможным появление соответствующих согласных по аналогии после других звуков: [chvali**chъ**], [chvali**chomъ**], [chvali**ste**], но и [pisa**chъ**], [pisa**chomъ**], [pisa**ste**]; *gŏstĭsŭ – *vŏdāsŭ > ст.-сл. **гостьхъ – водахъ** и др.

Тем самым чередование [s] // [ch] утратило фонетическую обусловленность, и <ch> приобрело статус фонемы (а не позиционного варианта).

Это произошло достаточно рано, поскольку в так называемом «новом аористе» [s] регулярно чередуется с [ch] и [š']. Очевидно, аналогическое обобщение [ch], не обусловленное фонетической позицией, произошло раньше первой палатализации, так как легче предположить действие аналогии в двойном чередовании [s] // [ch], а не в тройном [s] // [ch] // [š'].

Переход *s > [ch] был сложным процессом. В описании его есть две трудности. Во-первых, разнородность условий перехода. Вероятно, переход *s > [ch] состоял из ряда следовавших друг за

другом процессов. И, во-вторых, трудно объяснить сам механизм изменения, поскольку [s] и [ch] далеки по своей артикуляции.

В результате изменений в системе небных согласных система задненебных образовала тернарную оппозицию <g> – <k> – <ch>.

Эта тернарная цепочка согласных после перестройки консонантизма на бинарную структуру сыграет особую роль в дальнейшей истории задненебных – и в праславянском, и в славянских языках вообще. Отсутствие звонкого фрикативного, парного <g>, обусловило неустойчивость эксплозии (взрывности) у <g>, что сказалось и на его дальнейшей судьбе – он известен в славянских языках и диалектах как взрывной, фрикативный и фарингальный.

Утрата слоговых сонантов

§ 65. К концу протославянского периода начался процесс разложения слоговых сонантов [r̥], [l̥], [m̥], [n̥]: они как бы отвергали свою избыточную звучность, становились обычными сонорными звуками, а за счет утрачиваемой сонантами звучности рядом с ними развивались вокалические призвуки [i] и [u]: [r̥] > [ir], [ur]; [l̥] > [il], [ul]; [m̥] > [im], [um]; [n̥] > [in], [un].

Возможность развития разных вокалических призвуков знаменательна: призвуки были различными потому, что, вероятно, древние слоговые сонанты имели различный характер. Они могли быть звуками более заднего или более переднего образования. Сонанты заднего образования выделили призвук [u] заднего ряда, сонанты переднего образования – призвук [i] переднего ряда.

Это изменение привело к появлению новых дифтонгических сочетаний (дифтонгоидов) – с узкими гласными в качестве слогового элемента: [ur], [ir], [ul], [il], [un], [in], [um], [im].

В истории славянских языков они имели сложную судьбу и отражались в текстах в исторический (зафиксированный памятниками) период по-разному в различных языках и диалектах (так, в южнославянских языках и части западнославянских на их основе возникнут новые слоговые).

Утрата слоговых сонантов имела большие последствия для праславянской системы. Сонанты во всех случаях стали теперь выступать как неслоговые звуки. Иначе говоря, [r], [l], [m], [n] с падением слоговости артикуляционно и функционально переходят в разряд согласных (независимо от позиции). С другой стороны, существенные изменения претерпели и слоговые сонанты [i] и [u], характер которых зависел в ранний протославянский период от позиции в слове и слоге. Они переходят в группу гласных.

Результатом утраты протославянских (индоевропейских) слоговых сонорных явилось изменение системы консонантизма и вокализма, изменение качественного и количественного состава фонем, возникновение в связи с этим новых оппозиций, а также, что очень важно, произошла ликвидация промежуточной между гласными и согласными группы сонантов, которые могли быть слоговой вершиной. Как следствие, сформировалось четкое противопоставление вокализма и консонантизма.

Утрата индоевропейских геминат

§ 66. Геминаты – сочетание двойных шумных согласных одного качества. Геминаты, унаследованные из индоевропейского языка, подвергались сокращению: это относилось и к шумным (взрывным) согласным, и к спирантам (фрикативным): *tt > [t]: греч. ἄττα; готск. atta; ст.-сл. **отьць**; *ss > [s]: греч. ἐσσί; ст.-сл. **ѥси** (<*es-sei).

Геминаты, появившиеся в пределах нового слога под влиянием действия тенденции к восходящей звучности в результате переразложения слогов в праславянский период, утрачивались и изменялись в более позднюю эпоху уже на собственно славянской почве, поэтому и судьба их иная: *vĕdtei̯ > *vĕttī > **вести**; *plĕttei̯ > *plĕttī > **плести**.

Судьба сочетаний палатального [j] с лабиальными

§ 67. Интересна судьба сочетаний [j] из [i̯] с лабиализованными гласными [ŏ], [ŭ]. Признак лабиальности (акустически – бемольности) в протославянских диалектах оказался несовместим

с палатальностью согласного (диезной тональностью). В положении после палатального (диезного) сонанта [j] гласные делабиализовались, но сохранили при этом признак подъема: *i̯ŭ̄ > *jŭ̄ > [jĭ̄]; *i̯ŏ̄ > *jŏ̄ > [jĕ̄]: (*kŏnjŏs >) *kŏnjŭs > *kŏnjĭs > kŏn'ĭs > ст.-сл. конь; *mŏrjŏ > *mŏrjĕ > mor'e > ст.-сл. морк.

Произошло функциональное «смещение» унаследованной системы вокализма, в которой функции передних гласных расширились, а непередних лабиализованных – сократились. В результате развились аффиксальные чередования [ŭ̄] // [ĭ̄], [ŏ̄] // [ĕ̄].

Судьба дифтонгов и дифтонгоидов

§ 68. Изменения в системе дифтонгов и дифтонгоидов, являясь поздними индоевропейскими процессами, в то же время оказались наиболее ранними явлениями, в которых отразились тенденции, реализовавшиеся затем с большой активностью в истории праславянского языка:

– Дифтонгические сочетания, оканчивавшиеся на [m] и [n], совпали в варианте на [n], то есть во всех дифтонгоидах, оканчивающихся на носовой, произошел переход [m] > [n] в конце дифтонгических сочетаний, что сократило число дифтонгоидов на носовой вдвое.

– Исчезли дифтонги с долгими гласными, долгие и краткие в составе дифтонгов совпали в виде краткого варианта, что также изменило количественно и качественно систему дифтонгов в протославянском языке.

– Краткий гласный [ă] изменился в краткий гласный [ŏ].

Итак, к концу протославянского периода произошли существенные качественные и количественные изменения в системе дифтонгов и дифтонгоидов и сложилась следующая их система: [ĕi̯], [ŏi̯], [ĕu̯], [ŏu̯]; [ĕr], [ĕl], [ĕn], [ŏr], [ŏl], [ŏn]; [ĭr], [ĭl], [ĭn], [ŭr], [ŭl], [ŭn]. Именно в таком виде она будет унаследована праславянским языком.

Изменения, происходившие в системе дифтонгов в протославянский период, отражены в приведенной ниже таблице.

Начало протославянского периода	Конец протославянского периода
āi̯, ēi̯, ōi̯, ăi̯, ĕi̯, ŏi̯ āu̯, ēu̯, ōu̯, ău̯, ĕu̯, ŏu̯ =12	ĕi̯, ŏi̯ ĕu̯, ŏu̯ =4
ār, ēr, ōr, ăr, ĕr, ŏr āl, ēl, ōl, ăl, ĕl, ŏl ām, ēm, ōm, ăm, ĕm, ŏm ān, ēn, ōn, ăn, ĕn, ŏn =24	ĕr, ŏr ĕl, ŏl ĕn, ŏn =6
ĭr, ŭr, īr, ūr ĭl, ŭl, īl, ūl ĭm, ŭm, īm, ūm ĭn, ŭn, īn, ūn =16	ĭr, ŭr ĭl, ŭl ĭn, ŭn =6

Таким образом, материал свидетельствует о том, что общеславянское единство формировалось на базе индоевропейских диалектов, не знавших палатализованных согласных (изменившихся в свистящие), смычных придыхательных, лабиовелярных согласных, диалектов, переживших вокализацию призвука неслоговых сонорных, знавших в конце слогов лишь [n] (но не [m]), не имевших в составе дифтонгов и дифтонгических сочетаний долгих гласных. В диалектах сохранялись, однако, неслоговые [i̯] и [u̯] в составе дифтонгов.

Структура слога

§ 69. В протославянский период слоги могли быть открытыми, то есть оканчиваться на слогообразующий звук (гласный или слоговой сонорный), и закрытыми – оканчиваться как на любые согласные, так и на неслоговые [i̯] и [u̯]: *kŏ-njŏs, *ŏr-bŏs, *vr̥-sŭs, *sū-nŭs.

Поскольку были возможны закрытые слоги, вполне закономерным было наличие дифтонгов и дифтонгических сочетаний, которые по самой своей природе образовывали закрытый слог: *vŏr-nā, *kŏi̯-nā и пр.

Для этого периода характерно отсутствие взаимовлияния звуков в пределах слога. В действительности речь идет не о сочетании, а лишь о последовательности звуков в слоге. Таким образом, слогу свойственна своего рода атомарность. На протяжении протославянского периода только один процесс (переход *s > [ch]) определялся влиянием

звуков друг на друга. Может быть, это было обусловлено тем, что данный процесс осуществлялся в поздний протославянский период.

Для этого периода характерны достаточно разнообразные сочетания звуков – гласных и согласных: на стыке морфем были возможны недифтонгические сочетания гласных – зияния (типа *zna-achъ, *vědě-achъ); в ходе развития славянских языков возникла тенденция к исчезновению зияний путем уподобления соседних гласных, а затем стяжения (знахъ); на стыке морфем в поздний протославянский период были возможны двойные согласные звуки (геминаты) (типа *pletti, *metti); все согласные допускали соседство с последующим палатальным [j] и гласными переднего ряда.

Ударение в исходной фонетической системе

§ 70. Исходная индоевропейская фонетическая система характеризовалась наличием музыкального ударения. Выделяются два типа интонации для ударного гласного: *восходящая* (акутовая) – интонация долгих индоевропейских гласных, долгих дифтонгов, долгих слоговых сонорных; *нисходящая* (циркумфлексная) – интонация кратких гласных, дифтонгов, слоговых сонорных.

Восходящий – нисходящий характер интонации праславянских гласных восстанавливается на основе анализа ряда соответствий, представленных в славянских языках.

Славянские языки	Акут	Циркумфлекс
Словенский язык	Восходящее ударение	Перенос нисходящей долготы на следующий слог
Сербскохорватский язык	Нисходящая краткая интонация	Нисходящая долгая интонация
Чешский язык	Долгота гласного	Краткость гласного
Русский язык	Ударение на второй части полногласных сочетаний типа *оро́*, *ере́*, *оло́* (*воро́на*, *вперёд*, *боло́то*)	Ударение на первой части полногласных сочетаний *о́ро*, *е́ре*, *о́ло* (*во́рон*, *бе́рег*, *зо́лото*)

Итогом развития вокалической и консонантной системы протославянского языка – индоевропейского диалекта эпохи диалектной дифференциации праиндоевропейского языка – стала исход-

ная праславянская система, в результате эволюции которой произойдет сначала дифференциация славянских диалектов праславянского языка позднего периода, а затем формирование современных славянских языков.

Дополнительная литература:

- *Адливанкин С. Ю.* Краткий очерк истории праславянской фонетики. Пермь, 1973.
- *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. 1. М., 1961.
- *Гаспаров Б., Сигалов П.* Сравнительная грамматика славянских языков: Пособие для студентов: В 2 т. Тарту, 1974.

Праславянская фонетическая система

Система вокализма

§ 71. Гласные противопоставлялись, во-первых, по комплексному дифференциальному признаку «ряд / лабиализация», образуя оппозицию «передний нелабиализованный – непередний лабиализованный» (фонема <а> оставалась вне этого противопоставления). Далее, все гласные противопоставлялись по подъему и, наконец, по долготе – краткости.

Для вокализма раннего праславянского периода характерно сохранение системы аблаута, что нашло отражение в системе чередования гласных фонем.

Ряд / Подъем	Передний	Средний	Задний
Верхний	ī̆		ū̆
Средний	ē̆		ō̆
Нижний		ā̆	

Качественная дифференциация гласных

§ 72. Однако в праславянском языке начинают постепенно утрачиваться количественные противопоставления в системе гласных фонем. Это был длительный процесс, завершившийся уже в истории отдельных славянских языков.

Исходные гласные	Длительность	Ст.-сл. гласные
*ā̆, *ō̆	˘	[o]
	–	[a]
*ē̆	˘	[e]
	–	[ě]
*ū̆	˘	[ъ]
	–	[y]
*ī̆	˘	[ь]
	–	[i]

Таким образом, качественно-количественная противопоставленность гласных исходной фонетической системы в праславянском была утрачена достаточно рано. Однако, поскольку праславянские гласные восходят к гласным, противопоставленным по длительности – краткости, можно предположить, что разные по происхождению гласные в старославянском языке сохраняли количественные характеристики в фонетической системе старославянского языка, но не на фонематическом уровне.

Судьба гласных в праславянском языке

§ 73. Хотя в протославянский и ранний праславянский периоды сохранялись индоевропейские долгие и краткие [ī̆], [ū̆], [ē̆], но, вероятно, в раннем праславянском оформилась лишь одна пара на месте [ō̆], [ā̆]. Поскольку совпадение [ō̆] и [ā̆] известно и в других индоевропейских языках (прежде всего в германских и балтийских), а рефлексы [ō̆], [ā̆] в славянских языках никогда точно не отражают былых связей с [ō̆] или [ā̆], необходимо предположить, что в период старейших фонетических изменений праславянские диалекты знали лишь одну пару – только [ō̆] или только [ā̆]: dōnum, māter > [ā]; ăxis, ŏcŭlŭs > [ŏ]. Н. Ван Вейк отмечал, что совпадение [ō̆] и [ā̆] – «вне всякого сомнения, явление древнего периода».

Мнение о раннем совпадении [ō̆] и [ā̆] никем всерьез не оспаривается. Предполагается, что система гласных в поздний праславянский период может быть представлена в виде следующей схемы:

ī̆ ū̆

ē̆ ā̆°,

где широкий непередний гласный характеризовался лабиализованностью, что и отразилось в транскрипции [ā°] (Н. Ван Вейк). Как явствует из схемы, Н. Ван Вейк предложил симметричную систему с горизонтальной противопоставленностью «передний – непередний» (лабиализованный) и с вертикальным противопоставлением «закрытый – открытый». Признак лабиальности оказался несовместимым с передней артикуляцией.

Качественная дифференциация долгих и кратких *закрытых* гласных [ī] и [ū] вела к тому, что признак закрытости и напряженности сохраняли лишь долгие гласные:

[ī] > [i]:
ст.-сл. **пити**, русск. *пить*, греч. πίνω, др.-инд. pitah;
ст.-сл. **живъ**, лит. gývas, лат. vīvus;
ст.-сл. **три**, русск. *три*, лат. trīginta;

[ū] > [y]:
ст.-сл. **дымъ**, лит. dúmai, др.-инд. dhumas, лат. fūmus;
ст.-сл. **сынъ** из *sūnŭs, др.-инд. sūnu;
ст.-сл. **ты**, лат. tū;
ст.-сл. **мышь** из *mūchĭ < *mūsĭ, лат. mūs.

В то же время краткие, утрачивая признак закрытости и напряженности, начинали произноситься как более открытые и ненапряженные, что могло привести к еще большему их сокращению:
[ĭ] > [ь], [ŭ] > [ъ], но по диалектам [ъ°]:
ст.-сл. **костьхъ** < *kŏstĭsŭ;
ст.-сл. **гость** < *gŏstĭs, ср. лат. hostĭs («враг»);
ст.-сл. **вьдова**, др.-инд. vidhávā, лат. vidua и др.

Ставший сверхкратким [ъ°] был противопоставлен делабиализованному долгому [y] ([ы]).

Позднее в ряде диалектов [ъ°] также мог утратить лабиализацию, что и отразилось в совпадении [ь] и [ъ], а затем и их рефлексов в сильной позиции. Надо отметить, что в тех славянских диалектах, где [ь] и [ъ] совпали, они нигде не совпали

в лабиализованном гласном, а лишь в [е] и [а]: sen, sanja. Это обстоятельство позволяет усомниться в том, что [ъ°] оставался лабиализованным во всех диалектах праславянского языка, как считали некоторые слависты. Н. Ван Вейк полагал, что следует признать разным произношение [ъ] – с лабиализацией и без нее – в праславянских диалектах.

Качественная дифференциация долгих и кратких *открытых* гласных также должна была активизировать какие-то признаки, по которым они могут быть противопоставлены в новой фонологической системе. Для непередних недиезных гласных таким признаком стал признак лабиальности, поэтому [ă°] > [ŏ] (краткий), но [ā°] > ā (долгий). В новой вокалической системе [о] и [а] оказались противопоставленными по признаку «лабиальный – нелабиальный» параллельно противопоставлению [ъ°] – [у]. Ср.:

[ŏ], [ă]:
ст.-сл. **домъ**, лат. dŏmus;
ст.-сл. **око**, лат. ŏculus;
ст.-сл. **овьца**, лат. ŏvis;
ст.-сл. **ось**, лат. ăxĭs;
ст.-сл. **отьць**, лат. ăttā;
ст.-сл. **остръ**, лат. ācer и т. д.

[ā], [ō]:
ст.-сл. **братриꙗ**, лат. frāter, греч. φράτηρ;
ст.-сл. **мати**, лат. māter;
ст.-сл. **стати**, лат. stāre;
ст.-сл. **орати**, лат. arāre;
ст.-сл. **дати**, лат. dōnum и т. д.

Ненапряженные передние изменились следующим образом: [ĕ] > [е], [ē] > [ě]. Судьба [ē] после твердых и после мягких согласных была различной.

После смягченных согласных [ē] совпадал с [’а]:
*jēstēi̯ > jastēi̯ > jasti > ст.-сл. **ꙗсти**;
*dĭrgētēi̯ > dĭrž’ati > ст.-сл. **дрьжати**.

Обычно разная судьба [ē] после твердых и мягких согласных объясняется диспалатализацией [’ē]. Ср.:

*vei̯dētei̯ > ст.-сл. **видѣти**;

*jēstei̯ > jasti > ст.-сл. **ꙗсти**;

*krīkētei̯ > krīrč’ati > ст.-сл. **кричати**.

В свою очередь *ĕ реализовался в звуке [е]:

ст.-сл. **небо**, ср. лат. nĕbula («туман»), греч. νέφος (nĕfos), нем. Nebel («туман»);

ст.-сл. **берж**, ср. лат. fero, греч. φέρω;

ст.-сл. **медъ**, ср. лит. medùs, греч. μέθυ.

Таким образом, рассмотренные изменения гласных, утрата долготы и краткости в качестве фонологических признаков, признаков фонемы, реализующих ее смыслоразличительную функцию, привели к значительным изменениям фонологической системы – отношения качественно-количественные перешли в отношения качественные. Долгота и краткость сохранились как фонетические признаки. При реализации смыслоразличительной функции фонемы они оказались избыточными, дополнительными, необязательными.

§ 74. Изменение фонологической системы гласных привело и к изменениям морфонологическим: количественно-качественные чередования древности оказались преобразованными в качественные; изменились древние качественные чередования; по-новому стали оформляться флективные морфемы в результате действия основных праславянских тенденций, что вызвало перераспределение древних основ:

И. п.: dā°ră°-s > dārŏ-s > dārŭ-s > dar-ъs > ст.-сл. **дар-ъ**;

Р. п.: dā°ră°-d > dar-a > ст.-сл. **дар-а**;

Т. п.: dā°ră°-mĭ > dār-ŏmĭ > dārŏ-mь > ст.-сл. **дар-омь**.

Система консонантизма

§ 75. В результате действия древнейших фонетических процессов система согласных фонем раннего праславянского периода представлена меньшим числом единиц по сравнению с консо-

нантизмом протославянской системы. Эта система характеризовалась рядом особенностей: в ней отсутствовало противопоставление согласных фонем по твердости – мягкости, слабо была развита небная артикуляция, был лишь один средненебный [j], передненебная зона артикуляции практически была не развита.

Место образования			Губные	Язычные		
Способ образования				Перед-неяз. зубные	Среднеяз. средненеб-ные	Заднеяз. задненеб-ные
Шумные	Смычные		p – b	t – d		k – g
	Щелевые			s – z		ch
Сонорные	Смычные	Носовые	m	n		
		Дрожащий	r			
	Щелевые		u̯ (v)	l	j (i̯)	

§ 76. Таким образом, для фонетической системы раннего праславянского периода были характерны следующие явления:

– четкое противопоставление двух фонетических подсистем: гласных и согласных;

– процесс перестройки системы вокализма;

– противопоставление гласных по ряду;

– наличие дифтонгов и дифтонгических сочетаний;

– сравнительная ограниченность числа согласных звуков:

– отсутствие противопоставленности согласных по признаку «твердость / мягкость» (акустически – «бемольность / диезность»);

– отсутствие согласных передненебного образования;

– представленность средненебных (палатальных) только [j].

Основные фонетические процессы эпохи праславянского языка

Тенденция к построению слога по принципу восходящей звучности

§ 77. На протяжении всей праславянской эпохи в языке происходит ряд изменений, весьма различных внешне, но имеющих в своей основе одну общую тенденцию (утрата конечных соглас-

ных, упрощение консонантных групп, монофтонгизация дифтонгов и дифтонгических сочетаний, изменение сочетаний гласных с плавными согласными, переразложение слогов, возникновение протетических гласных, осуществление метатез).

Эта тенденция была отмечена еще Ф. Ф. Фортунатовым, который писал о стремлении языка в праславянскую эпоху «избегать закрытых слогов». Однако такое объяснение было неполным, односторонним, так как ничего не говорило о судьбе консонантных групп. Более широкую трактовку указанного явления дал Н. Ван Вейк, рассматривая его как тенденцию к построению слога по принципу восходящей звучности, то есть к установлению в слоге обязательного распределения звуков в соответствии с их акустико-артикуляционными характеристиками по принципу увеличения звучности каждого последующего звука: установление обязательного следования от более «слабого» к более «сильному». Это позволяет представить все названные выше процессы как последовательные этапы развертывания единой тенденции к восходящей звучности, причем звучность определяется целым рядом факторов: работа голосовых связок, степень напряженности артикуляционных органов, большая или меньшая плотность преграды при артикуляции согласных.

Остается необъясненным возникновение самой тенденции. Очевидным является то, что сложилась она не сразу. Вероятно, возникало взаимодействие: сформировавшаяся в языке тенденция вызывала изменения в определенном направлении, в свою очередь результаты этих изменений укрепляли тенденцию, вызывая необходимость дальнейших изменений. Однако этим объяснением не снимается вопрос – как возникла тенденция? Как возник первый импульс в указанном направлении? Вопрос является сложным, поскольку предшествующая (протославянская) эпоха не обнаруживает явлений аналогичного характера. Следовательно, мы имеем дело не с эволюцией. Возникновение тенденции к восходящей звучности представляет собой переход в новое качество, который не мог совершиться без посредства некоторых

промежуточных ступеней, закономерных с точки зрения предшествующего состояния.

Какие же явления могут послужить первоначальным импульсом к перестройке структуры слога? Прежде всего *тенденция к максимальному разграничению гласных и согласных*. Полная ее реализация, которая не была достигнута, должна была привести к тому, чтобы все согласные оказались в интервокальной позиции, а все гласные – в интерконсонантной (то есть к структуре CVCV или VCVC). Реально такое положение достигнуто не было, так как существовали сочетания согласных. И определенный иерархический порядок должен был установить строгие правила сочетаемости в группах согласных. Возникло противопоставление группы согласных как единого целого гласному (слогообразующему). Стержнем, организующим группу согласных как единое целое, становится ее фонематический ритм.

Итак, гласные и согласные оказываются максимально противопоставленными. Кроме того, внутри группы согласных складываются определенные иерархические отношения, которые проявляются в четких и строгих правилах сочетаемости согласных в пределах одного слога.

§ 78. Для понимания становления праславянских сочетаний согласных особенно важной была *позиция начала слова*, поскольку начало слова связано с корнем, основным носителем лексического значения. Именно для этой части слова характерна наибольшая стабильность.

В начале слова в праславянский период были возможны следующие сочетания согласных:

– фрикативные могли предшествовать всем остальным согласным, при этом в начале слова преобладала <s>, так как <z> и <ch> имели вторичное происхождение; невозможным было сочетание двух следующих друг за другом фрикативных, а также сочетаний «взрывной + фрикативный», «сонорный + фрикативный»: *sk – *skŏrā, *st – *stātī, *sn – *sno͡i̯gŏs, *sm – *smo͡i̯sŏs;

– шумные взрывные легко сочетались с последующими неслоговым сонантом (*pr, *tr, *kr, *kl, *gl), однако невозможным было сочетание двух взрывных;

– носовые сонанты могли следовать только за шумным согласным, сочетание двух носовых было невозможно;

– неносовые сонанты могли следовать также за любым шумным (фрикативным и смычным) и носовым согласным;

– <j> мог следовать за любым согласным, а предшествовать в начале слова и слога он мог только гласному.

Таким образом, в начале слова складывается четкая регламентация сочетаемости согласных, не распространившаяся еще на другие позиции. В начале слова возникает определенный фонематический ритм в организации консонантной группы. В итоге устанавливается следующая последовательность согласных и слогообразующих в начале слова: *фрикативный – смычный – сонорный* (включая <v> и <j>) – *слогообразующий*. Этот порядок следования становится моделью для структуры консонантных групп и слогообразующих в других частях слова.

§ 79. *Конечные группы согласных* были менее стабильны как связанные со словоизменением, что становится причиной *утраты конечных согласных*. Группы согласных в конце слова начинают изменяться по модели начала слова: упрощаются конечные группы типа *ns и *nts, *nt > *n, исчезают одиночные конечные шумные спиранты и взрывные, поскольку позиция после сонорного оказывается для них «запрещенной».

В результате в конце слова появляется большое количество открытых слогов, а также слогов, которые в этой позиции могут «закрываться» только дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями. Аналогичная ситуация сложилась и в начале слова. Предполагают, что конечный сонант в слове и слоге соответствовал нормам этого периода и сохранялся. Данный факт свидетельствует о том, что движущей силой первоначально являлось не открытие слогов, а перестройка сочетаний согласных.

Утрата конечных согласных и распространение открытых слогов привели к тому, что на стыке слов возникало *зияние*, поскольку

многие слова заканчивались гласным и начинались с гласного. Это создавало ситуацию, противоречащую тенденции к противопоставлению гласных и согласных, и ликвидировалось путем возникновения перед начальным гласным протетического согласного.

В роли протез выступили [j] (< [i̯]) и [v] (< [u̯]). И раньше всего они возникли перед теми гласными, с которыми генетически были связаны: [j] перед [ī], [v] перед [ū]: ст.-сл. **въıдра**, ср. лит. ūdra, др.-исл. ufr, греч. ὕδρα; ст.-сл. **имѫ – възьмѫ**.

§ 80. Наступает очередь перераспределения фонетических элементов *в середине слова*. Закономерность, согласно которой шумные не могут прикрывать слог, распространяется и на слоги середины слова. В связи с этим в середине слова происходит переразложение слогов: шумные согласные, прикрывавшие слог, отходят к следующему слогу, и таким образом предшествующие слоги оказываются открытыми, а согласные, оказавшиеся в пределах одного слога, образуют сочетания. И, как и в других позициях, только сонорные и неслоговые [i̯] и [u̯] могут прикрывать слог.

В результате согласные, ранее распределявшиеся по разным слогам, теперь оказались в пределах одного слога и образовали сочетания. И эти новые сочетания должны были строиться по уже установившимся правилам, регламентирующим соответствующий порядок расположения согласных. Если же порядок следования согласных не соответствовал установленным правилам, то в группах согласных в середине слова происходили различные изменения, которые в целом известны как упрощение групп согласных (хотя не все изменения консонантных групп в середине слова в пределах одного слога связаны с тенденцией к восходящей звучности).

Упрощение консонантных групп

§ 81. Под влиянием действия тенденции к восходящей звучности в праславянский период складываются определенные правила, регламентирующие возможный порядок следования согласных звуков в пределах консонантных групп в середине слова.

Группы согласных, не соответствовавшие этим правилам, подвергались упрощению:

– «фрикативный + фрикативный»: это были новые геминаты, и они подвергались такому же упрощению на стыке морфем, как более древние индоевропейские геминаты, но, в отличие от более древних геминат, в данном случае предшествующий гласный удлинялся: *nĕssŏn > *nĕssъ > *nēsъ > ст.-сл. **нѣсъ**;

– «взрывной + взрывной»: если это были согласные *одного места образования*, характер изменения данной группы, которое могло сопровождаться ассимиляцией по глухости – звонкости, свидетельствует о том, что это новые геминаты; в отличие от индоевропейских геминат, здесь происходила диссимиляция по способу образования; ср. формы инфинитива: *vĕdtē̯i > *vĕttī > ст.-сл. **вести**, наст. вр. **ведѫ**; *plĕttē̯i > *plĕttī > ст.-сл. **плести**, наст. вр. **плетѫ**; *mĕttē̯i > *mĕstī > ст.-сл. **мести**, наст. вр. **метѫ**;

– консонантные группы, состоящие из взрывных согласных *разного места образования*, утрачивали первый согласный: *dg > [g] – *nĕvēdglāsŏs > *nĕvēglāsŭs > ст.-сл. **невѣгласъ** («невежда»); *kt > [t] – *nĕktŏpūrŏs > *nĕtŏpūrŭs > ст.-сл. **нетопырь**; *pt > [t] – *tĕptē̯i > ст.-сл. **тети** («ударять»); *bd > [d], *bt > [t] – *pŏgrĕbtē̯i > pŏgrētī > ст.-сл. **погрѣти** («похоронить»);

– «смычный + фрикативный»: упрощение группы шло в пользу спиранта: *ps > [s] – *ŏpsā > ст.-сл. **оса**; *bs > *ps > [s] – образование аориста от основы на *b: *grĕbsŏn > *grĕbsŭn > gresъ > ст.-сл. **грѣсъ** («я похоронил»); в результате перехода *s > [ch], *ks > *kch > [ch], но *kst > [st]: *rĕksŏn > *rĕkchŏn > *rēchŏn > *rēchŭn > rěchъ, но *rĕkstĕ > *rēstĕ > ст.-сл. **рѣсте**;

– «взрывной + носовой»: упрощение шло за счет первого звука: *pn > [n] – *sŭpnŏs > ст.-сл. **сънъ**; *bn > [n] – *dŭbnŏ > ст.-сл. **дъно**; *tm > [m] – *vĕrtmēn > ст.-сл. **врѣмѧ**, *dn > [n] – *vendnontē̯i > vęnǫti > ст.-сл. **вѧнѫти**;

– «носовой + носовой»: утрачивался, как правило, первый согласный: *nm > [m] – *īnmēn > ст.-сл. **имѧ**;

– «губной + губной»: упрощение осуществлялось за счет утраты второго согласного: *bv > [b] – *ŏbvŏlkŏ > ст.-сл. **облако**.

Результатом упрощения консонантных групп в середине слова становится то, что последовательность согласных в пределах слога начинает регулироваться во всех частях слова и подчиняется одним закономерностям. Сочетания согласных оказываются возможными только в начале слога. Слог может оканчиваться только на гласный, дифтонг или дифтонгоид.

Монофтонгизация дифтонгов

§ 82. Дифтонги, унаследованные из протославянской эпохи, противоречили тенденции к восходящей звучности: в их составе более звучный элемент (слоговой гласный) предшествовал менее звучному (неслоговому гласному или сонанту). Они подверглись монофтонгизации, результат которой зависел от фонетической позиции дифтонга в словоформе.

Если дифтонг оказывался *перед гласным*, он распадался на два элемента и неслоговой его компонент отходил к следующему слогу: *ko͡u̯āte͡i̯ > *kŏ-va-te͡i̯ > ст.-сл. **ковати**; *slo͡u̯o > *slŏ-vŏ > ст.-сл. **слово**.

В то же время *перед согласным и в конце слова* дифтонг сохранял свою целостность. Важным в данном случае является то, что на базе формирования новой структуры слога возникала предпосылка к более интенсивному взаимодействию звуков в пределах слога, их ассимиляции. Это еще более усугублялось функциональной слитностью дифтонга, что и привело в конечном счете к *ассимилятивному слиянию его компонентов*: неслоговой полугласный звук сливался воедино со слоговым гласным.

В результате монофтонгизации дифтонгов в праславянском языке образовались новые звуки [ū], [’ū] и расширилась сфера распространения [ě] и [ī]:

1. *o͡i̯ (из *ā̆i, *ŏi) > [ě] – ст.-сл. **ѣ**:

*ko͡i̯nā > *kěna > ст.-сл. **цѣна**, лит. kainà («цена, возмездие»). В ранний период это слово обозначало то, чем можно откупиться за пролитую кровь; ср. тот же корень, в котором дифтонг находится перед гласным: **каıати** [kaj-ati] > [ka-jati] («мстить»), – а

также слова с аналогичным сочетанием звуков в других языках, например в древнеиранском: kāy («платить, искупить»);

*po͡i̯te͡i̯ > ст.-сл. **пѣти**; *smo͡i̯sŏs > *smo͡i̯chŏs > ст.-сл. **смѣхъ**.

То же произошло с ранними заимствованиями, содержавшими данный дифтонг. В качестве примера можно привести наименование римского императора, заимствованное славянскими языками через германские языки и обозначавшее монарха. В результате монофтонгизации мы имеем *ka͡i̯sārjŏs > **цѣсарь** (ср. лат. caesar, нем. Kaiser). В старославянских памятниках употребляется и слово **к'ѣсарь** (ср. греч. καῖσαρ).

Дифтонгического происхождения **-ѣ-** было в словах **ѕѣло** («весьма, очень», ср. лит. gailás – «резкий, быстрый»), **дѣтѧ** (из *dŏ͡i̯-, ср. dŏ͡i̯-te͡i̯ – «кормить грудью») и др., а также в ряде грамматических форм: в формах повелительного наклонения: *nĕsŏ-i-mŏs > *nĕso͡i̯mŭs > nĕsěmъ > ст.-сл. **несѣмъ** (1-е л. мн. ч.), *nĕsŏ-i-tĕ > *nĕso͡i̯te > nĕsětĕ > ст.-сл. **несѣте** (2-е л. мн. ч.); в формах имен существительных: *rǫkă-i > *rǫkă-i̯ > *rǫka͡i̯ > *rǫc'ĕ > ст.-сл. **рѫцѣ** (Д. п. ед. ч.), *vĭlkŏ-i̯ > *vĭlko͡i̯ > vl̥c'ĕ > ст.-сл. **влъцѣ** (М. п. ед. ч.), ср. также М. п. мн. ч.: **влъцѣхъ** из *vl̥ko͡i̯sŭ (дифтонг *o͡i̯ > [ě], *s после *i̯ > *ch, *ŭ > [ъ]; об изменениях задненебных см. ниже).

2. *o͡i̯ (из *ă͡i̯, *ŏ͡i̯) > [i] – ст.-сл. **и**.

Тот же дифтонг в позиции *конца слова* (в окончаниях), находясь под нисходящей интонацией, имел другой результат монофтонгизации: *tŏi̯ > *to͡i̯ > ст.-сл. **ти** (ср. греч. τοί, русск. *те*); *vĭlkŏi̯ > *vĭlko͡i̯ > ст.-сл. **влъци**; *ŏrbŏi̯ > *ŏrbo͡i̯ > ст.-сл. **раби**, где *ŏ – конечный гласный основы, а *i̯ – окончание И. п. мн. ч. (ср. греч. λύκοι, лит. vilkaĩ). Такого же происхождения окончания в энклитиках в форме Д. п.: **ти, ми, си** (ср. греч. μοί, σοί); в формах повелительного наклонения во 2-м и 3-м л. ед. ч.: *nĕsŏis > *nĕso͡i̯s > nesi > ст.-сл. **неси**, *vĕdŏit > *vĕdo͡i̯t > vedi > ст.-сл. **веди** (*s и *t утрачиваются в связи с действием тенденции к восходящей звучности; ср. также греч. φέροι); в формах 2-го лица единственного числа нетематических глаголов (**єси, даси, вѣси, ꙗси**), в которых окончание **-си** по происхождению является окончанием среднего залога *-sai.

В данном случае конец слова предстает как специфическая фонетическая позиция, в которой происходит дополнительное сужение гласного. Важно, что впервые в истории славянских языков мы сталкиваемся с явлением, для которого релевантным оказывается не положение в слоге, а положение в словоформе.

3. *ei̯ (из *ĕi̯) > [ī] – ст.-сл. **и**:
*ei̯tei̯ > ст.-сл. **ити** (ср. лит. eĩti);
*vei̯dŏs > ст.-сл. **видъ** (ср. лит. véidas – «лицо»);
*krei̯vŏs > ст.-сл. **кривъ** (ср. лит. kreĩvas).

Представление о происхождении гласного из дифтонга, который монофтонгизировался в результате ассимиляции слогового элемента *ĕ к неслоговому *i̯, дают не только формы родственных языков, но и явления самого языка: **вити** из *vei̯tei̯, ср. **вѥати** [vejati > ve-ja-ti]; [i] из дифтонга *ei̯ находим в формах повелительного наклонения глаголов 3-го класса: *znājŏ-i-s > *znājĕ-i-s > znaji > ст.-сл. **знаи** (*jŏ > [je] в связи с невозможностью в протославянский и раннепраславянский периоды сочетания мягкого согласного и лабиализованного гласного); *znājŏ-i-vē > *znājei̯vē > znajivē > ст.-сл. **знаивѣ** и т. д.

4. *ou̯ (из *āu̯, *ŏu̯) > [ū] – ст.-сл. **оу**:
*āu̯sĭs > *ou̯sĭs > ст.-сл. **оухо** (ср. лат. auris, лит. ausìs, готск. auso), где дифтонг *ou̯ в *ou̯sĭs перед согласным изменяется в [ū] (*s после *u̯ – в [ch]);
*sou̯sŏs > *sūchŭs > suchъ > ст.-сл. **соухъ**;
*kou̯tei̯ > kūtī > ст.-сл. **коути**;
*slou̯tei̯ > slūtī > ст.-сл. **слоути** (ср. **сло-ве-ши** из *slou̯čĕš'ī > slo-ve-š'ī);
*plou̯tei̯ > plūtī > ст.-сл. **плоути** (ср. **пло-ве-ши**, совр. русск. *пловец*: *ou̯ > [ov] в позиции перед гласным).

Процесс монофтонгизации был результатом ассимиляции слогового гласного неслоговому *u̯. Чередование в корнях слова [u] // [ov] дает представление о происхождении в них [u]: **коуѭ, коузньць – ковати**, а также помогает определить происхождение самого гласного: **строуга – островъ** (в позиции перед согласным [j] находим [u], в позиции перед гласным – [ov] из *ou̯).

5. *eu͡ (из *ěu̯) > [’ū] – ст.-сл. ю.

Результат монофтонгизации этого дифтонга отличался от предыдущего тем, что перед гласным *ĕ выделялась палатальная артикуляция, которая оказывала палатализирующее (смягчающее) действие на предшествующий согласный. Воздействие неслогового *u̯ сказалось в том, что монофтонг стал узким и лабиализованным:

*bēu̯dtēi̯ > ст.-сл. блюсти (ср. греч. πεύθομαι [peuthŏmai] – «наблюдаю»): вероятно, через стадию *bʲēu̯dtēi̯;

*lēu̯dēi̯ēs > ст.-сл. людик (ср. нем. Leute, греч. ἐλεύθερος): через стадию *lʲēu̯dēi̯ēs.

Переход дифтонга *ou̯ в [ū], а *eu̯ – в [’ū] распространялся и на новые слова, в том числе на заимствования. В результате возникновения торговых и дипломатических отношений с германскими народами в славянском обиходе появились слова с корнем *kaup-, связанные с торговым обменом (готск. kaupōn – «торговать»). Своим происхождением этот корень был связан с лат. caupo («шинкарь»). Германский корень *kaupo у славян преобразовался в kup-: коупити (где [ū] из *ou̯ < *au̯).

К славянам перешло и германское слово theudh-, обозначавшее принадлежность к германскому народу. В праславянский язык это слово перешло в виде *tjeu̯djь в значении «чужой» (ср. словенск. tuj, tujec), пережив при этом все необходимые фонетические изменения: *tj > [s͡ʼtʼ], *eu̯ > [’ū], *dj > [z͡ʼdʼ] (в ст.-сл. щюждь, в др.-русск. чюжь, у западных славян cudz-).

Утрата дифтонгов привела к существенным изменениям в фонетической системе праславянского языка. Слово и слог не могли оканчиваться на [i̯] и [u̯], они оканчивались лишь на гласный, носовой, плавный.

Судьба дифтонгических сочетаний с носовыми согласными: образование носовых гласных

§ 83. Судьба дифтонгических сочетаний с [n], унаследованных из протославянской эпохи, аналогична судьбе дифтонгов: соче-

тания сохранились в положении *перед гласными*, пережив распадение на два элемента и перераспределение по слогам, но изменились *перед согласными* и *в конце словоформы*. В этой позиции они монофтонгизировались путем ассимилятивного слияния. При этом носовой элемент, ассимилируясь с гласным, сообщал последнему носовой призвук, в результате чего образовались долгие носовые гласные.

В старославянскую эпоху в памятниках нашли отражение два носовых гласных: [ę] – ѧ, [ǫ] – ѫ:

1.*e͡n, *i͡n (из *ēn, *īn) > [ę]:

*ī-nmēn > *i-mēn > imę > ст.-сл. **имѧ**;

*nā-ki͡nte̯i > nāč'ęti > ст.-сл. **начѧти**;

др.-герм. заимствование *küning- (нем. König – «князь», «король») > kъnędz'ь > ст.-сл. **кънѧѕь**: в слове *küningōs > kъnędz'ь происходили следующие изменения: *ü > [ъ], *g после дифтонгического сочетания *in переходило в [dz'] (III палатализация, см. ниже), *in в позиции между согласными изменялось в [ę], *ō перед конечным согласным редуцировался и подвергался большей лабиализации (*ōs > *üs > [ъ]), конечный *s утрачивался; ср. также др.-герм. заимствование *phenning (нем. Pfennig) > ст.-сл. **пѣнѧѕь**.

2. *o͡n (из *ōn) > [ǫ]:

*po͡ntis > *pǫtis > pǫtь > ст.-сл. **пѫть**, ср. лат. pons, pontis;

*ido͡nt > idǫt > ст.-сл. **идѫ** (3-е л. мн. ч. простого аориста).

В ряде случаев в позиции конца слова назализация не происходила; влияние позиции конца слова могло приводить к сужению гласного, изменению его ряда и подъема, что препятствовало образованию носового гласного. В качестве примера можно привести образование окончаний 1-го лица единственного числа аориста: *rěksōn > *rěkchōn > rēchŭn > ст.-сл. **рѣхъ**.

В старославянских памятниках нет указаний на значительные изменения в употреблении букв, обозначающих носовые (ѧ и ѫ), следовательно, нет оснований говорить об исчезновении назальности. Отступления в использовании носовых (Ⱔ и Ⱘ) в глаголи-

ческих памятниках, как считал А. М. Селищев, не связаны с фонетическими процессами, они могут быть объяснены непониманием переписчиками формы или значения слова, а также описками. В кириллических памятниках отступлений от исходной нормы использования носовых нет.

После монофтонгизации дифтонгов на *i̯ и *u̯ и дифтонгических сочетаний с носовыми согласными слог и слово уже не оканчивались на носовой, [i̯] и [u̯]. В конце слога мог быть только любой гласный или дифтонгические сочетания с плавными. Слоги в большинстве своем стали открытыми, большинство слов оканчивалось на гласный, однако еще сохранились закрытые слоги с конечным плавным в конце слога и в конце слова.

Утрата дифтонгов и дифтонгических сочетаний с носовыми согласными привела к существенным изменениям в фонологической системе праславянского языка. Так, в результате монофтонгизации дифтонгов *o͡u̯ и *e͡u̯ появилась новая непередняя фонема <ū>. Особенность ее заключалась в том, что она могла находиться после [j] (ср. в протославянский период судьбу *jŭ̄, *jŏ̄, изменившихся в *jĭ̄, *jĕ̄), в результате чего было разрушено правило, согласно которому сочетание «палатальный + лабиализованный» («диезный + бемольный») было невозможно.

Гласные, возникшие в результате монофтонгизации дифтонгов ([ū], [ī], [ě], [ę], [ǫ]), были долгими и не имели кратких коррелятов. Вероятно, в системе вокализма качественные характеристики уже играли особую роль.

Поскольку монофтонгизация дифтонгов и дифтонгических сочетаний (дифтонгоидов) с носовыми согласными происходила только между согласными, а в положении перед гласными неслогообразующий отходил к другому слогу, возникли новые праславянские чередования: *ĭn // *ę, *ŏn // *ǫ, *ę // *ǫ, *ŏi̯ // *ě, *ū // *ov, *'ū // *ev, *ěi̯ // ī и др. Ср. ст.-сл. **начьнеши – начѧти, мьнеши – мѧти, звонити – звѫкъ, трѧсти – трѫсъ, звѧкати – звѫкъ, поѥши – пѣти, плоути – пловеши, плюѭ – плевати, бити – биѥши.**

Судьба сочетаний гласных с плавными согласными

§ 84. Тенденции к восходящей звучности не соответствовали сохранившиеся в праславянском языке дифтонгические сочетания с плавными сонорными согласными [r] и [l]. Эти дифтонгические сочетания испытывали воздействие тенденции к построению слога по принципу восходящей звучности, но ее реализации препятствовала гораздо меньшая способность к ассимиляции [r] и [l] по сравнению с носовыми согласными и [i̯] и [u̯], поэтому они еще сохранялись в период монофтонгизации дифтонгов. Однако под влиянием всех предшествующих процессов позиция конца слова и слога начинает восприниматься исключительно как позиция гласного (а не согласного или дифтонга). В рамках тенденции к восходящей звучности формируется закон открытого слога, как бы доводящий тенденцию до ее полной реализации.

В новых условиях сочетания с плавными осознаются уже как закрытые слоги с нисходящей звучностью, которые подлежат устранению как не соответствующие основным системным фонетическим закономерностям праславянского языка. В этом смысле изменение сочетаний с плавными является вершиной реализации тенденции к построению слога по принципу восходящей звучности.

Судьба дифтонгических сочетаний с плавными складывалась различно в зависимости от следующих факторов: качество слогового гласного в сочетании; позиция начала или середины слова; качество звука, находившегося после сочетания (гласный или согласный).

Если сочетание находилось в позиции перед гласным, то согласно общей тенденции к переразложению слогов происходило изменение границы слогораздела, и, как следствие, перераспределение гласных и согласных между слогами: *prŏs-tŏrŏs > *prŏ-stŏ-rъ > ст.-сл. про-сто-ръ.

После завершения изменений сочетаний с плавными принцип открытого слога, возникший в рамках тенденции к восходящей звучности, оказался полностью реализованным: в языке не осталось закрытых слогов. С другой стороны, открытие слогов, появление закона открытого слога – результат полной реализации и завершения действия тенденции к восходящей звучности.

Судьба дифтонгических сочетаний с плавными в середине слова между согласными

§ 85. Изменение дифтонгических сочетаний с плавными в середине слова между согласными (сочетания типа *tŏrt, *tĕrt, tŏlt, *tĕlt, где t – любой согласный) было по-разному отражено славянскими языками.

В южных праславянских диалектах (на основе одного из них и сложился старославянский язык), а также в некоторых западных диалектах (чешском и словацком) происходила метатеза, сопровождаемая удлинением гласного:

*tŏrt > *trōt > *trāt: *bŏrdā > *brōdā > brādā > ст.-сл. брада;
*tĕrt > *trēt > *trĕt: *bĕrgŏs > *brēgŏs > brĕgъ > ст.-сл. брѣгъ;
*tŏlt > *tlōt > *tlāt: *gŏlvā > *glōvā > glāvā > ст.-сл. глава;
*tĕlt > *tlēt > *tlĕt: *mĕlkŏ > *mlēkŏ > mlĕkŏ > ст.-сл. млѣко.

В восточных и в западных диалектах лехитской группы (польском, кашубском, сербо-лужицких, полабском) метатеза не сопровождалась удлинением гласного. Вместо этого развивался новый гласный (сначала бывший лишь вокалическим призвуком), по качеству совпадавший с исходным:

*tŏrt > *trŏt > *t^{o}rŏt > *tŏrŏt;
*tĕrt > *trĕt > *t^{e}rĕt > *tĕrĕt;
*tŏlt > *tlŏt > *t^{o}lŏt > *tŏlŏt;
*tĕlt > *tlĕt > *t^{e}lĕt > *tĕlĕt (в восточнославянских языках в силу лабиовелярного характера *l возникало сочетание *tŏlŏt: mŏlŏkŏ, русск. *молоко*).

Далее в восточнославянских языках (в частности, в древнерусском) этот развившийся звук стал гласным полного образования, а в польском, кашубском, сербо-лужицких, полабском он был утрачен:

Праславянская форма	Русский язык	Польский язык
*bŏrdā	борода	broda
*gŏlvā	голова	głowa
*bĕrgŏs	берег	brzeg
*mĕlkŏ	молоко	mleko

Близость результатов изменения сочетаний типа *tŏrt в восточных языках и западных языках лехитской группы можно объяснить некоторым сближением между этими диалектами в определенный период истории праславянского языка. Результаты изменения дифтонгических сочетаний с плавными по типу *tŏrt > trāt принято называть неполногласием, а по типу *tŏrt > tŏrŏt – полногласием: борода – брада, пороҳъ – праҳъ, голова – глава и т. д.

По поводу объяснения механизма данных изменений в литературе существуют различные мнения. Некоторые исследователи (например, Р. Нахтигал) полагали, что в силу невозможности убедительно объяснить механизм изменения сочетаний типа *tŏrt и др. следует фиксировать лишь начальный и конечный этапы развития. Ф. Ф. Фортунатов предпринял попытку описать механизм изменения сочетаний с плавными. Он связывал историю этих дифтонгических сочетаний с тем, на каком элементе сочетания сосредоточивалась долгота слога. Ученый показал, что в языках южных славян, а также у чехов и словаков долгота слога сосредоточивалась на гласном, потому происходили изменения типа *tŏrt > *tārt, далее же для ликвидации закрытости слога происходило перераспределение элементов дифтонгического сочетания между разными слогами: *tārt > *tā-rt. В этом случае возникала позиционная слоговость плавного *tā-r̥-t, но она была неустойчивой в силу краткости [r̥], в результате происходила метатеза и удлинение гласного (*trā-t). В языках же восточных и северо-западных (лехитских) долгота была сосредоточена на втором элементе дифтонга – на плавном [r], [l], и в результате *tŏrt переходило в tŏ-r̥̄-t. Слоговость утрачивалась за счет развития вокалического элемента после плавного: *tŏrt > *tŏ-rt > *tŏ-r̥-t > *tŏr°t. Этот гласный был подобен гласному, находящемуся перед плавным. Далее гласные количественно уравнивались: *tor°t > torot. В лехитских же диалектах развитие было связано с редукцией и позднейшим исчезновением гласного перед плавным (*tŏrŏt > *t°rŏt > trŏt).

Следует отметить, что изменение сочетаний *tŏrt и др. было довольно поздним и в определенной мере может датироваться: имя германского императора Карла Великого (742–814) вошло

в славянские языки как kral (чешск.), król (польск.), *король* (русск.). Следовательно, в конце VIII–IX вв. закон восходящей звучности был еще живым.

Развившееся на месте дифтонгических сочетаний с плавными неполногласие совпало с исконными сочетаниями ра, рѣ, ла, лѣ, которые находились между согласными в одной морфеме в словах типа сладъ, слѣдъ, правьда, крѣпъкъ.

Чтобы различать эти сочетания, следует помнить о том, что исконные ра, рѣ, ла, лѣ представлены во всех славянских языках; если же слово содержит неполногласие, развившееся в результате преобразования дифтонгического сочетания с плавным, то ему в других славянских языках будут соответствовать иные сочетания звуков (в частности, полногласие в восточных славянских языках).

В немногих славянских группах в отдельных словах тенденция избежать закрытости слога отражалась иначе – посредством развития вторичного [ъ] после [r] и [l]. Такому изменению подверглись некоторые сочетания в языке болгарских славян, в частности тех, которые поселились на северо-востоке Балканского полуострова. Результат подобного изменения представлен в памятниках славянской письменности: малъдичие (мал'дичие) и др. в Шестодневе Иоанна экзарха; залътаринъ (зал'таринъ – «золотых дел мастер») в переводе Слов Афанасия Александрийского. Однако нет уверенности, что такая передача восходит к доисторическому периоду, возможно предположить воздействие неславянской фонетики. В этих случаях мы имеем удлинение гласных без метатезы.

Сочетания плавных согласных с гласными *ŭ, *ĭ

§ 86. Сочетания плавных согласных с редуцированными гласными в позиции между согласными *tŭrt, *tŭlt, *tĭrt, *tĭlt нарушали тенденцию к построению слога по принципу восходящей звучности.

В старославянском языке последовательность букв «плавный согласный + редуцированный гласный» обозначала звуки, разные

и по своему качеству, и по происхождению: слоговые [r̥], [l̥]: **срьдьце** [sr̥dь̯c'е], **плънъ** [pl̥nъ̯] – или сочетание плавного с редуцированными [ъ], [ь]: **блъха** [blъ̯cha], **сльза** [slь̯za].

Различить эти написания помогают факты современного русского языка. Ср.:

– **плънъ** [pl̥nъ̯] – совр. русск. *полный*, **влъкъ** [vl̥kъ̯] – совр. русск. *волк*, **прьвъ** [pr̥vъ̯] – совр. русск. *первый*, **срьдьце** [sr̥dь̯c'е] – совр. русск. *сердце*, то есть в случае, если перед нами слоговые согласные в старославянском языке, в русском языке гласный и согласный элементы меняются местами (**влъкъ** – *волк*), при этом в старославянском языке **ъ** и **ь** после согласных не обозначают гласного звука, а лишь указывают на слоговость предшествующего согласного (**влъкъ** – [vl̥kъ̯]);

– **блъха** [blъ̯cha] – совр. русск. *блоха*, **сльза** [slь̯za] – совр. русск. *слеза* и т. д.: в этих случаях **ъ** и **ь** обозначают соответствующие звуки [ъ̯] и [ь̯], а в современном русском языке последовательность гласного и согласного элементов сохраняется.

Слоговость [r], [l] развивается уже на славянской почве. Как известно, слоговые согласные исходной фонетической системы были утрачены в протославянский период. Можно предположить следующую схему развития слоговости плавными в праславянском языке, отражающую переход [ĭ], [ŭ] в редуцированные сверхкраткие [ь], [ъ], а также их последующую асссимиляцию с плавными:

*ŭr > ъr > ^{ъ}r > r̥;
*ŭl > ъl > ^{ъ}l > l̥;
*ĭr > ьr > ^{ь}r > r̥;
*ĭl > ьl > ^{ь}l > l̥.

Слоговые согласные развились в *южных* и в ряде *западных* славянских диалектов (чешского и словацкого ареала). В *восточных* и *северо-западных* диалектах завершающая стадия – развитие слоговости плавного сонорного согласного – не была, вероятно, достигнута, в результате чего достаточно рано восстановилось сочетание гласного с плавным, о чем свидетельствуют факты древнерусского языка, отразившиеся в памятниках: **търгъ**, **дьржати**, **пълнъ**. Ср. ст.-сл. **влъкъ** [vl̥kъ̯], сербск. vl̥k > vûk,

чешск. vl̥k, болг. *вълк*, русск. *волк*, польск. wilk, сев.-кашубск. voŭk, лит. vilkas, готск. wulfs; ст.-сл. **длъгъ** [dl̥gъ], сербск. dűg, ст.-чешск. dl̥hȳ, чешск. dlouhy, польск. długi, русск. *долгий*, хеттск. dalugaš. В болгарском языке слоговые плавные вышли из употребления в историческое время (*върба*, *зърно*); они заменились сочетаниями [ър], [ъл] (*вълкъ*).

Судьба сочетаний *ŏr, *ŏl в начале слова (сочетания *ŏrt, *ŏlt)

§ 87. Данные индоевропейских языков указывают на происхождение начальных **ра-** и **ла-**, **ро-** и **ло-** перед согласными из сочетаний гласных с плавными: нем. Arbeit («работа»), ст.-сл. **рабъ**, др.-русск. **робичичь**, польск. robota (< *ŏrbŏs); лит. aldija («лодка»), ст.-сл. **ладии**, русск. *лодка*, польск. łódka (< *ŏldijī). Судьба дифтонгических сочетаний *ŏr, *ŏl в начале слова перед согласными (в корне или приставке) отлична от судьбы этих сочетаний в середине слова.

В положении *перед гласными* сочетания не подверглись изменению, так как плавный согласный отходил к началу следующего слога и оба звука сохранялись в исходной последовательности: *ŏr-ā-tei̯ > *ŏ-rā-tī > ст.-сл. **орати**.

В положении же *перед согласными* под влиянием тенденции к восходящей звучности эти дифтонгические сочетания подверглись изменению.

В диалектах *южных* славян изменение было таким же, как в положении между согласными:

*ŏrt > *rōt > rāt: *ŏrbŏs > *rōbŏs > ст.-сл. **рабъ**;

*ŏlt > *lōt > lāt: *ŏldĭjī > *lōdĭjī > ст.-сл. **ладии**.

В *восточных* и *западных* диалектах праславянского языка изменения зависели от того, с какой интонацией произносились сочетания.

Если сочетание находилось под восходящим ударением, то во всех диалектах изменение было таким же, как в южнославянских: *ŏrtajь > *rōtajь > ст.-сл. **ратаи** («пахарь», ср. русск. диал. *ратай*);

*ŏrmo > *rōmo > ст.-сл. рамо («плечо»), сербск. rāmo, чешск. rāmě; *olkati > lakati, сербск. lakom, чешск. lakati, русск. *лакати*.

Если же сочетание находилось под нисходящим ударением, у *восточных* и *западных* славян имела место метатеза, но без удлинения гласного и его последующего расширения (видимо, циркумфлексная интонация препятствовала расширению гласного): *ŏrbŏs > ст.-сл. рабъ, ср. русск. *хлебороб*, польск. robota, словенск. robota; *ŏldĭji > ст.-сл. ладии, но русск. *лодка*, польск. łódź.

Предполагается, что метатеза в начальных *ŏrt, *ŏlt произошла позже, чем аналогичные изменения сочетаний типа *tŏrt.

В немногих словах предков южных славян возник и другой результат: происходила метатеза без удлинения гласного: *ŏrt > rŏt: в Супрасльской рукописи, отражающей черты говоров восточной Болгарии, наряду с рабъ, раздати находим не только робъ, но приставку роз- / рос- (розбоиникъ, ростворивъ и др.), а также розвѣ.

В болгарских диалектах было два варианта: лакътъ и локътъ (< ŏlkŭtĭs). На вариант с [lo] указывают и некоторые македонские говоры (например, в Солуни).

В языке предков болгар отразилась и еще одна тенденция – после плавного развивался [ъ]: *ŏlt > ōlъt: алъдии, но ладии (Супр. рук.).

После завершения изменений сочетаний с плавными принцип открытости слога в рамках сформировавшейся ранее тенденции к восходящей звучности оказался полностью реализованным: в языке не осталось закрытых слогов.

Закон слогового сингармонизма

§ 88. В праславянскую эпоху имели место процессы палатализации согласных под воздействием гласного переднего ряда и [j], а также делабиализация гласных под воздействием [j] (из древних протославянских сочетаний *jŭ и *jŏ). Палатализация (от лат. palatum – «нёбо») – дополнительная артикуляция, заключающаяся в поднятии средней части спинки языка по направлению к твердому небу, которое может сопровождать как язычную, так и губную артикуляцию. В результате меняется качество согласного: он становится палатализованным, или мягким.

В отличие от других индоевропейских языков праславянский язык развил резкое противопоставление велярного произношения и палатального, в результате чего в праславянском языке возникло стремление к палатальной артикуляции (Р. Нахтигал).

Процессы палатализации были представлены в виде реализации единой тенденции, действовавшей в праславянскую эпоху и получившей название тенденции к слоговому сингармонизму. Суть ее состоит в том, что звуки в пределах одного слога должны быть артикуляционно близки друг к другу.

Наиболее развернутое определение данной тенденции дал Р. Якобсон. Согласно его мнению, язык стремился иметь единую артикуляцию в пределах слога – либо переднюю, либо непереднюю. В соответствии с этим могли существовать слоги двух типов – «твердые» и «мягкие». Первые образовывались посредством сочетания «непалатализованный согласный + непередний гласный», вторые – посредством сочетания «палатализованный или палатальный согласный + передний гласный».

В силу этого в слогах, возникших в период действия данной тенденции и противоречивших ей, то есть содержавших как передние, так и непередние элементы (например, палатализованные согласные + непередние гласные), происходили соответствующие изменения, направленные на локализацию слога в единой артикуляционной зоне, – передвижение вперед артикуляции гласного ([a], [o], [u]) под воздействием палатализованного согласного либо палатализация согласного под воздействием переднего гласного или [j]. Возникновение тенденции к слоговому сингармонизму означало переход языковой системы к состоянию, диаметрально противоположному тому, что было в предшествующую, протославянскую эпоху. В противовес раннему протославянскому периоду, когда характерна была автономность элементов в слоге, в результате чего отсутствовали аккомодация, палатализация и депалатализация, возникает активное взаимодействие между элементами слога, интенсивная аккомодация[13] и палатализация.

[13] Аккомодация – частичное приспособление двух рядом стоящих звуков, принадлежащих разным классам (гласных и согласных).

Существует определенное типологическое сходство между двумя основными фонетическими тенденциями праславянской эпохи. Причем связь между этими тенденциями, зависимость их друг от друга столь велика, что возникают разные точки зрения на время действия тенденций (главный вопрос – которая из них была «толчком» для другой). Однако и до сих пор нет однозначного решения, поскольку в основном хронологически действие данных тенденций совпадает. Обе тенденции были направлены на превращение слога в единую целостную структуру, на автоматизацию и унификацию артикуляционной программы в пределах одного слога: тенденция к восходящей звучности автоматизирует последовательность следования гласного и согласных в слоге. Тенденция к слоговому сингармонизму определяет единую зону артикуляции (переднюю / непереднюю) в пределах слога.

Можно считать, однако, что тенденция к восходящей звучности во многом обусловила действие тенденции к слоговому сингармонизму, так как именно она привела к объединению согласных и гласного в пределах слога в целостную структуру, что создало предпосылки к синтагматическому взаимодействию между ними, к максимальной аккомодации. В пользу такого предположения говорит тот факт, что все изменения, связанные со слоговым сингармонизмом, происходят в пределах *нового слога*, уже выстроенного по принципу восходящей звучности: они имеют регрессивную направленность при воздействии гласного на согласный и прогрессивную при воздействии согласного на гласный. Воздействия *через границы слогораздела* практически нет (ср. протославянский период).

Важной движущей силой изменений явилась тенденция к устранению сочетания полярных единиц в звуковой системе: [k], [g], [ch] (задненебные) + [i], [e], [ě] и другие гласные переднего ряда; [k], [g], [ch] + [j]. В результате происходил процесс палатализации, который означал продвижение согласных к твердому небу под воздействием [j] и гласных переднего ряда.

Палатализация согласных перед [j]

§ 89. Одно из проявлений тенденции к слоговому сингармонизму в праславянском языке заключалось в том, что консонантная группа в пределах слога стремилась к артикуляционной однородности, прежде всего связанной с зоной артикуляции. В связи с этим, если в составе консонатной группы был [j] (единственный палатальный согласный системы консонантизма протославянского и раннего праславянского периодов), то вся консонантная группа подвергалась качественным изменениям. Процесс мог иметь только регрессивный характер, так как в исходной фонетической системе [j] (< [i̯]) мог быть только в конце консонантной группы. Звук [j] сообщал предшествующему согласному (или группе согласных) палатализованный характер, при этом сам исчезал, как бы растворялся в артикуляции предшествующего согласного. Палатализации подвергались все согласные без исключения; зона их образования при этом смещалась в сторону среднего неба.

Суть рассматриваемого процесса состояла во взаимной ассимиляции: [j] ассимилировал предшествующий согласный, а сам был ассимилирован этим согласным, в результате чего появились долгие мягкие согласные.

Задненебные согласные [k], [g], [ch], смещая место своего образования вперед, по направлению к среднему небу в позиции перед [j], превратились в мягкие палатализованные согласные; при этом смычные взрывные [k], [g] изменяли способ образования, приобретая фрикативный или смычно-проходной характер:

*kj > [k̄’] > [č’]: *plākjŏn > ст.-сл. **плачѫ**, ср. **плакати**; *sēkjā > ст.-сл. **сѣча**, ср. **сѣкати**;

*gj > [ḡ’] > [d͡’ž’] > [ž’]: *stŏrgjā > ст.-сл. **стражꙗ**, ср. **стрѣгѫ**; *lŭgjā > ст.-сл. **лъжа**, ср. **лъгати**;

*chj > [c̄h’j] > [š’]: *so͡u̯sjā > *sūchjā > ст.-сл. **соушꙗ**, ср. **соухъ**; *do͡u̯sja > *dūchjā > ст.-сл. **доуша**, ср. **доухъ**.

Предполагается, что преобразование *gj прошло стадию аффрикаты *d͡’ž’, однако затем произошла утрата затвора, и аффриката превратилась в фрикативный согласный [ž’].

Палатализация *зубных фрикативных* согласных [s] и [z] также сопровождалась смещением зоны артикуляции по направлению к твердому небу, но уже назад. В результате рефлексы палатализации зубных оказались идентичны результатам палатализации задненебных согласных – развились передненебные фрикативные звуки: [ž’] и [š’]:

*sj > [s̄’] > [š’]: *nŏsjā > ст.-сл. **ношꙗ**; ср. **носити**; *kŏsĭām > kŏš’ǫ > ст.-сл. **кошѭ**;

*zj > [z̄’] > [ž’]: *u̯ŏzĭām > vŏž’ǫ > ст.-сл. **вожѭ**, ср. **возити**; *nŏzjŏs > *nŏzjŭs > *nož’ĭs > nož’ь > ст.-сл. **ножь**.

Переднеязычные сонанты [r], [l], [n] в позиции перед [j], не меняя своей основной артикуляции, становились палатализованными, то есть мягкими:

*nj > [n̄’[> [n’]: *klŏnīām > * klŏnjām > klŏn’ǭ > ст.-сл. **клонѭ**, *kŏnjŏs > *kŏnjŭs > *kŏnjĭs > kon’ь > ст.-сл. **конь**;

*lj > [l̄’] > [l’]: *vŏljā > ст.-сл. **волꙗ** [vol’a], *mŏlīām > *mŏljām > *mŏl’ǭ > mol’ǫ > ст.-сл. **молѭ**;

*rj > [r̄’] > [r’]: *būrjā > ст.-сл. **боурꙗ** [bur’a], *smŏtrīām > *smŏtrjām > *smŏš͡’t’r’ǭ > smotr’ǫ > ст.-сл. **смотрѭ**.

Губные согласные [m], [b], [p], [v] в позиции перед [j] развивали [l]-образный призвук, который затем превратился в согласный полного образования – [l]-epenteticum:

*bj > [b̄’] > [bl’]: *l’ūbīām > *l’ūbjǭ > l’ubl’ǫ > ст.-сл. **люблѭ**;

*pj > [p̄’] > [pl’]: *vŭpjь > ст.-сл. **въпль**;

*mj > [m̄’] > [ml’]: *zĕmjā > ст.-сл. **землꙗ**;

*vj > [v̄’] > [vl’]: *lŏvjā > ст.-сл. **ловлꙗ**.

Этот процесс отразился во всех славянских языках, если группа «губной + [j]» была внутри корня. На стыке корня и суффикса или флексии процесс, вероятно, происходил позднее, и его результаты были неодинаковыми в разных славянских языках: в ряде диалектов во всех позициях развилось сочетание губного с [l]-epenteticum, в других – болгарском, македонском и западнославянских – [j] смягчил предшествующий согласный и ассимилировался с ним: ср. польск. ziemia, чешск. zeme, болг. *земя*. Утрата неначального [l]-epenteticum явилась одним из позднейших

изменений системы консонантизма праславянского языка, отраженным в ряде старославянских памятников (**земи, корабь**).

Предполагают, что в период действия тенденции к построению слога по принципу слогового сингармонизма не могло возникнуть из сочетания губного с [j] последовательности звуков типа [pl'], в которой непосредственно соседствовали палатализованный и непалатализованный согласные. Вероятно, в результате палатализации губных посредством [j] возникали сложные звуки типа [p͡l'], судьба которых в славянских диалектах была разной: возникали рефлексы [pl'] или [p'], во всяком случае в позиции на стыке морфем не в начале слова (**корабль – корабь**).

Зубные смычные [t], [d] в позиции перед [j] также передвигались в зоне своей артикуляции по направлению к среднему небу. В результате слияния с [j] возникали долгие палатализованные согласные: *tj > [t̄']; *dj > [d̄'].

Результаты их дальнейших преобразований являются одним из главных фонетических отличий между тремя группами славянских языков. Это свидетельствует о том, что процесс имел место в поздний праславянский период, в пору диалектной дифференциации.

В *западнославянских языках* долгие палатализованные смычные развили после себя свистящий призвук, то есть стали смычно-проходными звуками (аффрикатами):

*tj > [t̄'] > [c']: *svētjā > *svēt̄'a > *svēt't'a > *svētca > польск. świeca;

*dj > [d̄'] > [d͡'z']: *mědjā > *měd̄'ā > *měd'd'ā > *měd͡'z'ā > польск. miedza; *tē͡u̯dj- > *tjē͡u̯dj- > *t̄'ud̄'- > польск. cudzy.

В *южнославянских языках* фрикативный призвук развился и после, и перед палатализованным смычным; в результате дальнейших преобразований данной фонетической группы в разных славянских языках южного ареала возникали различные результаты:

*tj > [t̄'] > [t't'] > [š͡'tš'] > ст-сл., болг. [š͡'t']: *svētjā > svēš͡'t'a > ст.-сл. **свѣща**; сербскохорв., словенск. [tš']: sveča (таким образом, в южнославянских диалектах фрикативный элемент мог следовать за [t], мог ему предшествовать);

*dj > [d̄'] > [d'd'] > [ž'dž'] > ст.-сл., болг. [ž'd']: *mědjā > měž'd'a > ст.-сл. **межда**, *teu̯dj-> *tjūdj- > š't'už'd'- > ст.-сл. **щюждь**; сербскохорв. [dž']: meђa; словенск. [j]: tuj, tujec, mēja и др.

В *восточнославянских языках* долгие палатализованные смычные также развили до и после себя передненебные спиранты, затем начальный спирант утратился, а после этого в звонкой аффрикате исчезла начальная смычка, в результате чего стал произноситься палатализованный передненебный спирант:

*tj > [t̄'] > [t't'] > [š'tš'] > [t'š'] > [č']: *svētjā > *svēt'š'ā > др.-русск. **свѣча**;

*dj > [d̄'] > [d'd'] > [ž'dž'] > [d'ž'] > [ž']: *mědjā > *měd'ž'a > *měž'ā > др.-русск. **межа**; *teu̯djŏs > *tjūdjŏs > *tš'ūž'ъ > др.-русск. **чюжь**.

В результате воздействия [j] на согласные появляется большое количество новых согласных, имеющих палатализованный характер.

Несмотря на то что все эти согласные были результатом позиционных изменений, они в системе языка сразу получили статус фонемы: [j], ассимилируясь, исчезал, и тем самым ликвидировалась та фонетическая позиция, которая была причиной этих позиционных изменений. Сначала в такого рода противопоставлениях смыслоразличительную роль играло наличие – отсутствие [j] (kŏzā > kŏzjā). После ассимиляции [j] с предшествующим согласным эту функцию берет на себя противопоставление палатализованных – непалатализованных согласных. Новые звуки больше не зависели от позиции и обладали смыслоразличительными функциями (kŏzā – kŏž'ā).

Появились первые парные по твердости – мягкости фонемы: <n> – <n'>, <l> – <l'>, <r> – <r'>, в которых палатализованность выступает в качестве самостоятельного признака.

Происходит дефонологизация <j> в позиции после согласных. И хотя в принципе фонема сохраняется, дефонологизация после согласного обусловливает ее неустойчивость в дальнейшем: тенденция к выпадению <j> в интервокальной позиции, в начале слова.

В праславянском языке существуют теперь или целиком палатализованные, или целиком непалатализованные консонантные группы (во всяком случае такова тенденция, реализующаяся не во всех диалектах).

Но эти изменения ведут уже к нарушению принципа восходящей звучности: на первый план выдвигается иной организующий принцип в рамках консонантной группы – палатализованная / непалатализованная консонантная группа.

Изменение групп согласных перед [j]

§ 90. В случае, если перед [j] была группа задненебных и зубных согласных, она в целом имела тенденцию к палатализации. Проявлялось это по-разному в разных группах:

1) вся группа могла сливаться в один палатализованный звук – аффрикату;

2) происходила раздельная палатализация каждого согласного.

В первом случае мы имеем:
*skj > [š͡’tš’] / [š͡’č’]: *iskjǭ > *iš͡’tš’ǭ > *iš͡’t’ǭ > ст.-сл. **ищѫ**;
*zgj > [ž͡’dž’]: *dŭzgjĭ > *dъž͡’dž’ĭ > *dъž͡’d’ĭ > ст.-сл. **дъждь**;
*stj > [š͡’tš’]: *svīstjǭ > *svīš͡’tš’ǭ > *svīš͡’t’ǭ > ст.-сл. **свищѫ**;
*zdj > [ž͡’dž’]: *jēzdjǭ > *jēž͡’dž’ǭ > *jēž͡’d’ǭ > ст.-сл. **ѣждѫ**.

Процесс в целом носил общеславянский характер, но затем по диалектам происходили изменения. Так, в говорах, которые легли в основу языка первых памятников, конечный элемент был утрачен. Поэтому в старославянских памятниках мы находим [š͡’t’], [ž͡’d’]: **ищѫ, тъща, дъждь** и т. д. (ср. **искати, тъсть**).

Во втором случае результаты палатализации посредством [j] таковы:
*slj > [š’l’];
*zlj > [ž’l’];
*snj > [š’n’];
*znj > [ž’n’];
*srj > [š’r’];
*zrj > [ž’r’].

Каждый из элементов изменялся, реализуя общеславянскую тенденцию: *sj > [š'], *zj > [ž'], *lj > [l'], *nj > [n'], *rj > [r'], но указанное изменение группы в целом совершалось только в южных и отчасти восточных диалектах:

*sj > [š'], *lj > [l']: *mūsljǭ – ст.-сл. **мъışлѭ** (ср. русск. *мышление*, *мыслить*);

*zj > [ž'], *nj > [n']: *pŏrŏznjь – ст.-сл. **порожнь** (ср. русск. *порожний*);

*tj > [š't'], *rj > [r']: *smŏtrjǭ – ст.-сл. **смощрѭ**.

Палатализация согласных перед гласными переднего ряда

§ 91. Палатализирующее воздействие гласных переднего ряда на согласные было аналогичным воздействию [j], однако отличалось значительно меньшей интенсивностью, что, вероятно, связано с особенностями слоговой структуры праславянского периода: установлением в пределах слога обязательного распределения звуков в соответствии с их акустико-артикуляционными характеристиками и, как следствие, фонематической противопоставленностью гласных и согласных. В результате палатализации перед гласными переднего ряда согласные и гласные сохранили свою фонематическую самостоятельность. Общая тенденция, обусловливаемая законом слогового сингармонизма, в данном случае была реализована только по отношению к задненебным согласным, которые были наиболее чувствительны к палатализационным процессам и в наибольшей степени нарушали условия закона слогового сингармонизма, избегавшего маргинальных, контрастных сочетаний (Р. Нахтигал). Задненебные согласные в сочетании с гласными переднего ряда повсеместно подвергались палатализации. Что касается всех остальных согласных, то, если палатализирующее воздействие гласных переднего ряда и имелось, оно не привело к изменению их основной артикуляции. Большинство исследователей вслед за Н. Ван Вейком считают, что в этой позиции происходило частичное смягчение согласных, в результате чего они становились полумягкими.

Процесс палатализации задненебных был актуальным в течение длительного времени, в силу чего он прошел несколько стадий.

Первая палатализация задненебных согласных

§ 92. Первая палатализация задненебных согласных – это процесс изменения твердых задненебных согласных [k], [g], [ch] в мягкие шипящие передненебные согласные [č'], [ž'] (через стадию [d͡'ž']), [š'] в позиции перед древнейшими гласными переднего ряда [ĕ], [ī] (до монофтонгизации дифтонгов). Этот процесс явился результатом действия тенденции к слоговому сингармонизму:

[k] > [č']: *kĕndŏ > ст.-сл. **чѧдо**, ср. нем. Kind («дитя»); *rĕkĕt > reč'e > ст.-сл. **рече** (форма 3-го лица единственного числа простого аориста), ср. **рек-ѫ**;

[g] > [d͡'ž'] > [ž']: *gĕnā > ст.-сл. **жена**, ср. лат. gens («род, племя»), genus («род»); *mŏgĕt > *mŏž'ĕ > ст.-сл. **може** (форма 3-го лица единственного числа простого аориста), ср. ст.-сл. **могѫ**, **могъ**; *drŏu̯gĕ > *drūd͡'ž'ĕ > druž'e (звательная форма имени существительного **дроугъ**);

[ch] > [š']: *tei̯chīnā > *tīchīnā > *tīš'īnā > ст.-сл. **тишина**, ср. русск. *тихо*; *mūsĭs > *mūchĭs > myš'ь > ст.-сл. **мышь**; *mŏlĭchīnt > ст.-сл. **молишѧ**; *sŏu̯chītei̯ > suš'iti > ст.-сл. **соушити**, ср. **соухъ**.

Образовавшиеся звуки [č'], [š'], [ž'] по своему происхождению были позиционными вариантами заднеязычных фонем (их появление было полностью обусловлено фонетической позицией). Но со временем они стали самостоятельными фонемами. Обретение ими самостоятельного фонематического статуса еще в праславянском языке определялось особенностями фонетической системы того периода:

– параллельно происходило изменение заднеязычных согласных с аналогичными результатами и в иной позиции – перед [j]: *sŏu̯chjā > **соуша**, *lŭgjā > **лъжа**, *sēkjā > **сѣча** и др.;

– после мягких шипящих в словах типа **слышати** (< *slūchētei̯), **чадъ** (< *kēdŏs), **кричати** (< *krīkētei̯) происходила диспалатали-

зация, и [ě] переходил в [ā]; в этом случае присутствие шипящих также уже не было обусловлено позицией;

– в результате возникли морфологические чередования [k] // [č'], [ch] // [š'], [g] // [ž'].

Переход позиционных чередований задненебных и шипящих в морфологические, вероятно, окончательно завершился после падения редуцированных, когда шипящие оказались в позиции перед согласным: **шьла > шла**.

Первая палатализация задненебных согласных обусловила появление в славянских языках чередования задненебных и шипящих согласных в тех случаях, когда в корне были представлены древнейшие чередования гласных, а также на конце морфем при словообразовании и словоизменении:

*kōn- // *kēn > kon- // č'en: **коньць – начало**;

*kōs- // *kēs > kos- // č'es: **коса – чесати**;

ср. также: **рекохъ – рече, отрокъ – отроче, могж – можеши**.

Первая палатализация охватила все случаи положения [k], [g], [ch] перед гласными переднего ряда недифтонгического происхождения – [ē], [ě], [ī], [ĭ].

Естественно, таких изменений не происходило перед дифтонгом [o͡i̯] (< [ōi̯], [ŏi̯], [āi̯], [ăi̯]).

После монофтонгизации дифтонга [oi̯] ([oi̯] > [ě], [ī]) задненебные согласные снова оказываются перед гласными переднего ряда: [kě], [gě], [chě]; [kī], [gī], [chī]: *koi̯nā > *kěnā, *vъl̥ko͡i̯ > *vl̥kī, *do͡u̯cho͡i̯ > dūchě; *rĭko͡i̯te > rъkětě и др. Такая позиция была «запрещенной», но действие первой палатализации к этому времени уже прекратилось, причем [č'], [ž'], [š'] приобрели статус самостоятельных фонем, вступивших в морфологические чередования.

Не могло произойти и субституции, в результате которой задненебные заменялись бы [č'], [ž'], [š'], поскольку в языке не существовало моделей [č'ě], [ž'ě], [š'ě]: они перешли в [č'a], [ž'a], [š'a], а новые [ki], [gi], [chi] возникли в конце слова, позиции, редкой для старых сочетаний задненебных с [i]. В итоге возникла палатализация с новыми результатами.

Вторая палатализация задненебных согласных

§ 93. Вторая палатализация задненебных согласных – это процесс изменения твердых задненебных согласных [k], [g], [ch] в свистящие согласные [c], [z] (через стадию [d͡z]), [s] перед гласными переднего ряда *дифтонгического* происхождения *ī и *ě (из *ē̯i, *ō̯i). У [ch] была особая судьба – результатом его изменения мог быть и [š'].

Не имеет однозначного решения вопрос о степени смягченности звуков [c], [z], [s], [š'], появившихся в результате второй палатализации, о том, что отличает их от звуков, появившихся в процессе третьей палатализации. Можно думать, что в артикуляционном отношении результаты второй палатализации представляли ту степень смягчения, которую принято называть полумягкостью: [c˙], [z˙], [s˙], [š˙]:

*k > [c˙]:

*kōina > *kěnā > c˙ěna > ст.-сл. **цѣна**, ср. лит. káina («цена, польза»), др.-русск. **каѩти**; *rīkoi̯t > r˙ьc˙i > ст.-сл. **рьци**; *vīlkoi̯ > *v˙l̥c˙i > ст.-сл. **вльци**;

*g >*d͡z˙ > [z˙]:

*gōilo > *d͡'z'ělo > z˙ělo > ст.-сл. **ѕѣло**, ср. лат. gailas («резкий, быстрый»); *mōgoi̯t' > moz˙i > ст.-сл. **мози**;

*ch > [š'] / [s˙]:

*mōu̯sāi̯ > muchě > musč > ст.-сл. **моусѣ** (Д. п. ед. ч.); *dōu̯chōi̯ > dou̯s˙ě > ст.-сл. **доусѣ** (М. п. ед. ч.).

В случае изменения [ch] праславянские диалекты вели себя поразному: в *западной* диалектной зоне находим [š'], в *восточной* (у южных и восточных славян) – [s˙]. Ср. чешск. šery, словацк. szary (ср. др.-исл. harr – «седой, серый»); русск. *серый*, болг. *сер*.

Действие второй палатализации задненебных было обусловлено тем, что после монофтонгизации дифтонга *ōi (<*ŏi̯, *ōi̯, *ăi̯, *āi̯), начинавшегося на гласный непереднего ряда, изменилась позиция для задненебных согласных: они вновь оказались перед гласными переднего ряда [i], [ě]. Поскольку действие тенденции

к слоговому сингармонизму сохраняло актуальность, твердые задненебные должны были подвергнуться палатализации.

Широко распространено мнение, что вторая палатализация не действовала последовательно: существовали праславянские диалекты, в которых результат изменения задненебных не был последовательно проведен в парадигмах. Это предположение впервые сделал Б. М. Ляпунов, указавший на единичный факт из Новгородской Служебной минеи 1096 г. (дъмъкѣ, Д. п. ед. ч.). Долгое время, отказываясь от гипотезы Ляпунова, ученые считали подобные отступления результатом действия грамматической аналогии.

Однако исследование новгородских берестяных грамот обнаружило такие тексты: а замъке кѣле а двьри кѣле. А. В. Арциховский прочитал на месте кѣле – кѣлѣа («замок келии, двери келии»). А. А. Зализняк считает, что кѣле – это цѣлъ, точно так же, как 14 локти хѣри – 14 локтеи сѣри, где сѣрь – серая ткань (см. также гвѣзда вместо звѣзда).

По мнению Зализняка, данные, извлеченные из новгородских грамот, ясно свидетельствуют о том, что вторая палатализация в древненовгородском диалекте отсутствовала: в *некнижных* словах до середины XIII в. нет ни одного примера с эффектом второй палатализации внутри корня. Нет в некнижных текстах и отражения результатов палатализации на стыке основы и окончания: къ Лоукѣ, моги, сапоги и под. Почти все примеры, где результаты второй палатализации обнаруживаются, – это церковные формулы: г҃и помози, въ бозѣ, владыцѣ и под.

Приведенные примеры дают картину диалекта, где вообще не было второй палатализации. Из этого, однако, не следует, что в XI–XII вв. в разговорном языке новгородцев не бытовали заимствования из церковнославянского языка с явлениями второй палатализации: цѣловати крьстъ и под. Обилие примеров с результатами второй палатализации в новгородских памятниках следует отнести на счет книжной нормы. Особенно последовательно она действовала внутри корня. Книжная норма в целом выдерживается и в приписках писцов, хотя встречаются исключения.

Такая же картина наблюдается в новгородских и псковских летописях: отсутствие палатализации (на стыке основы и окончания) чаще всего обнаруживается в личных именах и топонимах, особенно местных. Редки примеры без отражения результатов палатализации в пергаменных официальных документах. А вот в частных грамотах и в документах внутреннего новгородского управления безусловно господствуют варианты без палатализации: **къ рѣкѣ**.

Поскольку изменение задненебных в результате второй палатализации часто происходит на стыке основы и окончания, большую роль в развитии этого процесса играло и играет выравнивание основ под влиянием грамматической аналогии: **влъци – волки, доуси – доухы** и т. д., что сделало результаты палатализации неустойчивыми, однако действие ее было последовательным в тех диалектах, где она реализовалась.

Результаты второй палатализации обычны в конце основ имен и глаголов, оканчивающихся на задненебный, после которого шел тематический гласный *ŏ:

– у имен существительных женского рода, например, в форме дательного падежа: *rŏnko͡i̯ > *rǭkě > rǫc˙ě > ст.-сл. **ржцѣ**;

– у имен существительных мужского рода в форме местного падежа единственного и множественного числа: *vĭlkŏi̯ > vl̥c˙e > ст.-сл. **влъцѣ**; *vĭlko͡i̯sŭ > vl̥kěchъ > vl̥c˙ěchъ > ст.-сл. **влъцѣхъ**;

– у имен существительных в форме именительного падежа множественного числа: *vĭlko͡i̯ > *vl̥kī > vl̥c˙i > ст.-сл. **влъци**;

– у глаголов в формах повелительного наклонения: *mŏgŏi̯ > *mŏgo͡i̯ > *mŏgī > *mŏd͡’z’ī > mŏz˙i > ст.-сл. **мози**.

По праславянским диалектам *k, *g и *ch изменились также в сочетании с *v (< *u̯) перед *ě из дифтонга *o͡i̯: [kv] > [c], [gv] > [d͡z] > [z]. Так было в диалектах, легших в основу восточнославянских и южнославянских языков: *kvo͡i̯tŏs > cvětъ, *gvo͡i̯zda > zvězda, *vl̥chvo͡i̯ > vl̥svi. В западнославянских диалектах такого изменения задненебных перед *v не происходило: ср. польск. kwiat, чешск. kvet, польск. gwiazda, чешск. hvězda.

Третья палатализация задненебных согласных

§ 94. Третья палатализация задненебных согласных – это процесс изменения твердых задненебных согласных [k], [g], [ch] в мягкие (палатализованные) свистящие согласные [c’], [z’], [s’] под воздействием *предшествующих* гласных переднего ряда. Так же, как и в процессе второй палатализации, результатом изменения [ch] мог быть и [š’]:

*k > [c’]:
*ŏvĭkā > ŏvьc’ā > ст.-сл. **овьца**, ср. лит. avikíena («баранина»); *ŏtĭkŏs > *ŏtĭkŭs > ст.-сл. **отьць**; *dēvīkā > děvic’a > ст.-сл. **дѣвица**;

*g > *d͡’z’ > [z’]:
*pŏlĭgā > *pŏlĭgā > *pŏlьd͡’z’ā > polьz’a > ст.-сл. **польза**, ср. диал. *польга*; *kŭnĭngŏs > kъnęd͡’z’ъ > kъnęz’ъ > ст.-сл. **кънѧѕь**; *stĭgā > stьd͡’z’a > stьz’a > ст.-сл. **стьзга**.

*ch > [š’] / [s’]:
*vĭsŏs > *vĭchŭs > *vĭs’ĭs > vьs’ъ > ст.-сл. **вьсь** (местоимение), ср. диал. *вхоу*.

Третья палатализация имеет особый характер, прогрессивный, в отличие от первой и второй палатализаций: процесс идет под влиянием не последующего гласного, а предыдущего. Поскольку в эту эпоху действовал закон открытых слогов, то мы имеем первый случай межслогового воздействия.

Результаты третьей палатализации параллельны результатам второй, но имеют ряд отличий.

Возникающие в результате третьей палатализации свистящие, безусловно, были мягкими. Об этом свидетельствует, например, то, что после [c’], появившегося в ходе этого процесса, не может употребляться буква **ѣ**, она заменяется **и**, как в мягкой разновидности склонения: **отьци**, **отьцихъ** (М. п. мн. ч.), ср. **рабѣхъ**, **конихъ**.

Еще одна особенность третьей палатализации заключается в ее нерегулярности, но устойчивости, в то время как вторая палатализация, напротив, характеризовалась регулярностью, но

неустойчивостью. В силу своей нерегулярности третья палатализация проявляется факультативно: в абсолютно тождественных фонетических позициях ее результаты могут присутствовать или отсутствовать: лице, но ликъ, зрькало, но зрьцало, кънѧзь, но кънѧгыни и др.

Вследствие нерегулярности результатов третьей палатализации достаточно трудно описать условия ее протекания.

Наиболее последовательно происходит третья палатализация после *ĭ и *ī (*ŏvĭkā > ст.-сл. овьца, *ŏtĭkŏs > ст.-сл. отьць, *dēvīkā > ст.-сл. дѣвица), при этом [ĭ] воздействует на задненебный не только в случае непосредственного контакта, но и в составе дифтонгических сочетаний на [n] и [r]: *kŭnĭngŏs > kъnęd͡z'ь > ст.-сл. кънѧзь; *mĭrkātē̢ > mŗc'ati > ст.-сл. мрьцати и др.

Не происходила палатализация после [ě] (рѣхъ), а также после [ě] и [i] из дифтонга (тихъ). На течение процесса влияли, вероятно, последующие звуки – [ū], [ŭ], а также суффикс [nǫ]: кънѧзь – кънѧгыни, лице – ликъ, мрьцати – мръкнѫти, въсклицати – въсликнѫти. Таким образом, третья палатализация происходила в определенных условиях – после старославянских [i], [ь], [ę], [ŗ], но не перед *ū (> [y]), *ŭ (> [ъ]) и не перед суффиксом -нѫ- [nǫ].

Традиционно третья палатализация считается более поздним явлением, чем вторая. В пользу этого свидетельствует нерегулярность процесса, что может быть объяснено кризисным состоянием системы в эпоху распада праславянского языка.

Кроме того, третья палатализация представляет новый этап – этап *межслоговой* аккомодации и *межслогового* сингармонизма: палатализованный слог влияет на непалатализованный, и достигается сингармонизм в пределах целого слова: li-ko > li-ce, то есть палатализованный слог + непалатализованный слог > палатализованный + палатализованный.

Будучи прямым развитием господствующей тенденции, третья палатализация является в то же время моментом, фиксирующим ее разрушение.

Смысл перестройки слога в праславянском языке состоял в превращении слога в максимально слитую, целостную и – тем самым – замкнутую структуру, в пределах которой осуществлялись различные процессы.

Переход процесса на межслоговой уровень означает ликвидацию этой замкнутости и поворот к относительной размытости слоговых границ, к свободе межслоговых взаимодействий.

Этим третья палатализация уже «предвещает» межслоговое чередование сильных / слабых «еров», падение их, возможность появления редуцированных [y̆], [ĭ]. И, таким образом, относясь к «классическим» праславянским процессам, третья палатализация связана с более поздними тенденциями в языке.

Указанные случаи палатализации были впервые отмечены русским языковедом И. А. Бодуэном де Куртенэ. Некоторые ученые называют это явление бодуэновской палатализацией.

Изменение групп согласных перед гласным *ī̆

§ 95. Изменению подвергалась также группа *kt (исконная или из *gt) перед гласным переднего ряда *ī̆: *ktī̆ > [t̑'] > [t't'], развивавшая фрикативный призвук [š'] в южнославянских и восточнославянских диалектах и призвук [s] в западных диалектах: *t't' > [$^{š'}$t$^{š'}$]; *t't' > [^{s}t^{s}].

В дальнейшем начальный (у восточных и западных славян) или конечный (у южных славян) фрикативный призвук был утрачен, и в памятниках мы находим: *rěktī > rěš't'ī > ст.-сл. **рєщи** (польск. rieć), *mŏgtī > moš't'i > **мощи** (польск. móc), *nŏktĭs > noš't'ъ > ст.-сл. **нощь** (польск. noc), др.-русск. **рєчи**, **мочи**, **ночь**.

Результаты изменения системы согласных

§ 96. Результатом действия закона слогового сингармонизма было появление «исконно смягченных» согласных [č'], [ž'], [š'], [s'], [z'], [n'], [r'], [l'], [š't'], [ž'd'], [c']. «Палатальная зона», которая в протославянском и раннем праславянском языке была представлена только средненебным <j> и мягкими <k'>, <g'>,

<ch'>, оказалась заполненной. Обусловленные исходно определенной позицией новые согласные, как уже указывалось, рано стали фонемами. К концу праславянского периода мы имеем такую систему согласных фонем:

<table>
<tr><th colspan="2" rowspan="3">Место образования / Способ образования</th><th rowspan="3">Губные</th><th colspan="5">Язычные</th><th rowspan="8">Шумные глухие – звонкие</th></tr>
<tr><th colspan="3">Переднеязычные</th><th rowspan="2">Средне-язычные средне-небные</th><th rowspan="2">Задне-язычные задненеб-ные</th></tr>
<tr><th>Зубные</th><th>Небно-зубные</th><th>Передне-небные</th></tr>
<tr><td colspan="2">Фрикативные</td><td><v></td><td><s>
<z></td><td><s'>
<z'></td><td><š'>
<ž'></td><td><j></td><td><ch></td></tr>
<tr><td rowspan="6">Смычные</td><td>Взрывные</td><td><p>
<b></td><td><t>
<d></td><td></td><td></td><td></td><td><k>
<g></td></tr>
<tr><td>Аффрикаты</td><td></td><td></td><td><c'>
<d'z'></td><td><č'></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>Сложные</td><td></td><td></td><td></td><td><š't'>
<ž'd'></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>Носовые</td><td><m></td><td><n></td><td></td><td><n'></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>Боковые</td><td></td><td><l></td><td></td><td><l'></td><td></td><td></td><td rowspan="2">Сонорные</td></tr>
<tr><td>Дрожащие</td><td></td><td></td><td></td><td><r>, <r'></td><td></td><td></td></tr>
</table>

Ср. таблицу, отражающую систему консонантизма в ранний праславянский период (§ 75).

Интонация

§ 97. Ударение в праславянском языке, как и в протославянском, было не экспираторным (как в современном русском языке), а тоновым (или музыкальным). Это значит, что долгие и краткие слоги произносились не с одинаковым движением тона: они могли иметь восходящую (тон в процессе произнесения слога повышался) или нисходящую интонацию (тон, начавшись с высокой ноты, к концу слога понижался). В случае, если тон повышался, в слоге была *акутовая* (или восходящая) интонация; в случае, если тон понижался, – *циркумфлексная* (или нисходящая).

Следы праславянской интонации находим в словенском, сербском и хорватском языках: сочетания, имеющие нисходящее уда-

рение на долгом гласном, восходят к праславянским звуковым сочетаниям с циркумфлексным ударением: grãd, glãs, drũg и др. Этим сочетаниям в русском соответствуют полногласия с *-оро-*, *-оло-* с ударением на первом гласном: *во́рон*, *зо́лото*, *го́лос*. В чешском и словацком языках в таких случаях произошло сокращение гласного: hrăd, brĕh, hlăs, drŭh и др.

Сочетания, имеющие в словенском долгое восходящее ударение, а в сербском и хорватском – краткое нисходящее, представляют прежнее акутовое ударение: словенск. kráva, bláto, bréza; сербск. и хорватск. krȁva, blȁto, brȅza, sȉla и др. В русском языке в этих случаях мы имеем дело с полногласием с ударением на второй части: *коро́ва*, *берёза*, *боло́то*. В чешских соответствиях представлена долгота гласного: krāva, blāto и др.

В середине слова восходящая интонация была в слоге, гласный которого восходил к долгому гласному, дифтонгу с долгим гласным или к долгому слоговому индоевропейского языка. Слог с нисходящей интонацией восходил к слогу с кратким гласным, с дифтонгом, в составе которого был краткий гласный, к краткому слоговому индоевропейского языка.

Музыкальное (тоновое) ударение исчезло во всех славянских языках, кроме словенского, сербского и хорватского. Однако восходящее и нисходящее ударения этих языков не всегда коррелируют с акутом и циркумфлексом праславянского языка.

Явления конца слова

§ 98. В конце слова происходили процессы, отличные от процессов середины слова в отношении тех же звуков и звуковых сочетаний. Конец слова мог быть ослабленным в отношении произношения. Это ослабление могло быть более или менее значительным.

Степень ослабления конца слова или даже всего слова находится в связи с его значением, со значением его формы, формы слова в речи, в связи с частотой его применения, с особенностями произношения. Так, по мнению А. М. Селищева, некоторые глагольные формы переживают большую степень редукции, чем формы имен. Значительной редукции подвергаются частицы. Наиболее

сильная редукция отражается на наречиях в связи с частотой употребления и их особым произношением. При этом в случае произнесения наречия редукция может отражаться не только на конечном слоге, но на всем слове. Такой же может быть судьба имен счета и имен, употребляемых при обращении. Фонетические изменения в конце слова могут выражаться непоследовательно в разных словах, формах, частях речи.

Результаты редукции (ослабления) в конце слова выражаются в следующем:

– в изменении и утрате конечных согласных;

– в отвердении конечных согласных;

– в редукции гласных, которая, в свою очередь, выражается а) в количественном отношении – в редукции конечных гласных; б) в появлении большей закрытости [ā̆] и [ō̆] в определенных положениях – перед конечными согласными или группами согласных; при этом *ō̆ изменяется в [ū̆] перед [n] и [s], *ā̆ > [ā̆°] > [u].

Утрата конечных согласных

Такими согласными были [t], [d], [s], [r], [n]. Известно, что для утраты конечных согласных имела значение тенденция к восходящей звучности, в результате действия которой оформился закон открытого слога:

[*t]: *īdět > īdě > ст.-сл. **идє**; *idōi̯s (2-е л. повел. накл.) > *īdīs > ст.-сл. **иди**; *běroi̯s > beri > ст.-сл. **бєри**, ср. др.-инд. bháret;

[*d]: *tŏd > to > ст.-сл. **то**, ср. др.-инд. tád(t), лат. istud;

[*s]: *īděs > *īdě > *ide > ст.-сл. **идє**; *kŏstĭs > kostь > ст.-сл. **кость**; *gŏstĭs > gostь > ст.-сл. **гость**; *sūnŭs > synъ > ст.-сл. **сынъ**;

[*r]: *mātĕr > *mātě > ст.-сл. **мати**, ср. греч. диал. μάτηρ, лат. māter.

Конечный [*-n] также подвергался редукции, однако осуществление ее не вполне ясно. Вероятно, если [*-n] предшествовал долгий открытый гласный, появлялся носовой:

[tēn] > [tę], [sēn] > [sę]: ст.-сл. **тѧ, сѧ**;

[ān] > [ōn] > [ǫ]: ст.-сл. **женѫ**.

Возможно, первоначально также [*in] > [*į], [*un] > [*ų], ср. лит. sunų (В. п.). Однако в более позднее время [į] > [i], [ų] > [u]. Эта замена была вызвана тем, что в славянской фонетике была и

сохраняется тенденция не открывать входа в носовую полость при высоком подъеме спинки языка:

В. п. ед. ч.: *gostĭn > gostь (возможно, через стадию *gŏstį (?) > *gŏstĭ > gostь); *sūnŭm > *sūnų (?) > *sūnŭ > synъ (где [ū] > [y], [ŭ] > [ъ]);

В. п. мн. ч.: *gŏstīns > *gŏstīns > *gŏstį (?) > gosti; *sūnūns > *sūnūns > *sūnų (?) > *sūnū > syny;

1-е л. ед. ч. формы аориста: *pādŏn > *pādŭn > возможно, *pādų (?) > *pādŭ > ст.-сл. **падъ**.

Особая ситуация с предлогами и префиксами на [*n] (*kъn, *vъn, *sъn, *ŏn). Перед гласными и [j] [*n] сохранился: *ŏnūtjā > ст.-сл. **оноуца** (русск. *онуча*). Перед согласными [*ŏn] переходил в [ǫ]: ǫntrь, ǫvozъ («ввоз, въезд»). Со временем предлоги *kъn, *vъn, *sъn не перед гласными и [j] утратили [n] (ср. **вънити, вънимати, сънимати, к нкмоу, съ ними, въ храминѣ**).

Отвердение согласных

В связи с редукцией конечного слога происходило отвердение конечного согласного (например, форма 3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени: *īdětĭ > idetь, однако ст.-сл. **идєтъ**; *idŏntĭ > idǫtĭ, однако ст.-сл. **идѫтъ**).

Этот процесс происходил в разных славянских языках в разное время: и в доисторический период, и в исторический. В XI в. в старославянских памятниках находим **идєтъ, несоутъ** и др., в древнерусских – **идєть, несѫть**. В раннее время произошло отвердение [*t'] в тех группах диалектов, которые легли в основу болгарского и западнославянских языков. Позднее происходило отвердение в восточнославянских диалектах. Восточнославянские памятники XI–XII вв. представляют окончание 3-го лица единственного и множественного числа в виде **-ть**. В этой категории форм редукция могла идти дальше: могли появляться формы вообще без [t]: в среднеболгарскую эпоху, как об этом свидетельствуют памятники, чаще употреблялись формы без [t]; в современных болгарских говорах формы 3-го лица единственного числа не имеют [t]. Только говоры на западе Македонии до сих пор представляют форму 3-го лица единственного числа с [t].

Лабиализация гласных в конечных сочетаниях

В праславянский период происходит усиление *лабиализации* гласного [*ŏ] в конечных сочетаниях [*ŏn], [*ŏs]:

[*ŏn] > [ŭn] > [ъ] / [y]: *kāmōn > *kāmūn > **камы**; *idŏn > *idŭn > ст.-сл. **идъ**;

[*ŏs] > [ŭs] > [ъ] / [y]: *īdŏmŏs > *īdŏmŭ > **идомъ**; vl̥kŏs > *vl̥ъkŭs > ст.-сл. **влъкъ**.

Исключение составляли имена существительные среднего рода: īgŏn (лат. jugum), *slŏvŏs, – где [ŏ] появилось под влиянием формы И., В. п. местоимений **то**, **оно**.

В конечных сочетаниях [*ŏns], [*ĭns] в праславянский период имело место *удлинение* краткого гласного перед группой [*ns], при этом [n] утрачивался, следовательно:

[*ŏns] > [ūns] > [ųs] > [ūs] > [y]: *sūnŭns > *sūnūns > *sūnųs > *sūnūs > *sūnū > syny (В. п. мн. ч.); *ŏrbŏns > *ŏrbūns > *ŏrbūs > raby (В. п. ед. ч.); ср. также: *gĕnāns > *gĕnōns > *gĕnūns > *gĕny > ž'eny (Р. п. ед. ч.);

[*ĭns] > [īns] > [į s] > [īs] > [i]: *gŏstĭns > *gŏstīns > *gŏstįs > *gŏstīs > *gŏstī > gosti (В. п. мн. ч.).

Ту же судьбу, что и [*ŏns], имело сочетание [*ŏnts], переходившее в [ŏns] по закону восходящей звучности: *rĕkŏnts > *rĕkŏns > *rĕkŭns > *rĕkūns > *rĕkū > reky; *nĕsŏnts > *nĕsŏns > *nĕsŭns > *nĕsūns > *nĕsū > nesy (формы именительного падежа мужского рода единственного числа действительных причастий).

После [j] процессы, пережитые сочетанием [*ŏns], неясны. Вероятно, в старославянском языке [*jŏns] > [jēns] > [ję], поскольку, например, формы В. п. мн. ч. **конѩ** предполагают именно такие изменения. Подобные изменения пережили слова на [*jŏnts] > [*jŏns] > [*jēns] > [ję]: *dĕlājōnts > *dĕlājēns > dĕlāję > **дѣлаѩ**.

Однако после мягкого согласного окончания этих форм (В. п. мн. ч. основ мужского рода на *jŏ, В.-И. п. мн. ч. основ женского рода на *jā, Р. п. ед. ч. основ на *jā) были неодинаковыми по славянским диалектам: kŏn'ę в диалектах, легших в основу южно-

славянских языков, и kŏn'ě в группах, легших в основу восточнославянских и западнославянских языков.

Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Б. М. Ляпунов полагали, что западные и восточные славяне имели некогда стадию с [ę], но в славянских языках такого [ę] нет. А. Мейе увидел в этих различиях диалектные варианты фонетического изменения [*jŏns]. Однако эти объяснения не являются удовлетворительными, поскольку рассматривают факты вне фонетических и морфологических фактов других процессов.

Судьба конечного сочтания [*ois]

В форме Т. п. мн. ч. *ŏ-основ находим окончания -ꙑ, -и: рабꙑ, кони. Вероятно, сочетание [*ois] претерпело такие изменения: [*ois] > [*uis] > [*ui̯] > [y], ср. др.-инд. окончание -ais, лит. -aĩs. В результате лабиализации *ois перед конечным *s, по мнению А. И. Селищева, в итоге преобразований возникает дифтонг [ui̯], вообще близкий к [y]. Получив в конце слова ослабление, он сливается с [y].

В Фрейзингенских отрывках X–XI в. [y] был передан именно посредством [ui̯]. С помощью [ui̯] передается [y] в чешских словах в латинских документах. Вероятно, лица из неславянской среды, не имевшие в своей фонетической системе гласного [y], слышали в нем элементы [ui̯]. Проф. А. И. Томсон вообще определял славянский гласный [y] как дифтонг.

Редукция конечных долгих гласных

Пример такой редукции: *trāvā > travă и др.

Древнейшие чередования гласных

§ 99. В исходной индоевропейской фонетической системе гласные вступали в непозиционные качественные и количественные чередования (аблаут). Праславянский язык унаследовал эту систему, но в результате качественной дифференциации гласных в праславянском языке появляются новые чередования, при этом качественно-количественные чередования исходной фонетической системы изменяются в качественные.

Характер чередований	Протославянский язык	Старославянский язык	
	Чередования	Чередования	Примеры
Количественные	[ŏ] // [ō] // ø	[o] // [a] // ø	скочити – скакати; ѥсмь – сѫтъ
	[ĕ] // [ē]	[e] // [ě]	летѣти – лѣтати
	[ĭ] // [ī]	[ь] // [i]	бьрати – събирати
	[ŭ] // [ū]	[ъ] // [y]	дъхнѫти – дышати
Качественные	[ĕ] // [ŏ] [ē] // [ō]	[e] // [o] [ě] // [a]	нести – ношѭ сѣдѣти – садъ
	[ŭ] // [o͡ŭ]	[ъ] // [u], [ov]	дъхнѫти – доухъ
	[ĕ] // [ĭ]	[e] // [ь]	стелитъ – стьлати

Если чередуются гласные, одинаковые в количественном отношении, но разные по качеству (образованию), то такое чередование называется качественным: [ĕ] // [ŏ], [ē] // [ō] (běr // bŏr, например). Если чередующиеся гласные различаются в количественном отношении, но одинаковы по образованию, мы имеем дело с количественным чередованием: [ĕ] // [ē] (sēděti // sēdьlo). Чередования могут быть качественно-количественными: [ĕ] // [ō] // [ĭ] // [y̆] // [ō] // [ī] (ž'ĕravъ // gorěti // ž'ьrjavъ // gъrnъ // ž'arъ // gar // ž'iravъ); [ĕ] // [ŏ] // [ĭ] // [ē] // [ō] // [ŭ] // [ū] (tĕrti // torъ // tьrǫ // tĕrъ // tarъ // tъrъ // tyrati).

Аблаут не произволен, он подчинен определенным ограничениям, которые могут быть описаны в форме строгих правил. Аблаут возник и сформировался еще в индоевропейском праязыке в условиях, которые до сих пор не могут считаться окончательно установленными. Не все индоевропейские языки в одинаковой мере отражают аблаут. В очень разрушенном виде он сохранился в латинском языке, существенным изменениям подвергся в санскрите, хорошо сохранился в греческом и литовском. Существенную роль он сыграл в славянской морфологии.

В индоевропейском аблауте принимали участие не все гласные в одинаковой степени. Обычно было представлено чередование

гласных [ĕ], [ŏ], [ē], [ō]. Что касается [ā], то можно указать единичные примеры чередований типа stati – stojǫ. Гласный [ă] в чередованиях не участвовал.

Основная ступень индоевропейского аблаута представлена в чередовании [ĕ] // [ŏ], ступень редукции [ĭ] // [ŭ] // ø (поздний праславянский: [e] // [o], [ь] // [ъ] // ø). Нулевая ступень для праславянского языка не была актуальной (редкие случаи типа jesmь – sǫtъ, grěti – gorěti и др.).

В системе морфологических чередований праславянского языка большую роль играют долгие гласные [ō], [ē], [ī], [ū] (поздний праславянский: [a] // [ě] // [i] // [y]).

В результате в праславянском языке сформировался такой ряд чередований: [e] // [o] // [ь] // [ъ] // [ě] // [a] // [i] // [y] // ø. Он представлял итог длительного исторического развития. Морфемы с полным набором всех чередующихся монофтонгов – явление исключительно редкое. Обычно чередуются несколько монофтонгов:

[e] // [o] // [ь] // [ě] // [a]: tekǫ // potokъ // tьci // těchъ // istač'ati;

[e] // [o] // [ь] // [ě] // [i]: rekǫ // prorokъ // rьci // rěchъ // proricati;

[e] // [ě] // [a]: sedlo // sěsti // saditi;

[o] // [e] // [y]: voda // vedro // vydra.

Чередующиеся гласные могли оказываться перед сонантами, и монофтонгизация дифтонгов и дифтонгических сочетаний произвела коренные изменения в ряду чередований, если сонорные находились перед согласными.

Если сонорные находились перед гласными, ряд чередований мог выглядеть следующим образом: [o] // [ъ] // [a] // [i] // [ě] // [o] // ['a] // [a] – izvorъ // vъrěti // varъ // virъ // ž'ěravъ // gorěti // gornъ // ž'arъ // garъ.

Однако известно, что в праславянский период самым существенным фактором, обусловившим глубокие преобразования в системе аблаута, явилась тенденция к построению слога по принципу восходящей звучности: перед согласными и в конце слова сочетания гласных с сонорными изменились в монофтонги или изменили свою структуру иным способом:

[oj] // [ě]: povojnik – věnьcь (из *vo͡i̯nĭkŏs);

[u] // [ov]: pluti (из *plôụtei̯) – ploveš'i, sluti (< *slôụtei̯) – sloveš'i;

[ę] // [ьn]: клѧти (< *klĭntei̯) – кльнеши;

[ě] // [oj]: цѣна – каıати;

[ě] // [oj]: пѣти – поѭ, дѣтѧ – доѭ;

[o] // [ě] // [a] // [i]: izvor – vrěti – varъ – virъ;

[ere] // [or] // [ĭr] // [ar] // [ir]: mereti – morъ – mьrǫ – mariti – umirati;

[ov] // [uj] // [u] // [ъ] // [y] // [ov]: kovati – kujǫ – kuznica – kъzņь – kyznь – kovъ;

[ę] // [on] // [ǫ] // [ьn]: zvękati – zvonъ – zvǫkъ – zvьněti;

[ǫ] // [ъm] // [y] // [ъm]: dǫti – dъmǫ – dymati – nadъmenъ и др.

Чередование согласных

§ 100. Если чередования гласных в корне возникли в индоевропейский период и, претерпев изменения, нашли отражение в старославянских памятниках, то чередования согласных возникли в процессе развития праславянского языка в результате действия закона слогового сингармонизма:

[k] // [č'] // [c']: рекѫ – рече – рьци;

[g] // [ž'] // [dz'] > [z']: могѫ – може – мози; ножь – вънь зити;

[ch] // [š'] // [s']: доухъ – доушьнъ – доуси;

[s] // [š']: носити – ноша;

[z] // [ž']: возити – вожѫ;

[t] // [š't']: светити – свѣща;

[d] // [ž'd']: водити – вождѫ;

[sk] // [š't']: трѣскъ – трѣщати;

[st] // [š't']: тьсть – тьща;

[zg] // [ž'd']: брѣзгъ – брѣждити;

[zd] // [ž'd']: ѣздити – ѣждѫ;

[p] // [pl']: въпити – въпль;

[b] // [bl']: любити – люблѭ;

[v] // [vl']: ловъ – ловлѥнъ;

[m] //[ml']: ломити – ломлѭ;

[tr] // [š't'r']: остръ – изощренъ;

[sl] // [š'l']: мыслити – измышлѥнъ и др.

Дополнительная литература:

- *Адливанкин С. Ю.* Краткий очерк истории праславянской фонетики. Пермь, 1973.
- *Гаспаров Б., Сигалов П.* Сравнительная грамматика славянских языков: Пособие для студентов: В 2 т. Тарту, 1974.
- *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. М., 1951.
- *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1986.

МОРФОЛОГИЯ

§ 101. Понимание старославянского языка как книжно-литературного, созданного солунскими братьями для нужд славянского культа, определяет и характер изучения его морфологической системы.

Говорить о развитии старославянского языка нельзя. Развивается – и это развитие непрерывно – так называемый живой язык, язык как средство повседневного общения. В случае, если языки являются близкородственными, как старославянский и другие славянские языки, возможно влияние живых языков на язык культа, культуры и литературы (в нашем случае – влияние славянских языков на старославянский). И следы этого влияния мы находим в текстах: -**ть** вместо -**тъ** в формах 3-го л. настоящего времени, выпадение слабых редуцированных, появление новых флексий у имен. Это не развитие самого старославянского, а влияние местных языков, на территории которых бытует в качестве языка культа, культуры, литературы старославянский язык.

Какие явления в области морфологии, какого рода морфологические изменения, тенденции развития могли находить отражение в старославянском языке (и ранее – в праславянском)? Вопрос о тенденциях развития грамматической системы живых языков далеко не решен. И все-таки некоторые закономерности могут быть определены:

– На протяжении истории живых языков наблюдается тенденция к унификации различных типов словоизменения при передаче аналогичных отношений. Например, унификация типов склонения имен существительных, сокращение парадигмы числа и др. В результате действия этой тенденции язык приходит к более единообразному выражению одних и тех же морфологических отношений.

– Наряду с тенденцией к обобщению, унификации, цель которых – освобождение от грамматической синонимии, существует другая тенденция: тенденция к дифференциации, различению средств выражения при оформлении, передаче разных значений (например, значение объекта одушевленных и неодушевленных существительных первоначально передавались одинаковыми

средствами – формой В. п. = И. п.: рабъ, столъ, кънѧѕь. С течением времени возникло стремление формально различить значение субъекта и объекта действия, в результате чего форма винительного падежа изменилась (В. п. = Р. п.):

И. п.	В. п.
рабъ	раба
столъ	столъ

Части речи

§ 102. На грамматическом уровне словарный состав языка группируется в части речи – различные лексико-грамматические группы слов, объединенные обобщенным лексическим значением, морфологическим формообразованием и характером синтаксических функций. Среди знаменательных (самостоятельных) частей речи, обладающих формами словоизменения, четко противопоставляются (по набору основных грамматических категорий и средств их выражения) две группы:

– имена: существительные, прилагательные, местоимения (личные и неличные);

– глаголы.

Связь между этими двумя группами осуществлялась через именные формы глаголов, относящиеся по своему основному грамматическому значению к глаголам, а по синтаксическим функциям и набору аффиксов – к именам.

Основными средствами словоизменения и словообразования в старославянском языке были аффиксы – суффиксы, префиксы, инфиксы и, главным образом, окончания. Особенностью грамматической семантики окончаний является их комплексность: флексия в форме всегда оказывается носителем нескольких грамматических значений (так, флексия -ѫ в форме женѫ – это знак числа, падежа, зависимости имени существительного от переходного глагола).

Имя существительное

§ 103. Основными грамматическими категориями имени существительного как части речи были род, число, падеж. Эти три категории имели *универсальный характер*, то есть охватывали словоформы данной части речи во всем объеме. Не было ни одного существительного, которое бы в любой форме не было охарактеризовано по роду и не изменялось по числам и падежам. *Частными* (не универсальными) категориями имени существительного были собирательность и категория лица имени существительного (в современном русском языке – категория одушевленности).

Категория рода

§ 104. Род – грамматическая категория, свойственная разным частям речи и традиционно распределяющая слова по двум или трем классам. В старославянском языке было три рода: *мужской, женский, средний*.

Для существительных категория рода является *классифицирующей* (грамматической). Универсальность категории рода в старославянском языке проявлялась в том, что каждое существительное сохраняло определенную родовую принадлежность во всех числах и падежах (в отличие от современного русского языка; см. нейтрализацию родовых отношений в формах множественного числа в современном русском языке: стены, столы, стулья, деревья – хорошие). При этом родовая принадлежность уже в ранний период, отраженный в памятниках (см. *stŏlŏs; *mŭzdā), не имела прямой связи с лексическим значением слова. Лишь достаточно малочисленные группы существительных со значением лица сохраняли семантическую зависимость родового распределения, оказавшись связанными с понятием о реальном поле (ср. русск. *мой брат, отец, сын; моя сестра, мать, дочь*).

В именительном падеже у существительных всех трех родов могли быть разные окончания:

Женский род	Мужской род	Средний род
-а (-ꙗ), -ь, -и, -ꙑ жена, землꙗ, кость, мати, рабꙑни, свекрꙑ	-ъ, -ь, -а, -и, -ꙑ рабъ, сꙑнъ, кънѧзь, гость, слоуга, сѫдии, камꙑ	-о, -ѥ, -ѧ слово, полѥ, телѧ

Для глаголов и прилагательных категория рода была *словоизменительной* (синтаксической), проявляемой в согласовании.

Происхождение категории рода на индоевропейской почве всегда привлекало внимание исследователей, которые высказывали различные мнения по этому поводу.

Одно из направлений возникает в V в. н. э. Аммоний из Александрии, сформулировавший его принципы, исходит из того, что в основе грамматической категории рода лежит понятие физического пола, которое по аналогии было перенесено с живых существ на неодушевленные предметы. Это положение оказалось господствующим в европейской науке XIX в., его поддерживали Гердер, Гумбольдт, подробно развил Я. Гримм, один из основоположников сравнительно-исторического языкознания, поэтому эту теорию часто называют теорией Я. Гримма. В «Немецкой грамматике» он писал, что к мужскому роду были отнесены слова, обозначавшие предметы первичные, большие, быстрые, подвижные, активные, воздействующие на другие предметы; к женскому роду относились слова, обозначавшие нечто вторичное, меньшее, более мягкое и спокойное; к среднему роду – слова, обозначавшие нечто созданное, искусственное, неразвитое, а также слова со значением собирательности.

Другое направление можно назвать морфологическим. Оно тоже имеет давнюю традицию. Еще римский учитель риторики Арнобий (IV в. н. э.) считал, что категория рода, в особенности применительно к неодушевленным предметам, носит формальный характер и никак не связана с сущностью этих предметов. На этих позициях стоял немецкий лингвист К. Бругман, который выступал против теории Я. Гримма и пытался дать чисто языковую интерпретацию происхождения рода. Он считал маловероятным перенос, распространение значения рода с небольшой группы названий живых существ на все остальные имена существительные и связывал возникновение категории рода с историей склонения существительных на *-ā, в котором преобладают слова, обозначающие лиц женского пола. По аналогии с ними и другие существительные с основой на *-ā стали восприниматься

как слова женского рода. Необходимо отметить, что существует точка зрения, которая не считает теории Гримма и Бругмана взаимно противоречащими: теория Гримма объясняет первый этап формирования категории рода на базе реальных ассоциаций. Второй этап заключался в том, что эти реальные ассоциации уступают место формальным, и это объясняется теорией Бругмана.

Третье направление можно назвать синтаксическим. Оно появилось в начале XX в., и его истоки связывают с именем Геймана Штейнталя, известного немецкого лингвиста, который отметил, что если бы в языке не существовало согласования, то существительные этого языка не имели бы различий в роде. Действительно, различия в роде у существительных проявляются в контексте, в их согласовании с прилагательными, причастиями, некоторыми формами глагола, в возможности замены существительного местоимением в соответствующем роде или в согласовании существительного с местоимением: **рабъ – тъ, сь, онъ, и, мои; жена – та, сиꙗ, она, ꙗ, моꙗ; поле – то, се, оно, ѥ, моѥ.**

При этом по родам различаются и согласуемые с существительными слова других частей речи – они тоже должны иметь свои средства выражения родовых различий: **жена добра, женѫ добрѫ; рабъ добръ, раба добра; слово добро, словеса добра** и т. д.

Категория лица имени существительного

§ 105. Важнейшей славянской инновацией, связанной с грамматическим родом, является категория лица имен существительных (в дальнейшем развитии славянских языков – категория одушевленности – неодушевленности).

Уже в праславянском языке у имен существительных мужского рода различались именительный падеж (падеж субъекта действия) и винительный падеж (падеж прямого дополнения), что было принципиально важно при свободном порядке слов: И. п. *ŏrbŏs – В. п. *ŏrbŏm; И. п. *sūnŭs – В. п. *sūnŭm.

После ряда фонетических изменений праславянского периода эти формы в некоторых склонениях совпали: *ŏrbŏs > *ŏrbŭs >

ст.-сл. **рабъ**; *sūnŭs > ст.-сл. **сынъ**; *ŏrbŏm > *ŏrbŭm > ст.-сл. **рабъ**; *sūnŭm > ст.-сл. **сынъ**.

Формальное неразличение именительного и винительного падежей при свободном порядке слов затрудняло понимание текста: **оуби рабъ господинъ; оувидѣ ӥсъ симонъ, побѣди ꙗроплъкъ владимиръ.** Как следствие этого на славянской почве флексия родительного падежа была использована в форме винительного, и падеж субъекта стал отличаться от падежа объекта. Следовательно, категория лица возникла как синтаксическая необходимость различать объект действия и субъект действия, поскольку эти формы совпадали у существительных мужского рода со значением лица.

Есть несколько объяснений того, почему язык «избрал» форму родительного падежа для оформления категории лица, для формальной дифференциации именительного падежа и винительного падежа имен существительных. Наиболее вероятным является предположение В. Вондрака. Использование В. п. = Р. п. он связал с характером употребления вопросительного местоимения **къто** (*kŭto > [kъto]), которое могло употребляться только по отношению к лицу. В. Вондрак предположил существование такой цепочки: **къто – кого – того – петра.**

Использование В. п. = Р. п. в памятниках старославянского языка было непоследовательным. А. Мейе пришел к выводу, что В. п. = Р. п. (**раба**) используется только тогда, когда речь идет об *определенной* ситуации и определенном лице. Если же контекст характеризуется значением неопределенности, используется В. п. = И. п. Так, в церковнославянских памятниках русского извода может быть: **послаша по кнѧзь.** В этом случае речь идет не о конкретном лице, а о титуле («послали пригласить князя», «стать князем»).

С семантикой текста связана и гипотеза о влиянии на развитие категории лица социальной полноправности или неполноправности лиц, о которых идет речь. Суть этой гипотезы сводится к тому, что имена существительные, обозначавшие социально полноправных лиц, раньше охватываются рассматриваемой категорией (**поиде рабъ на господина а господинъ на рабъ**). Связано это предположение с тем, что такие существительные, как **рабъ,**

длъжьникъ, сынъ, оученикъ, обычно употреблялись в памятниках в форме винительного падежа (В. п. = И. п.).

Следует отметить, что В. п. = Р. п. – не единственный признак, оформляющий лексико-грамматическую категорию лица имен существительных. Эти существительные (и тоже непоследовательно) характеризовались окончаниями **-ови**, **-еви** в дательном падеже единственного числа (**клевр҃етови, богови, моужеви**), окончанием **-ове** в именительном падеже множественного числа (**клевр҃етове**) и др.

В памятниках старославянского языка отразилась только категория лица имен существительных мужского рода, начальный этап развития категории одушевленности. Названия животных всегда употреблялись в форме В. п. = И. п.

Категория числа

§ 106. Число – это грамматическая категория, способная выражать количественные характеристики. Как независимая грамматическая категория число свойственно существительным и некоторым местоимениям, остальные части речи имеют синтаксическую категорию числа: формы числа у них согласуются с формой существительного или местоимения. Категория числа, как правило, связана со значением слова, указывая на единичный предмет (или лицо) или на несколько, отражая предметную соотнесенность грамматической категории и действительности. Это дало возможность А. А. Зализняку определить значение числа существительных как номинативное грамматическое значение, которое отражает внеязыковую действительность.

В старославянском языке, в отличие от современного русского языка, было не два, а три числа: *единственное*, *множественное* и *двойственное*.

Число	Женский род	Мужской род	Средний род
Единственное	**жена**	**столъ**	**село**
Двойственное	**женѣ**	**стола**	**селѣ**
Множественное	**жены**	**столи**	**села**

Регулярность числовых противопоставлений имени в старославянском языке проявлялась в возможности образования форм чис-

ла именами с отвлеченным, вещественным или собирательным значением, то есть морфологическая система южнославянского диалекта, легшего в основу старославянского языка, разрешала образование числовых форм существительными вне зависимости от их лексического значения: народъ – народи (см.: отпоусти народы да шьдъше въ ближнѧѩ градьцѧ коупѧтъ брашна), жито – жита и др.

Обычно, однако, эти имена употреблялись в единственном числе, если не возникало необходимости передачи каких-либо дополнительных значений, подчеркивающих значительность множества (например: вьсꙗко жито – вьсѩ жита).

Вопрос о происхождении двойственного числа является спорным; по этому поводу существуют различные мнения. Со временем большинство славянских языков утратило особую категорию двойственного числа. Исключение составляют словенский и лужицкие языки. Часто причину «падения» двойственного числа связывают с уровнем развития цивилизации и степенью абстрагированности мышления народа-носителя данного языка. Однако правомернее представить себе «падение» форм двойственного числа как результат тенденции к унификации средств формального выражения одних и тех же грамматических отношений, поскольку двойственность – это лишь частный случай множественности. Язык, вероятно, с течением времени «избавлялся» от избыточных средств обозначения неединичности. Кроме того, в истории словенского и лужицких языков, вероятно, сыграло роль существование их в течение веков в иноязычном и в неславянском окружении.

Наличие форм единственного, двойственного и множественного числа унаследовано из индоевропейского праязыка. Парадигма двойственного числа (вероятно, и в праславянском) была неполной: существовали особые формы И. = В. = Зв., Р. = М. и Д. = Т. падежей. Исследователи предполагают, что парадигма двойственного числа была неполной и в индоевропейском праязыке. А. Достал считал, что двойственное число никогда не было так развито, как единственное и множественное. В связи с этим про-

блема происхождения и бытования категории двойственного числа всегда интересовала ученых. Интересной также является проблема бытования форм двойственного числа в памятниках древнерусской письменности.

В. Гумбольдт, А. Достал и др. полагали, что двойственное число является отражением естественной двоичности, парности. Вероятно, флексии двойственного числа первоначально были флексиями единственного числа особых существительных со значением парности, служащих для обозначения единства двух естественно объединенных предметов: *руки, уши, ноги, ворота, двери* и т. д. Это было первичное, естественное двойственное число, а далее развивается вторичное двойственное число – употребление аналогичных форм по отношению к двум случайно объединенным предметам.

Таким образом, это был путь от группы существительных со значением парности к обобщенной абстрагированной категории.

Другая точка зрения предполагает, что двойственное число могло возникнуть как способ обозначения любых двух предметов, в противоположность единичности и множественности. По мнению А. Мейе, двойственное число не связано с наличием парных предметов, оно применяется к парным существительным лишь в силу своего общего значения. Для использования этой формы необходимы были контексты двойственности. Такие контексты находят отражение в старославянских памятниках, для их формирования необходимы: наличие в тексте существительных со значением парности; употребление двух существительных, соединенных союзом *и*; употребление двух существительных, соединенных предлогом *с*; сочетание существительных с числительными *два, оба*; использование двойственного числа в анафорическом контексте (то есть в контексте, «отодвинутом» в тексте от момента непосредственного указания на наличие двух лиц или предметов), а также контексты, где речь идет о двух лицах или предметах.

Допустимыми отступлениями от нормы использования форм двойственного числа, отразившимися в старославянских памятниках, А. Белич считал некоторые употребления согласуемых слов:

– согласуемые слова при двух существительных, соединенных союзом *и*, могут стоять в форме двойственного, единственного и множественного числа, если соответственно существительные обозначают одушевленные существа или неодушевленные предметы: **свѧта Борисъ и Глѣбъ**, но **добры камень и песькъ**. Единственное число употребляется лишь в том случае, если согласование происходит с ближайшим существительным: **свѧтъ Глѣбъ и мати кго**;

– форма множественного числа может использоваться при существительных, обозначающих парные предметы, если слова, называющие тех, кому эти предметы принадлежат, стоят во множественном числе (**роукы ихъ**).

Памятники церковнославянского языка восточного извода – самые ранние после старославянских (Остромирово евангелие – XI в.), и поэтому интересно, как используются в них формы двойственного числа, тем более что с большой степенью уверенности можно предполагать, что для XII в. уже нельзя говорить о живой категории двойственного числа в древнерусском языке. В связи с этим возникает вопрос – как сказалось отсутствие двойственного числа в местном восточнославянском диалектном языке в ранних церковнославянских памятниках.

Исследователи отмечают в книжно-славянских памятниках восточнославянского извода:

– раннюю замену форм двойственного числа личных местоимений формами множественного числа;

– употребление сказуемого в форме единственного или множественного числа перед сочетанием двух существительных, соединенных союзами *и* или *да*, и употребление двойственного числа в постпозиции;

– использование форм двойственного числа вместо множественного в случаях типа: **богъ далъ намъ в роуцѣ наши**, где мы явно имеем контекст множественности;

– в формах 3-го лица глаголов окончание -тє заменяется окончанием -та, которое характеризует уже и нормы старославянского языка;

– в форме двойственного числа могут стоять оба составляющих пару наименования: **свѧтоую Борисоу и Глѣбоу**;

– употребление глагольных форм во множественном числе при существительном в форме двойственного числа.

Именно отсутствие ассоциаций в живом языке, отсутствие живой категории двойственного числа могло позволить авторам использовать в текстах неожиданные синтаксические «вязи» и построения с использованием форм двойственного числа.

Собирательность как категория существительных

§ 107. В старославянском языке лишь небольшая группа существительных выражала категорию числа вне связи с количеством предметов. Это так называемые собирательные существительные, которые грамматически имели форму единственного числа, но обозначали множество предметов: **камениѥ, листвиѥ, братриꙗ, народъ**. Нередко при собирательных существительных согласуемые слова употреблялись не в единственном, а во множественном числе.

Категория падежа

§ 108. Падеж – грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания (или ко всему высказыванию в целом).

В старославянском языке было шесть падежей:

№	Падеж	Основные значения
1	Именительный	падеж подлежащего
2	Родительный	падеж приименного дополнения, перемещения в пространстве, отношения и границы,несогласованного определения
3	Дательный	падеж косвенного дополнения
4	Винительный	падеж прямого приглагольного дополнения
5	Творительный	падеж орудия или способа действия
6	Местный	падеж места действия, нахождения в пространстве или во времени, падеж изъяснения

Кроме того, большинство существительных мужского и женского рода в единственном числе имели особую форму обращения, которую традиционно называют *звательным* падежом, но по сути дела эта форма находится вне синтаксических отношений, так как употребляется только как обращение.

В именном склонении шесть различных падежных форм использовались только в единственном и во множественном числе; в двойственном числе имелось всего лишь три падежные формы: именительный = винительный, родительный = местный, дательный = творительный.

Одно и то же падежное значение в разных группах существительных в одной форме числа, падежа и рода могло выражаться разными окончаниями: **раба, сыноу, гости, камене** (Р. п. ед. ч.). Такие окончания являются синонимичными. С другой стороны, в пределах одного склонения (при одинаковой родовой принадлежности и числе) не все существительные имеют шесть различающихся форм (И. п. **кость**, Р. п. **кости**, Д. п. **кости**, В. п. **кость**, Т. п. **костиѭ**, М. п. **кости**). В данном склонении (склонение на *ĭ) мы имеем в единственном числе вместо шести падежных форм – три, что свидетельствует о возможности падежной омонимии. При этом следует иметь в виду, что не совпадают, как правило, формы падежей, близких по значению (например, В. п. и Д. п.).

Изменение имен по падежам и числам называется склонением. Система падежных форм существительных и кратких прилагательных образует именное склонение. Кроме этого в старославянском языке было также местоименное склонение, по которому изменялись местоимения и полные прилагательные.

Именное склонение

§ 109. Имена существительные в старославянском языке образовывали шесть типов склонения, что отражало древнейшие славянские различия имен существительных по конечному звуку основы (детерминативу): *-ā, *-ŏ, *-ŭ, *-ĭ, *-ū, согласный – и уже не было связано с живыми для старославянского языка категориями.

Вопрос о том, *что*, кроме конечного звука основы, явилось в древности основанием для объединения имен существительных в классы слов, определяемые как типы склонения, вряд ли можно решить однозначно. Вероятно, что основанием для объединения существительных в том или ином типе склонения была и семантическая общность слов. Однако уже в ранний период существования праславянского языка не было четкой зависимости между семантикой существительного и принадлежностью к определенному типу склонения. Даже сравнение славянских имен с этимологически родственными именами других индоевропейских языков во многих случаях не позволяет четко определить семантические границы именных классов, характеризующихся соответствующими детерминативами. Некоторые типы склонения еще на индоевропейской почве стали малочисленными и непродуктивными (например, тип склонения основ на согласный). Сами детерминативы сохранились в старославянском языке лишь в некоторых падежных формах.

Реально существующие в старославянском языке флексии имен существительных возникли в результате взаимодействия конечного гласного / согласного основы и окончаний, которые (за некоторыми исключениями) были *одинаковыми* во всех типах склонения в праславянском языке.

Имена существительные твердого и мягкого типов склонения отличались не только твердостью или мягкостью конечного согласного, но и характером следующего за ним гласного. Гласные [a], [ǫ], [u] употреблялись в обоих вариантах – в мягком и твердом. Употребление остальных гласных находилось в строгом соответствии.

Соответствия окончаний твердого и мягкого типов склонения

Твердый тип	Мягкий тип
о	є
ъ	ь
ы	ѧ
ы	и
ѣ	и

В результате фонетических изменений, имевших место в праславянском языке, тематические гласные были утрачены, что привело к переразложению древних основ. В связи с этим сохранившиеся тематические гласные стали восприниматься как фрагменты окончания: *ŏrb-ŏ-s (И. п. ед. ч.) > *ŏrb-ŏs > *ŏrb-ŭs; *ŏrb-ŏ-m (В. п. ед. ч.) > *ŏrb-ŭm; *ŏrb-ŏ-mĭ (Т. п. ед. ч.) > *ŏrb-ŏmĭ – ст.-сл. **рАБ-ъ**; **рАБ-ъ**; **рАБ-омь**. В результате переразложения основа уменьшилась на один слог и стала оканчиваться на согласный.

Например, рассмотрим преобразования, происшедшие с именами существительными, принадлежавшими разным типам склонения: *mĕdŭs (**медъ**) – склонение на *ŭ и *gŏstĭs (**гость**) – склонение на *ĭ.

И. п. ед. ч.	*mĕd-ŭ-s	*gŏst-ĭ-s	**мед-ъ**	**гост-ь**
Р. п. ед. ч.	*mĕd-o͡u̯-s	*gŏst-e͡i̯-s	**мед-оѵ**	**гост-и**
Д. п. ед. ч.	*mĕd-o͡u̯-ī	*gŏst-e͡i̯- ī	**мед-ови**	**гост-и**
В. п. ед. ч.	*mĕd-ŭ-n	*gŏst-ĭ-n	**мед-ъ**	**гост-ь**
Т. п. ед. ч.	*mĕd-ŭ-mĭ	*gŏst-ĭ-mĭ	**мед-ъмь**	**гост-ьмь**
М. п. мн. ч.	*mĕd-ŭ-sŭ	*gŏst-ĭ-sŭ	**мед-ъхъ**	**гост-ьхъ**

Новые окончания возникли в праславянский период в результате действия различных фонетических законов:

И. п. ед. ч.: *mĕdŭs > *mĕdŭ (*ĕ > [е], *ŭ > [ъ]) > ст.-сл. **медъ** (*s в результате действия тенденции к построению слога по принципу восходящей звучности утрачивается).

Р. п. ед. ч.: *mĕdo͡u̯s > ст.-сл. **медоѵ** (чередование ŭ // o͡u̯), дифтонг *o͡u̯ перед согласным изменяется в *ū, следовательно, мы получаем mĕdū, поскольку *s исчез в результате действия тенденции к восходящей звучности.

Д. п. ед. ч.: *mĕdo͡u̯ī > *mĕdŏvī > medovi > ст.-сл. **медови**: дифтонг *o͡u̯ перед гласным распределяется между разными слогами (*mĕdo-u̯ī), *u̯ перед гласным переходит в [v].

В. п. ед. ч.: *mĕdŭn > medъ > ст.-сл. **медъ** (*ŭ > [ъ], *n отпадает в результате действия тенденции к восходящей звучности).

Т. п. ед. ч.: *mĕdŭmĭ > medъmь > ст.-сл. **медъмь** (*ŭ > [ъ], ĭ > [ь]).

М. п. мн. ч.: *mĕdŭsŭ > *mĕdŭchŭ > medъchъ > ст.-сл. **медъхъ** (*ŭ > [ъ], *ĕ > [е], *s после *ŭ переходит в [ch]).

И. п. ед. ч.: *gŏstĭs > gostь > ст.-сл. **гость** (*ĭ > [ь], *ŏ > [o], *s отпадает в результате действия тенденции к восходящей звучности).

Р. п. ед. ч.: *gŏste͡i̯s > ст.-сл. **гости** (чередование ĭ // e͡i̯; дифтонг *e͡i̯ между согласными монофтонгизируется в *ī, *s отпадает в результате действия тенденции к восходящей звучности).

В. п. ед. ч.: *gŏstĭn > gostь > ст.-сл. **гость** (*n отпадает по закону восходящей звучности, *ĭ > [ь]).

Т. п. ед. ч.: *gŏstĭmĭ > gostьmь > ст.-сл. **гостьмь** (*ĭ > [ь]).

М. п. мн. ч.: *gŏstĭsŭ > *gŏstĭchŭ > gostьchъ > ст.-сл. **гостьхъ** (*ĭ > [ь], *ŭ > [ъ], *s > [ch] после *ĭ).

Анализ склонения имен существительных **медъ** и **гость** обнаруживает, что первоначально общие окончания присоединялись к основе с различными конечными гласными, которыми и различались имена существительные. В результате фонетических процессов, имевших место в праславянском языке (тенденция к восходящей звучности, перестройка системы гласных и согласных), произошло изменение тематических гласных, что привело к переразложению древних основ, в результате чего сохранившиеся или изменившиеся тематические гласные стали восприниматься как элементы окончаний.

Происхождение падежных флексий именного склонения

Падеж	Типы склонения					
	*-ā	*-ŏ	*-ŭ	*-ĭ	*-ū	*согл.
И. п.	ø	-s	-s	-s	-ø / -s	-ø / -s
Р. п.	-ns	-ō-d	-o͡u̯-s	-e͡i̯-s	-e-s	-e-s
Д. п.	-ī	-ī	-o͡u̯-ī	-e͡i̯-ī	-ī	-ī
В. п.	-n	-n	-n	-n	-n	-n
Т. п.	-m	-mĭ	-mĭ	-mĭ	-mĭ	-mĭ
М. п.	-ĭ	-ĭ	ø	ø	-ĕ	-ĕ
И., В. п.	-ĭ	-ō (м. р.) -ĭ (с. р.)	-ū	-ī	-i	-ĕ-i
Р., М. п.	-ū	-ū	-ū	-ū	-ū	-ū
Д., Т. п.	-ma	-ma	-ma	-ma	-a-ma	-ĭ-mā
И. п.	-ns	-i (м. р.) -a (с. р.)	-ĕs	-ĕs (м. р.) -ns (ж. р.)	-ns	-ĕs
Р. п.	-ōn	-ōn	-ōn	-ōn	-ōn	-ōn

Д. п. В. п. Т. п. М. п.	-mŭs -ns -mī -sŭ	-mŭs -ns -o͡i̯s -sŭ	-mŭs -ns -mī -sŭ	-mŭs -ns -mī -sŭ	-mŭs -ns -mī -sŭ	-mŭs -ns -mī -sŭ

Склонение существительных с основой на *ā/*jā

§ 110. К этому типу склонения относились в основном существительные женского рода, оканчивающиеся в именительном падеже на **-а**, **-ꙗ** (**жена, землꙗ, ноша, доꙋша, тьмьница, овьца, дѣвица**), существительные женского рода на **-ъıни**, **-ии** (**рабъıни, млъnии, гръдъıни, поꙋстъıни**), а также существительные мужского рода (**воѥвода, сѫдии, балии, ловчии, кръмчии**).

В типе склонения на *ā / *jā различались твердый и мягкий варианты, которые имели различия в падежных окончаниях. Основой для выбора окончания была твердость / мягкость согласных, непосредственно предшествующих окончанию. Между гласными окончаний твердого и мягкого варианта последовательно прослеживаются соответствия (см. § 109).

Наличие мягкой разновидности в склонении на *ā / *jā обусловливалось наличием [j] перед тематическим гласным: *nŏs-j-ā > **ноша**, *so̯uch-j-ā > **соꙋша**, *zēm-j-ā > zeml'a > ст.-сл. **землꙗ** и др.

Кроме того, существительные с основой на мягкий свистящий фрикативный согласный, возникший в результате третьей палатализации (**блѫдодѣица, грѣшьница**), склонялись также по мягкому варианту склонения на *ā.

В ряде форм существительных на *ā в праславянский период происходило чередование ā // ă. На такое явление указывали формы родительного падежа единственного числа, винительного и именительного множественного и формы с дифтонгом *o͡i̯ (Р. п. ед. ч. *gŏrăns > *gŏrŏns > *gŏrōns > *gŏrūns > **горъı**; Д. п. ед. ч. *gŏro͡i̯ > gorě > ст.-сл. **горѣ**); такие же преобразования охватывали и формы именительного и винительного падежей множественного числа.

Единственное число

И. п.	жена	слоуга	землꙗ	рабꙑн'и	сѫдии
Р. п.	женꙑ	слоугꙑ	землѩ	рабꙑнѩ	сѫдиѩ
Д. п.	женѣ	слоузѣ	земл'и	рабꙑн'и	сѫдии
В. п.	женѫ	слоугѫ	землѭ	рабꙑнѭ	сѫдиѭ
Т. п.	женоѭ	слоугоѭ	землєѭ	рабꙑнєѭ	сѫдиєѭ
М. п.	женѣ	слоузѣ	земл'и	рабꙑн'и	сѫдии
Зв. п.	жено	слоуго	землє	рабꙑнє	сѫдиє

Двойственное число

И., В. п.	женѣ	слоузѣ	земл'и	рабꙑн'и	сѫдии
Р., М. п.	женоу	слоугоу	землю	рабꙑню	сѫдию
Д., Т. п.	женама	слоугама	землꙗма	рабꙑнꙗма	сѫдиꙗма

Множественное число

И. п.	женꙑ	слоугꙑ	землѩ	рабꙑнѩ	сѫдиѩ
Р. п.	женъ	слоугъ	земл'ь	рабꙑн'ь	сѫдии
Д. п.	женамъ	слоугамъ	землꙗмъ	рабꙑнꙗмъ	сѫдиꙗмъ
В. п.	женꙑ	слоугꙑ	землѩ	рабꙑнѩ	сѫдиѩ
Т. п.	женами	слоугами	землꙗми	рабꙑнꙗми	сѫдиꙗми
М. п.	женахъ	слоугахъ	землꙗхъ	рабꙑнꙗхъ	сѫдиꙗхъ

Гласный *ā древней основы сохранился лишь в именительном падеже единственного числа, в дательном и творительном двойственного числа и в дательном, творительном и местном падежах множественного числа. Чередование задненебных [k], [g], [ch] с [c'], [z'], [s'] в дательном и местном падежах единственного числа, именительном и винительном двойственного числа перед ѣ свидетельствуют о дифтонгическом происхождении последнего (ст.-сл. женѣ, слоузѣ < *gĕnoi̯, *slou̯goi̯ – где *ŏ < *ă). В мягкой разновидности вместо -ѣ в названных формах имеем -и (< *ĕi): *ŏ в сочетаниях с предыдущим *j изменялся – *jŏi̯ > *jĕi̯ (например, *zĕmljŏi > *zĕmljei̯ > zemli).

С давних пор обнаруживается связь именного и местоименного склонения. Эта связь была актуальна в славянских языках в разные периоды. Так, под влиянием указательного местоимения *tŏd > to возникли формы именительного и винительного падежей существительных среднего рода: ст.-сл. слово, дрѣво, село, иго (исторически развитие должно было пойти так: *jūgŏs > jīgŏs > jīgŭs > jīgъ).

Окончанием творительного падежа имен существительных на *ā было *m (ср. литовский язык), в результате чего должна была развиться форма на *-ǫ, как в винительном падеже единственного числа. В старославянских памятниках встречаются такие формы (**съ воѥводѫ**, **съ Ѳомѫ**, Супр. рук.). Однако упрочилась в парадигме склонения на *ā / *jā форма с флексией *-ŏjǭ / *-ĕjǭ: **гороѭ**, **дѣвоѭ**, **волеѭ**, **господъінеѭ** – под влиянием соответствующих форм местоимения: **тоѭ**, **ѥѭ**. Кстати, окончание *-ŏjǭ / *ĕjǭ в форме творительного падежа стало характеризовать все имена женского рода.

Склонение существительных на *ŏ / *jŏ

§ 111. К типу склонения на *ŏ / *jŏ относились существительные мужского и среднего рода. В именительном падеже единственного числа эти существительные имели окончания **-ь** / **-ъ** (мужской род): **рабъ**, **конъ**, **конь**, **мъітарь** и др.; **-о** / **-ѥ** (є) (средний род): **село**, **иго**, **имѣниѥ**, **морѥ** и др. К этому типу склонения относилась немногочисленная группа существительных мужского рода, имевших в данной форме окончание **-и** (**краи**, **бои** и др.).

В этом типе склонения также различались твердый и мягкий варианты. К твердому варианту относились существительные мужского и среднего рода с окончаниями в именительном падеже единственного числа **-ъ** и **-о**; к мягкому – существительные мужского и среднего рода с окончаниями **-ь**, **-ѥ** (-є), **-и**. Между окончаниями твердого и мягкого варианта последовательно прослеживаются соответствия, аналогичные соответствиям между окончаниями твердого и мягкого варианта склонения на *ā / *jā (см. § 109). Наличие мягкого варианта в склонении на *ŏ / *jŏ свидетельствовало о наличии [j], предшествовавшего тематическому гласному (**краи** < *kraj-ŏ-s, **конь** < *kŏnj-ŏ-s; **ножь** < *nŏzj-ŏ-s и др.).

Склонение существительных на *ŏ / *jŏ (мужской род)

Единственное число

И. п.	градъ	отрокъ	кон’ь	врачь	краи	кънѧзь
Р. п.	града	отрока	конꙗ	врачꙗ	краꙗ	кънѧзꙗ
Д. п.	градоу	отрокоу	коню	врачю	краю	кънѧзю
В. п.	градъ	отрокъ	кон’ь	врачь	краи	кънѧзь
Т. п.	градомь	отрокомь	конѥмь	врачѥмь	краѥмь	кънѧзѥмь
М. п.	градѣ	отроцѣ	кон’и	врачи	краи	кънѧзи
Зв. п.	граде	отроче	коню	врачю	краю	кънѧже

Двойственное число

И., В. п.	града	отрока	конꙗ	врачꙗ	краꙗ	кънѧзꙗ
Р., М. п.	градоу	отрокоу	кон’ю	врачю	краю	кънѧзю
Д., Т. п.	градома	отрокома	конѥма	врачѥма	краѥма	кънѧзѥма

Множественное число

И. п.	гради	отроци	кон’и	врачи	краи	кънѧзи
Р. п.	градъ	отрокъ	кон’ь	врачь	краи	кънѧзь
Д. п.	градомъ	отрокомъ	кон’емъ	врачемъ	краѥмъ	кънѧзѥмъ
В. п.	грады	отрокы	кон’ѧ	врачѩ	краѩ	кънѧзѩ
Т. п.	грады	отрокы	кон’и	врачи	краи	кънѧзи
М. п.	градѣхъ	отроцѣхъ	кон’ихъ	врачихъ	краихъ	кънѧзихъ

Склонение существительных на *ŏ / *jŏ (средний род)

Единственное число

И. п.	село	вѣко	полѥ	знамениѥ	лице
Р. п.	села	вѣка	полꙗ	знамениꙗ	лица
Д. п.	селоу	вѣкоу	полю	знамению	лицоу
В. п.	село	вѣко	полѥ	знамениѥ	лице
Т. п.	селомь	вѣкомь	полѥмь	знамениѥмь	лицемь
М. п.	селѣ	вѣцѣ	пол’и	знамении	лици
Зв. п.	село	вѣко	полѥ	знамениѥ	лице

Двойственное число

И., В. п.	селѣ	вѣцѣ	пол’и	знамении	лици
Р., М. п.	селоу	вѣкоу	полю	знамению	лицоу
Д., Т. п.	селома	вѣкома	полѥма	знамениѥма	лицема

Множественное число

И. п.	села	вѣка	полꙗ	знамениꙗ	лица
Р. п.	селъ	вѣкъ	пол'ь	знамении	лиць
Д. п.	селомъ	вѣкомъ	полѥмъ	знамениѥмъ	лицемъ
В. п.	села	вѣка	полꙗ	знамениꙗ	лица
Т. п.	селъı	вѣкъı	пол'и	знамении	лици
М. п.	селѣхъ	вѣцѣхъ	пол'ихъ	знаменихъ	лицихъ

Конечный гласный основы на *ŏ, а в мягкой разновидности *jĕ (см. протославянское *jŏ > jĕ) сохраняется в форме творительного падежа единственного числа мужского и среднего рода, в дательном и творительном падежах двойственного числа, а также в дательном падеже множественного числа. Склонение на *ŏ знает чередование задненебных с [c'], [z'], [s'] в местном падеже единственного числа, именительном и винительном падежах двойственного числа имен существительных среднего рода и в именительном мужского рода и местном падеже множественного числа (М. п. ед. ч. *groi̯sŏi > *groi̯soi̯ > *groi̯chĕ > grĕs'ĕ > ст.-сл. грѣсѣ; И., В. п. дв. ч.*vēkŏi > vĕc'ĕ > ст.-сл. вѣцѣ; И. п. мн. ч. *vl̥kŏi > *vl̥koi̯ > *vl̥c'i > ст.-сл. влъци; *vl̥koi̯sŭ > *vl̥koi̯chŭ > *vl̥c'ĕchъ > влъцѣхъ). Это свидетельствует о том, что ѣ и и в этих формах дифтонгического происхождения: в твердой разновидности ѣ из *oi̯ (*ŏtrŏkoi̯ > ŏtroc'ĕ), в мягкой разновидности и из *ei̯: *-jŏi > -jĕi > [ji] (*pŏljŏi > *pŏljĕi > pol'i).

Имена существительные среднего рода не имели звательной формы. Имена существительные мужского рода мягкой разновидности в звательной формс имели окончание [-'u]: коню! мытарю! оучителю!, как в склонении на *ŭ. У имен существительных мужского рода с основой, оканчивающейся на задненебный согласный, в звательной форме перед окончанием -є недифтонгического происхождения (из *ĕ) происходило чередование [k] // [č'], [g] // [ž'], [ch] // [š']: чловѣче! дроуже! грѣше!

По мягкой разновидности склонения на *ŏ склонялись и имена существительные типа отьць, коупьць, лицє, в которых [c'] возникало после [ĭ] и [ī] в результате III палатализации. Интересным является то, что звательную форму эти существительные

образуют с помощью окончания -є (ср. коню) и шипящего перед ним: **отьче**, то есть как имена существительные твердой разновидности с основой на задненебный. Вероятно, звательная форма была образована до III палатализации от старой основы на задненебный [*ŏtĭkŏs].

Склонение существительных с основой на *ŭ

§ 112. К склонению на *ŭ относилась очень небольшая группа существительных мужского рода: **сынъ, врьхъ, полъ** («половина, сторона»), **медъ, ледъ, волъ**, предположительно **домъ**[14]. Г. А. Хабургаев полагает, что причисление к склонению на *ŭ существительного **домъ** является недоразумением и результатом некритического использования фактов латинского языка: ст.-сл. **домъ** из индоевроп. *dŏmŏs, греч. δομος; основу на *ŏ это слово имело первоначально и в латинском языке, затем *ŏ изменилось в *ŭ. Окончания этого типа склонения находим в ряде форм еще некоторых имен (например: **даръ, миръ, родъ, чинъ, гласъ** и др., которые были унаследованы из праславянского с нетематическим гласным *ŏ).

Гласный основы ([ъ] < *ŭ) сохранился в формах именительного, винительного, творительного падежей единственного числа, в дательном и творительном падежах двойственного числа и в дательном, творительном, местном падежах множественного числа. В остальных падежах мы обнаруживаем следы чередований *ŭ // *ū // *oṷ ([ъ] // [у] // [ov]): *sūnŭs (**сынъ**) // *sūnū (**сынъı**) // *sūnoṷī (**сынови**).

Очень рано началось взаимодействие склонений на *ŏ (твердая разновидность) и *ŭ, в ряде парадигм окончания этих склонений становятся вариантами, что обнаруживается уже в Савиной книге, Супрасльской рукописи, Синайской псалтири (Р. п. **сыноу** и **сына**, Д. п. **сынови** и **сыноу**, М. п. **сыноу** и **сынѣ** и т. д.). Окончания склонения на *ŭ становятся средством оформления категории лица (**мѫжеви, фарисѣови, попове, к врачеви**).

---

[14] Ср.: *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1974. С. 176; *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., 1952. С. 57.

врачеви). Причем влияние оказывали не только существительные продуктивного склонения с основой на *ŏ, но и представленное немногочисленными именами склонение на *ŭ.

Единственное число

И. п.	сынъ
Р. п.	сыноу
Д. п.	сынови
В. п.	сынъ
Т. п.	сынъмь
М. п.	сыноу
Зв. п.	сыноу

Двойственное число

И., В. п.	сыны
Р., М. п.	сынovоу
Д., Т. п.	сынъма

Множественное число

И. п.	сынове
Р. п.	сыновъ
Д. п.	сынъмъ
В. п.	сыны
Т. п.	сынъми
М. п.	сынъхъ

Склонение существительных с основой на *ĭ

§ 113. К этому типу склонения относились существительные мужского (**гость, голѫбь, господь, звѣрь, медвѣдь, огнь, пѫть, тать, тьсть** и др.) и женского рода (**вьсь, врьвь, ꙗдь**), имена на **-нь, -ль, -ть, -ость** и др., оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на **-ь**. Следует обратить внимание на то, что, в отличие от слов, относящихся к типу склонения на *ŏ, у слов мужского рода склонения на *ĭ согласный, предшествующий окончанию **-ь**, был не мягким, а полумягким (*gŏstĭs > **гость** [gost˙ь̥]).

Различия окончаний между существительными мужского и женского рода были только в творительном падеже единственного числа и в именительном падеже множественного числа.

Исконный конечный гласный основы *ĭ (*ĭ > ь) обнаруживается практически во всех падежах единственного числа, в дательном и творительном двойственного и в дательном, творительном и местном падежах множественного числа. В парадигме отражается также чередование тематических элементов в основе на *ĭ, параллельное чередованию их в основе на *ŭ (ĭ // ī // e͡i̯ – ŭ // ū // o͡u̯): Д., Т. п. дв. ч.: *gŏstĭma > gostьma; М. п. мн. ч.: *gŏstĭsŭ > gŏstĭchŭ > gostьchъ; Р. п. ед. ч.: *gŏste͡i̯-s > gosti; И. п. мн. ч. м. р.: *gŏste͡i̯ēs > gŏstīēs; И., В. дв. ч.: *gŏstī и др.

Флексии **-иѭ** (Т. п. ед. ч. ж. р.), **-ии** (Р. п. мн. ч.), **-ию** (Р. и М. п. дв. ч.), **-иѥ** (И. п. мн. ч. существительных мужского рода) свидетельствуют о наличии редуцированного [ĭ]. Вероятно, в связи с этим писцы часто на месте **и** пишут **ь**. Это может также свидетельствовать и о падении редуцированного.

Судьба существительных склонения на *ĭ женского рода является особой. В то время как в дальнейшем в истории славянских языков и в истории церковнославянского языка имена существительные мужского рода на -ь в форме именительного падежа объединяются в одно склонение, сформированное главным образом на основе парадигм склонения на *ŏ мягкой разновидности, существительные женского рода склонения на *ĭ сохраняют на протяжении истории специфические особенности исходной парадигмы.

Единственное число

И. п.	гость	кость
Р. п.	гости	кости
Д. п.	гости	кости
В. п.	гость	кость
Т. п.	гостьмь	костиѭ
М. п.	гости	кости
Зв. п.	гости	кости

Двойственное число

И., В. п.	гости	кости
Р., М. п	гостию	костию
Д., Т. п.	гостьма	костьма

Множественное число

И. п.	гостиѥ	кости
Р. п.	гостии	костии
Д. п.	гостьмъ	костьмъ
В. п.	гости	кости
Т. п.	гостьми	костьми
М. п.	гостьхъ	костьхъ

Существительные мужского рода в именительном и винительном падежах в позднем праславянском и старославянском имели окончание -ь, которое совпадало с окончанием склонения на *jŏ. Отличались только согласные, предшествовавшие -ь, – мягкие в склонении на *jŏ и полумягкие в склонении на *ĭ. Совпадение окончаний стало основой для сближения групп существительных, принадлежавших ранее к разным типам склонения. Особенно интенсивным станет этот процесс в восточнославянских языках, переживших смягчение полумягких в мягкие согласные перед гласными переднего ряда, в результате чего исчезло в исторический период основание для существования двух склонений.

Однако сближение склонений и взаимовлияние их происходило и в диалектах праславянского языка, характеристики которых отражались в памятниках старославянского языка. Наиболее заметно результаты такого сближения отражаются в именах существительных с основой на сонорный (известно, что сонорные могли быть мягкими и полумягкими). Так, существительное огнь с исходной основой на *ĭ (лат. ignĭs) в старославянских памятниках XI в. обнаруживает связь с именами склонения на *jŏ: Р. п. ед. ч. огнꙗ (вместо огни), Д. п. ед. ч. огню (вместо огни) под влиянием существительных типа конь. Влияние имсн существительных склонения на *ŏ / *jŏ отражается и на других именах с прежней основой на *ĭ (пѧть, Д. п. ед. ч. пѧтоу, Сб. Клоца).

С другой стороны, отмечено влияние флексий склонения на *ĭ на имена существительные склонения на *ŏ / *jŏ: стражиѥ (Супр. рук.), врачеи (Ассем. ев.). Большое влияние оказали имена существительные склонения на *ĭ на склонение на согласный. Взаимовлияние этих двух типов склонения отразилось и в других славянских языках.

В соответствии с парадигмой множественного числа склонения на *ĭ склонялось существительное людиѥ.

Имя существительное господь в формах родительного и дательного падежей имело окончание [’a], [’u] (в глаголических памятниках – Зогр. ев., Сб. Клоца, Син. пс. и др.), а в более поздних кириллических памятниках отражаются формы с отвердевшим согласным: господа, господоу (Сав. кн., Супр. рук. и др.).

Склонение существительных с основой на согласный

§ 114. К этому типу склонения относилась сравнительно небольшая группа существительных, но, в отличие от других типов склонения, здесь были представлены существительные всех трех родов, отличающиеся как по конечному согласному своей древней основы, так и по окончанию именительного падежа единственного числа, отраженного в памятниках. Особенность существительных с основой на согласный состояла в том, что их основа в именительном падеже единственного числа (а у слов среднего рода – и в винительном падеже) была на один слог короче, чем в остальных падежах. К этому типу склонения относились следующие существительные:

<table>
<tr><th>Мужской род</th><th>Женский род</th><th>Средний род</th></tr>
<tr><td>Существительные
с элементом -ен-:
камꙑ – камене
пламꙑ – пламене
ѩчьмꙑ – ѩчьмене</td><td rowspan="3">Существительные
с элементом -ер-:
мати – матере
дъщи – дъщере</td><td rowspan="2">Существительные
с элементами
-ес-, -ѧт-:
слово – словесе
оухо – оушесе
телѧ – телѧте
осьлѧ – осьлѧте
отрочѧ – отрочѧте
(названия детей и
невзрослых животных)</td></tr>
<tr><td>По системе падежных окончаний
к этому типу склонения
относилось и
существительное дьнь</td></tr>
<tr><td>Во множественном числе так же
изменялись существительные на
-арь, -тель и -анинъ:
мꙑтарь, благодѣтель,
гражданинъ</td><td>Существительные
с элементом -ен-:
имѧ – имене
врѣмѧ – времене</td></tr>
</table>

Единственное число

И. п.	камꙑ	имѧ	слово	телѧ	мати
Р. п.	камене	имене	словесе	телѧте	матере
Д. п.	камени	имени	словеси	телѧти	матери
В. п.	камень	имѧ	слово	телѧ	матерь
Т. п.	каменьмь	именьмь	словесьмь	телѧтьмь	материѭ
М. п.	камене	имене	словесе	телѧте	матери

Двойственное число

И., В. п.	камени	именѣ	словесѣ	телѧтѣ	матери
Р., М. п.	каменоу	именоу	словесоу	телѧтоу	матероу
Д., Т. п.	каменьма	именьма	словесьма	телѧтьма	матерьма

Множественное число

И. п.	камене	имена	словеса	телѧта	матери
Р. п.	каменъ	именъ	словесъ	телѧтъ	матеръ
Д. п.	каменьмъ	именьмъ	словесьмъ	телѧтьмъ	матерьмъ
В. п.	камени	имена	словеса	телѧта	матери
Т. п.	каменьми	именꙑ	словесꙑ	телѧтꙑ	матерьми
М. п.	каменьхъ	именьхъ	словесьхъ	телѧтьхъ	матерьхъ

Различия в формах именительного (или именительного и винительного) и косвенных падежей были результатом действия тенденции к построению слога по принципу восходящей звучности. Ср.: *īnmēn > *īmēn > imę > ст.-сл. **имѧ**: при образовании форм происходит чередование [ę] (из *ēn перед согласным) с [ĕn] (в позиции перед гласным): **имѧ** – **имене**. Долгота гласного характеризовала форму именительного падежа, в остальных формах всех родов были краткие гласные. В именах среднего рода с элементом **-ес-** в окончаниях именительного падежа было *ŏ, чередовавшееся с *ĕ в других формах (*slŏvŏ, *slŏv-ĕs-e).

Следует иметь в виду, что среди существительных мужского рода в старославянских памятниках только **камꙑ** и **пламꙑ** сохраняли исходную форму именительного падежа. Все остальные существительные имеют форму именительного падежа, равную винительному: **ремень** (вместо **ремꙑ**), **ꙗчьмень** (вместо **ꙗчьмꙑ**).

Единственным существительным мужского рода, не приобретающим «приращения» в косвенных падежах, было слово **дьнь**.

Во множественном числе по типу основ на согласный образовывались некоторые формы существительных склонения на *ŏ / *jŏ на -арь, -тель и -анинъ: мытаре, благодѣтеле, граждане (И. п.). В существительных последнего типа при склонении утрачивалась часть суффикса (-анинъ: граждане). Кроме формы именительного падежа эти существительные имели окончание склонения на согласный в родительном падеже множественного числа: гражданъ, делатѣлъ.

Сильным было влияние на склонение на согласный склонения на *ĭ. Этому содействовали одинаковые окончания в некоторых формах: так, при прежних формах именительного падежа камы, пламы появляются новые формы камень, пламень, совпадающие с винительным падежом и, вероятно, возникающие под его влиянием. Их окончания соответствуют окончаниям именительного – винительного падежей склонения на *ĭ. Другие имена существительные мужского рода на -ы в именительном падеже единственного числа, как уже отмечалось, не засвидетельствованы.

Общее окончание -и имели существительные двух склонений в дательном падеже единственного числа: кости, камени, матери. Одинаковы были окончания в форме винительного падежа множественного числа: *gŏstĭns > *gŏstīns > gosti > ст.-сл. гости, *kāmĕnn̥s > *kāmĕnĭns > *kāmĕnīns > kameni > ст.-сл. камени. Совпадали окончания склонения на *ĭ и на согласный в формах творительного падежа единственного числа существительных мужского и среднего рода, дательного – творительного двойственного числа мужского, женского и среднего рода, а также дательного, творительного, местного имен существительных всех родов и именительного падежа множественного числа существительных женского рода (ср. Д. п. дв. ч. *kŏstĭmā > ст.-сл. костьма, склонение на согласный приобретает окончание -ĭ-ma: *māterĭma > materьma > ст.-сл. матерьма, – где *ĭ, вероятно, результат вокализации *r̥; Т. п. ед. ч.: gostĭmĭ > gŏstьmь; склонение на согласный: *kāmĕn-ĭ-mĭ > kamenьmь, а также -ьmъ, -ьmi, -ьchъ в Д., Т., М. п. склонения на *ĭ и на согласный).

При исходной форме родительного падежа единственного числа -є (пламєнє) в старославянских памятниках встречаются формы на -и: матєри, дьни, словєси. С таким же окончанием употребляется и форма местного падежа: на камєни, дьни, матєри (Син. пс.). Во множественном числе (И. п.) представлены наряду с исходным окончанием -є образования с -иѥ: дьниѥ, а в форме Р. п. мн. ч. вместо окончания -ъ находим флексию -ии: дьнии, дъщєрии (Син. пс.) под влиянием склонения на *ĭ.

Результат влияния склонения на *ŏ сказался в том, что имена существительные среднего рода при склонении рано утратили «приращение» -єс-: вместо слово – словєсє, тѣлєсє распространились формы слово – слова, словоу; тѣло – тѣла, тѣлоу и т. д., вместо око, очєсє, очєси начинают употребляться око, ока, окоу и т. д.

Интересным фактом является использование В. п. = Р. п. у существительных не только мужского, но и женского рода: любѧ и сына ли дъщєрє (Сав. кн.), любѧ и отьца и матєрє (Супр. рук.), свєкръвє своѩ (Зогр. ев.). Очевидным является влияние соответствующей формы имени существительного мужского рода со значением лица, употребленного в форме В. = Р. (см. § 105). Это явление распространяется и на слова с основой на *ū (свєкръı).

Влияние разных склонений, развитие категории лица вело к разрушению системы склонения на согласный.

Имена существительные око, оухо в формах двойственного числа изменяются по типу склонения на *ĭ:

Падеж	Склонение на *ĭ	
И., В. п.	очи	оуши
Р., М. п.	очию	оушию
Д., Т. п.	очима	оушима

Склонение существительных с основой на *ū

§ 115. К склонению с основой на *ū относились существительные женского рода, оканчивавшиеся в именительном падеже единственного числа на -ы. Это склонение было очень малочисленным: свєкръı («свекровь»), боукъı («буква, запись»), локъı («лужа»), любъı («любовь»), нєплодъı («бесплодная»), смокъı

(«смоква»), цркъі («церковь»), ѩтръі («жена брата мужа»), кръі («кровь»), бръі («бровь») и некоторые другие. В единственном числе существительные склонения на *ū изменялись так же, как имена существительные женского рода с основой на согласный, но в двойственном и множественном числе они подвергались влиянию склонений на *ā, *ĭ и на согласный.

Единственное число

И. п.	свекръі
Р. п.	свекръве
Д. п.	свекръви
В. п.	свекръвь
Т. п.	свекръвиѭ
М. п.	свекръве

Двойственное число

И., В. п.	свекръви
Р., М. п.	свекръвоу
Д., Т. п.	свекръвама

Множественное число

И. п.	свекръви
Р. п.	свекръвъ
Д. п.	свекръвамъ
В. п.	свекръви
Т. п.	свекръвами
М. п.	свекръвахъ

Окончание -ъі, представленное в форме именительного падежа единственного числа, по происхождению из *ū (И. п. ед. ч. *svěkrūs > ст.-сл. свекръі). Однако еще в праславянском языке *ū перед гласным переходило в дифтонг *u͡u̯, который перед окончаниями, представленными гласными, перераспределялся по слогам, переходя в [ъv], – ср. Р. п. ед. ч.: *svěkrūe > svěkrŭu̯e > svěkrъ-ve > ст.-сл. свекръве; Д. п.: *svěkrūi > svěkrŭu̯i> svěkrъ-vi > ст.-сл. свекръви и т. д.

В единственном числе формы образовывались в основном в соответствии с парадигмой склонения на согласный. В формах других чисел обнаруживается влияние склонения на *ā (в дательном,

творительном, местном падежах множественного числа и в дательном – творительном двойственного числа), а также склонения на *ĭ (именительный и винительный множественного числа).

Позднее влияние форм склонения на *ĭ сказалось и на образовании родительного и местного падежей единственного числа: **свекръви** вместо **свекръве** (Р. п.), с другой стороны, возможным становится окончание **-е** в именительном множественного числа, как в склонении на согласный (Син. пс.). В языке старославянских памятников (Супр. рук.) в форме винительного падежа единственного числа наряду с формой **-ъвь** возникает форма **-ъве** (В. п. = Р. п.), причем это касается не только слов со значением лица (**свекръве**), но и слов с другим значением (например, **вънидити въ цръкъве**).

Только одно существительное **кръі** (хотя, возможно, также и **бръі**) склонялось в соответствии с парадигмой склонения на *ĭ, сохраняя окончание склонения на *ū только в родительном падеже множественного числа: **кръвъ** (ср. **свекръвъ**), а не **кръвии** (ср. **костии**).

Дополнительная литература:

- *Гаспаров Б., Сигалов П.* Сравнительная грамматика славянских языков: Пособие для студентов. В 2 т. Тарту, 1974.
- *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка: Имена. М., 1990.
- *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1986.

Имя прилагательное

§ 116. В индоевропейском языке имя прилагательное не существовало как особый разряд слов, формально отграниченный от существительных. В праславянском языке прилагательные прошли путь от недифференцированного имени через синтаксическое вычленение этого разряда слов из общего класса имен до его формального обособления.

Грамматические особенности прилагательного как части речи определяются их наиболее общим лексическим значением признака (качества, принадлежности, отношения), носителем которого является предмет. Таким образом, прилагательное всегда определяет

существительное и функционирует либо в качестве определения (согласованного), либо в качестве именной части сказуемого.

В старославянском языке формально прилагательные в значительной степени продолжают сохранять морфологические признаки, объединяющие их с существительными: они характеризуются категориями рода, числа, падежа, однако содержание этих категорий иное, так же как и у неличных местоимений. Род, число, падеж прилагательного – единая согласовательная категория, оформляющая синтаксическую зависимость прилагательного от существительного.

Прилагательные в старославянском языке могли иметь именные (нечленные, краткие) и местоименные (членные, полные) формы. Для качественных прилагательных были характерны степени сравнения.

Недифференцированное имя

Недифференцированное имя могло выступать и как название предмета, и как название признака. Причем для обозначения того или иного признака, как можно предположить, выбирался тот предмет, которому данный признак был присущ в большей мере, и этот предмет становился неким символом признака. Так, например, в славянских языках название признака «крутой» (ср. укр. крути́й, чешск., словацк. krutý, верхнелуж. kruty), видимо, произведено от имени, обозначавшего «берег» (ср. лит. krañtas – «высокий, крутой берег»). В результате «вычленения» признака из недифференцированного имени у имени возникала возможность обозначать и признак, и предмет. Вероятно, если имя выступало в атрибутивной функции, то есть определяло другое имя, это выражалось порядком следования слов: имена с атрибутивным значением стоят перед определяемым именем – ср. совр. эст. roheline («зеленый») от rohu («трава»), pidupäev («праздничный день») от pidulin («праздник»), raudtee («железная дорога») при raudne («железный»); показательным является также использование в русском языке определений-приложений.

Об отсутствии первоначального разграничения существительных и прилагательных говорит и история форм сравнительной степени, в частности, имен прилагательных с суффиксом -ък-.

Формы сравнительной степени от этих прилагательных образуются не от основы прилагательного (вꙑсък-, ѩедък-), а от корня, то есть от исходного имени без суффикса прилагательного, например, прилагательное сравнительной степени среднего рода единственного числа: *vūs + jĕs > *vūsjĕ > vyš'e > ст.-сл. вꙑше.

Использование имени в качестве определяемого слова должно было изменить его формальную сторону: оно получало возможность изменяться по родам, числам и падежам, согласуясь с определяемым словом, так же как неличные местоимения, например, указательные, в то время как имя в функции существительного не изменялось по родам. Так со временем осуществлялось синтаксическое и формально-словообразовательное разграничение прилагательных и существительных. Использование суффикса становится не только средством перевода слова в продуктивный тип склонения, но и одним из первых способов формального обособления прилагательного от существительного. Первоначально ряд имен со значением признака в основном относился к бессуффиксальной основе на *ŭ: *glādŭs (лит. glódŭs), *ǫzŭs (готск. aggwŭs), *mękŭs (др.-инд. makūs), а затем эти имена посредством суффикса -ък- были переведены в продуктивный тип склонения на *ŏ: gladъk-, ǫzъk-, mękъk-. Существовали в старославянском языке прилагательные, которые в праславянский период относились к основам на *ĭ (испльнь, свободь, прѣпрость); к типу на согласный относились действительные причастия (с суффиксом *-nt-) и формы сравнительной степени прилагательных.

В период становления прилагательного как самостоятельной части речи определились синтаксические различия между прилагательными и существительными: существительные выполняли в предложении функцию подлежащего или дополнения, прилагательные – функцию определения или именной части сказуемого.

Различия в синтаксических функциях определяли и различия в значении морфологических категорий и форм этих частей речи: для прилагательных род, число и падеж – это лишь форма, обусловленная связью прилагательного с существительным: чл҃къ ѥдинъ бѣ богатъ (прилагательное богатъ употреблено в форме

мужского рода единственного числа именительного падежа, как и существительное **чл҃къ**); **създа храминѫ великѫ** (**великѫ** – прилагательное стоит в форме винительного падежа, согласуясь с существительным женского рода в том же падеже и числе: **храминѫ**), ср. также **приведе чл҃къ нѣмъ – приведе чл҃ка нѣма**. Тогда как у имени существительного категории рода, числа и падежа являются классифицирующими (грамматическими).

Но окончательное разграничение – словоизменительное – происходит после появления полных (членных, местоименных) прилагательных и особого местоименного типа склонения. В ранний период праславянского языка формы словоизменения прилагательных и существительных были общими: краткие, именные формы прилагательных характеризовались в древности теми же именными основами и так же изменялись, как и существительные.

Прилагательные: именные формы

§ 117. Прилагательные еще в праславянский период образовали словоизменительные парадигмы на базе родового признака. В результате все прилагательные, относившиеся к существительным женского рода, закрепились в языке с флексиями древних основ существительных на *ā, а прилагательные, относившиеся к существительным мужского или среднего рода – с флексиями склонения на *ŏ. При этом окончания имен прилагательных определялись только родом существительных и не зависели от окончаний склонений определяемых слов: **добра жена, мати, ѩтры, кость; новъ столъ, гость, камꙑ; добро село, слово**.

Падеж	Твердый вариант			Мягкий вариант		
	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число						
И. п.	новъ	ново	нова	пѣшь	пѣше	пѣшꙗ
Р. п.	нова		новꙑ	пѣшꙗ		пѣшѧ
Д. п.	новоу		новѣ	пѣшю		пѣши
В. п.	новъ	ново	новѫ	пѣшь	пѣше	пѣшѭ
Т. п.	новомь		новоѭ	пѣшемь		пѣшеѭ
М. п.	новѣ			пѣши		

Двойственное число						
И., В. п.	нова	новѣ		пѣшꙗ	пѣши	
Р., М. п.	новоу			пѣшю		
Д., Т. п.	новома		новама	пѣшема		пѣшꙗма
Множественное число						
И. п.	нови	нова	новы	пѣши	пѣшꙗ	пѣшѧ
Р. п.	новъ			пѣшь		
Д. п.	новомъ		новамъ	пѣшемъ		пѣшꙗмъ
В. п.	новы	нова	новы	пѣшѧ	пѣшꙗ	пѣшѧ
Т. п.	новы		новами	пѣши		пѣшꙗми
М. п.	новѣхъ		новахъ	пѣшихъ		пѣшꙗхъ

В отличие от современного русского языка, в котором краткие формы прилагательных практически всегда выступают в качестве сказуемого, в старославянском языке именные формы последовательно выступали и в функции определения, например: **оузьрѣ... многы народы; трѫсъ великъ; не имѣша землѧ многы; на земли добрѣ** (Мар. ев.).

Звательная форма прилагательного обычно заменялась формой именительного падежа, но иногда в мужском роде употреблялась форма с окончанием -**є**: **фарисєю слєпє**! (Супр. рук.), **рабє благы и вѣрьнє**! (Мар. ев.). Если прилагательное входило в состав обращения, оно могло употребляться в полной форме: **рабє лѫкавыи**! (Ассем. ев.). Притяжательное прилагательное имело в таком случае краткую форму именительного падежа: **землє июдова** (Зогр. ев.).

Прилагательные: местоименные формы

§ 118. В старославянском языке наряду с именными формами, склонявшимися так же, как существительные, функционировали местоименные (членные, полные) прилагательные. Они возникли путем усложнения именных форм указательными местоимениями **и, ꙗ, ѥ**: **новъ + и > новыи** (из *nŏvŭ + jĭ), **нова + ꙗ > новаꙗ** (из *nŏvā + ja), **ново + ѥ > новоѥ** (из *nŏvŏ + jo).

Вероятно, первоначально эти указательные местоимения выполняли функцию определительного члена и противопоставляли членные формы именным по признаку определенности /

неопределенности. Именно указательное местоимение, употреблявшееся постпозитивно (novъ + jь), вносило в обозначение признака оттенок определенности: **добра жена** употребляется, например, в случае, когда речь идет о неизвестной женщине, прежде никогда не упоминавшейся, употребление **добраꙗ жена** обозначало, что речь идет об известном, вполне определенном лице: ср. в Зографском евангелии: **принесоша емоу ослабленъ жилами на одрѣ лежащь... и рече ослабленоумоу**, – в первом случае речь идет о неизвестном больном, он упоминается впервые, это некто, некий больной, во втором случае больной – лицо известное, о нем уже шла речь, это «тот самый больной». А. Мейе и Л. П. Якубинский рассматривают понятие определенности, включая в нее и признак выделенности данного предмета из ряда однородных предметов: **старыи мѫжь** – это «старый человек», который именно этим признаком отличается от других мужчин. Подобная семантика определенности присутствует и в литовском языке: baltàsis nãmas – «белый дом», который именно этим признаком отличается от других домов. Н. И. Толстой отмечал, что маркированным членом корреляции является полная форма прилагательного. Она обозначает, что определяемый предмет – уникализирован, индивидуализирован и воспринимается как единичный в своем роде. Краткие же формы лишь наделяют предмет тем или иным признаком, не давая ему дополнительной характеристики определенности. Общеславянское распространение членных форм свидетельствует о том, что образование их следует относить к праславянской эпохе.

Старославянский язык кирилло-мефодиевской эпохи зафиксировал такое положение, когда членные формы указывали на индивидуализированный признак. В силу такого значения они употреблялись только в функции определения. Именные формы, лишенные значения определенности, употреблялись в предложении в функции определения лишь в тех случаях, когда излишним было указание на известность лица, предмета или когда они упоминались впервые и в сообщении были новыми. Именно поэтому только именные формы употреблялись в функции сказуемого, назначение которого сообщить о подлежащем нечто новое для собеседника или читателя.

При склонении местоименных форм прилагательных обе их части принимали соответствующую форму. В этом типе склонения различались твердый и мягкий варианты, которые имели различия в падежных окончаниях. Основой для выбора окончания была твердость / мягкость согласных, непосредственно предшествующих окончанию. Между гласными окончаний твердого и мягкого варианта последовательно прослеживаются соответствия.

Вероятно, в праславянский период местоименное склонение прилагательных имело первоначально следующий вид:

Единственное число

И. п.	dobrъ + jь	dobro + je	dobra + ja
Р. п.	dobra + jego		dobry + jeję
Д. п.	dobru + jemu		dobrě + jeji
В. п.	dobrъ + jь	dobro + je	dobrǫ + jǫ
Т. п.	dobromь + jimь		dobrǫ + jejǫ
М. п.	dobrě + jemь		dobrě + jeji

Двойственное число

И., В. п.	dobra + ja	dobrě + ji	dobrě + ji
Р., М. п.	dobru + jemu		dobru + jemu
Д., Т. п.	dobroma + jima		dobrama + jima

Множественное число

И. п.	dobri + ji	dobra + ja	dobry + ję
Р. п.	dobrъ + jichъ		
Д. п.	dobromъ + jimъ		dobramъ + jimъ
В. п.	dobry + ję	dobra + ja	dobry + ję
Т. п.	dobry + jimi		dobrami + jimi
М. п.	dobrěchъ + jichъ		dobrachъ + jichъ

Таково возможное реконструируемое первоначальное состояние в праславянском языке. Можно предположить, что это первоначальное состояние очень скоро стало разрушаться. В старославянских памятниках оно представлено в измененном виде, хотя ряд первоначальных форм в языке старославянских памятников сохраняется.

Склонение местоименных форм прилагательных

Еще в праславянскую эпоху на стыке окончаний именных форм прилагательных и падежных форм указательного местоимения произошли различные звуковые изменения. Во множественном числе в ряде падежей были обобщены окончания именных форм, к ним присоединялось следующее за ними местоимение **и, ꙗ, ѥ** в косвенном падеже: **новꙑимь** (вместо *novomь + jimь); **новꙑихъ** (вместо *nověchъ + jichъ). В некоторых формах позже происходила утрата интервокального [j], что приводило к ассимиляции гласных и их последующему стяжению. Это отражает, например, склонение прилагательных в единственном числе: И. п. [dobrъ + jь] > [dobryĭ] > [dobry]; Р. п. [dobra + jego] > [dobraego] > [dobraago] > [dobrago].

Фонетические изменения, пережитые славянскими (болгарскими) говорами (утрата интервокального [j], ассимиляция и диссимиляция гласных) отразились и в памятниках старославянского языка (Р. п. **-аѥго**, **-ааго**, **-аго**; М. п. **-ѣѥмь**, а также **-ѣѣмь** и **-ѣмь**; Д. п. **-оуѥмоу** наряду с **-оуоумоу** и **-оумоу**). В формах множественного числа закрепилось конечное **-ꙑ** основы прилагательного в косвенных падежах. Поскольку стяжение происходило по-разному в различных диалектах, формы, возникающие после стяжения в различных языках, несходны между собой.

Старославянские памятники в написании отражают все стадии этого процесса: **добрꙑи, добрꙑ; добраѥго, добрааго, добраго; доброуѥмоу, доброуоумоу, доброумоу** и др.

Падеж	Твердый вариант			Мягкий вариант		
	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число						
И. п.	новꙑи	новоѥ	новаꙗ	синии	синѥѥ	синꙗꙗ
Р. п.	новаѥго		новꙑѩ	синѥго		синѩѩ
Д. п.	новоуѥмоу		новѣи	синюѥмоу		синии
В. п.	новꙑи	новоѥ	новѫѭ	синии	синѥѥ	синѭѭ
Т. п.	новꙑимь		новоѭ	синиимь		синѥѭ
М. п.	новѣѥмь		новѣи	синиѥмь		синии

Двойственное число						
И., В. п.	новаꙗ	новѣи	новѣи	синꙗꙗ	синии	синии
Р., М. п.	новоую			синюю		
Д., Т. п.	новꙑима			синима		
Множественное число						
И. п.	новии	новаꙗ	новꙑѩ	синии	синꙗꙗ	синѩѩ
Р. п.	новꙑихъ			синихъ		
Д. п.	новꙑимъ			синимъ		
В. п.	новꙑѩ	новаꙗ	новꙑѩ	синѩѩ	синꙗꙗ	синѩѩ
Т. п.	новꙑими			синими		
М. п.	новꙑихъ			синихъ		

Окончания членных (полных) прилагательных были близки окончаниям неличных местоимений, именно поэтому склонение полных прилагательных называется местоименным, а окончания местоименными. В старославянских памятниках обнаруживаются следы взаимодействия членных (местоименных) форм прилагательных с формами неличных местоимений. С одной стороны, это приводило к воздействию членных прилагательных на неличные местоимения: которъ – которꙑи, тъ – тꙑи, сь – сии и др. С другой стороны, происходит воздействие форм неличных местоимений на формы членных прилагательных: живого (Сав. кн.) под влиянием формы того; пръвомѹ (Сав. кн.), благовѣрьномоу (Ассем. ев.) под влиянием томоу; доброѩ под влиянием тоѩ. Более многочисленны примеры таких форм имени прилагательного в среднеболгарских памятниках (XII–XIV вв.). Процесс воздействия местоименных форм на членные формы имен прилагательных характерен также для сербских и восточнославянских памятников.

В старославянском языке, как и в других славянских языках, были несклоняемые прилагательные. К таким прилагательным относятся прѣпрость («простой»), различь («различный»), испълънь («полный»), свободь («свободный»): правьдꙑ испольнь дѣсница твоꙗ (Син. пс.), житиѥ прѣпрость отьца иωана (Супр. рук.), мъногоу и различь гнѣвоу (Супр. рук.), свободь соуть сꙑновѥ (Изборник 1073 г.).

Степени сравнения прилагательных

§ 119. Качественные прилагательные в старославянском языке имели степени сравнения.

Общеславянские формы *сравнительной степени* образовывались от основы положительной степени следующими способами:

– при помощи суффикса *-jěs, который выступал в форме именительного и винительного падежей единственного числа среднего рода;

– при помощи суффикса *-jĭs (*-jьs), выступавшего в остальных формах;

– с помощью указанных суффиксов, осложненных элементом *-ē, происхождение которого не установлено: *-ējěs / *-ējĭs (*-ējьs); при этом распределение вариантов было то же: *-ējěs использовалось в форме именительного и винительного падежей единственного числа среднего рода, *-ējĭs (*-ējьs) – в остальных формах.

Исследования А. Вайана и А. М. Селищева показали, что в праславянском языке существовали определенные закономерности выбора того или иного суффикса сравнительной степени. Они полагали, что при возможности выбора варианта суффикса использование того или иного средства зависело от характера интонации, а также основы, от которой образовывалась форма сравнительной степени.

Формы сравнительной степени прилагательных образовывались посредством суффиксов *-jĭs / *-jěs, если односложные основы прилагательных имели нисходящую интонацию, а также если основа была осложнена суффиксом с элементом [k] (-ok-, -ъk-). Так, образование формы именительного падежа единственного числа было следующим:

средний род: *līch + jěs > ст.-сл. **лише**; *š’īr + jěs > ст.-сл. **шире**;

мужской род: *līch + jĭs > ст.-сл. **лишь**; *š’īr + jĭs > ст.-сл. **ширь**, но в форме именительного падежа единственного числа в языке возникает форма **лишии**, **ширии**, которая формируется под влиянием **старѣи** (см. ниже): liš’ь + jь > liš’ii; š’irь + jь > š’irii ([ь] перед [j] > [ĭ], [jь] > [i]).

С помощью суффиксов *-jěs / *-jĭs образовывалась также форма сравнительной степени от прилагательных, основа которых

была осложнена суффиксами с согласным элементом. Однако сравнительная степень образовывалась от основы без суффикса (вероятно, ее оформление произошло в тот период, когда основы недифференцированного имени существовали без этих суффиксов), а вследствие этого мы имеем:

Основа прилагательного	Мужской род	Средний род
*š’īrŏk-	š’ir-jьs > š’irь > š’irii	š’ir-jēs > š’ir’ĕ
*ž’ĕstŏk-	ž’est-jьs > ž’eš͡t’ь > ž’eš͡t’ii	ž’ĕst-jēs > ž’eš͡t’ĕ
*kŏrtъk-	krat-jьs > kraš͡t’ь > kraš͡t’ii	krat-jēs > kraš͡t’ĕ

Формы сравнительной степени образовывались посредством суффиксов *-ējĕs / *-ējĭs, если односложная основа имени имела акутовую, восходящую интонацию:

средний род: *star + *ĕjēs > ст.-сл. **старѣѥ**; *slab + *ĕjēs > ст.-сл. **слабѣѥ**;

мужской род: *starējьs > starĕjь > ст.-сл. **старѣи**; *slabējĭs > slabĕjь > ст.-сл. **слабѣи** ([jь] > [i]; конечный *s исчезает в соответствии с тенденцией к восходящей звучности). Именно это окончание **-и** используется при образовании сравнительной степени от основ мужского рода с нисходящей интонацией.

С помощью этих суффиксов образовывались также формы сравнительной степени от основы прилагательных, осложненных любым суффиксом (но не содержащим [k]):

Основа прилагательного	Мужской род	Средний род
*chŏldьn-	chladьnējьs > ст.-сл. **хладьнѣи**	chladь-nējĕs > ст.-сл. **хладьнѣѥ**
*bъdr-	bъdrējьs > bъdrĕi > ст.-сл. **бъдрѣи**	bъdrējĕs > ст.-сл. **бъдрѣѥ**

Если основа прилагательного оканчивалась на задненебный, происходили следующие преобразования: **мъногъ**: *mъnogējĕs > mъnož’ajes > ст.-сл. **мъножаѥ** (*jē > [jĕ] > [ja], см. § 37).

Такие преобразования были возможны и у прилагательных с суффиксами -ъk-, -ьk-:

средний род: **мѧкъкъ**: mękъk > mękъkĕjes > mękъč’aje > ст.-сл. **мѧкъчаѥ**;

мужской род: **мъногъ**: mъnogějьs > ст.-сл. **мъножаи**; mękъkějьs > mękъč'ajь > ст.-сл. **мѧгчаи**.

Именительный падеж форм сравнительной степени прилагательных женского рода имел флексию на **-и** (ср. **кънѧгыни**): *š'īr-jьs + jī > š'irьš'i > ст.-сл. **ширьши**.

Суффиксальное образование – в большинстве своем явление более позднее, поэтому следует предположить, что первоначально выбор суффикса зависел только от интонации основы. Старая система, когда выбор суффикса сравнительной степени прилагательных определялся характером ударения основы, была свойственна раннему праславянскому периоду.

Формы сравнительной степени прилагательных склонялись так же, как и формы положительной степени прилагательных. При этом формы сравнительной степени могли употребляться как в именной, так и в членной форме.

Склонение форм сравнительной степени прилагательных: именные формы

§ 120. Именные формы прилагательных сравнительной степени, вне зависимости от того, при помощи какого суффикса они были образованы, склонялись так же, как именные формы положительной степени мягкого варианта и, соответственно, как существительные. Прилагательные, относившиеся к существительным женского рода, закрепились с флексиями древних основ существительных на *ā, а прилагательные, относившиеся к существительным мужского или среднего рода, – с флексиями склонения на *ŏ. Исключение составляли только формы именительного падежа единственного числа мужского и среднего родов и именительного падежа множественного числа мужского рода.

Единственное число

И. п.	мъножаи	мъножаѥ	мъножаиши
Р. п.	мъножаиша		мъножаишѧ
Д. п.	мъножаишоу		мъножаиши
В. п.	мъножаи	мъножаѥ	мъножаишѫ
Т. п.	мъножаишемь		мъножаишеѭ
М. п.	мъножаиши		

Двойственное число

И., В. п.	мъножанша	мъножанши	мъножанши
Р., М. п.	мъножаншоу		
Д., Т. п.	мъножаншема		мъножаншама

Множественное число

И. п.	мъножаншє	мъножанша	мъножаншѧ
Р. п.	мъножаншь		
Д. п.	мъножаншємъ		мъножаншамъ
В. п.	мъножаншѧ	мъножанша	мъножаншѧ
Т. п.	мъножанши		мъножаншами
М. п.	мъножаншихъ		мъножаншахъ

Склонение сравнительной степени прилагательных: местоименные формы

§ 121. Местоименные (членные) формы сравнительной степени прилагательных образовывались так же, как формы положительной степени сравнения:

Единственное число

Мужской род	Средний род	Женский род
ширии	ширѥ	ширьшии
ширьшаѥго		ширьшѩѩ
ширьшоуѥмоу		ширьшии
ширии	ширѥ	ширьшѭѭ
ширьшиимь		ширьшеѭ
ширьшиимь		ширьшеи

Двойственное число

Мужской род	Средний род	Женский род
ширьшаꙗ	ширьшии	ширьшии
ширьшюю		
ширьшиима (ширьшима)		

Множественное число

Мужской род	Средний род	Женский род
ширьшє	ширьшаꙗ	ширьшѩѩ
ширьшиихъ		
ширьшиимъ		
ширьшѩѩ	ширьшаꙗ	ширьшѧѩ
ширьшиими		
ширьшиихъ		

Как и у прилагательных в положительной степени, в старославянских памятниках могут наряду с окончаниями -'аѥго, -'оуѥмоу, -иимъ, -иихъ, -иима употребляться и те, что возникли в результате утраты интервокального [j], уподобления и стяжения гласных: -ааго – -аго; -оуоумоу – -оумоу; -иимъ – -имъ; -иихъ – -ихъ; -иими – -ими; -иима – -има. Поскольку формы сравнительной степени распространялись суффиксом -j-, они склонялись по мягкому варианту именной и местоименной парадигмы. Именительный и винительный падежи мужского и среднего рода, как уже отмечалось, не имели окончания именного склонения: м. р. старѣи, с. р. старѣѥ, – хотя в старославянских памятниках встречаются формы лоучьшь, старѣишь, образованные по типу существительных.

Некоторые прилагательные образовывали положительную и сравнительную степени сравнения от разных основ:

Положительная степень	Сравнительная степень	
	Мужской род	Средний род
малъ	мьн'ии	мьнѥ
велнкъ	бол'ии, вел'ии наряду с величаи	болѥ величаѥ
мъногъ	вѧщии наряду с мъножаи	вѧщьше мъножаѥ
благъ, добръ	оун'ии, лоучии соул'ии (соулѣи) наряду с добрѣи	оун'ше, лоуче соулѣѥ добрѣѥ
зълъ	гории, поущии наряду с зълѣи	гор'ше, поущьше зълѣѥ

Превосходная степень сравнения прилагательных

§ 122. Значение *превосходной степени* прилагательных могло передаваться по-разному:

– прибавлением к форме сравнительной степени приставки наи-: наистарѣи, наисильнѣи;

– использованием формы сравнительной степени с определительным местоимением вьсь в форме родительного падежа множественного числа: вьсѣхъ старѣи;

– сочетанием формы положительной степени прилагательных с наречиями **ѕѣло, вельми: ѕѣло старъ, вельми малъ**;

– прибавлением приставки **прѣ-** к положительной степени прилагательных: **прѣвеликъ, прѣмѫдръ**.

Местоимения

§ 123. Термином «местоимение» объединяются очень разные по своим лексико-грамматическим особенностям группы слов, которые на грамматическом уровне характеризуются именными функциями и категориями, а на лексическом – высокой степенью обобщенности, непредметности семантики.

Местоимения указывают на предмет или признак вообще. Они не указывают на какие-либо определенные признаки и предметы. В монологе они отсылают к уже названным предметам, явлениям и признакам, составляющим объект обсуждения; в диалоге – к предметам и признакам, присутствующим в ситуации общения (например, **тъ** указывает на лицо или предмет, о котором шла речь или который присутствует в акте общения).

Собственно «заместителями» имен являются лишь слова, которые называют *неличными* местоимениями; эту же функцию могут выполнять указательные местоимения, употребляющиеся в качестве личного местоимения 3-го лица. Лишь эти разряды местоимений могут быть заменены словами, к которым они отсылают и которые обозначают конкретные предметы, признаки, числа.

Личные же местоимения не обладают способностью «замещать», они лишь являются словесным обозначением участников диалога. Функциональными эквивалентами личных местоимений в случае их отсутствия в тексте являются личные формы глагола: **идѫ (азъ), идеши (ты)** и т. д.

Разряды местоимений

В старославянском языке были в основном те же разряды местоимений, которые имеются в современном русском языке.

Разряды		Местоимения	Тип склонения
Личные		азъ (ꙗзъ), ты, мы, вы, вѣ, ва	Склонение личных местоимений
Возвратные		себе	
Неличные	Указательные	тъ, та, то; онъ, она, оно; овъ, ова, ово; и, ꙗ, ѥ; сь, си, се	Местоименное склонение
	Притяжательные	мои, моꙗ, моѥ; твои, твоꙗ, твоѥ; свои, своꙗ, своѥ; нашь, наша, наше; вашь, ваша, ваше	
	Вопросительные	къто, чьто; кыи, каꙗ, коѥ; чии, чиꙗ, чиѥ	
	Определительные	вьсꙗкъ, вьсꙗка, вьсꙗко; какъ, кака, како; такъ, така, тако; самъ, сама, само; ꙗкъ, ꙗка, ꙗко; вьсь, вьсꙗ, вьсе; сиць, сица, сице	
	Неопределенные	инъ, ина, ино; нѣкъ, нѣка, нѣко; нѣкъто, нѣчьто	
	Отрицательные	никътоже, ничьтоже	
	Относительные	иже, ꙗже, ѥже; къто, чьто	

Личные местоимения

§ 124. Местоимения 1-го и 2-го лица не являлись «заместителями» предмета, явления или признака в речи, а были словесным обозначением участников диалога. Группа личных местоимений представлена в старославянском языке малочисленной группой слов: **азъ** (**ꙗзъ**), **ты**, **мы**, **вы**, **вѣ**, **ва**.

Для склонения этих местоимений был характерен супплетивизм основ. Супплетивизм (замещение, сплетение) – образование форм одного и того же слова от разных корней или основ. Различия между этими корнями выходят за пределы чередований. Так, в современном русском языке в качестве примера супплетивизма можно привести образование временных форм глагола *идти* (*иду – шел*), местоимения *я* (*я – меня*).

Личные местоимения 1-го и 2-го лица, а также возвратное местоимение не имели родовых окончаний.

Поскольку личные местоимения обозначали лицо, они функционировали как имена существительные, то есть могли быть подлежащим и дополнением. Функционируя как имена существительные, они ха-

рактеризовались категориями и формами числа (азъ – вѣ – мъı) и падежа (тъı, тебе, тебѣ и др.), но не имели категории рода. К группе личных местоимений примыкало возвратное местоимение.

Возвратное местоимение

§ 125. Возвратное местоимение себе употреблялось только в косвенных падежах, подобно личным местоимениям единственного числа, не имело родовых различий, но, в отличие от них, не имело и числового значения. Падежные окончания возвратного местоимения совпадали с окончаниями личных местоимений.

Отсутствие категории числа у возвратного местоимения делает возможным для него при переходных глаголах указывать на охват действием субъекта независимо от того, является ли субъектом одно лицо или несколько.

Склонение личных местоимений и возвратного местоимения себе

Единственное число

И. п.	азъ	тъı	–
Р. п.	мене	тебе	себе
Д. п.	мънѣ (мьнѣ), ми	тебѣ, ти	себѣ, си
В. п.	мѧ, мене	тѧ, тебе	сѧ, себе
Т. п.	мъноѭ	тобоѭ	собоѭ
М. п.	мънѣ (мьнѣ)	тебѣ	себѣ

Двойственное число

И. п.	вѣ	ва
Р., М. п	наю	ваю
Д., Тв. п.	нама	вама
В. п.	на	ва

Множественное число

И. п.	мъı	въı
Р. п.	насъ	васъ
Д. п.	намъ, нъı	вамъ, въı
В. п.	нъı, насъ	въı, васъ
Т. п.	нами	вами
М. п.	насъ	васъ

В падежно-числовой парадигме личных местоимений есть энклитические формы, не имевшие самостоятельного ударения и примыкавшие к предшествующему слову, составляя с ним единую ритмическую группу: дьнесь бо подобаѥть ми въ домоу твоѥмь быти, отъ оустъ твоихъ сѫждѫ ти зълъı рабе. Энклитиками являлись формы дательного падежа ми, ти, си (где и из дифтонга *oi̯), нъı, въı (извѣстьно нъı ѥсть, Супр. рук.). В случае употребления энклитик в контексте противопоставления они могли оказаться под ударением.

Формы винительного падежа мѧ, тѧ, сѧ; на, ва; нъı, въı не являются энклитиками; они давнего происхождения (из *mēn, *tēn, *sēn, *nōs, *wōs) и в старославянском языке имели самостоятельное ударение (приведѣте прѣдъ мѧ, Супр. рук.; на тѧ оуповахъ, Син. пс.).

Позже мѧ, тѧ, сѧ утратили самостоятельность и примкнули к соседнему слову, а основными стали формы мене, тебе, себе (В. п. = Р. п.) – новообразования по отношению к мѧ, тѧ, сѧ, возникшие под влиянием родительного падежа. Мѧ, тѧ, сѧ Вайан называл полуэнклитиками.

Особой была судьба формы сѧ, превратившейся в показатель возвратного глагола, однако в старославянском языке этот процесс не был завершившимся: съмѣрѣли сѧ вьзнесетъсѧ; вльсви възрадоваша сѧ радостиѭ великѫ зѣло (Мар. ев.); и въпрашаахѫ оу нихъ гдѣ хсъ раждаетъ сѧ (Мар. ев.). Очевидно, что только в первом употреблении сѧ имеет самостоятельное значение.

Следует отметить, что в языке старославянских памятников в форме дательного падежа 1-го лица могут употребляться формы мьнѣ, мънѣ, ми, в местном падеже единственного мьнѣ, мънѣ, то есть в парадигме 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения формы образуются не только с помощью окончаний, но и посредством чередования гласных в парадигме основ (mĕn // mĭn // mŭn; tĕb // tŏb; sĕb // sŏb). В паре мьнѣ – мънѣ, вероятно, исходным было мънѣ (ср. с лит. mùnei).

Склонение личных местоимений: исторический комментарий

§ 126. Для местоимения 1-го лица единственного числа **азъ** (лат. ego, др.-прусск. es, as, др.-инд. ahám, лит. eš и aš) следует признать исходной праславянскую форму *āzŭ. Эта форма могла развивать протетический *j. В поздний праславянский период, видимо, уже существовали все три формы этого местоимения, что зафиксировано ранними славянскими памятниками: *āzŭ > **азъ**, *jāzŭ > **ꙗзъ**, *jā > **ꙗ**, имевшие свой ареал распространения.

Местоимение 2-го лица *единственного числа* **ты** (нем. du, лит. tù, лат. tū, др.-прусск. toū) имело исходной формой *tū.

В основах косвенных падежей местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения в форме единственного числа происходило чередование гласных звуков основ: mĕn // mĭn // mŭn // mēn; sŏb // sĕb, tŏb // tĕb, соответственно в старославянском – **мен-** (родительный и винительный падежи), **мѧ** из *mēn (винительный падеж), **мьн-** из *mĭn (дательный и местный падежи), **мън-** из *mŭn (дательный и творительный).

Р. п.: *mĕnĕ, *tĕu̯ĕ (ср. лит. tavè, др.-инд. táva). Вероятно, *u̯ > v, оформление же формы произошло по аналогии с дательным и местным падежами, как и формы **себе** (ср. лит. savè). Окончание **-е** возникло, как полагают, под влиянием склонения имен существительных на согласный.

Д. п.: окончание **-ѣ** появилось под влиянием именного склонения. Исследователи полагают, что чередование гласных в основах mĭn // mŭn , а также в sŏb // sĕb, tŏb // tĕb существовало по диалектам уже в праславянском языке.

Окончание энклитик **ми**, **ти**, **си** по происхождению из дифтонгов *moi̯, *toi̯, *soi̯ (ср. греч. μοι, τοι, др.-перс. maiy, taiy, šaiy и др.).

В. п.: **мѧ** (из *mēn), **тѧ** (из *tēn), **сѧ** (из *sēn). Формы **мене**, **тебе**, **себе** – это более поздние формы, появившиеся под влиянием родительного падежа. Вероятным было опосредованное влияние формы вопросительного местоимения **къто**, относящегося к лицам, в парадигме которых В. п. = Р. п.

Т. п.: мъноѭ, тобоѭ, собоѭ: считается, что окончания возникли, вероятно, под влиянием окончания неличного местоимения тоѭ.

Происхождение флексий местного падежа аналогично образованию флексий дательного падежа.

Множественное число: мꙑ (ср. готск. weis, нем. wir, англ. we). Вероятно, м- возникло по аналогии к окончанию глаголов первого лица, начинавшемуся на *m: идемъ, идомъ, идохомъ, идѣахомъ. Необъяснимо появление -ꙑ в местоимении 1-го лица множественного числа. Полагают, что оно возникло в форме под влиянием местоимения 2-го лица множественного числа вꙑ (из *iūs, ср. лит jūs, англ. you, готск. jus); в (< u̯) в форме 2-го лица появилось по аналогии с косвенными падежами (васъ, вамъ и др. < *u̯ōsŏm, *u̯ōmōs и др.). Таким образом, славянское вꙑ может восходить к *ūs.

Все славянские формы личных местоимений (за исключением именительного падежа) имеют в 1-м лице начальное н- [n], а во 2-м лице – начальное в- [v], соответствующие индоевропейским формам (лат. nos, vos; скр. nah, vah), что позволяет предположить в качестве исходных основ *nōs, *vōs (из *u̯ōs).

Формы косвенных падежей образовывались от основ *nō-, u̯ō > nā, vā > ст.-сл. на-, ва-:

Р. п.: nō-sŏm > nō-sŭm > nasъ > ст.-сл. насъ; u̯ō-sŏm > vō-sŭm > ст.-сл. васъ.

Д. п.: nō-mōs > nō-mūs > namъ > ст.-сл. намъ; u̯ō-mōs > vā-mūs > vamъ > ст.-сл. вамъ (в формах дательного падежа множественного числа используются окончания именного склонения).

В. п.: форма винительного падежа совпадает с формой родительного.

Т. п.: nō-mīs > nā-mī > ст.-сл. нами; u̯ō-mīs > vā-mī > ст.-сл. вами (при образовании формы творительного падежа используются окончания именного склонения; то же происходит и при образовании формы местного падежа).

М. п.: nō-sū > nāsъ > ст.-сл. насъ; u̯ō-sū > vāsъ > ст.-сл. васъ.

В формах двойственного числа к местоименным основам *nō, *u̯ō присоединялись окончания именного склонения.

Анализ происхождения падежных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного местоимения **себє** свидетельствует о том, что при местоименной основе широко используются окончания именного склонения во всех лицах и числах.

Неличные местоимения

§ 127. Разряд неличных местоимений (притяжательных, указательных, определительных, относительно-вопросительных, отрицательных и неопределенных) не так однороден по составу, как разряд личных местоимений. Он объединял слова, которые могли «замещать» названия признаков, чисел и предметов. Следовательно, эти местоимения выполняли синтаксическую функцию различных имен (о составе неличных местоимений см. § 123).

Для большинства неличных местоимений основной была синтаксическая функция согласованного определения, и они характеризовались категориями рода, числа, падежа и изменялись по родам, числам и падежам в зависимости от определяемого существительного: **господь раба того поустиі; рєче господь притъчѭ своѭ** (Ассем. ев.); **дѣти моꙗ съ многоѭ на лѫжи сѫть; и пришьдъ рабъ тъ исповѣдѣ сє гс҃пноу своꙗмоу** (Мар. ев.).

Особое место занимали притяжательные местоимения. Они могли выступать в функции существительных (быть подлежащим или дополнением) при определенных контекстуальных условиях: при условии отсутствия определяемого слова в конкретном контексте. Эта их особенность была обусловлена тем, что они, указывая на принадлежность говорящему или собеседнику, не замещали, а непосредственно обозначали признак (личную принадлежность).

Остальные же неличные местоимения, будучи в буквальном смысле заместителями имен, наряду с их исходной, главной функцией согласованного определения, могли выполнять функцию существительных в случае конкретизации их обобщенного предметного значения: **въсакъ бо просѧи приємлєтъ** (Мар. ев.).

Так как исходной функцией для неличных местоимений была функция согласованного определения, они изменялись по родам,

числам и падежам (то есть оформлялась согласовательная категория: возникало указание на связь с определенным существительным). Только в том случае, когда неличное местоимение выступало в функции подлежащего или дополнения, его формы приобретали категориальное значение рода, числа и падежа того существительного, которое заменялось местоимением (сь чл҃къ – в результате согласования с именем существительным мужского рода в форме именительного падежа единственного числа местоимение сь обладает теми же морфологическими категориями; сь доуꙗа – сь «замещает» название лица, являясь носителем категории рода, числа, падежа существительного, называющего данное лицо: мужской род, единственное число, именительный падеж).

Местоимение третьего лица

§ 128. В раннеславянских языках, в том числе старославянском, не было особой лексемы для обозначения лица или предмета, являющегося объектом речи говорящего (автора) и его собеседника.

Об этом свидетельствует отсутствие постоянного, регулярного и единого средства выражения значения 3-го лица. Во всех необходимых случаях используются различные указательные местоимения.

При этом принято считать, что старейшие памятники еще сохранили древнюю (видимо, еще индоевропейскую) традицию различения трех степеней отношения третьего лица к участникам диалога: говорящий для указания на близкое ему лицо пользовался местоимением сь, для указание на лицо, близкое собеседнику, местоимение тъ, в остальных случаях использовались местоимения и, ꙗ, ѥ и онъ, она, оно.

Однако во всех старославянских памятниках отражается состояние, когда в качестве местоимения 3-го лица начинает использоваться контаминированная парадигма местоимений и (в косвенных падежах) и онъ (в именительном падеже единственного числа).

Старейшие славянские памятники отражают ситуацию, когда местоимение и, ꙗ, ѥ перестает употребляться в именительном падеже всех родов и чисел. В этих формах закрепляется местоимение онъ в соответствующих формах. В то же время в косвенных

падежах употребляются формы местоимения и, ꙗ, ѥ. В итоге формируется парадигма нового местоименного слова: онъ – ѥго, ѥмоу, имь и т. д., употребляющегося для обозначения постороннего (третьего) лица или предмета, о котором идет речь.

Началось это, по-видимому, до распада праславянского языкового единства, так как известно многим славянским языкам.

Частота использования в старославянских текстах этого местоименного слова свидетельствует о том, что ко времени написания старейших памятников оно уже приобрело функцию нейтрального показателя третьего лица.

Местоименное склонение

§ 129. Местоименное склонение – это склонение неличных местоимений, отличное по своим окончаниям от именного склонения. В старославянском языке местоименное склонение было представлено твердым и мягким вариантами. Между гласными окончаний твердого и мягкого варианта последовательно прослеживаются соответствия.

Своеобразной чертой этого типа склонения было *отсутствие форм рода* в косвенных падежах двойственного и множественного числа, тогда как в единственном числе в косвенных падежах противопоставлялись, с одной стороны, мужской и средний род, с другой – женский. В именительном и винительном падежах всех чисел формы рода последовательно различались (тъ рабъ, та жена, то село).

Особенностью местоименного склонения было также тождество окончаний именительного и винительного падежей всех родов и чисел с соответствующими окончаниями именного склонения (тъ рабъ, та раба, ти раби; та жена, тѣ жєнѣ, ты жєны; то село, тѣ сѣлѣ, та села). Таким образом, в этих формах местоимения женского рода имели окончания склонения на *ā / jā, а существительные мужского и среднего рода – окончания склонения на *ŏ / *jŏ.

По твердому варианту склонялись местоимения тъ, -а, -о; онъ, -а, -о; такъ, -а, -о; ꙗкъ, -а, -о и др.; по мягкому – и, ꙗ, ѥ; мои,

-ꙗ, -ѥ; сь, си, се; чии, -ꙗ, -ѥ и др. Старославянские памятники отразили «смешанное» склонение определительного местоимения **вьсь** (из *vĭsŏs > *vĭchŏs > *vĭs'ŭs > *vĭs'ĭs > vьsь).

Единственное число

	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
И. п.	тъ	то	та	и	ѥ	ꙗ
Р. п.	того	того	тоѩ	ѥго	ѥго	ѥѩ
Д. п.	томоу	томоу	тои	ѥмоу	ѥмоу	ѥи
В. п.	тъ	то	тѫ	и	ѥ	ѭ
Т. п.	тѣмь	тѣмь	тоѭ	имь	имь	ѥѭ
М. п.	томь	томь	тои	ѥмь	ѥмь	ѥи

Двойственное число

И., В. п.	та	тѣ	ꙗ	и
Р., М. п.	тою		ѥю	
Д., Т. п.	тѣма		(има)	

Множественное число

И. п.	ти	та	ты	и	ꙗ	ѩ
Р. п.	тѣхъ			ихъ		
Д. п.	тѣмъ			имъ		
В. п.	ты	та	ты	ѩ	ꙗ	ѩ
Т. п.	тѣми			ими		
М. п.	тѣхъ			ихъ		

История местоименных флексий: неличные местоимения

Единственное число

§ 130. И. п.: **тъ, та** – формы именительного падежа мужского и женского рода в славянских языках были новообразованием (ср. др.-инд. sá, sā́ при винительном падеже tám, tā́m, греч. ὁ при винительном τόν, τό, готск. sa, so и др.). В старославянском языке они имеют окончания, совпадающие по своему происхождению с окончаниями именного склонения на *ā и *ŏ. **То** (с. р.) образовано из *tŏd (др.-инд. tàt, лат. istŭd < istŏd). Под влиянием окончания указательного местоимения **то** сформировалось окончание именительного и винительного падежа существительных среднего

рода (вместо *sĕlŏs > sĕlŭs > sĕlъ славянские языки знают форму село). Таким образом, вероятно, формы тъ и та (но не то) возникли под влиянием косвенных падежей, заменив старую форму именительного падежа, образованную от другого корня и по аналогии с формами именного склонения.

И, к, ꙗ (j-ь, j-ŏ, j-ă) возникли из индоевропейского *jĕ < jŏ.

Р. п.: окончание *-gŏ возникло на месте индоевропейского *-sŏ, которое сохранилось только в форме чсо. Предполагается, что *-gŏ в праславянском языке присоединялось к форме отложительного падежа *tā: *tā-gŏ; наряду с этим существовала форма родительного падежа *tŏ-sŏ. В результате взаимодействия *tŏ-sŏ и *tā-gŏ образовалась форма *tŏ-gŏ. Вероятно, *-gŏ по происхождению частица (ср. др.-инд. gha, прусск. an-ga). С другой стороны, форма * tāgŏ могла измениться в *tŏgŏ под влиянием других форм (томоу, например).

Склонение указательного местоимения и, ꙗ, к отличалось от твердого типа склонения местоимений тем, что гласный основы *ŏ после *j изменялся в *ĕ, в связи с чем в форме родительного падежа находим кго (из *jĕ-gŏ).

Д. п.: томоу. Окончание *-mū знают прусский, латинский, литовский языки, однако вопрос о происхождении местоименного окончания *-mū остается открытым: кмоу из *je-mū (*ū < *o͡u̯).

В форме винительного падежа местоимений флексии совпадают с именными: тъ, то, тѫ (им соответствуют греч. τóν, др.-инд. tám – м. р.; греч. диал. τάν, др.-инд. tām – ж. р.).

Т. п.: в творительном падеже единственного числа основы *tŏ- и *jĕ- распространяются посредством *i̯, в результате чего возникают формы с дифтонгическими сочетаниями: *to͡i̯-mĭ > ст.-сл. тѣмь; *je͡i̯-mĭ > *ji-mĭ > ст.-сл. имь (где *i < *e͡i̯, *ĭ > ь, *o͡i̯ > ĕ).

М. п.: to-mĭ > ст.-сл. томь; je-mĭ > ст.-сл. кмь.

Формы косвенных падежей единственного числа местоимения женского рода образовывались от основы *jĕi- с помощью соответствующих окончаний: *jĕi̯-ę, *jĕi̯-ī, *jĕi̯-ǫ, *jĕi̯-i (исключение составляют формы именительного и винительного падежей).

Множественное число

И. п.: **ти** (ср. греч. τοί), **та** (греч. τά), **ты** (*tōns > *tūns > *tū > ty); **и, ꙗ, ѩ**.

Р. п.: *toi̯-sŭ > *toi̯-sŭ > těchъ > ст.-сл. **тѣхъ**; *jei̯-sŭ > *jei̯-sŭ > jichъ > ст.-сл. **ихъ**.

Д. п.: *toi̯-mŭs > *toi̯-mŭs > těmъ > ст.-сл. **тѣмъ**; *jei̯-mŭs > *jei̯-mŭs > jimъ > ст.-сл. **имъ**.

В. п.: в форме винительного падежа используются окончания именного склонения.

Т. п.: *toi̯-mī > *toi̯-mī > těmi > ст.-сл. **тѣми**; *jei̯-mī > *jei̯-mī > jīmī > ст.-сл. **ими**.

М. п.: *toi̯-sŭ > *toi̯-sŭ > těchъ > ст.-сл. **тѣхъ**; *jei̯-sŭ > *jei̯-sŭ > jichъ > ст.-сл. **ихъ**.

В местоименных формах множественного числа во всех падежах (кроме именительного и винительного) основа *jĕ-, *tŏ- распространена элементом *i̯.

Анализ местоименного склонения обнаруживает, что большинство флексий, образующих падежные формы, – результат влияния именного склонения. Лишь в родительном и винительном падежах множественного числа *личных* местоимений, а также в родительном, дательном, местном падежах единственного числа и родительном множественного числа *неличных* местоимений используются при образовании форм окончания, отличные от флексий именного склонения.

Таким образом, местоименное склонение представляет собой результаты соединения местоименных основ с окончаниями именного склонения (в большинстве форм): **тѣмь рабомь, тоѩ ношѧ, тои нощи, тѫ женѫ** и т. д.

В старославянском языке в местоименном склонении, как и в именном, обнаруживаются результаты переразложения древних основ, которые оканчивались на гласные *ŏ / *jŏ (>*jĕ) или дифтонги *oi̯ и *ei̯:

*tŏ-gŏ > ст.-сл. **т-ого**; *jĕ-gŏ > j-ego;

*tŏ-mū > ст.-сл. **т-омоу**; *jĕ-mū > j-emu;

*toi̯-mī > *toi̯-mī > ст.-сл. **т-ѣми**; *jei̯-mī > *jei̯-mī > j-imi и т. д.

После переразложения основы *to͡i̯-ǫ > t-ojǫ > ст.-сл. т-оѭ, *jě-jǫ > j-ejǫ окончание -оѭ и форма ѥѭ оказали влияние на склонение существительных, где вместо окончания *ǫ в форме творительного падежа сформировалось окончание -оѭ, -ѥѭ: женоѭ, дѣвицѥѭ.

Особенности склонения местоимений вьсь, къто, чьто, сь

§ 131. Старославянские памятники отразили «смешанное» склонение определительного местоимения вьсь: в творительном падеже единственного числа, в родительном, дательном, творительном и местном падежах используются при образовании форм флексии твердого склонения, остальные падежно-числовые флексии характеризовались окончаниями мягкого варианта.

Единственное число

И. п.	вьсь	вьсе	вьсꙗ
Р. п.	вьсего		
Д. п.	вьсемоу		
В. п.	вьсь	вьсе	вьсѭ
Т. п.	вьсѣмь		
М. п.	вьсемь		

Множественное число

И. п.	вьси	вьсꙗ	вьсѩ
Р. п.	вьсѣхъ		
Д. п.	вьсѣмъ		
В. п.	вьсѩ	вьсꙗ	вьсѩ
Т. п.	вьсѣми		
М. п.	вьсѣхъ		

По диалектам встречаются формы с отвердевшим [s]: вьсѫ, вьса. Вероятно, это результат фонетического процесса отвердения зубных.

§ 132. Особенность местоимений къто, чьто состояла в том, что они были вне категории рода (кого? того, тѫ). В славянских языках местоимение с основой на *kŭ / kъ относилось и относится к лицам, *kĭ / *č'ь – к предметам. Именительный падеж этих местоимений образовывался посредством присоединения

местоименного элемента -то: къто, чьто. В образовании косвенных падежей элемент -то не участвовал. Формы цѣмь и чимь в творительном падеже свидетельствовали о дифтонгическом (из *oi̯ и *ei̯) происхождении ѣ и и.

От основ къ-, чь- образовывались местоимения кыи (< kъ + jь > kȳjь > кыи) и чии (< č'ь + jь > č'ĭjь > чии), также без элемента -то.

И. п.	къто	чьто
Р. п.	кого	чесо (чьсо, чьсого, чесого)
Д. п.	комоу	чемоу (чьсомоу, чесомоу)
В. п.	кого	чьто
Т. п.	цѣмь	чимь
М. п.	комь	чемь (чесомь)

Так же, как къто, чьто, склонялись образованные от них нѣкъто, нѣчьто, никъто, ничьто. В дальнейшем по славянским языкам -со- либо исчезло по аналогии с формами косвенных падежей местоимения къто, либо пережило различные изменения фонетического порядка, например: č'eso > č'ьso > č'so и вследствие ассимиляции > co (чешск., польск.).

Однако по славянским языкам (диалектам) местоимение чь (*č'ь) сохранилось: в словенском после отрицания nič' («ничто»), в чешском proč', в польском zacz, в украинском *нич* («ничего»). Если местоимения нѣкъто, нѣчьто, никъто, ничьто употребляются с предлогом, то он становится после нѣ- и ни-: нѣ от кого, ни о комь же.

§ 133. Местоимение сь склонялось по мягкому варианту, хотя происхождение мягкости [s'] неясно, ему в литовском языке соответствует š (šis, Р. п. *šio), в латинском – k (citra), следовательно, можно предположить, что с- в сь такого же происхождения, как в десѧть, писати – из палатовелярного *k'. А. М. Селищев считал, что вероятным может быть предположение о том, что парадигма этого местоимения оформилась под влиянием основ с мягким согласным (типа и, ꙗ, ѥ). В именительном падеже могли употребляться местоимения сь и сии (из sь-jь > sĭjь > sii). Необычной является и форма именительного падежа местоимения женского рода си.

Слова, обозначавшие числа

§ 134. Ко времени появления первых славянских переводов славяне уже имели понятие абстрактного числа; но слова, обозначавшие числа, еще не составляли особой части речи и в грамматическом отношении ничем не отличались от имен и местоимений: одни из них можно назвать счетными прилагательными, другие – счетными существительными.

Названий чисел в старославянском языке было немного. Специальные, устойчивые наименования существовали лишь для чисел 1–10, 100 и 1000, то есть всего 12 слов. Остальные числа (11, 12, 13 и т. д., 21, 22, 23 и т. д., 101, 102, 103 и т. д.) обозначались комбинациями этих двенадцати слов.

	Количественные числительные	Порядковые числительные
1	ѥдинъ, ѥдьнъ, -о, -а	прьвъ, -о, -а
2	дъва (м. р.), дъвѣ (с. р., ж. р.)	въторъ, -о, -а
3	триѥ (трьѥ) (м.р.), три (с. р., ж. р.)	третии (-тьи), -иѥ, -иꙗ
4	четъıре (м. р.), четъıри (с. р., ж. р).	четврьтъ, -о, -а
5	пѧть	пѧтъ, -о, -а
6	шесть	шестъ, -о, -а
7	седмь	седмъ, -о, -а
8	осмь	осмъ, -о, -а
9	девѧть	девѧтъ, -о, -а
10	десѧть	десѧтъ, -о, а
11	ѥдинъ (-о, -а) на десѧте	прьвъ на десѧте, ѥдинонадесѧтъ
12	дъва (-ѣ) на десѧте	въторъ на десѧте, дъванадесѧтъ, дъванадесѧтьнъ
13	триѥ (три) на десѧте	третии на десѧте, тринадесѧтъ
14	четъıре (-ри) на десѧте	четверьть на десѧте, четъıренадесѧтъ, четъıренадесѧтьнъ
15	пѧть на десѧте	пѧтъ на десѧте, пѧтьнадесѧтьнъ
16	шесть на десѧте	шестъ на десѧте, шестонадесѧтъ
17	седмь на десѧте	седмъ на десѧте, седмьнадесѧтъ, седмьнадесѧтьнъ
18	осмь на десѧте	осмъ на десѧте, осмонадесѧтъ
19	девѧтъ на десѧте	девѧтъ на десѧте, девѧтьнадесѧтьнъ

	Количественные числительные	Порядковые числительные
20	дъва десѧти	дъвадесѧтъ, дъвадесѧтьнъ, дъводесѧтъ
30	три десѧти (-те)	тридесѧтьнъ
40	четъıре (-ри) десѧте (-ти)	четъıридесѧтъ, четъıридесѧтьнъ
50	пѧть десѧтъ	пѧтьдесѧтъ, пѧтьдесѧтьнъ
60	шесть десѧтъ	шестьдесѧтъ
70	седмь десѧтъ	седмодесѧтьнъ, седмьдесѧтьнъ
80	осмь десѧтъ	осмьдесѧть, осмьдесѧтьнъ
90	девѧть десѧтъ	девѧтьдесѧть, девѧтьдесѧтьнъ
100	съто	сътьнъ
200	дъвѣ сътѣ	[дъвоюсътьнъ], дъвосътьнъ, дроугосътьно [лѣто]
300	три съта	трисътьнъ
400	четъıри съта	[четъıръсътьнъ]
500	пѧть сътъ	[пѧтисътьнъ]
1000	тъıсѧща (тъıсѫща)	тъıсѧщьнъ (тъıсѫщьнъ)
2000	дъвѣ тъıсѧщи	[дъвоютъıсѧщьнъ]
3000	три тъıсѧщѧ	тритъıсѧщьнъ
4000	четъıри тъıсѧщѧ	
5000	пѧть тъıсѧщь	
10000	тьма, несъвѣда	

Для названия 10000 служили имена **тьма** («темнота») или **несъвѣда** («непонятность»). Те же имена имели значение «большое, бесчисленное количество». В русских памятниках письменности XV–XVII вв., восходивших к южнославянским, указаны и другие имена для больших чисел: **лег'еонъı** (заимствование из греческого) – «сотни тысяч», **леодръı** – «миллионы», **вранъı** – «десятки миллионов». Бесконечное же число названо русским словом – **колода: бесчисленая лежитъ колода, еи же больше нѣсть числа и ч҃ловѣкомъ от бога ꙋтаено; невозможно бо есть ч҃ловѣкоу тайнꙋ божию вѣдѣти.**

Счетными прилагательными в старославянском языке были названия чисел 1, 2, 3 и 4, которые выступали в предложении в роли определений, согласуясь с определяемым существительным в роде, числе и падеже.

Название числа 1 – **ѥдинъ** (**ѥдина, ѥдино**) или **ѥдьнъ** (**ѥдьна, ѥдьно**) склонялось по местоименному склонению (по типу **тъ**,

та, то). Указывая на один предмет, это слово в числовом значении употреблялось только в форме единственного числа, точнее – только при существительном в форме единственного числа: **ѥдинъ рабъ, ѥдиноѩ жены, ѥдиномоу селоу** и т. д. (как **тъ рабъ, тоѩ жены, томоу селоу**). Это же слово могло иметь и значение «некий, некоторый»: **чл҃вкъ ѥдинъ сътвори вечерѭ велиѭ** [= «Некий человек устроил большой пир»] (Мар. ев., Лк. XIV); ср. русск.: *Один мой знакомый сказал...* В таком значении **ѥдинъ** могло иметь формы двойственного и множественного чисел: **и се ѥдини отъ кънижъникъ рѣшѧ вь себѣ** (**ѥдин-и**, как **т-и**) [= «И вот некоторые из книжников подумали...»] (Мар. ев., Мф. IX); **сею ѥдиною дъвою ст҃оую** (**ѥдиною**, как **тою**) [= «этих неких двух святых»] (Супр. рук.) – значение «некий» здесь подчеркивается наличием указания на число 2 (а не 1!); **изъ ѥдинѣхъ оустъ** (как из **изъ тѣхъ**) [= «из неких уст»] (Супр. рук.).

Название числа 2 также склонялось по местоименному склонению (то есть тоже по типу **тъ**). Поскольку существительное имело указание на это число лишь в том случае, когда обозначало два предмета, оно употреблялось только в формах двойственного числа, как и название числа 2, согласуясь с существительным, имело только формы двойственного числа. В местоименном склонении *родовые* формы в двойственом числе, как известно, были только в именительном-винительном падеже, причем одна форма – для мужского рода (**та**), другая – для среднего и женского родов (**тѣ**). Так же и названия числа 2: **дъва чловѣка** (как **та чловѣка**), **дъвѣ селѣ, женѣ** (как **тѣ селѣ, женѣ**). Другое название того же числа (с оттенком собирательности) – **оба** (**чловѣка**), **обѣ** (**селѣ, женѣ**). В косвенных падежах формы были общими для всех трех родов: Р., М. п. **дъвою, обою**; Д., Т. п. **дъвѣма, обѣма**.

Согласовывались с определяемым существительным и названия чисел 3 и 4. Так как они употреблялись лишь в том случае, если существительное обозначало более двух предметов, то, естественно, существительное употреблялось в форме множественного числа. Согласуясь с определяемым существительным, названия чисел

3 и 4 употреблялись также только в формах множественного числа. При этом название числа 3 имело падежные окончания по типу именных основ на *ĭ, различая в именительном падеже родовые формы: **триѥ** – для мужского рода (ср. **гостиѥ**), **три** – для женского и среднего род (ср. **кости**). Название числа 4 имело падежные окончания по типу основ на согласные, также различая в именительном падеже родовые формы: **четꙑре** для мужского рода (ср. **камене**), и **четꙑри** – для женского и среднего рода (ср. **матери**). В косвенных падежах окончания были общими для трех родов и, кроме родительного падежа, общими для обоих слов.

	Мужской род	Средний род	Женский род
Единственное число			
И., В. п.	дъва	дъвѣ	дъвѣ
Р., М. п.	дъвою		
Д., Т. п.	дъвѣма		
Двойственное число			
И. п.	триѥ (трьѥ)	три	три
Р. п.	трии (трьи)		
Д. п.	трьмъ		
В. п.	три		
Т. п.	трьми		
М. п.	трьхъ		
Множественное число			
И. п.	четꙑре	четꙑри	четꙑри
Р. п.	четꙑръ		
Д. п.	четꙑрьмъ		
В. п.	четꙑри		
Т. п.	четꙑрьми		
М. п.	четꙑрьхъ		

Все остальные названия чисел были *счетными существительными*, то есть характеризовались теми же грамматическими категориями, что и существительные, так же склонялись и характеризовались теми же синтаксическими связями.

Названия чисел 5–9 были существительными женского рода и склонялись по типу основ на *ĭ (как **кость**), то есть именительный-винительный падеж **пѧть**, **шесть**, **седмь** («семь»), **осмь** («восемь»), **девѧть**; родительный, дательный и местный падежи

пѧти, шести и т. д.; творительный падеж **пѧтиѭ, шестиѭ** и т. д. (или **пѧтьѭ, шестьѭ** и т. д.). Все эти слова употреблялись в форме единственного числа и *управляли* родительным падежом множественного числа существительных. Например: **се дроугыѩ пѧть талантъ приобрѣтохъ** [= «Вот (я) приобрел другие пять монет»] (Остр. ев., Мф. XXV) – **пѧть** выступает как имя женского рода (см. определение **дроугыѩ**), а существительное при нем употреблено в родительном падеже множественного числа (ср. в русском языке то же управление существительных: *стадо коров, группа учеников*); **приемъ седмь тѫ хлѣбъ** [= «Приняв те семь хлебов»] (Зогр. ев., Мф. VIII) – **седмь** характеризуется как имя женского рода (**тѫ**) и управляет родительным падежом множественного числа (**хлѣбъ**); **надъ десѧтьѭ градъ** (Мар. ев., Лк. XIX) – **десѧть** управляет родительным падежом множественного числа (**градъ**; но ср. русск.: *над десятью городами*).

Название **десѧть** было существительным, первоначально склонявшимся по типу основ на согласный, как **камы (камень)**. Однако со временем формы этого слова испытали влияние со стороны слов **пѧть... девѧть**, что и отразилось в старославянских памятниках в виде колебаний падежных окончаний слова **десѧть** в единственном числе и в переходе его из мужского рода в женский. Являясь названием узлового числа десятичной системы исчисления, употреблявшейся у славян, слово **десѧть** имело не только формы единственного числа, но также формы двойственного и множественного чисел:

Единственное число

И. п.	десѧть
Р. п.	(десѧте), десѧти
Д. п.	десѧти
В. п.	десѧть
Т. п.	десѧтиѭ (десѧтьѭ)
М. п.	десѧте, десѧти

Двойственное число

И., В. п.	десѧти (десѧтѣ)
Р., М. п.	(десѧтоу)
Д., Т. п.	десѧтьма

Множественное число

И. п.	десѧте (десѧти)
Р. п.	десѧтъ
Д. п.	десѧтьмъ
В. п.	десѧти
Т. п.	десѧтьми
М. п.	десѧтьхъ

Название чисел второго десятка осуществлялось посредством указания на единицу, прибавленную к десяти: **кдинъ на десѧте** (то есть 11), **пѧть на десѧте** (то есть 15). При употреблении таких образований с существительными формы существительных сочетались с названиями единиц: **кдинъ на десѧте чловѣкъ** (существительное в единственном числе, так как сочетается с **кдинъ**), **дъва на десѧте чловѣка** (существительное сочетается с **дъва**, поэтому стоит в форме двойственного числа), **четꙑре на десѧте чловѣци** (существительное в форме множественного числа, так как сочетается с **четꙑре**), **осмь на десѧте чловѣкъ** (существительное в родительном падеже множественного числа, так как им «управляет» числительное **осмь**). Ср. те же отношения в русском языке при составных числительных: *двадцать один человек* – единственное число; *двадцать три человека* – родительный падеж единственного числа, как при *три*; *двадцать восемь человек* – родительный падеж множественного числа, как при *восемь*.

Названия десятков образовывались сочетанием, указывавшим на количество десятков, при этом **десѧть** употреблялось в форме, в какой обычно употреблялось существительное при соответствующем названии единиц: **три десѧти** – 30 (название числа 10 в форме И. п. мн. ч., как **три матери**), **шесть десѧтъ** (название числа 10 в форме Р. п. мн. ч., как **шесть матеръ**) и т. д. Так же образовывались и названия сотен: **три съта** (**съта** – И. п. мн. ч., как **три села**), **шесть сътъ** (**сътъ** – И. п. мн. ч., как **шесть селъ**).

Числительное **съто** имело такие же формы, как имя существительное среднего рода на *ŏ: **съта, сътоу** и т. д.; **тꙑсѧща** (**тꙑсѫща**) изменялось как имя с основой на *jā: **тꙑсѧщѧ, тꙑсѧщи** и т. д.

При склонении изменялись оба слова, составлявших название десятков или сотен, если они были согласованы: **три десѧтъ, трьмъ десѧтьмъ** и т. д., **три съто, трьмъ сътомъ** и т. д. Если же название единиц управляло названием десятка или сотни, то склонялось лишь указание на число десятков или сотен: **шести десѧтъ, шестиѭ десѧтъ** и т. д., **шести сътъ, шестиѭ сътъ** и т. д.

Числа, включающие десятки (или сотни) и единицы, передавались сочинительными сочетаниями названий десятков (или сотен) и единиц с союзами **и** или **ти**: **четыри десѧте и пѧть** (45) или **четыри десѧте ти пѧть** (то же).

Порядковые числительные

§ 135. Слова, обозначавшие порядок предметов при счете (то есть те, что в современных школьных грамматиках именуются порядковыми числительными), в старославянском языке ничем не отличались от относительных прилагательных. В частности, они согласовывались с существительными и могли иметь именную и членную форму: **прьвъ** (**прьва, прьво**) и **прьвыи** (обычно со стяжением **прьвы, прьваꙗ, прьвоѥ**), **въторъ** (-**а**, -**о**) и **въторыи** (-**аꙗ**, -**оѥ**), **третии** (-**иꙗ**, -**иѥ**), **четвьрътъ** (-**а**, -**о**) и **четвьртыи** (-**аꙗ**, -**оѥ**), **пѧтъ** (-**а**, -**о**) и **пѧтыи** (-**аꙗ**, -**оѥ**) и т. д.

Представляя собой формы прилагательных, порядковые числительные изменялись по основам на *ŏ в мужском и среднем роде и по основам на *ā – в женском: И. п. **пѧтъ**, Р. п. **пѧта**, Д. п. **пѧтоу** и т. д.

Местоименные формы образовывались так же, как полные формы прилагательных: **пѧтаѥго, пѧтоуѥмоу**.

В образовании основы этих числительных имя единиц иногда бывало представлено с тематическим гласным *о: **дъвонадесѧтьнъ, осмонадесѧтьнъ, дъводесѧтъ** и др.

Известно и такое образование: **дъвоюнадесѧтелоучьноѥ сльнце** («двенадцатилучезарное солнце», Супр. рук.).

Порядковые числительные согласовывались с именами существительными в роде, числе и падеже.

Собирательные числительные

§ 136. Числа первого десятка в старославянском языке могли обозначаться так называемыми *собирательными* числительными **дъвои**, **трои** и т. д. – до **десѧтеръ** (или **десѧторъ**). Всего таких числительных было девять: **дъвои**, **трои**, **четверъ** (**четворъ**), **пѧторъ** (**пѧтеръ**), **шесторъ** (**шестеръ**), **седморъ** (**седмеръ**), **осморъ** (**осмеръ**), **девѧторъ** (**девѧтеръ**), **десѧторъ** (**десѧтеръ**).

Склонялись они так же, как неличные местоимения, например: **твои**, **свои** – Р. п. **дъвоѥго**, Д. п. **дъвоѥмоу** и т. д.

При собирательных формах **двои**, **трои** имя находится во множественном числе: **дъвои людиѥ**, **дъвоихъ людии**.

В сочетании с именем собирательного значения, представленным в формс единственного числа, собирательные числительные употреблялись в среднсм роде, а имя существительное – в форме родительного падежа: **четверо братиѩ**.

Дополнительная литература:

- *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., 1952.
- *Хабургаев Г. А.* Сгарославянский язык. М., 1986.

Глагол

§ 137. Глагольной системе старославянского языка были свойственны те же основные грамматические категории, что и современному русскому языку: лицо, число, наклонение, время, вид, залог. Некоторые глагольные формы характеризовались также категорией рода. Кроме того, в старославянском языке достаточно ощущается категория определенности – неопределенности действия, связанная с категорией вида.

Разные формы одного и того же глагола, объединяемые общностью лексического, залогового и видового значения, одним значением определенности – неопределенности, одинаковой сочетаемостью с другими словами в предложении, в старославянском языке, как и в современном русском, образовывались

от разных основ. Их у подавляющего большинства глаголов две – это основа инфинитива и основа настоящего времени.

Глагольные основы

§ 138. Основа инфинитива и основа настоящего времени у большинства глаголов не совпадали. Все глагольные формы образовывались от одной из этих двух основ: *основа инфинитива* служила базой для образования форм прошедших времен (аориста и имперфекта), действительного и страдательного причастий прошедшего времени, инфинитива и супина; от *основы настоящего времени* образовывались формы настоящего времени, действительного и страдательного причастий настоящего времени и повелительного наклонения.

Глагольная основа	Формы, образуемые от нее	Типы основ
Основа инфинитива **нес-ти, писа-ти**	Аорист Имперфект Действительное и страдательное причастия прошедшего времени Инфинитив Супин	Типы основ инфинитива
Основа настоящего времени **нес-еши, пиш-еши** **нес-ѫтъ, пиш-ѫтъ**	Настоящее время Действительное и страдательное причастия настоящего времени Повелительное наклонение	Типы основ настоящего времени

Таким образом, *основа инфинитива* – это та часть глагольного слова, которая предшествовала суффиксу инфинитива, *основа настоящего времени* – это та часть глагольного слова, которая сначала предшествовала тематическому гласному, позже – окончанию.

Личные окончания присоединялись к основе настоящего времени с помощью тематических гласных **-є-** (условно для старославянского языка – первое спряжение) и **-и-** (второе спряжение). Эти глаголы назывались тематическими. Некоторые глаголы (**бъıти, дати, ꙗсти, вѣдѣти, имѣти**) не имели тематического гласного в форме настоящего времени и

назывались нетематическими (ст.-сл. **дамь** < *dad-mĭ, ст.-сл. **ıамь** < *i̯ĕd-mĭ и др.).

По соотношению формообразующих основ глаголы принято делить на классы.

Глагольные классы

Класс глагола – это система форм одного глагола, образованных от разных формообразующих основ. Внутри класса особенности образования каждой конкретной глагольной формы определяются типом соответствующей формообразующей основы данного глагола. В старославянском языке можно выделить пять основных глагольных классов.

I класс: глаголы с основой на тематические гласные *ŏ / *ĕ: **нес-еши, вед-еши, мож-еши, слов-еши, кльн-еши, бер-еши**; **нес-жтъ** (из *ŏntĭ), **вед-жтъ, мог-жтъ, слов-жтъ, кльн-жтъ**. *Инфинитив* глаголов этого класса мог иметь следующий вид: **нес-ти, вес-ти** (основа *vĕd-); **мощи** (из *mŏg-tei̯); **слоу-ти** (из *slou̯-tei̯); **кла-ти** (из *klĭn-tei̯); **бьра-ти** и др.; в большинстве случаев основа настоящего времени, как и основа инфинитива, оканчивается на согласный. Тематический гласный *ŏ использовался для образования форм в 3-м лице множественного числа настоящего времени, в остальных формах имеет место тематический *ĕ.

II класс: глаголы с основой настоящего времени на *nŏ / *nĕ. В этот класс входили глаголы с суффиксом -**нж**- в форме инфинитива и глагол **стати**: **двиг-не-ши, съх-не-ши, пли-не-ши, ми-не-ши, ста-не-ши** (при инфинитиве: **двигнжти, съхнжти, плинжти, минжти, ста-ти**); формы 3-го лица множественного числа настоящего времени – **двигн-жтъ, съхн-жтъ, мин-жтъ**. Чередование *nĕ // *nŏ в тех же формах, что и у глаголов I класса.

III класс: глаголы с основой настоящего времени на *jŏ / *jĕ: **зна-кши, кол-кши, пиш-еши, вѣроу-кши, быва-кши**; **зна-ıжтъ, кол-ıжтъ, пиш-ıжтъ, вѣроу-ıжтъ, быва-ıжтъ**. Основа инфинитива может оканчиваться на любой гласный: **оумѣ-ти, чю-ти, пи-**

ти, бы-ти, зна–ти. В число глаголов III класса входят глаголы на **-ати** после согласного, вступающего в чередование, обусловленное воздействием *j (*pīsātēi – *pīs-jĕ-s'i > piš'-eš'i, *gŏlgŏlātēi – *gŏlgŏl-jĕ-s'i > glagol'-eš'i, *plākātēi – *plāk-jĕ-s'i > plač'-eš'i и т. д.).

Перед тематическими *jŏ / *jĕ мог быть также корень, оканчивающийся согласным: **мел-ıєши, мел-ıѫтъ, млѣти; дрѣмл-ıєши, дрѣмл-ıѫтъ, дрѣмати**.

Корень мог быть распространен суффиксами:

-**а**-: **дѣла-ıєши, дѣла-ıѫтъ, дѣлати; жела-ıєши, жела-ıѫтъ, желати**;

-**ва**-: **оубива-ıєши, оубива-ıѫтъ, оубивати; оумыва-ıєши, оумыва-ıѫтъ, оумывати**;

-**ѣ**-: **бѣлѣ-ıєши, бѣлѣ-ıѫтъ, бѣлѣти**;

-**ова**- в инфинитиве, чередующееся с -**оу**- в формах настоящего времени: **радоу-ıєши, радоу-ıѫтъ, радовати; коупоу-ıєши, коупоу-ıѫтъ, коуповати**.

IV класс – глаголы с основой настоящего времени на *ī: **вид-иши, слыш-иши, хвал-иши, съп-иши** и др. (**слыш-ѧтъ, хвал-ѧтъ**). Инфинитив этих глаголов может оканчиваться на **-ити** (**хвалити**), **-ати** после мягкого согласного (**слышати, млъчати**), **-ѣти** (**видѣти, велѣти**), **-ати** после твердого согласного (**съпати**).

V класс: в пятый класс входили нетематические глаголы, формы настоящего времени которых образовывались без тематических гласных: **ıєсмь, дамь, вѣмь, ıамь, имамь** (инфинитив **быти, дати, вѣдѣти, ıасти, имѣти**); 3-е лицо множественного числа: **сѫтъ, дадѧтъ, вѣдѧтъ, ıадѧтъ, имѫтъ**.

Первые три класса глаголов объединяются в первое спряжение, четвертый класс образует второе.

В основе глаголов настоящего времени I и II классов было представлено чередование *ĕ // ŏ перед древними флексиями. Тематический гласный *ŏ был в 3-м лице множественного числа, с его участием образовывались также формы повелительного

наклонения и причастия настоящего времени (причастие настоящего времени: *nĕsŏ-ntī > ст.-сл. несꙑ; повелительное наклонение: *rĭkŏ-i-s > rьc'i > ст.-сл. рьци, где [c'] появляется в результате второй палатализации; основа причастия настоящего времени *nĕsŏnt-, Р. п. *nĕsŏntjā > ст.-сл. несѫщѧ).

Тематические и нетематические глаголы

§ 139. Тематические и нетематические глаголы различались основой настоящего времени.

Тематическими называются глаголы, у которых между корнем и исходным личным окончанием находится гласный (тема):

– *ĕ // *ŏ (*nĕ // *nŏ, *jĕ // *jŏ): **нес-е-тъ, нес-ѫ-тъ; съх-не-тъ, съх-нѫ-тъ; зна-ѥ-тъ, зна-ѭ-тъ;**

– *ī: **ход-и-тъ, ход-и-мъ.**

В нетематических глаголах, представляющих собой остаток более древнего способа образования форм, личные окончания присоединяются непосредственно к корню. Старославянские памятники фиксируют подобные формы лишь у пяти глаголов:

1-е и 2-е л. ед. ч.	Инфинитив
ѥсмь, ѥси	бꙑти
дамь, даси	дати
ꙗмь, ꙗси	ꙗсти
вѣмь, вѣси	вѣдѣти
имамь, имаши	имѣти

У глагола **имѣти** особым было только окончание 1-го лица единственного числа настоящего времени.

Исторически тематические и нетематические глаголы имели одинаковые в большинстве случаев так называемые «первичные» окончания, однако у тематических глаголов между основой и окончанием был тематический гласный: *znā-jŏ-ntĭ > znajǫtъ, *mŏl-ī-sī > *mŏlīchī > *mŏliš'ī > moliš'i; а у нетематических глаголов такого гласного не было: *dād-săi̯ > *dā-dsāi̯ > da-si; *dād-ntĭ > *dā-dn̥tĭ > *dādintĭ > dad-ętъ.

Грамматические категории глагола

Категория наклонения

§ 140. Наклонение – грамматическая категория глагола, выражающая соотнесенность действия с действительностью с точки зрения говорящего. Оно может передавать оценку реальности / нереальности отношения между действием и его субъектом, а также волю говорящего к осуществлению или к отрицанию действия.

В старославянском языке так же, как и в современном русском, было три наклонения:

– изъявительное, констатирующее, утверждающее или отрицающее действие в настоящем, прошедшем или будущем;

– повелительное, выражающее волю говорящего, побуждающее кого-то стать производителем, субъектом действия;

– условное, обозначающее предположительное или желательное действие.

Повелительное и условное наклонения были противопоставлены изъявительному как ирреальные. Ирреальные наклонения характеризовались специфическими грамматическими показателями и не имели временных форм. Морфологическими показателями изъявительного наклонения служили формы времени.

Категория времени

Морфологическая категория времени – это система противопоставленных друг другу рядов форм, обозначающих отношение действия ко времени его осуществления.

Категория времени обозначала время протекания действия (или состояния) по отношению к моменту речи (абсолютное время) или по отношению к какому-либо моменту, принятому за исходный (относительное время).

Значение времени выражалось специальными формообразующими суффиксами, вспомогательными глаголами и окончаниями.

Категория вида

Вид – грамматическая категория, обозначающая границы и характер протекания действия во времени.

В славянских языках противопоставлены совершенный и несовершенный вид. Значение вида выражается глагольной основой. Глагольные основы совершенного вида указывают не столько на само действие, сколько на его временные границы, на соотнесенность конца и начала действия. Этому возможно дать иное определение: глаголы совершенного вида обладают значением ограниченности действия пределом, признаком целостности действия. В глаголах совершенного вида этот предел чаще всего осмысляется как некоторая критическая точка, по достижении которой действие, исчерпав себя, прекращается. Возможны различные семантические соотношения глаголов совершенного и несовершенного вида. Предел в большинстве случаев достигается как определенная цель с сохранившимся после ее достижения результатом действия (русск. *побелил, переписал*). Это одна из важнейших реализаций целостности действия. Соответствующие глаголы несовершенного вида обозначают стремление к пределу действия. Другие глаголы совершенного вида обозначают достижение предела как непроизвольное завершение действия, осуществление перехода в иное состояние (русск. *ослабеть*). Соответствующие глаголы несовершенного вида обозначают нарастание состояния, сам процесс перехода в иное состояние (русск. *слабеть, ослабевать*). Глаголы совершенного вида могут выражать и такой предел, который ограничивает действие во времени: фиксирует его начало (русск. *запеть*), окончание (но не исчерпанность) (русск. *отговорить*), некоторый временной отрезок (русск. *поговорить*), ограниченность действия одним актом (русск. *толкнуть*).

Глаголы совершенного и несовершенного вида образуют видовые пары.

Видовая пара – это пара лексически тождественных глаголов, отличающихся друг от друга только грамматической категорией вида. Объединение глагольных форм в видовые пары – это системная категориальная черта вида.

Таким образом, в видовой паре противопоставляется представление действия как целостного акта – действию как процессу в его длительности или повторяемости. Видовые отношения в старославянском языке обладали определенной спецификой.

Изучение развития глагольной системы в течение длительного времени – от индоевропейского праязыка до периода ранних славянских памятников – показало, что категории вида и времени тесно связаны и можно признать, что в своем развитии они прошли по крайней мере три основных этапа.

На первом этапе существовали лишь видовые различия, определявшие действие с точки зрения характера его протекания во времени. Выражались они структурно-словообразовательными средствами. Это были различия по длительности / недлительности, результативности / отсутствии результата и некоторые другие. Видовые различия древнейшей эпохи следует отличать от соотнесенности совершенного / несовершенного вида: в древнейший период действие характеризовалось более конкретно, с меньшей степенью абстрагированности. Видовые различия древнего периода характеризуют определенную эпоху в развитии протославянского языка. В эту эпоху происходило оформление грамматической категории времени и морфологических средств выражения отношения действия к моменту речи.

Второй этап в развитии видо-временных отношений определяется оформлением категории времени, то есть грамматически выраженным становится отношение действия к моменту речи, что находит отражение в структуре слова. При этом формы различных времен оформляются на базе древних видовых категорий посредством определенного преобразования древних форм. Это преобразование состоит в дифференциации окончаний для разных форм времени, в преобразовании древних видовых показателей в показатели времени, в развитии на почве некоторых индоевропейских языков аугмента (приращения) показателя прошедшего времени. Преобразование старой видовой системы во временную систему начинается еще, вероятно, на почве индоевропейского языка и продолжается в его отдельных диалектах, а

затем группах индоевропейских языков. Об этом свидетельствует определенная близость временных систем в этих языках (при различиях в образовании и истории).

Наконец, в еще более позднюю эпоху устанавливается противопоставление совершенного и несовершенного вида, средством разграничения которых становятся приставки. Видовая роль приставок намечается, по мнению исследователей, еще в индоевропейскую эпоху, поскольку многие индоевропейские языки свидетельствуют о соответствующих изменениях, вносимых в глагольную основу приставками. Но только в славянских и близких к ним балтийских языках видовая роль приставок развивается последовательно. Следовательно, есть основание предположить, что противопоставление совершенного / несовершенного вида намстилось в праславянском языке, но это было лишь начало формирования славянской видо-временной системы, о чем свидетельствуют старославянские памятники, отразившие видовую систему, не совпадающую с системой современных славянских языков.

Вместе с тем старославянский язык отражает ту сложную систему временных форм, которая была характерна для праславянского языка. Эта система имеет много общего с системой времен других древних индоевропейских языков – санскрита, греческого, но есть в них и отличия:

– развитие сложных (аналитических) временных форм;
– оформление новой формы имперфекта;
– отсутствие морфологической формы будущего времени.

Специфика видовых отношений в старославянском языке

В древних славянских языках, в том числе и в старославянском, видовые отношения имели некоторые отличия от современного русского языка. Обнаруживается, что ряд глаголов мог употребляться и в значении совершенного вида, и в значении несовершенного вида, и это нельзя считать омонимией, так как явление распространялось на слишком большое число глагольных основ:

– на глаголы движения и перемещения в пространстве: **нести**, **ити**;

– на многие бесприставочные глаголы на -**ити**: **сѫдити, мьстити**;

– на древние атематические глаголы: **ꙗсти, дати**;

– на бесприставочные корневые глаголы: **ꙗти, рещи**;

– на ряд других глаголов, например: **видѣти, слꙑшати**.

Рудольф Ружичка в своей работе о категории вида в «Повести временных лет» отмечает, что двойственное употребление этих глаголов может быть обусловлено тем, что в древний период бесприставочные глаголы еще не были в полной мере охвачены категорией вида. Они должны быть определены как немаркированные в отношении вида, в результате чего значение, приобретаемое ими, обусловливалось контекстом. Приставочные же образования от этих глаголов функционировали как глаголы совершенного вида.

Вид в старославянском языке (даже учитывая специфику функционирования глаголов, немаркированных в отношении вида), являлся парадигматизированной категорией. Это обстоятельство выражалось в том, что все формы одной и той же основы имеют один и тот же вид (**могѫ, могъ, можааше** и др.).

Приставочные образования немаркированных в отношении вида глаголов могут быть определены как глаголы совершенного вида. Но соотносились приставочные и бесприставочные глаголы не так, как глаголы совершенного и несовершенного вида в современном русском языке: они не образовывали видовую пару. В ранний период развития славянских языков глаголу совершенного вида соответствовал немаркированный в отношении вида глагол, который в зависимости от контекста мог актуализировать значение либо совершенного, либо несовершенного вида.

Категория залога

Категория залога характеризует взаимоотношения субъекта и объекта в процессе совершения действия. Она может выражаться различными способами:

– сочетанием глагола и управляемых слов;

– при помощи различных аффиксов.

Действие глагола, направленное на объект, название которого занимает позицию дополнения, принято называть *действительным залогом* (ср. русск. *Студенты изучают старославянский язык*). Если название объекта действия является подлежащим, следует говорить о *страдательном залоге* (русск. *Старославянский язык изучается студентами*). Если субъект является одновременно и объектом действия, это называется средневозвратным залогом (русск. *Он обучается*).

Категория лица и числа

Лицо – грамматическая словоизменительная категория глагола, обозначающая отношение субъекта действия (процесса, качества) к говорящему лицу, собеседнику или предмету описания / обсуждения. Категория лица также присуща личным местоимениям, но у них категория лица представлена разными лексемами, а не грамматическими формами одного слова.

В старославянском языке было три лица: первое, второе и третье. Изменение глагола по лицам и числам называется спряжением. Категории лица и числа выражаются личными окончаниями, указывающими на лицо или предмет, которым приписываются действие или состояние. Личные окончания указывают на говорящего или говорящих (**идѫ, идевѣ, идемъ**), на собеседника или собеседников (**идеши, идета, идете**), на предмет речи (**идетъ, идете, идѫтъ**).

Различают спрягаемые формы глагола (которые также называются личными) и неспрягаемые формы: причастие, инфинитив и супин.

Настоящее время

§ 141. У подавляющего большинства глаголов личные окончания настоящего времени присоединялись посредством тематических *ě / *ŏ, *nĕ / *nŏ, *jĕ / *jŏ и *ī. Небольшая группа глаголов в старославянском языке не имела тематических гласных между основой и флексией.

Основа настоящего времени на *ĕ / *ŏ

Инфинитив	Типы основ		
	вести	рещи	клѧти

Единственное число

1-е л.	ведѫ	рекѫ	кльнѫ
2-е л.	ведеши	речеши	кльнеши
3-е л.	ведетъ	речетъ	кльнетъ

Двойственное число

1-е л.	ведевѣ	речевѣ	кльневѣ
2-е л.	ведета	речета	кльнета
3-е л.	ведете	речете	кльнете

Множественное число

1-е л.	ведемъ	речемъ	кльнемъ
2-е л.	ведете	речете	кльнете
3-е л.	ведѫтъ	рекѫтъ	кльнѫтъ

Основа настоящего времени на *nĕ / *nŏ

Инфинитив	Типы основ	
	двигнѫти	стати

Единственное число

1-е л.	двигнѫ	станѫ
2-е л.	двигнеши	станеши
3-е л.	двигнетъ	станетъ

Двойственное число

1-е л.	двигневѣ	станевѣ
2-е л.	двигнета	станета
3-е л.	двигнете	станете

Множественное число

1-е л.	двигнемъ	станемъ
2-е л.	двигнете	станете
3-е л.	двигнѫтъ	станѫтъ

Основа настоящего времени на *jĕ / *jŏ

Инфинитив	Типы основ			
	пьсати	плакати	знати	глаголати

Единственное число

1-е л.	пишѭ	плачѭ	знаѭ	глаголѭ
2-е л.	пишеши	плачеши	знаѥши	глаголѥши
3-е л.	пишетъ	плачетъ	знаѥтъ	глаголѥтъ

Двойственное число

1-е л.	пишевѣ	плачевѣ	знаѥвѣ	глаголѥвѣ
2-е л.	пишета	плачета	знаѥта	глаголѥта
3-е л.	пишете	плачете	знаѥте	глаголѥте

Множественное число

1-е л.	пишѥмъ	плачемъ	знаѥмъ	глаголѥмъ
2-е л.	пишѥте	плачете	знаѥте	глаголѥте
3-е л.	пишѭтъ	плачѭтъ	знаѭтъ	глаголѭтъ

Основа настоящего времени на *ī

Инфинитив	Типы основ			
	хвалити	носити	видѣти	любити

Единственное число

1-е л.	хвалѭ	ношѭ	виждѭ	люблѭ
2-е л.	хвалиши	носиши	видиши	любиши
3-е л.	хвалитъ	носитъ	видитъ	любитъ

Двойственное число

1-е л.	хваливѣ	носивѣ	видивѣ	любивѣ
2-е л.	хвалита	носита	видита	любита
3-е л.	хвалите	носите	видите	любите

Множественное число

1-е л.	хвалимъ	носимъ	видимъ	любимъ
2-е л.	хвалите	носите	видите	любите
3-е л.	хвалѧтъ	носѧтъ	видѧтъ	любѧтъ

Спряжение нетематических глаголов

Так как у нетематических глаголов не было конечного гласного основы, то глагольное окончание присоединялось непосредственно к корню. Сопоставляя окончания нетематических глаголов, зафиксированные старославянскими памятниками, с окончаниями тематических глаголов первого и второго спряжений, нетрудно заметить, что основные отличия касались окончаний 1-го и 2-го лица единственного числа, а в глаголе **имѣти** – лишь 1-го.

Инфинитив	Типы основ				
	быти	дати	вѣдѣти	ꙗсти	имѣти

Единственное число

1-е л.	ѥсмь	дамь	вѣмь	ꙗмь	имамь
2-е л.	ѥси	даси	вѣси	ꙗси	имаши
3-е л.	ѥстъ	дастъ	вѣстъ	ꙗстъ	иматъ

Двойственное число

1-е л.	ѥсвѣ	давѣ	вѣвѣ	ꙗвѣ	имавѣ
2-е л.	ѥста	даста	вѣста	ꙗста	имата
3-е л.	ѥсте	дасте	вѣсте	ꙗсте	имате

Множественное число

1-е л.	ѥсмъ	дамъ	вѣмъ	ꙗмъ	имамъ
2-е л.	ѥсте	дасте	вѣсте	ꙗсте	имате
3-е л.	сѫтъ	дадѧтъ	вѣдѧтъ	ꙗдѧтъ	имѫтъ

Первичные и вторичные глагольные окончания

§ 142. В праславянском языке существовало две системы личных глагольных окончаний. Это так называемые «первичные» и «вторичные» окончания. «Первичные» – это окончания настоящего времени, «вторичные» – окончания аориста, имперфекта и повелительного наклонения.

Окончания	Первичные		Вторичные
	Тематические	Нетематические	

Единственное число

1-е л.	*-ām	*-mĭ	*-m(-n)
2-е л.	*-sĭ	*-sāi	*-s
3-е л.	*-tĭ	*-tĭ	*-t

Двойственное число

1-е л.	*-vē	*-vē
2-е л.	*-tā	*-tā
3-е л.	*-tě	*-tě

Множественное число

1-е л.	*-mŏs > *-mŭs	*-mŏs > *-mŭs
2-е л.	*-tě	*-tě
3-е л.	*-ntĭ	*-nt

Происхождение личных окончаний: глаголы настоящего времени

Единственное число

1-е лицо: **несѫ**, где – **ѫ** [ǫ], как полагают исследователи, из древней формы конъюнктива, оканчивавшегося на *-ām (ср. лат. feram). Невозможными представляются формы на *-ŏm, *-ăm, поскольку известно, что конечное сочетание *-ŏm изменилось в *-ŏn, которое в свою очередь пережило следующие изменения: *-ŏn > *ŭn > *ŭ > ъ (см. 1-е лицо единственного числа аориста, а также судьбу форм среднего рода типа *sělŏn). В глаголах с основой на **-ити** (**ходити, любити**) в 1-м лице единственного числа после согласного [i] переходит в [j] в позиции перед следующим гласным (*chŏdī-ām > *chŏdj-ām > chož͡’d’-ǫ > ст.-сл. **хождѫ**; ср. *le͡u̯bī-ām > l’ubj-ǫ > l’ubl’ǫ > ст.-сл. **люблѭ**).

А. Мейе полагал, что флексия 1-го лица единственного числа восходит к индоевропейскому *ō (греч. φέρω, лат. fero, готск. baira, лит. nesù из neš’úo). Элемент *-m (вторичное окончание), перешедший в конце слова в *-n, был присоединен к основе глагола на *ō, после чего *-ōn > ǫ > **ѫ**.

Нетематические глаголы (**дамь, кємь, вѣмь** и др.) образовывали формы 1-го лица единственного числа настоящего времени с помощью окончания *-mĭ от глагольной основы, которая в чистом виде выступала в 3-м лице множественного числа: **дад-ѧтъ** (основа *dād-mĭ > dā-dmĭ > dāmĭ (происходит упрощение группы согласных) > damь > ст.-сл. **дамь**): ср. греч. εἰμί, лит. esmi.

2-е лицо: **нєсєши, даси**. Окончание -**ши** сформировалось в парадигмах спряжения глаголов IV класса из индоевропейского -sĭ, например: *chvālī-sĭ > *chvālī-chĭ > *chvālīš'ĭ > chvališ'ь, где *s > [ch] после [i] в протославянский период, а затем [ch] перед гласным переднего ряда перешло в [š'] в результате первой палатализации. В дальнейшем результаты этих фонетических процессов по аналогии были перенесены на глаголы с тематическими гласными ĕ / ŏ: **нєсєши, дѣлаєши**; *-sĭ должно было дать -**шь** (*ĭ > ь). Окончание -**шь** известно славянским диалектам, однако в текстах старославянских памятников мы находим -**ши**. Предполагается, что [i] в окончании 2-го лица единственного числа возникло под влиянием нетематических глаголов (**даси, єси, вѣси, ꙗси**), в которых [i] – из окончания *-sāi, индоевропейского окончания 2-го лица единственного числа средневозвратного спряжения: *-ai в конце слова закономерно перешло в [ī].

3-е лицо: **нєсєтъ, дастъ** (греч. ἐστί, др.-инд. bhárati). Окончание -**тъ** произошло из окончания *-tĭ: *nĕsĕtĭ; dādtĭ > dāstĭ (изменение группы геминат *-dt- > *-tt- > *-st-) > dastь. Эти праславянские формы в ранних славянских памятниках должны были отразиться в виде **нєсєть, дасть**. Такие формы употребляются по славянским диалектам, используются в древних восточнославясньких памятниках. Вероятно, именно это окончание существовало в древней праславянской системе. Однако в старославянских памятниках используется окончание -**тъ** (**бъıстъ нѣкъıи отъшьльць**, Остр. ев.; **подобьно єстъ цр҃ствиє нб҃сноє чл҃коу цр҃ю**, Сав. кн; **вьсѣкъ оубо иже слъıшитъ словеса моѣ си и творитъ ѣ**, Мар. ев. и т. д.), следовательно, в болгарских диалектах в IX в. окончание [tь] изменилось в [tъ]. Это могло быть результатом изменений, происходящих в конце слова: одним из

результатов редукции конечного слога могла быть утрата палатализации в артикуляции согласного. О несомненном наличии конечного -ъ в старославянском и церковнославянском языке свидетельствуют написания с -ы перед **и** следующего слога: **прославитъı и**, особенно интересными могут быть примеры, в которых -**тъ** находилось перед -**сь** и было в сильной позиции. В западной части Болгарии в этой позиции [ъ] переходил в [о]: **како можето сь дати плъть своѭ** (Мар. ев.). В старославянских памятниках известны формы без окончания -**тъ**, например **є** вместо **ѥстъ** (Зогр. ев., Мар. ев., Ассем. ев.); **може** (Мар. ев.); наибольшее число форм 3-го лица без окончания -**тъ** / -**ть** находим в Супрасльской рукописи, в большей степени отразившей новые явления в истории славянских языков. Ф. Ф. Фортунатов сделал предположение, что флексия [tъ] обусловлена влиянием указательного местоимения **тъ**.

Двойственное число

1-е лицо: **несевѣ, давѣ**: окончание -**вѣ** – результат влияния формы личного местоимения 1-го лица двойственного числа именительного падежа.

2-е лицо: **несета, даста** (ср. лит.: 1-е л. -va, 2-е л. -ta).

3-е лицо: **несете, дасте** (греч. -τον и -ταν, скр. -thah, -tah, -tām – в ведийском языке). Окончания 2-го и 3-го лица находят соответствия в других индоевропейских языках. В форме 3-го лица уже в старославянских памятниках окончание -**те** вытесняется окончанием -**та**. Так, в Саввиной книге и Супрасльской рукописи совсем нет форм 3-го лица с окончанием -**те**. Окончание -**а** стало настолько актуальным для двойственного числа, что в языках, в которых эта категория сохранилась, -**а** распространилось и на 1-е лицо (ср. словенск. greva, gresta, gresta). И еще один процесс стал обнаруживаться в болгарской области в XI в. в судьбе двойственного числа: различение родовых окончаний под воздействием подобных изменений в именах. Во 2-м и 3-м л. женского и среднего рода стало употребляться окончание -**тѣ**: **посластѣ же сестрѣ ѥго къ немоу** (Сав. кн.); **вѣроуѥтѣ**; **тѣ же дъвѣ** (две Марии) **лстѣ и** (Супр. рук.). То же находим в современном сло-

венском: dva mož'a, dve ž'ene; 1-е лицо двойственного числа: greva (мужской род), greve (женский и средний) и в верхнелужицком языке: -tai – 2-е и 3-е лицо двойственного числа мужского рода, -tei – женского и среднего.

Множественное число

1-е лицо: **несемъ, дамъ**. Окончания имеют индоевропейское происхождение и пережили следующие процессы (*-mŏs > *mŭs > mъ): *nĕsĕmŏs > *nĕsemŭs > nesemъ ([ъ] < *ŭ), *dādmŏs > dādmŏs (упрощение группы согласных [dm] > *m) > *dāmŏs > *dāmŭs > damъ. Окончания в этой форме не были одинаковыми по индоевропейским диалектам. Известны окончания -men, -mes, -me (в болгарских памятниках), -mo (в сербских памятниках). В старославянских и церковнославянских памятниках встречаются формы с окончанием **-мъı**. Оно могло возникнуть как под влиянием личного местоимения **мъı** (**да оувѣмъı таінъı**, Сб. Клоца), так и в позиции перед **и** следующего слова (**несемъ и** > **несемъı и**, где **ъı** обозначает редуцированный [ў]).

Четыре формы – -mъ, -mo, -me, -my – распределились в дальнейшем в разных диалектных группах: -mъ – в старославянском, болгарском и древнерусском языках; -mo – в сербском, словенском и украинском; -me – в чешском, болгарском и диалектах древнерусского; -my – в старославянском (Супрасльская рукопись), диалектах древнерусского, польском, лужицком и древнечешском.

2-е лицо: **несете, дасте**. Окончание **-те** представлено в этой форме в полном соответствии с другими индоевропейскими языками (ср. греч. φέρετε).

3-е лицо: **несѫтъ, дадѧтъ**. Окончание *-ntĭ (греч. диал. φέροντι, др.-инд. bháranti) имеет индоевропейское происхождение: *nĕsŏntĭ > nesǫtь > nesǫtъ. В формах **дадѧтъ, ꙗдѧтъ, вѣдѧтъ** (основы dad-, jad-, vĕd-) окончание -ntĭ присоединялось к основе на согласный, в результате чего [n] приобретал позиционную слоговость (dādn̥tĭ), затем развивался гласный звук переднего ряда (*dādĭntĭ), сочетание гласного с носовым между согласными монофтонгизировалось (*dadętĭ). О судьбе *-tĭ см. выше (единственное число, 3-е лицо).

Система форм будущего времени

§ 143. Особое образование форм будущего времени, представленное в истории некоторых индоевропейских языков, было утрачено славянскими языками давно. Не отразились эти формы и в старославянских памятниках. А. М. Селищев полагает, что следы старого будущего времени есть в некоторых древнерусских памятниках XI в.: в Изборнике 1073 г., в Путятиной минее. Именно в них встречаются причастия будущего времени **бышѧщее**, **бышѧщек**, образованные от основы будущего времени **быш-**, восходящей, вероятно, к *bū-sī-: *-sī- и был, по-видимому, суффиксом будущего времени (ср. лит. būsiu, būsi, būsime, būsite и т. д.). При этом *-s > *ch после *ū и *-ch > š' перед *i в результате действия первой палатализации.

Уже в праславянском языке будущее время передавалось другими способами.

В старославянском языке значение действия, которое будет происходить в будущем, могло выражаться при помощи глаголов в форме настоящего времени. Глаголы настоящего времени, употребленные в значении будущего времени, могли быть как совершенного, так и несовершенного вида (ср. русск.: *Завтра я иду на работу*), но преимущественно совершенного: **азъ егда възвращѭ сѧ въдамь ти** (Мар. ев.); **призовѫ тѧ** (Син. пс.). Значение будущего времени, не связанное непосредственно с видовыми различиями глаголов, определялось контекстом:

Ї азъ глѭ вамъ просите и дастъ сѧ вамъ (Мар. ев.);

И по томь ѣси и пиеши ты («и после этого ты будешь есть и пить», Мар. ев.);

Єго же аще просите въ имѧ мое. то створѭ (Сав. кн.);

къто отъ васъ иматъ дроугъ идетъ к немоу полоуноци и речетъ емоу дроуже даждь ми възаимъ три хлѣбы (Мар. ев.).

Глагол **быти** имел формы простого будущего времени, отличные от форм настоящего времени (основа **бѫд-**, ср. настоящее время: **есмь, еси** и т. д.).

Единственное число

1-е л.	бѫдѫ
2-е л.	бѫдеши
3-е л.	бѫдетъ

Двойственное число

1-е л.	бѫдевѣ
2-е л.	бѫдета
3-е л.	бѫдете

Множественное число

1-е л.	бѫдемъ
2-е л.	бѫдете
3-е л.	бѫдѫтъ

Значение будущего времени, указание на действие (состояние), которое будет иметь место после момента речи, в старославянском языке передавалось также при помощи двух будущих сложных времен.

Будущее сложное I

Будущее сложное I, в отличие от будущего сложного II, имело абсолютное значение, то есть указывало на действие, которое произойдет после момента речи. Оно выражалось инфинитивом в сочетании с формами настоящего времени трех вспомогательных глаголов: **начѧти (начьнеши), хотѣти (хощеши), имѣти (имаши)**.

При этом спрягаемый вспомогательный глагол не только выполнял функцию грамматического элемента, но и сохранял некоторое лексическое значение.

Глагол **начѧти** использовался в случае, если надо было выразить начало будущего действия: **ненавидѣти сѧ начьнѫтъ** (Зогр. ев.); **тогда начьнеши съ стоудомъ послѣдьнего мѣста дрьжати** (Сав. кн.).

Глагол **имѣти** обычно указывал на возможность или неизбежность будущего действия: **пакы иматъ прити. тогда иматъ дѣло твоѥ искоушено быти** («дело твое будет рассмотрено», Син. треб.); **азъ ва имамь мѫчити. да никъто же възможетъ помощи вама** (Супр. рук.).

Глагол **хотѣти** использовался в случаях, когда надо было выразить желательность или необходимость осуществления действия в будущем. Глагол **хотѣти** в сочетании с инфинитивом обозначал и просто предстоящее действие: **что хощете ми дати и азъ вамъ прѣдаме и** (Мар. ев.), и действие желательное и должное совершиться: **сѫпрѫгъ воловьнъıихъ коупихъ пѧть и хощѫ искѫсити ихъ** (Остр. ев.), хотя в последнем случае значение предстоящего действия также присутствует.

Единственное число

1-е л.	начьнѫ (хощѫ, имамь) дѣлати
2-е л.	начьнеши (хощеши, имаши) дѣлати
3-е л.	начьнетъ (хощетъ, иматъ) дѣлати

Двойственное число

1-е л.	начьневѣ (хощевѣ, имавѣ) дѣлати
2-е л.	начьнета (хощета, имата) дѣлати
3-е л.	начьнете (хощете, имате) дѣлати

Множественное число

1-е л.	начьнемъ (хощемъ, имамъ) дѣлати
2-е л.	начьнете (хощете, имате) дѣлати
3-е л.	начьнѫтъ (хотѧтъ – Мар. ев., имѫтъ) дѣлати

Будущее сложное II

Будущее сложное II, в отличие от будущего сложного I, имело относительное значение. Оно употреблялось только в сложных предложениях и обозначало будущее действие, чьи результаты предшествовали другому будущему действию. В связи с этим его часто называют «преждебудущим». Оно образовывалось сочетанием несклоняемого действительного причастия прошедшего времени на [-l] (**дѣлалъ, зналъ, хвалилъ**) с формами простого будущего времени глагола (**бѫдѫ** и др., см. выше):

Единственное число

1-е л.	бѫдѫ дѣлалъ, -о, -а
2-е л.	бѫдеши дѣлалъ, -о, -а
3-е л.	бѫдетъ дѣлалъ, -о, -а

Двойственное число

1-е л.	бѫдевѣ дѣлала, -ѣ, -ѣ
2-е л.	бѫдета дѣлала, -ѣ, -ѣ
3-е л.	бѫдете дѣлала, -ѣ, -ѣ

Множественное число

1-е л.	бѫдемъ дѣлали, -а, -ы
2-е л.	бѫдете дѣлали, -а, -ы
3-е л.	бѫдѫтъ дѣлали, -а, -ы

Например: **аще ли бѫдетъ не добрѣ покаıалъ сѧ. то да не приıѧтъ бѫдетъ въ от҄ьство** (Син. треб.).

Иногда относительное будущее указывало на действие (состояние), имевшее место в прошлом, результат которого мог обнаружиться в будущем: **паче съкрыѭ таіноѥ сє ѥда бѫдетъ сългалъ приходивꙑи** («лучше я скрою эту тайну, если приходивший солжет» = «а вдруг окажется, что приходивший солгал» – последнее обнаружится только в будущем).

Система прошедших времен

§ 144. В старославянском языке значение действия, которое происходило в прошлом, выражалось при помощи четырех форм грамматического времени: аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта

Такое же состояние системы прошедших времен было засвидетельствовано памятниками других древних славянских языков. Это дает основание говорить о четырех прошедших временах в праславянском языке. Причем из индоевропейского языка праславянский унаследовал лишь некоторые типы аориста. Формальные средства других грамматических времен были славянской инновацией.

Современные славянские языки по тому, как выражается в них значение прошедшего времени, делятся на две группы:

1. *Северославянские (восточно- и западнославянские) языки*, в которых аорист и имперфект полностью, а плюсквамперфект в значительной степени утрачены. Значение прошедшего времени передается формой, восходящей к перфекту. Исключение

составляют лужицкие языки, сохранившие аорист, имперфект и плюсквамперфект.

2. *Южнославянские языки*, в которых значение прошедшего времени выражается сложной системой времен (исключением является словенский язык).

Воссоздание исторической системы славянских прошедших времен связано с решением целого ряда сложных вопросов. Каково значение каждого из четырех прошедших времен в старославянском, праславянском и отдельных славянских языках? Каковы их системные отношения в каждом из славянских языков? Почему севернославянские языки утратили сложную систему прошедших времен, а южные ее сохранили? Решение этих проблем, трудных самих по себе, усложняется необходимостью учитывать развитие глагольного вида, тесно связанного в славянских языках с категорией времени. Истории системы славянских прошедших времен посвящено много работ, в которых высказываются различные мнения.

Существующие теории исторического формирования и развития системы прошедших времен славянского глагола можно свести к двум точкам зрения.

Первая из них – так называемая *видовая теория*. В ее основе лежит утверждение, что аорист и имперфект выражали отношения, близкие к видовым: аорист обозначал действие непродолжительное, точечное, неповторяющееся, а имперфект – процесс, состояние, действие длительное или повторяющееся. С развитием категории вида видовые отношения стали выражаться глагольной основой. Тем самым выражение видового значения начало дублироваться: оно передавалось и глагольной основой, и особыми формами прошедшего времени. В связи с тем, что глагольная основа становилась универсальным выразителем видового значения для любого члена глагольной парадигмы, не было необходимости в особых формах прошедшего времени, противопоставленных по этому же признаку.

Так называемая *темпоральная теория* (М. Деянова, Б. Гавранек, И. К. Бунина и др.) появилась позже видовой. Она отрицает связь развития категории времени с категорией вида. Сторонники этой теории исходят из того, что имперфект является относительным временем, так как он часто употребляется для описания сопровождающих обстоятельств, одновременных главному действию (выраженному аористом), а также для описания обычаев, привычек действующих лиц и вообще для описания постоянных ситуаций, относящихся к плану прошедшего и составляющих «фон» для поступательного движения рассказа. О. Есперсен писал о том, что аорист продвигал действие вперед, сообщал о том, что случилось потом, тогда как имперфект задерживал действие, сосредоточивал внимание на условиях, существовавших именно в тот момент, когда совершалось действие, и описывал их более или менее подробно. Аорист объединяет и сжимает действие, имперфект, напротив, его разворачивает: в одном случае налицо движение, а в другом остановка событий. Если говорящий желал, перечисляя события, подойти к настоящему моменту, он избирал аорист; если же он медлил, отвлекался на второстепенные детали, подробности, описания, он употреблял имперфект. *Имперфект употреблял тот, кому один день кажется тысячелетием, а аорист – тот, кому тысячелетие кажется одним днем.* Таким образом, по сути эти глагольные формы передавали различия в темпе и направленности описываемых событий. Перфект же, по мнению О. Есперсен, не мог найти подлинного места во временной системе, так как, помимо временного момента, он выражал результативность. Перфект представляет нынешнее состояние как результат прошлых событий, а потому его можно назвать ретроспективной разновидностью настоящего времени.

Последовательность форм аориста в тексте передавала поступательность действия, последовательное использование форм имперфекта разворачивалось в статическую картину действий, являющихся фоном для основного действия, выраженного аористом, или описанием, задерживающим поступательность действий.

Критики так называемой видовой теории (А. Достал, Ю. С. Маслов) отмечают, что аорист и имперфект могли образовываться от основы как совершенного, так и несовершенного вида. В своих исследованиях А. Достал установил, что аорист от основы несовершенного вида составляет примерно 40% от общего числа этих форм, а имперфект от основы совершенного вида около 10%.

Кроме того, если связывать исчезновение аориста и имперфекта с развитием вида, следует предположить, что в тех языках, которые сохраняли сложную систему прошедших времен, вид развивался менее интенсивно, чем в тех языках, которые утратили аорист и имперфект. Между тем если видеть критерий развитости глагольного вида в способности образования от приставочного перфективного глагола совершенного вида приставочного глагола несовершенного вида, то как раз болгарский язык можно считаться языком с наиболее развитой категорией вида. В болгарском языке в принципе каждый глагол совершенного вида может имперфективироваться: посредством присоединения суффикса может быть образована соответствующая форма несовершенного вида. В то же время в болгарском языке сохраняется сложная система прошедших времен.

Аорист

§ 145. Аорист обозначает единичное, неповторяющееся действие в прошлом, которое завершено и никак не соотносится с настоящим. Цепочка аористных форм обозначает последовательно сменяющие друг друга действия в прошлом. Формы аориста по преимуществу образуются от глаголов совершенного вида. Случаи образования аориста от основ несовершенного вида в старославянском относительно редки.

В старославянских памятниках присутствуют формы трех типов аориста, первые два из которых были унаследованы из индоевропейского языка, а третий развился уже на славянской почве:

– простой, или асигматический;

– древний сигматический;

– новый сигматический.

Термины «сигматический / асигматический аорист» произошли от названия греческой буквы Σ – «сигма», которая обозначала морфологический элемент [s], использовавшийся при образовании так называемого сигматического аориста.

Простой (асигматический) аорист

§ 146. Простой (асигматический) аорист – одна из трех форм аориста, зафиксированных старославянскими памятниками. Он восходит к индоевропейскому атематическому аористу (или имперфекту).

Простой аорист является наиболее старым образованием. Он встречается в глаголических памятниках (Зографском, Мариинском, Ассеманиевом евангелиях) и почти отсутствует в более поздних кириллических памятниках, например в Супрасльской рукописи.

Простой (асигматический) аорист образовывался путем присоединения вторичных окончаний (см. выше) к основе инфинитива. Он известен только от слов с основой на согласный: **грѧсти** (**грѧд-** < *grĕndtēi̯), **възмѧсти** (**възмѧт-** < *u̯ŭzmĕnttēi̯), **двиг-нѫти, сѫх-нѫти, пас-ти** (**пад-** < *pādtēi̯) и др. Между основой инфинитива и вторичными окончаниями использовались соединительные гласные *ŏ и *ĕ: *ŏ в 1-м лице всех чисел и в 3-м лице множественного числа, *ĕ – в остальных формах: 1-е лицо единственного числа – *pā-d-ŏ-n > *pādŭn > padъ > ст.-сл. **падъ**; 2-е лицо единственного числа – *pā-d-ĕs > *pādĕ > ст.-сл. **паде**. Если основа оканчивалась на задненебный согласный, то перед тематическим гласным [ĕ] он подвергался действию первой палатализации: **движе** < *dvīg-ĕ-t, **движета** < *dvīg-ĕ-tā.

Полагают, что такие образования старославянского аориста имели соответствия в древнеиндийском и древнегреческом имперфекте (др.-инд. bháram, греч. ἔφερον). В некоторых случаях эти формы могли употребляться в значении аориста.

Единственное число

1-е л.	падъ	могъ	двигъ
2-е л.	паде	може	движе
3-е л.	паде	може	движе

Двойственное число

1-е л.	падовѣ	моговѣ	двиговѣ
2-е л.	падета	можета	движета
3-е л.	падете	можете	движете

Множественное число

1-е л.	падомъ	могомъ	двигомъ
2-е л.	падете	можете	движете
3-е л.	падѫ	могѫ	двигѫ

Следует иметь в виду, что в дошедших до нас памятниках письменности нет форм простого аориста от глаголов с корневым *-ĕ-. От таких глаголов известны только формы 2-го и 3-го лица единственного числа, остальные к X в. были, вероятно, уже утрачены.

В старославянских памятниках обнаруживается, что в живой речи XI в. формы простого аориста вышли или выходили из употребления. Особенно показательна в этом отношении Супрасльская рукопись: в обширном тексте есть только один пример простого аориста.

Формы простого аориста: исторический комментарий

Единственное число

1-е лицо: *pād-ŏ-n > *pādŭn > *pādŭ > ст.-сл. **падъ** (*ŏ в конечном слоге лабиализуется, конечный гласный утрачивается под влиянием тенденции к восходящей звучности, *ŭ > [ъ]).

2-е лицо: *pād-ĕ-s > ст.-сл. **паде** (*ā > [а], *ĕ > [е], конечный согласный утрачивается).

3-е лицо: *pād-ĕ-t > ст.-сл. **паде**.

Двойственное число

1-е лицо: *pād-ŏ-vē > ст.-сл. **падовѣ** (*ā > [а], *ŏ > [о], *ē > [ě]).

2-е лицо: *pād-ĕ-tā > ст.-сл. **падета** (*ĕ > [е]).

3-е лицо: *pād-ĕ-tĕ > ст.-сл. **падете**.

Множественное число

1-е лицо: *pād-ŏ-mŏs > *pādŏmŭs > *pādŏmŭ > ст.-сл. **падомъ**.

2-е лицо: *pād-ĕ-tĕ > ст.-сл. **падете**.

3-е лицо: *pād-ŏ-nt > *pādŏnt > ст.-сл. **падѫ** (*ŏn между согласными монофтонгизируется в [ǫ], [t] утрачивается в результате действия тенденции к построению слога по принципу восходящей звучности).

Старый (нетематический) сигматический аорист

§ 147. Старый сигматический аорист в праславянском языке являлся продолжением индоевропейского сигматического аориста. Он мог образовываться от глаголов с основой на согласный и гласный, в том числе с корневым *-ĕ-. Свое название он получил от показателя [s], который присоединялся к основе инфинитива и предшествовал вторичным окончаниям. Соединительный *-ŏ- употреблялся только в 1-м лице единственного, множественного и двойственного числа, в результате чего конечный *согласный* корня претерпевал изменения, оказавшись в большинстве форм перед суффиксом *-s-:

– *взрывные* согласные [p], [b], [t], [d] утрачивались (*grĕ-b-s-ŏn > *grēsŭn > grěsъ > **грѣсъ**; *vĕd-s-ŏn > *vēsŭn > věsъ > ст.-сл. **вѣсъ**);

– *фрикативные* [s], [z] сливались с элементом *-s- (*vĕz-s-ŏn > vēsъ > ст.-сл. **вѣсъ**).

Эти изменения в группах согласных сопровождались удлинением корневого гласного.

Если глагольная основа оканчивалась на согласные [r], [k], то *-s- закономерно переходил в [ch], а группа согласных упрощалась:

*pĕk-s-ŏn > *pĕksŭn > *pĕkchŭn > pěchъ > ст.-сл. **пѣхъ**;

*rĕk-s-ŏn > *rĕkchŏn > *rēchŭn > rěchъ > ст.-сл. **рѣхъ**.

В 3-м лице множественного числа на стыке [ch] и вторичного окончания *nt возникала позиционная слоговость [n̥], после чего [n̥] давал сочетание *ĭn / *ĕn, образовавшее [ę] между согласными; [ch] перед гласным переднего ряда переходил в [š'] по первой

палатализации, и возникала форма: *rěk-s-n̥t > *rěk-s-ĭnt > *rěkchĭnt > rěš'ę > ст.-сл. рѣшѧ.

Формы 2-го и 3-го лица у глаголов с основой на *согласный* были утрачены и заменены соответствующими формами *простого аориста*.

Если основа инфинитива глагола оканчивалась на гласный [ī] или [ū], то суффикс *-s- присоединялся непосредственно к основе, а между суффиксом *-s- и вторичным окончанием 1-го лица единственного, двойственного и множественного числа для образования формы использовался соединительный *-ŏ-. При этом *-s- после [i] и [u] закономерно изменялся в [ch]:

1-е лицо ед. ч.: *mŏlī-s-ŏn > *mŏlīchŭn > molichъ > ст.-сл. **молихъ**.

2-е лицо ед. ч.: *mŏlī-s-s > *mŏlīs > *mŏlī > ст.-сл. **моли**.

3-е лицо мн. ч.: *mŏlī-s-nt > *mŏlīsn̥t > *mŏlīsint > *mŏlīchint > moliš'ę > ст.-сл. **молишѧ**.

1-е лицо ед. ч.: *bū-s-ŏn > *būchŭn > bychъ > ст.-сл. **бъіхъ**.

2-е лицо ед. ч.: *bū-s-s > *būs > by > ст.-сл. **бъі** и т. д.

Таблица спряжения глаголов в формс старого сигматического аориста

Основа	пек- (пещи)	бъі-ти	хвали-ти	вед- (вести)	нач-ѧ-ти
Единственное число					
1-е л.	пѣхъ	бъіхъ	хвалихъ	вѣсъ	начѧсъ
2-е л.	пече	бъі	хвали	веде	начѧ
3-е л.	пече	бъі (стъ)	хвали	веде	начѧ
Двойственное число					
1-е л.	пѣховѣ	бъіховѣ	хвалиховѣ	вѣсовѣ	начѧсовѣ
2-е л.	пѣста	бъіста	хвалиста	вѣста	начѧста
3-е л.	пѣсте	бъісте	хвалисте	вѣсте	начѧсте
Множественное число					
1-е л.	пѣхомъ	бъіхомъ	хвалихомъ	вѣсомъ	начѧсомъ
2-е л.	пѣсте	бъісте	хвалисте	вѣсте	начѧсте
3-е л.	пѣшѧ	бъішѧ	хвалишѧ	вѣсѧ	начѧсѧ

Таким образом, в зависимости от того, к какому гласному или согласному основы присоединялся суффикс *-s-, формы сигматического аориста приобретали разные формальные показатели.

Очень рано, еще в праславянский период оформились парадигмы древнего сигматического аориста, где в суффиксе было представлено чередование [s] // [ch] // [š']. Под влиянием этих форм начался процесс обобщения аористных образований (и прежде всего глаголов с основой на гласный), в результате чего наряду с **начѧсъ, клѧсъ** в памятниках (даже очень ранних) возникали формы **начѧхъ, клѧхъ** и др. Тексты памятников XI в. обнаруживают, что глаголы с основой на любой гласный при образовании сигматического аориста имеют в окончании чередование **с** [s] // **х** [ch] // **ш** [š']: **дѣлахъ, минѫхъ, вѣдѣхъ** и др.

И если в глаголических памятниках наряду с **клѧсъ** (1-е л. ед. ч.), **клѧсѧ** (3-е л. мн. ч.) регулярно находим формы **начѧхъ, клѧшѧ**, то в кириллических памятниках в глаголах с основой на любой гласный встречаются только формы с чередованием [s] // [ch] // [š'], в которых *-s- сохраняется лишь во 2-м и 3-м лице двойственного числа и во 2-м лице множественного, поскольку *s не изменялось в [ch] перед [t].

Происхождение личных окончаний сигматического аориста: исторический комментарий

Единственное число

1-е лицо: *vĕd-s-ŏn > *vĕdsŭn > *vēsŭn > vĕsъ > ст.-сл. **вѣсъ**.

2-е и 3-е лицо: vede, vede > ст.-сл. **веде**.

Двойственное число

1-е лицо: *vĕd-s-ŏ-vē > *vēsŏvē > vĕsovĕ > ст.-сл. **вѣсовѣ** (упрощение группы согласных удлиняло гласный основы: *ds > *s, следовательно, *ĕ > *ē > *ĕ.

2-е лицо: *vĕd-s-tā > *vēstā > vĕsta > ст.-сл. **вѣста**.

3-е лицо: *vĕd-s-tĕ > *vēstĕ > vĕste > ст.-сл. **вѣсте** (во 2-м и 3-м лице двойственного числа также происходило упрощение группы согласных в пределах нового слога и удлинение гласного основы: *vĕd-s-tĕ > *vĕd-stĕ > *vĕ-dstĕ > *vēstĕ).

Множественное число

1-е лицо: *vĕd-s-ŏ-mŏs > *vĕdsŏmŏs > *vēsŏmŭs > vĕsomъ > ст.-сл. **вѣсомъ** (конечный *s утрачивается под действием тенденции к восходящей звучности).

2-е лицо: *vĕd-s-tĕ > *vēstĕ > vĕste > ст.-сл. **вѣсте**.

3-е лицо: *vĕd-s-nt > *vĕ-dsnt > *vēsn̥t > *vēsĭnt > vĕsę > ст.-сл. **вѣсѧ** (позиционная слоговость *n между согласными формирует дифтонгическое сочетание *t-ĭn-t, где t – любой согласный).

Если основа инфинитива глагола оканчивалась на гласные [i], [u], суффикс аориста, присоединяясь к такой основе, закономерно претерпевал переход *s > [ch]:

Единственное число

1-е лицо: *mŏlī-s-ŏn > *mŏlīchŭn > molichъ > ст.-сл. **молихъ** (*s > [ch] после *ī, *ŏ перед конечным согласным лабиализуется в [ŭ], конечный согласный утрачивается).

2-е лицо: *mŏlī-s-s > *mŏlīs > moli > ст.-сл. **моли** (конечный *s < *ss утрачивается в конце слова в результате действия тенденции к восходящей звучности);

3-е лицо: *mŏlī-s-t > *mŏlīst > moli > ст.-сл. **моли** (конечное сочетание *st утрачивается в результате действия тенденции к восходящей звучности).

Двойственное число

1-е лицо: *mŏlī-s-ŏ-vē > *mŏlīchŏvē > molichovĕ > ст.-сл. **молиховѣ** (*s > [ch] после *ī, *ē > [ĕ]).

2-е лицо: *mŏlī-s-tā > molista > ст.-сл. **молиста** (*s не переходил в [ch] перед смычными).

3-е лицо: *mŏlī-s-tĕ > moliste > ст.-сл. **молисте**.

Множественное число

1-е лицо: *mŏlī-s-ŏ-mŏs > *mŏlīchŏmŭs > *mŏlīchŏmŭ > molichomъ > ст.-сл. **молихомъ** (*ŏ, предшествующее конечному согласному, лабиализуется, *ŭ > [ъ], конечный *s утрачивается).

2-е лицо: *mŏlī-s-tĕ > moliste > ст.-сл. **молисте**.

3-е лицо: *mŏlī-s-nt > *mŏlīsn̥t > *mŏlīsĭnt > *mŏlīchĭnt > moliš'ę > ст.-сл. **молишѧ** (*s > [ch] после [i], [ch] > [š'] по первой палатализации перед гласным переднего ряда, *n развивает позиционную слоговость между согласными, в результате чего появляется призвук переднего ряда. В позиции между согласными *ĭn переходит в [ę]).

Если основа инфинитива оканчивалась на -ѧ- (из *ĕn, *ĭn перед согласным), то суффикс -с- в формах аориста сохранялся долго и отразился в памятниках старославянского языка:

Единственное число (глагол **клѧти**)

1-е лицо: *klĭn-s-ŏn > *klĭnsŭn > ст.-сл. **клѧсъ**.

2-е лицо: *klĭn-s-s > ст.-сл. **клѧ**.

3-е лицо: *klĭn-s-t > ст.-сл. **клѧ**.

Двойственное число

1-е лицо: *klĭn-s-ŏ-vē > klęsově > ст.-сл. **клѧсовѣ**.

2-е лицо: *klĭn-s-tā > ст.-сл. **клѧста**.

3-е лицо: *klĭn-s-tĕ > ст.-сл. **клѧсте**.

Множественное число

1-е лицо: *klĭn-s-ŏ-mŏs > *klĭnsŏmŭs > klęsomъ > ст.-сл. **клѧсомъ**.

2-е лицо: *klĭn-s-tĕ > ст.-сл. **клѧсте**.

3-е лицо: *klĭn-s-nt > *klĭn-s-n̥t > *klĭnsĭnt > klęsę > ст.-сл. **клѧсѧ**.

С суффиксом *-s- есть формы аориста во многих старославянских памятниках, главным образом глаголических (Мариинском, Зографском, Ассеманиевом евангелиях и Синайской псалтири): **заповѣдемъ твоімъ вѣдѫ ѩсъ** (Син. пс.), **оученици вьзѧсѧ тѣло кго погрѣсѧ** (Мар. ев.).

В глаголах на корневые гласные **-и-** (**бити**), **-ѣ-** (**пѣти**) **-ѧ-** (**начѧти**) в 3-м лице единственного числа нередко появлялась флексия **-тъ** (**битъ, пѣтъ, начѧтъ**). У глаголов **дати, быти** в этой же форме обычно добавлялось окончание **-стъ** (**дастъ, бысть**).

Новый (тематический) сигматический аорист

§ 148. Новый (тематический) сигматический аорист не имеет индоевропейских соответствий. Очевидно, он возник в праславянском языке как результат дальнейшего обобщения форм старого сигматического аориста. В древнейших памятниках старославянского языка он не представлен. Так, его нет в Мариинском евангелии, Сборнике Клоца, Синайской псалтири; в Синайском требнике отмечено лишь несколько примеров употребления нового сигматического аориста.

Эта форма аориста образовывалась только от основ инфинитива на согласный, при этом корень аористной формы совпадал с основой инфинитива (например, **нес-ти, двиг-нѫ-ти**). Это и было, вероятно, причиной ее возникновения – стремление создать форму аориста, основа которой фонетически не отличалась от других глагольных основ и форм (ср. **рещи, рѣхъ**). Возможно, он стал результатом контаминации форм простого и древнего сигматического аориста: **рекохомъ = реко-мъ + рѣ-хомъ**.

Есть и другое объяснение: в основах на согласный между конечным звуком основы и окончанием возникла протетическая тема *-ŏ-, и до этого известная аористу. К этому времени у глаголов с основой на гласные *i, *u установилась единая система окончаний:

Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
хъ	ховѣ	хомъ
∅	ста	сте
∅	сте	шѧ

По аналогии ко времени появления первых славянских памятников эти окончания распространились на глаголы с основой на любой гласный. Став формальным признаком сигматического аориста с основой инфинитива на гласный, они легко распространились и на основу на согласный, осложненную соединительным *-ŏ-. Во 2-м и 3-м лице единственного числа нового

сигматического аориста сохранились формы простого аориста. Форм нового сигматического аориста нет в Мариинском евангелии, Синайской псалтири, Сборнике Клоца. В других глаголических и особенно кириллических памятниках они встречаются нередко (в Зографском евангелии форма **идъ** употреблена 29 раз, **идохъ** – 2; **идѫ** – 59, **идошѧ** – 38, **идете**, совпадающая с формой настоящего времени, – 6 раз, **идосте** – 19 и т. д.).

Появление у глаголов с основой на согласный окончаний аориста глаголов на гласный можно рассматривать как результат тенденции к унификации средств выражения единых грамматических отношений.

Основа		рек- (рещи)	нес-ти	двиг-нѫ-ти
Ед. ч.	1-е л.	рекохъ	несохъ	двигохъ
	2-е л.	рече	несе	движе
	3-е л.	рече	несе	движе
Дв. ч.	1-е л.	рекоховѣ	несоховѣ	двигоховѣ
	2-е л.	рекоста	несоста	двигоста
	3-е л.	рекосте	несосте	двигосте
Мн. ч.	1-е л.	рекохомъ	несохомъ	двигохомъ
	2-е л.	рекосте	несосте	двигосте
	3-е л.	рекошѧ	несошѧ	двигошѧ

§ 149. От нетематических глаголов аорист образуется как от глаголов с основой на гласный:

– **быхъ** (*būsŏn > *būchŭn > bychъ);
– **бы** (*būss > *bū > by);
– **бы** (*būst > *bū > by);
– **быховѣ** (*būsŏvē > *būchŏvē > bychově);
– **быста** (*būstā > bysta);
– **бысте** (*būstě > *būstě > byste);
– **быхомъ** (*būsŏmŏs > *būsŏmŭs > bychomъ);
– **бысте** (*būstě > byste);
– **бышѧ** (*būsn̥t > *būchĭnt > byš’e).

Форма аориста глагола **быти** могла образовываться от двух основ: **бы-хъ и бѣ-хъ**, при этом **бѣ-** являлась имперфектной основой.

Единственное число: **бѣхъ, бѣ, бѣ.**

Двойственное число: **бѣховѣ, бѣста, бѣсте.**

Множественное число: **бѣхомъ, бѣсте, бѣшѧ.**

Имперфект

§ 150. Обычно в тексте имперфект обозначает действие длительное, повторяющееся, завершившееся в прошлом, не связанное с настоящим. Если аорист обозначал ряд сменяющих друг друга действий, то имперфект – фон, на котором совершались эти действия. Аорист продвигал действие вперед, перфект задерживал действие, при этом читатель и автор сосредоточивали внимание на самом характере действия, отвлекаясь от его границ – начала и конца. В связи с этим цепочка имперфектных форм обозначала состояние в прошлом.

Имперфект – это форма, являющаяся праславянским новообразованием, происхождение которого до конца не выяснено. Имперфект образовывался от основы инфинитива обычно несовершенного вида (а в ряде случаев и от основы настоящего времени) посредством суффикса, соединительных гласных *ŏ (1-е лицо всех чисел и 3-е лицо множественного числа) / *ĕ (остальные формы) и вторичных окончаний.

Посредством суффикса -**ѣах**- имперфект образовывался в следующих случаях:

– от основ инфинитива на согласный; если основа инфинитива оканчивалась на заднеязычные согласные, то перед суффиксом в результате палатализации они изменились в передненебные шипящие согласные, а следующий за ними гласный переходил в [а]: **нести – несѣахъ**; **вести** (основа **вед**-) – **ведѣахъ**; **рещи** (основа **рек**-) – **речаахъ** (из *rĕk-ēăch-ŏn > *rĕč'ēăchŭn > reč'aachъ: [ě] после палатализованных перешел в ['a]).

– от основ инфинитива на [i]; при этом в положении перед гласным [i] утрачивал слоговость и переходил в [j], в результате чего смягчались предшествующие согласные, а гласный [ē], следовавший за ними, переходил в [а]: **носити – ношаахъ** (*nŏsī-ēăch-ъ > *nŏsj-ēăch-ъ > noš'-aachъ); *l'ūbī-ēăch-ъ > l'ūbj-ēăch-ъ > l'ūbl'aachъ; *chŏdī-ēăch-ъ > *chŏdj-ēăch-ъ > choẑ'd'aachъ; mŏlī-ēăch-ъ > *mŏlj-ēăch-ъ > mol'aachъ.

– от основ инфинитива на -**нѫ**- и с полногласием в корне; при этом суффикс присоединялся к основе настоящего времени:

съхнѫти – съхн-ѣах-ъ (ср. **съхн-ѫтъ**); **мьрѣти – мьр-ѣах-ъ** (ср. **мьр-ѫтъ**).

Посредством суффикса **-ахъ-** имперфект образовывался от основ инфинитива на суффиксальный [а] или [ě]: **зна-ти – зна-ах-ъ; оумѣ-ти – оумѣ-ах-ъ.**

Спряжение имперфекта было унифицированным для всех разновидностей его образования.

Инфинитивные основы
на согласный и на *ě / *ŏ

Основа	вед-	рек-	мог-	кла- (из *kŏl-tei̯)	съхнѫ-
Единственное число					
1-е л.	ведѣахъ	речаахъ	можаахъ	колꙗахъ	съхнѣахъ
2-е л.	ведѣаше	речааше	можааше	колꙗаше	съхнѣаше
3-е л.	ведѣаше	речааше	можааше	колꙗаше	съхнѣаше
Двойственное число					
1-е л.	ведѣаховѣ	речааховѣ	можааховѣ	колꙗаховѣ	съхнѣаховѣ
2-е л.	ведѣашета	речаашета	можаашета	колꙗашета	съхнѣашета
3-е л.	ведѣашете	речаашете	можаашете	колꙗашете	съхнѣашете
Множественное число					
1-е л.	ведѣахомъ	речаахомъ	можаахомъ	колꙗахомъ	съхнѣахомъ
2-е л.	ведѣашете	речаашете	можаашете	колꙗашете	съхнѣашете
3-е л.	ведѣахѫ	речаахѫ	можаахѫ	колꙗахѫ	съхнѣахѫ
Инфинитив					
	вести	рещи	мощи	клати (наст. вр. колѥши)	съхнѫти (наст. вр. съхнеши)

Инфинитивные основы
на тематический гласный *-i

Основа	хвали-	носи-	ходи-	люби-
Единственное число				
1-е л.	хвалꙗахъ	ношаахъ	хождаахъ	люблꙗахъ
2-е л.	хвалꙗаше	ношааше	хождааше	люблꙗаше
3-е л.	хвалꙗаше	ношааше	хождааше	люблꙗаше
Двойственное число				
1-е л.	хвалꙗаховѣ	ношааховѣ	хождааховѣ	люблꙗаховѣ
2-е л.	хвалꙗашета	ношаашета	хождаашета	люблꙗашета
3-е л.	хвалꙗашете	ношаашете	хождаашете	люблꙗашете

	Множественное число			
1-е л.	хвалꙗахомъ	ношаахомъ	хождаахомъ	люблꙗахомъ
2-е л.	хвалꙗашете	ношаашете	хождаашете	люблꙗашете
3-е л.	хвалꙗахѫ	ношаахѫ	хождаахѫ	люблꙗахѫ
Инфинитив				
	хвалити	носити	ходити	любити

Инфинитивные основы на гласный корня

	bi-	kry-	č'u-
Единственное число			
1-е л.	биꙗахъ	крꙑꙗахъ	чюꙗахъ
2-е л.	биꙗаше	крꙑꙗаше	чюꙗаше
3-е л.	биꙗаше	крꙑꙗаше	чюꙗаше
Двойственное число			
1-е л.	биꙗаховѣ	крꙑꙗаховѣ	чюꙗаховѣ
2-е л.	биꙗашета	крꙑꙗашета	чюꙗашета
3-е л.	биꙗашете	крꙑꙗашете	чюꙗашете
Множественное число			
1-е л.	биꙗахомъ	крꙑꙗахомъ	чюꙗахомъ
2-е л.	биꙗашете	крꙑꙗашете	чюꙗашете
3-е л.	биꙗахѫ	крꙑꙗахѫ	чюꙗахѫ
Инфинитив			
	бити	крꙑти	чюти

Инфинитивные основы на гласный *-а или *-ě корня или суффикса

Основа	зна-	бьра-	плака-	бесѣдова-	трьпѣ-	оумѣ-
Единственное число						
1-е л.	знаахъ	бьраахъ	плакаахъ	бесѣдоваахъ	трыгѣахъ	оумѣахъ
2-е л.	знааше	бьрааше	плакааше	бесѣдовааше	трыгѣаше	оумѣаше
3-е л.	знааше	бьрааше	плакааше	бесѣдовааше	трыгѣаше	оумѣаше
Двойственное число						
1-е л.	знааховѣ	бьрааховѣ	плакааховѣ	бесѣдоваааховѣ	трьпѣаховѣ	оумѣаховѣ
2-е л.	знаашета	бьраашета	плакаашета	бесѣдоваашета	трьпѣашета	оумѣашета
3-е л.	знаашете	бьраашете	плакаашете	бесѣдоваашете	трьпѣашете	оумѣашете
Множественное число						
1-е л.	знаахомъ	бьраахомъ	плакаахомъ	бесѣдоваахомъ	трьпѣахомъ	оумѣахомъ
2-е л.	знаашете	бьраашете	плакаашете	бесѣдоваашете	трьпѣашете	оумѣашете
3-е л.	знаахѫ	бьраахѫ	плакаахѫ	бесѣдоваахѫ	трьпѣахѫ	оумѣахѫ
Инфинитив						
	знати	бьрати	плакати	бесѣдовати	трьпѣти	оумѣти

История флексий имперфекта

Спряжение глагола **нести**, основа инфинитива на согласный *nĕs-:

Единственное число

1-е лицо: *nĕs-ēăch-ŏn > *nĕs-ēăch-ŭn > nesĕachъ > ст.-сл. **несѣахъ**.

2-е лицо: *nĕs-ēăch-ĕ-s > nesĕaš'e (где *ch > [š'] по первой палатализации) > ст.-сл. **несѣаше**.

3-е лицо: *nĕs-ēăch-ĕ-t > nesĕaš'e ([s] в форме 2-го лица и [t] в форме 3-го лица исчезают в соответствии с действием тенденции к построению слога по принципу закона восходящей звучности) > ст.-сл. **несѣаше**.

Двойственное число

1-е лицо: *nĕs-ēăch-ŏ-vē > nesĕachovĕ > ст.-сл. **несѣаховѣ**.

2-е лицо: *nĕs-ēăch-ĕ-tā > nesĕaš'eta (где *ch > [š'] по первой палатализации перед гласным переднего ряда) > ст.-сл. **несѣашета**.

3-е лицо: *nĕs-ēăch-ĕ-tĕ > nesĕaš'ete > ст.-сл. **несѣашете**.

Множественное число

1-е лицо: *nĕs-ēăch-ŏ-mŏs > *nĕs-ēăch-ŏ-mŭs (лабиализация [ŏ] в конечном слоге) > nesĕachomъ ([s] утрачивается в связи с действием тенденции к построению слога по принципу восходящей звучности; [ŭ] > ъ) > ст.-сл. **несѣахомъ**.

2-е лицо: *nĕs-ēăch-ĕ-tĕ > nesĕaš'ete > ст.-сл. **несѣашете**.

3-е лицо: *nĕs-ēăch-ŏ-nt > nesĕachǫ (дифтонгоид [ŏn] между согласными дает [ǫ], [t] утрачивается по закону восходящей звучности) > ст.-сл. **несѣахѫ**.

Спряжение глагола **носити**, основа инфинитива *nŏsī-:

Единственное число

1-е лицо: *nŏsī-ēăch-ŏ-n > *nŏsj-ēăch-ŏ-n > *noš'āăchŭn > noš'aachъ > ст.-сл. **ношаахъ** ([sj] > š', [ĕ] после мягкого переходит в [ā], [ŏ] в конечном слоге редуцируется, в результате чего усиливается лабиализованность [ŏ] > [ŭ], [ŭ] переходит в ъ [ъ]).

2-е лицо: *nŏsī-ēach-ĕ-s > *nŏsj-ēăch-ĕ-s > *nŏš'āāš'ĕ > noš'aaš'e > ст.-сл. **ношааше**.

3-е лицо: *nŏsī-ēăch-ĕ-t > *nŏsj-ēăch-ĕ-t > *noš'āāš'ĕ > noš'aaš'e > ст.-сл. **ношааше**.

Двойственное число

1-е лицо: *nŏsī-ēăch-ŏ-vē > *nŏsj-ēăch-ŏ-vē > *nŏš'āāchŏvē > noš'aachove > ст.-сл. **ношааховѣ** (*ī перед гласным > [j], [sj] > [š']).

2-е лицо: *nŏsī-ēăch-ĕ-tā > *nŏsj-ēăch-ĕ-tā > *nŏš'āāš'eta > noš'aaš'eta > ст.-сл. **ношаашета**.

3-е лицо: *nŏsī-ēăch-ĕ-tĕ > *nŏsj-ēăch-ĕ-tĕ > *nŏš'āāš'etĕ > noš'aaš'ete > ст.-сл. **ношаашете**.

Множественное число

1-е лицо: *nŏsī-ēăch-ŏ-n > *nŏsj-ēăch-ŭ-n > *nŏsjāāchŭn > noš'aachъ > ст.-сл. **ношаахъ**.

2-е лицо: *nŏsī-ēăch-ĕ-te > *nŏsj-ēăch-ĕ-te > *nŏš'āāš'ĕtĕ > noš'aaš'ete > ст.-сл. **ношаашете**.

3-е лицо: *nŏsī-ēăch-ŏ-nt > *nŏsj-ēăch-ŏ-nt > *nŏš'āāchǫ > noš'aachǫ > ст.-сл. **ношаахѫ** (описание действующих процессов см. выше).

А. М. Селищев отмечал, что у глаголов с корневым [i] в односложной инфинитивной основе использовался суффикс -jaach-: **биꙗахъ, виꙗахъ**. Он полагал, что появление [j] в этих образованиях неясно. Давнего происхождения может быть форма **поꙗахъ** ([*pŏj-āăch-]): перед согласным дифтонг [ŏi̯] реализовался в [ĕ] – **пѣти**, перед гласным он сохранялся [*pŏi̯-ēăch- > *pojāăch-]. Однако, возможно, эти образования – от основы настоящего времени (в том числе bij-, poj-, kryj-).

У глаголов с неполногласием (в южнославянских языках) типа **братисѧ** («бороться»), **клати** («колоть») образование форм имперфекта происходило от основ настоящего времени, а не инфинитива: **бор'ꙗахѫ** (но не **браахѫ**), **кол'ꙗахъ** (но не **клаахъ**).

Изменения в образовании форм имперфекта

В памятниках отражается ряд более поздних изменений в образовании имперфектных форм. В ряде старославянских памятников находим процесс ассимиляции и стяжения гласных в формах имперфекта. Если в Зографском и Мариинском евангелиях стяженные формы встречаются достаточно редко, то в Саввиной книге, наоборот, употребляются только стяженные формы: **можахѫ** вместо **можаахѫ**, **крыꙗше** вместо **крыꙗаше**, **даꙗше** вместо **даꙗаше**, **вѣдѣхъ** вместо **вѣдѣахъ**, **вѣдѣше** вместо **вѣдѣаше**, **славлꙗхъ** вместо **славлꙗахъ**.

Церковнославянский язык унаследовал стяженные формы. В поздних памятниках отражается также сближение форм имперфекта с формами сигматического аориста во 2-м и 3-м лице двойственного числа и в 3-м лице множественного. В глаголических памятниках такие образования редки, но в кириллических преимущественно употребляются формы на **-сте**, **-ста**, а в Саввиной книге используются только аористные формы (**-сте**, **-ста**). В Ассеманиевом евангелии возможны формы на **-шете** и **-сте** в равной степени.

Как уже отмечено, формы имперфекта могли образовываться от основ настоящего времени (**клати**, но **колꙗахъ**). В XI в. встречаются формы имперфекта, образованные от основы настоящего времени глаголов типа **зъвати**, **зовеши**: **зовѣаше**, **бесѣдовати**, **бесѣдоуѥши**: **бесѣдоуꙗаше** (Супр. рук.) вместо **зъвааше**, **бесѣдовааше**.

Для передачи имперфектного значения глагола **быти** использовались формы аориста:

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Ед. ч.	бѣхъ	бѣ	бѣ
Дв. ч.	бѣховѣ	бѣста	бѣсте
Мн. ч.	бѣхомъ	бѣсте	бѣшѧ

При этом формы 1-го и 2-го лица двойственного числа и 2-го лица множественного числа в памятниках не встречаются. Зато появляются формы с суффиксом **-ѣах-**, являющиеся, вероятно, новообразованиями, появившимися под влиянием форм имперфекта типа **ведѣаше**:

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Ед. ч.	бѣахъ	бѣаше	бѣаше
Дв. ч.	бѣаховѣ	бѣашета	бѣашете
Мн. ч.	бѣахомъ	бѣашете	бѣахѫ

Интересно использование таких форм в Супрасльской рукописи: в частях наиболее архаичных употреблются формы **бѣ**, **бѣшѧ**, в тех же частях, в которых последовательно отражаются новые языковые черты, используются формы **бѣаше**, **бѣахъ**. Старославянским памятникам известны и стяженные формы: **бѣше**, **бѣхѫ**.

Перфект

§ 151. Древний индоевропейский перфект издавна отсутствовал в славянских языках. Реликтом давней формы перфекта в старославянском языке считают форму 1-го лица **вѣдѣ**, употреблявшуюся в значении настоящего времени («я знаю», греч. *ϝοῖδα): **и не вѣдѣ камо идѫ** (Супр. рук.). Окончание -ѣ восходило к дифтонгу ai̯, которым оканчивалась форма 1-го лица перфекта с флексией среднего залога. Такого происхождения окончание -ē в древнеиндийском, -ī – в латинском[15].

Формы перфекта обозначали не действие в прошлом, а состояние в момент речи, явившееся результатом действия в прошлом. Это позволит писцам в грамотах XIV–XVI вв. использовать формы перфекта и формы настоящего времени как варианты (например, в завещательных грамотах русских князей). Перфект ввиду своего значения не мог найти себе подлинное место в истории славянской системы прошедших времен, поскольку был тесно связан по смыслу с настоящим временем: **въ грѣсѣхъ ты родилъ сѧ еси весь. и ты ли ны оучиши** (Мар. ев.); **господи. дъва таланта ми неси далъ се дроугаıа дъва приобрѣтохъ има** (Остр. ев.).

Единственное число

1-е лицо: **несмь повелѣлъ (повелѣла, повелѣло)**.

2-е лицо: **неси повелѣлъ (-а, -о)**.

3-е лицо: **нестъ повелѣлъ (-а, -о)**.

---

[15] См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. М., 1952. С. 172–173.

Двойственное число

1-е лицо: **ксвѣ повелѣла (повелѣлѣ, повелѣлѣ).**
2-е лицо: **кста повелѣла (-ѣ, -ѣ).**
3-е лицо: **ксте повелѣла (-ѣ, -ѣ).**

Множественное число

1-е лицо: **ксмъ повелѣли (повелѣлы, повелѣла).**
2-е лицо: **ксте повелѣли (-ы, -а).**
3-е лицо: **сѫтъ повелѣли (-ы, -а).**

Специфика значения перфекта оказалась тесно связанной со структурой формы. Перфект представлял собой аналитическую (сложную) форму, которая образовывалась сочетанием вспомогательного глагола **быти** в форме настоящего времени с причастием прошедшего времени на [-l] спрягаемого глагола: **родилъ сѧ ксмь, родилъ сѧ кси** и т. д. Значение числа и лица выражалось формами вспомогательного глагола, причастие изменялось по родам и числам.

Значение славянского перфекта отличалось от значения греческого перфекта и было ближе к значению греческого аориста. При переводах с греческого на старославянский формами славянского перфекта обычно переводились формы греческого аориста.

Перфект встречается в старославянских памятниках непоследовательно и преимущественно при передаче диалога (прямая речь). Вспомогательный глагол мог употребляться как перед причастием, так и после него. Отрицательная частица **не** употреблялась перед формой причастия, если надо было подчеркнуть отрицание действия или состояния (**и мънѣ николи же не далъ кси козьлѧте**, Остр. ев.; **чесо ксмь еще не доконьчалъ**, Мар. ев.; **обрѧщета жрѣбьць привѧзанъ и на н'емь же нѣсть не оу никъто же отъ чкъ вьсѣлъ**, Зогр. ев.), при отрицании же всего высказывания в целом **не** употреблялось перед вспомогательным глаголом: **нѣстъ пришьлъ** (**нѣстъ** из **не кстъ**).

В болгарских памятниках XI в. встречаются формы перфекта с редукцией вспомогательного глагола в 3-м лице единственного и множественного числа: **к** или **е** вместо **кстъ**, **сѫ** вместо **сѫтъ**.

В форме 3-го лица единственного числа вспомогательный глагол вообще может отсутствовать. Реже отсутствие вспомогательного глагола обнаруживается в форме 3-го лица множественного числа. Так, в Супрасльской рукописи возможны: **пришелъ ѥсть**, **повелѣлъ ѥсть**, но и **ѥ пришълъ**, **нѣ ли пришъло** ([nějě] > [něě] > [nē] > [ně] > ст.-сл. **нѣ**:), **ѥ посълала**, часто употребляются формы перфекта без **ѥ**, **ѥсть**: **сътворилъ**, **пришелъ**, **показалъ**, а также **сѫтъ пришьли**, **сѫ пришьли**, с одной стороны, и **събрали**, **бесѣдовали** – с другой. В Синайском требнике находим примеры с опущенной связкой в диалоге в форме 1-го лица: **испыталъ ли ѥси манастырь испыталъ**.

Плюсквамперфект

§ 152. Плюсквамперфект представлял собой аналитическую (сложную) форму, которая образовывалась сочетанием вспомогательного глагола **быти** в форме имперфекта (**бѣахъ**, **бѣаше** и т. д.) или аориста с имперфективным значением (**бѣхъ**, **бѣ**, **бѣ** и т. д.) с причастием прошедшего времени на -**л**- спрягаемого глагола. Плюсквамперфект являлся относительным временем, так как обозначал прошедшее действие или состояние, предшествовавшее другому прошедшему действию или состоянию, что и нашло отражение в структуре этой глагольной формы: **сѫсѣди же и иже и бѣахѫ видѣли прѣжде ѣко слѣпъ бѣ. глаголаахѫ** (Мар. ев.); **съвлъкъше честьнѫѩ твоѩ одеждѫ ѥѩ же мѧ бѣ оукрасилъ** (Син. треб.).

Формы вспомогательного глагола, как и в перфекте, указывали на лицо и число, причастие изменялось по родам и числам. Плюсквамперфект, например, глагола **видѣти** мог иметь следующие формы:

Единственное число

1-е лицо: **бѣахъ видѣлъ** (**видѣла**, **видѣло**).
2-е лицо: **бѣаше видѣлъ** (-**а**, -**о**).
3-е лицо: **бѣаше видѣлъ** (-**а**, -**о**).

Двойственное число

1-е лицо: **бѣаховѣ видѣла (видѣлѣ, видѣлѣ).**
2-е лицо: **бѣашета видѣла (-ѣ, -ѣ).**
3-е лицо: **бѣашете видѣла (-ѣ, -ѣ).**

Множественное число

1-е лицо: **бѣахомъ видѣли (видѣлы, видѣла).**
2-е лицо: **бѣашете видѣли (-ы, -а).**
3-е лицо: **бѣашѧ видѣли (-ы, -а).**

Или:

Единственное число

1-е лицо: **бѣхъ видѣлъ (видѣла, видѣло).**
2-е лицо: **бѣ видѣлъ (-а, -о).**
3-е лицо: **бѣ видѣлъ (-а, -о).**

Двойственное число

1-е лицо: **бѣховѣ видѣла (-ѣ, -ѣ).**
2-е лицо: **бѣста видѣла (-ѣ, -ѣ).**
3-е лицо: **бѣсте видѣла (-ѣ, -ѣ).**

Множественное число

1-е лицо: **бѣхомъ видѣли (-ы, -а).**
2-е лицо: **бѣсте видѣли (-ы, -а).**
3-е лицо: **бѣхѫ видѣли (-ы, -а).**

Давнопрошедшее действие (или действие, происшедшее ранее другого прошедшего времени) передавалось и сочетанием перфекта глагола **быти (ѥсмь былъ)** с причастием на -л-: **видѣлъ ѥсмь былъ**. Однако эти формы в старославянском языке использовались редко.

Единственное число

1-е лицо: **ѥсмь былъ (была, было) видѣлъ (видѣла, видѣло).**
2-е лицо: **ѥси былъ (-а, -о) видѣлъ (-а, -о).**
3-е лицо: **ѥстъ былъ (-а, -о) видѣлъ (-а, -о).**

Двойственное число

1-е лицо: **ксвѣ была (-ѣ, -ѣ) видѣла (-ѣ, -ѣ).**
2-е лицо: **кста была (-ѣ, -ѣ) видѣла (-ѣ, -ѣ).**
3-е лицо: **кстє была (-ѣ, -ѣ) видѣла (-ѣ, -ѣ).**

Множественное число

1-е лицо: **ксмъ были (-ы, -а) видѣли (-ы, -а).**
2-е лицо: **кстє были (-ы, -а) видѣли (-ы, -а).**
3-е лицо: **сѫтъ были (-ы, -а) видѣли (-ы, -а).**

При передаче значения прошедшего действия (состояния), предшествовавшего другому прошедшему действию (состоянию) могло употребляться наречие **прѣждє**.

Употребление форм плюсквамперфекта в старославянских (и церковнославянских) памятниках не было частым. «Цепочки» форм аориста могли передать значение прошедшего действия, предшествующего другому прошедшему времени: **оуподоблѭ и мѫжѭ ижє созъда храминѫ своѭ на камєнє ї сънидє дождъ и придѫ рѣкы и вьзвѣашѧ вѣтри и нападѫ на храминѫ тѫ** («дом был создан до того момента, когда пошел дождь» и т. д., Мар. ев.).

Ирреальные наклонения

Повелительное наклонение

§ 153. Не обозначая реального действия, формы повелительного наклонения выражают побуждение к действию, приказ, распоряжение, совет, то есть обозначают требование разной степени императивности. Специфика значения повелительного наклонения обусловила наличие неполной парадигмы: в единственном числе были формы 2-го и 3-го лица, а в двойственном и множественном – 1-го и 2-го лица. В форме 3-го и – реже – 1-го лица для выражения императива могли использоваться конструкции «**да** + презентная форма» (форма настоящего или будущего простого времени): **да идѫтъ, да изидѫтъ.**

В значении повелительного наклонения в праславянском языке употреблялись формы оптатива (желательного наклонения),

которые образовывались от основы настоящего времени (с тематическим [*ŏ], [*ī]) посредством присоединения суффикса *ĭ (суффикс оптатива) и вторичных окончаний:

2-е лицо ед. ч.: *bĕrŏ-i-s > *bĕro͡i̯s > beri > ст.-сл. **бери** (происходит монофтонгизация дифтонга *o͡i̯ в [ī] перед согласным, конечный согласный утрачивается), ср. греч. φέροις;

1-е лицо мн. ч.: *bĕrŏ-i-mŏs > *bĕro͡i̯mŭs > berĕmъ > ст.-сл. **берѣмъ** (дифтонг *o͡i̯ во множественном числе перед согласным монофтонгизируется в [ĕ], *ŏ в конечном слоге лабиализуется в [ŭ], конечный *s утрачивается).

Поскольку конечный гласный основы и суффикс *i образовывали дифтонг, в случае, если ему предшествовал корневой задненебный согласный, он по второй палатализации изменялся в свистящий: **мощи** (основа **мог-**) – **мози, мозѣте**; **рещи** (основа **рек-**) – **рьци, рьцѣте** (в последней форме происходит корневое морфологическое чередование **е** // **ь** из *ĕ // *ĭ).

При образовании форм повелительного наклонения нетематических глаголов в формах единственного числа использовался суффикс -jĭ-: *vēdjĭt > vĕž͡ʼdʼь > ст.-сл. **вѣждь**; *dād-jĭt > *dādjĭ > daž͡ʼdʼь > ст.-сл. **даждь** (*dj > žʼdʼ, ĭ > ь). Так же образована форма повелительного наклонения глагола **видѣти** (*vīdjĭt > viž͡ʼdʼь). Однако в Синайском требнике встречаются формы повелительного наклонения нетематических глаголов в единственном числе с конечным -**и**-: **повѣжди, дажди, вижди**. Очевидно, что они появились под влиянием форм повелительного наклонения тематических глаголов (ср. также в сербск. јеђи).

Формы повелительного наклонения глагола **быти** образовывались от основы будущего времени **бѫд-**: **бѫди** (ед. ч.), **бѫдѣте** (мн. ч.). А. М. Селищев отмечает также, что в некоторых памятниках отразился реликт старой формы конъюнктива 3-го лица множественного числа **бѫдѫ** («пусть будут!»): **бѫдѫ чрѣсла ваша прѣпоꙗсана** (Зогр., Мар., Ассем. ев., Сав. кн.). Обычно же в 3-м лице множественного числа употреблялась конструкция **да бѫдѫтъ**.

Основы настоящего времени на *ĕ / *ŏ и на *nĕ / *nŏ

	ведеши	речеши	можеши	врьжеши	пьнеши	идеши	береши	двигнеши
	Единственное число							
2-е л.	веди	рьци	помози	врьзи	пьни	иди	бери	двигни
3-е л.	веди	рьци	помози	врьзи	пьни	иди	бери	двигни
	Двойственное число							
1-е л.	ведѣвѣ	рьцѣвѣ	помозѣвѣ	врьзѣвѣ	пьнѣвѣ	идѣвѣ	берѣвѣ	двигнѣвѣ
2-е л.	ведѣта	рьцѣта	помозѣта	врьзѣта	пьнѣта	идѣта	берѣта	двигнѣта
	Множественное число							
1-е л.	ведѣмъ	рьцѣмъ	помозѣмъ	врьзѣмъ	пьнѣмъ	идѣмъ	берѣмъ	двигнѣмъ
2-е л.	ведѣтє	рьцѣтє	помозѣтє	врьзѣтє	пьнѣтє	идѣтє	берѣтє	двигнѣтє

Основы настоящего времени на *jĕ / *jŏ

	знаѥши	колѥши	плачеши	дѣлаѥши	сѣѥши	оумѣѥши
	Единственное число					
2-е л.	знаи	кол'и	плачи	дѣлаи	сѣи	оумѣи
3-е л.	знаи	кол'и	плачи	дѣлаи	сѣи	оумѣи
	Двойственное число					
1-е л.	знаивѣ	кол'ивѣ	плачивѣ	дѣлаивѣ	сѣивѣ	оумѣивѣ
2-е л.	знаита	кол'ита	плачита	дѣлаита	сѣита	оумѣита
	Множественное число					
1-е л.	знаимъ	кол'имъ	плачимъ	дѣлаимъ	сѣимъ	оумѣимъ
2-е л.	знаитє	кол'итє	плачитє	дѣлаитє	сѣитє	оумѣитє

Основа настоящего времени на *i

	хвалиши	трьпиши	видиши	слъшиши
	Единственное число			
2-е л.	хвали	трьпи	виждь	слъши
3-е л.	хвали	трьпи	виждь	слъши
	Двойственное число			
1-е л.	хваливѣ	трьпивѣ	видивѣ	слъшивѣ
2-е л.	хвалита	трьпита	видита	слъшита
	Множественное число			
1-е л.	хвалимъ	трьпимъ	видимъ	слъшимъ
2-е л.	хвалитє	трьпитє	видитє	слъшитє

Нетематические основы настоящего времени

	ѥсмь	вѣмь	ѥамь	дамь
Единственное число				
2-е л.	бѫди	вѣждь	ѥаждь	даждь
3-е л.	бѫди	вѣждь	ѥаждь	даждь
	Двойственное число			
1-е л.	бѫдѣвѣ	вѣдивѣ	ѥадивѣ	дадивѣ
2-е л.	бѫдѣта	вѣдита	ѥадита	дадита
	Множественное число			
1-е л.	бѫдѣмъ	вѣдимъ	ѥадимъ	дадимъ
2-е л.	бѫдѣте	вѣдите	ѥадите	дадите

Происхождение форм повелительного наклонения: исторический комментарий

Единственное число

2-е лицо:

*vĕdŏ-ĭ-s > *vĕdoi̯s > ст.-сл. **веди**: *oi̯ > i, *s утрачивается в конце слова;

*znājŏ-ĭ-s > *znājei̯s > znaji > ст.-сл. **знаи**: *jŏ> jĕ предположительно в протославянский период, *ĕi̯ > ī;

*chvālī-ĭ-s > *chvālīs > chvalis > ст.-сл. **хвали**;

*dād-jĭ-s > *dādjĭs > daž'd'ь > ст.-сл. **даждь**.

3-е лицо:

*vĕdŏ-ĭ-t > *vĕdoi̯t > vedi > ст.-сл. **веди**;

*znājŏ-ĭ-t > *znājĕ-i-t > *znājei̯t > znaji > ст.-сл. **знаи**;

*chvālī-ĭ-t > *chvālīt > chvali > ст.-сл. **хвали**;

*dād-jĭ-t > *dādjĭt > daž'd'ь > ст.-сл. **даждь**.

Двойственное число

1-е лицо:

*vĕdŏ-ĭ-vē > *vĕdoi̯vē > vedĕvĕ > ст.-сл. **вѣдѣвѣ**: изменение [oi̯] > [ĕ] в двойственном и множественном числе объясняют спецификой интонационных отношений.

*znājŏ-ĭ-vē > *znāje͡i̯vē > znajivě > ст.-сл. **знаив̑ѣ**;
*chvālī-ĭ-vē > *chvālīvē > chvalivě > ст.-сл. **хваливѣ**;
*dād-ĭ-vē > dad-i-vě > ст.-сл. **дадивѣ**.

2-е лицо:
*vēdŏ-ĭ-tā > *vēdo͡i̯ta > veděta > ст.-сл. **ведѣта**;
*znājŏ-ĭ-tā > *znāje͡i̯ta > znajita > ст.-сл. **знаита**;
*mŏlī-ĭ-tā > *mŏlītā > molita > ст.-сл. **молита**;
*dād-ĭ-tā > dadita > ст.-сл. **дадита**.

Множественное число

1-е лицо:
*vēdŏ-ĭ-mŏs > *vēdo͡i̯mŭs > veděmъ > ст.-сл. **ведѣмъ**;
*znājŏ-ĭ-mŏs > *znāje͡i̯mŭs > znajimъ > ст.-сл. **знаимъ**;
*mŏlī-ĭ-mŏs > *mŏlīmŭs > molimъ > ст.-сл. **молимъ**;
*dād-ĭ-mŏs > *dādimŭs > dadimъ > ст.-сл. **дадимъ**.

2-е лицо:
*vēdŏ-ĭ-tĕ > *vēdo͡i̯tĕ > veděte > ст.-сл. **ведѣте**;
*znājŏ-ĭ-tĕ > *znājĕ-ĭ-tĕ > *znāje͡i̯tĕ > znajite > ст.-сл. **знаите**;
*mōlī-ĭ-tĕ > *mŏlītĕ > molite > ст.-сл. **молите**;
*dād-ĭ-tĕ > dadite > ст.-сл. **дадите**.

Следует отметить, что образование повелительного наклонения глаголов II класса на -**нѫти** происходило так же, как у глаголов I класса. Кроме того, надо иметь в виду, что глаголы III и IV классов образуются в старославянском языке посредством суффикса -**и**-, однако -**и**- в глаголах III класса из дифтонга [*e͡i̯], а в глаголах IV класса из сочетания [*ii]. У глаголов I и II классов в единственном числе -**и** из дифтонга [o͡i̯].

В старославянских памятниках XI в. (Зогр., Мар. ев., Сав. кн. и т. д.) обнаруживаются формы повелительного наклонения глаголов III класса с суффиксами -**а**- вместо -**и**-: **плачате**, **покажате** и др. вместо **плачите**, **покажите**. Вероятно, суффикс -**ѣ**- стал универсальным суффиксом повелительного наклонения глаголов I спряжения и смог оказать влияние на некоторые формы глаголов III класса. Однако употребление [ě] после мягких было невозможно,

поэтому [ě] изменился в [’ā]. Надо заметить, что в тех же памятниках возможно употребление суффикса -ѣ-: **вънемлѣте, ищѣте** (Зогр. ев.). Формы с -є- (из ѣ) представляют и современные болгарские говоры.

Сослагательное наклонение

§ 154. В старославянском языке сослагательное наклонение представляло сложную глагольную форму, состоявшую из несклоняемого действительного причастия прошедшего времени на -л- и особой формы вспомогательного глагола **быти: бимь, би, би** и т. д. Возможно, эти формы глагола **быти** представляли собой остатки древних форм оптатива. Об этом свидетельствуют соответствующие формы литовского оптатива (1-е л. ед. ч. biau, 2-е л. ед. ч. bei; ст.-сл. **би**, где [i] из дифтонга [ei̯]), в которых вспомогательный глагол сочетается с супином:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	**зналъ (-а,-о) бимь**	**знали (-ы, -а) бимъ**
2-е л.	**зналъ (-а,-о) би**	**знали (-ы,-а) бисте**
3-е л.	**зналъ (-а, -о) би**	**знали (-ы,-а) бѫ**

Использование форм сослагательного наклонения со значением желательности также свидетельствует о его связи с древним оптативом: **азъ въздалъ бимь, радъ би билъ да би видѣлъ, да бѫ слышали** (Мар. ев.).

Рано началась замена форм **бимь, би** и т. д. Исследователи полагают, что первым отражением влияния аориста стала форма 2-го лица множественного числа **бисте** (вместо **бите**); кроме того, в старославянских памятниках XI в. возможно параллельное использование форм **бышѧ** при исходной форме **бѫ: слоугы моѩ подвизалы сѧ бышѧ** («мои слуги вступили в борьбу») **и что бышѧ сътворили** («что они сделали бы»; Мар. ев.).

С течением времени формы **бимь, би, би** и т. д. были окончательно вытеснены аористными образованиями **быхъ, бы, бы; быховѣ, быста, бысте; быхомъ, бысте, бышѧ**.

Именные (неспрягаемые) формы глаголов

Именные формы, образуемые от глагольных основ, характеризуются сочетанием глагольных категорий (вида, залога, в ряде случаев – времени) с морфологическими и синтаксическими особенностями имен. В старославянском языке они были представлены формами инфинитива, супина и причастия.

Инфинитив

§ 155. Инфинитив представлял собою славянское новообразование. По своему происхождению это, вероятно, была форма дательного падежа единственного числа имен с основой на *ĭ. Полагают, что имя было образовано от глагольной основы, которую принято называть инфинитивной, посредством суффикса *-tei̯; *-tei̯ стало суффиксом инфинитива **-ти**. Еще в дописьменный период это имя утратило способность к изменению, сохранив лишь форму Д. п. Можно допустить, что это произошло потому, что имя в своем использовании закрепилось в функции косвенного дополнения при глаголе или существительном: **ї бываѥтъ дрѣво ѣко прити птицамъ нб҃скїимъ ї витати на вѣтвьхъ его; никотери же рабъ не можетъ дьвама г҃нома работати... ли единого дръжитъ сѧ а о дроугѣмъ не брѣщисѧ въчьнетъ** (Зогр. ев.) и т. д.

В старославянском языке глаголы, основа инфинитива которых оканчивается на гласный, имеют суффикс **-ти**: **дѣла-ти, зна-ти, вѣдѣ-ти, хвали-ти, сънѫ-ти, вѣрова-ти**. В тех же случаях, когда основа инфинитива глагола оканчивалась на согласный, в праславянский период на стыке корня и суффикса происходили фонетические изменения. Если основа инфинитива оканчивалась на задненебный, происходили следующие изменения: *pěk-tei̯ > *pěktī > peš’t’i > ст.-сл. **пещи**; *mŏg-tei̯ > *mŏktī > moš’t’i > ст.-сл. **мощи** (в процессе действия тенденции к восходящей звучности происходит изменение слогораздела, согласные задненебный и переднеязычный оказываются в пределах одного слога и подвергаются изменению и палатализации под влиянием переднеязычного гласного: конечные *-ktī, *-gtī изменяются в говорах, легших в основу старославянского языка, в -š’t’ī).

Если основа инфинитива оканчивалась на переднеязычный или губной (*grěb-te͡i̯, *věd-te͡i̯), то происходила диссимиляция согласных или утрата одного из них: *pŏgrēb-te͡i̯ > *pŏgrē-btī > pogrěti > ст.-сл. **погрѣти** («похоронить»); *věd-te͡i̯ > *vě-dtī > *vě-ttī > vesti > ст.-сл. **вести**.

В сочетании с глаголами **хотѣти, начѧти, имѣти** инфинитив образует формы будущего сложного I; часто инфинитив употребляется в сочетании с глаголом **мощи**. Однако в сочетании с этими глаголами инфинитив используется также для передачи значения желания, необходимости, начала действия: **Понеже оубо мнози начѧшѧ чинити повѣсть; не възможеши къ томоу домоу строїти; егда копати не могѫ; хощѭ же семоу послѣдьнюоумоу дати ѣко и тебѣ** (Зогр. ев.); **ї начьне бити клевретꙑ своѩ ѣсти же и пити съ пиꙗницами; имамь нѫждѫ изити и видѣти е** (Мар. ев.) и др. В сочетании с глаголом **бꙑти** инфинитив использовался обычно для передачи значения необходимости, возможности: **како же бѣ сътворити июдѫ кротъка** (Супр. рук.).

Супин

§ 156. Супин, так же как и инфинитив, представлял собой одну из именных форм глагола, утративших исходное изменение. Он образовывался присоединением к основе инфинитива суффикса **-тъ**. Если при этом основа инфинитива оканчивалась на заднеязычный согласный, форма супина оканчивалась на [s͡'t'ь]: **знатъ, датъ, видѣтъ, нестъ**, но **пещь, рещь, мощь, жещь**.

Супин употреблялся обычно после глаголов, обозначающих движение, и указывал на цель этого движения, а также после глаголов типа **посълати, дати: идѫщамъ же їмъ коупитъ приде женихъ; идѫ рꙑбъ ловитъ; тъ бо иродъ посълавъ ѩтъ иоана ї свѧза и въ темьници; пришелъ ли єси прѣжде врѣмени мѫчитъ насъ** (Зогр. ев.); **изиде коупъно оутро наѩтъ дѣлателъ виноградоу своѥмоу; сѫпрѫгъ воловьнꙑихъ коупихъ пѫтъ и градѫ искоуситъ ихъ** (Мар. ев.).

Исторически супин – это старая форма винительного падежа единственного числа имен с основой на *-ŭ (-tŭm > tŭn > tъ).

В латинском языке славянскому -тъ соответствовал -tŭm (datŭm), в литовском tų̨.

Будучи именной формой, супин, образованный от переходных глаголов, в отличие от инфинитива, управлял родительным падежом имени, а не винительным (**идѫ рыбъ ловитъ; наѩтъ дѣлателъ; приде жена отъ самарины погрѣтъ воды**). Такие сочетания супина с родительным падежом имени распространены в Мариинском и Зографском евангелиях, Саввиной книге, Синайской псалтири, Синайском требнике. Но в Супрасльской рукописи отражается влияние на супин инфинитива, управлявшего именем в форме винительного падежа: **посълана быста мѫчитъ... рабы... съвѧзати же вьсѧ**. В этом примере, кроме того, отражается и другая черта, свойственная поздним рукописям: замена супина инфинитивом (**съвѧзати** вместо **съвѧзатъ**). Однако примеры замены супина инфинитивом есть даже в Мариинском и Зографском евангелиях: **идѣахѫ вьси напсати сѧ въ свои градъ** (Сав. кн., Ассем. ев.; Остр. ев. – супин).

Супин сохранился лишь в современных словенском и нижнелужицком языках. Во всех остальных славянских языках супин заменен инфинитивом. В памятниках церковнославянского языка русского извода он использовался вплоть до XIV в.

В старославянских памятниках наблюдается замена супина конъюнктивом (конструкцией «**да** + презентная форма»: **изиде сѣꙗѩ и да сѣетъ**, Мар. ев.).

Причастия

§ 157. Причастия являются глагольными формами, характеризующимися как категориями глагола (залог, в известной степени – время, которое у них всегда относительное; сохранение вида производящей глагольной основы), так и морфологическими и синтаксическими особенностями имен прилагательных (они изменяются по родам, числам и падежам), выполняя синтаксические функции прилагательного. В старославянском языке были представлены следующие причастные формы:

Действительные причастия настоящего времени	Страдательные причастия настоящего времени
Действительные причастия прошедшего времени	Страдательные причастия прошедшего времени

Причастия имели как именные (нечленные, краткие), так и местоименные (членные, полные) формы. Местоименные формы причастий образовывались и склонялись как местоименные формы прилагательного. Причастие в его именной форме выступало в качестве сказуемого и определения. Исходной формой были именные причастия; местоименная форма образовывалась из именной при помощи тех же средств, что и местоименные прилагательные. Вероятно, местоименные формы прилагательных были тем образцом, в соответствии с которым формировалась парадигма склонения членных причастий.

Нужно заметить, что установление синтаксических функций кратких причастий в древних текстах с точки зрения носителя современного русского языка нередко затруднительно. Оно может осознаваться и как сказуемое, и как определение с обстоятельственным значением, и как обстоятельство. Это приведет в дальнейшем к выделению из класса причастий нового разряда слов – деепричастий.

Первоначальная система причастий праславянского языка в большинстве современных славянских языков не сохранилась. Различной оказалась судьба причастий в литературных языках, с одной стороны, и в разговорном языке и диалектах, с другой.

Действительные причастия настоящего времени

§ 158. Причастия действительного залога настоящего времени в старославянском языке образовывались от глагольных основ настоящего времени с помощью суффиксов -ѫщ- (глаголы I спряжения), -ѧщ- (глаголы II спряжения). При этом в именительном падеже причастий мужского и среднего рода суффиксы -ѫщ-, -ѧщ- отсутствовали.

Например: **нес-ѫтъ – нес-ѫщи** (здесь и в дальнейшем приведена форма именительного падежа единственного числа действительного причастия настоящего времени женского рода),

мог-жтъ – **мог-жщи**, **рек-жтъ** – **рек-жщи**, **дѣла-ѭтъ** – **дѣла-ѭщи**, **глагол-ѭтъ** – **глагол-ѭщи**, **хвал-ѧтъ** – **хвал-ѧщи**. Причастие от глагола **быти** образовывалось посредством суффикса **-жщ-** от основы **с-**: **с-жтъ** – **с-жщи**. С суффиксом **-ѧщ-** от глагола **быти** было образовано единственное зафиксированное в старославянских памятниках причастие будущего времени **бъıш-ѧщи**. С помощью суффикса **-жщ-** образовано также причастие от глагола **имѣти** – **им-жтъ**: **им-жщи**.

Действительные причастия настоящего времени в индоевропейских языках образовывались присоединением к основе настоящего времени суффикса *-ent (он выступал также в виде *-ont, -n̥t-): ornans («украшающий»), Р. п. ornantis; potens («могущий»), Р. п. potentis; τείνων («тянущий»), τείνοντος (ср. также: *лаборант*, *доцент*, *агент*, *студент* и др.).

Этот же суффикс в варианте *-nt- использовался для образования причастий в праславянском языке. Он присоединялся к основе настоящего времени: *nĕsŏ-nt-s (где где *ŏ – тематический гласный глаголов I класса, а *s – окончание именительного падежа единственного числа) > *nĕsŏnts > *nĕsōns > *nĕsūns > nesy > ст.-сл. **несъı**; *dvīgnŏ-nt-s > *dvīgnŏnts > *dvīgnōns > *dvīgnūns > dvigny > ст.-сл. **двигнъı**; *znājŏ-nts > *znājĕnts > *znājēns > znaję > ст.-сл. **знаѩ**; *mŏlī-nts > *mŏlīnts > molę > ст.-сл. **молѧ**; *chvālī-nts > *chvālīnts > chvalę > ст.-сл. **хвалѧ**; *jādĕ-nts > *jādēns > jadę > ст.-сл. **ѩдѧ**.

Первоначально причастия, вероятно, склонялись по типу имен на согласный. Во всяком случае след принадлежности причастий к именному склонению на согласный сохранился в окончании формы именительного падежа множественного числа мужского рода: **несжще**, **рекжще**, **веджще**. Опосредованно об этом свидетельствует несовпадение основ И. п. и остальных падежей, например: **кам-ъı** – **кам-ен-е**, **нес-ъı** – **нес-жщ-ѥ**, **зна-ѩ** – **зна-ѭщ-ѥ**. В протославянский период основа причастий была распространена посредством *i̯ŏ в мужском и среднем роде и *i̯ā в формах женского рода, вследствие чего причастия перешли в продуктивные классы имен с конечными гласными основами *jŏ и *jā.

Появление [j] из [i̯] из тематических гласных после конечного согласного суффикса причастия [t] привело к фонетическим изменениям, обусловленным законом слогового сингармонизма и тенденцией к восходящей звучности: сочетания *tj дало разные результаты в различных славянских языках. В диалектах, легших в основу старославянского языка, в результате фонетических изменений суффиксы причастий приобрели такой вид: **-ѫщ-** для глаголов I спряжения (I, II и III классов) и для нетематических **быти и имѣти**, **-ѧщ-** для глаголов II спряжения (IV класс) и для остальных нетематических глаголов: *nĕsŏ-nt-jā (форма Р. п. ед. ч. мужского и среднего рода) > *nĕsǫtję > nesǫš͡’t’a > ст.-сл. **несѫщꙗ** (*tj > š͡’t’, дифтонгоиды *ŏn и *ĭn между согласными преобразовываются в [ę], [ǫ]).

В женском роде посредством [j] (суффикс *-jā-) была распространена основа всех форм, включая И. п. единственного числа, который оформлялся по склонению на *-jā-, но тематический гласный выступал в ослабленной форме, как в существительных **рабꙑни, ладии**: *nĕsŏ-nt-jī > nesǫš͡’t’i, *dvīgnŏ-nt-jī > dvignǫš͡’t’i, *znājŏ-nt-jī > znajǫš͡’t’i, *mŏlī-nt-jī > molęš͡’t’i (ст.-сл. **несѫщи, двигнѫщи, знаѭщи, молѧщи**).

У глаголов III класса (тематические *jŏ / *jĕ) в косвенных падежах должен был быть фонетически обусловленный суффикс **-ѧщ-** (ср. *znājŏnts > *znājĕnts > *znājēns > znaję, то есть [ŏ] после палатального [j] должен был перейти в [ĕ]: *morjŏ > mor’e; *znājŏnts > *znājēns). Однако закрепился суффикс **-ѫщ-**. Предполагают, что это произошло по аналогии с другими глаголами I спряжения.

Склонение кратких форм причастий

Глагол	ведеши, ведѫтъ			двигнеши, двигѫтъ		
	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число						
И. п.	ведꙑ		ведѫщи	двигнꙑ		двигнѫщи
Р. п.	ведѫщꙗ		ведѫщѧ	двигнѫщꙗ		двигнѫщѩ
Д. п.	ведѫщю		ведѫщи	двигнѫщю		двигнѫщи
В. п.	ведѫщь	ведѫще	ведѫщѫ	двигнѫщь	двигнѫще	двигнѫщѫ
Т. п.	ведѫщемь		ведѫщеѭ	двигнѫщемь		двигнѫщеѭ
М. п.	ведѫщи			двигнѫщи		

Двойственное число						
И., В. п.	ведѫщꙗ	ведѫщи		двигнѫщꙗ	двигнѫщи	
Р., М. п.	ведѫщю			двигнѫщю		
Д., Т. п.	ведѫщема		ведѫщꙗма	двигнѫщема		двигнѫщꙗма
Множественное число						
И. п.	ведѫще	ведѫщꙗ	ведѫщѧ	двигнѫще	двигнѫщꙗ	двигнѫщѧ
Р. п.	ведѫщь			двигнѫщь		
Д. п.	ведѫщемъ		ведѫщꙗмъ	двигнѫщемъ		двигнѫщꙗмъ
В. п.	ведѫщѧ	ведѫщꙗ	ведѫщѧ	двигнѫщѧ	двигнѫщꙗ	двигнѫщѧ
Т. п.	ведѫщи		ведѫщꙗми	двигнѫщи		двигнѫщꙗми
М. п.	ведѫщихъ		ведѫщꙗхъ	двигнѫщихъ		двигнѫщꙗхъ

Глагол	знаѥши, знаѭтъ			хвалиши, хвалѧтъ		
	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.	С. р.
Единственное число						
И. п.	знаѩ		знаѭщи	хвалѧ		хвалѧщи
Р. п.	знаѭщꙗ		знаѭщѧ	хвалѧщꙗ		хвалѧщѧ
Д. п.	знаѭщю		знаѭщи	хвалѧщю		хвалѧщи
В. п.	знаѭщь	знаѭще	знаѭщѭ	хвалѧщь	хвалѧще	хвалѧщѭ
Т. п.	знаѭщіемь		знаѭщеѭ	хвалѧщіемь		хвалѧщеѭ
М. п.	знаѭщи			хвалѧщи		
Двойственное число						
И., В. п.	знаѭщꙗ	знаѭщи		хвалѧщꙗ	хвалѧщи	хвалѧщи
Р., М. п.	знаѭщю			хвалѧщю		
Д., Т. п.	знаѭщема		знаѭщꙗма	хвалѧщема		хвалѧщꙗма
Множественное число						
И. п.	знаѭще	знаѭщꙗ	знаѭщѧ	хвалѧще	хвалѧщꙗ	хвалѧщѧ
Р. п.	знаѭщь			хвалѧщь		
Д. п.	знаѭщемъ		знаѭщꙗмъ	хвалѧщемъ		хвалѧщꙗмъ
В. п.	знаѭщѧ	знаѭщꙗ	знаѭщѧ	хвалѧщѧ	хвалѧщꙗ	хвалѧщѧ
Т. п.	знаѭщи		знаѭщꙗми	хвалѧщи		хвалѧщꙗми
М. п.	знаѭщихъ		знаѭщꙗхъ	хвалѧщихъ		хвалѧщꙗхъ

Форма винительного падежа единственного числа причастия среднего рода совпадала исходно с формой именительного: nesy, vedy, dvigny; однако очень рано в винительном падеже стала употребляться форма *vědǫš’t’ě, в старославянских памятниках находим **ведѫще**.

Старославянская флексия **-ꙑ** (**ведꙑ**, **несꙑ**) не обнаружена в других языках, кроме церковнославянского языка русского и сербского изводов. Эта флексия не оставила следа даже в болгарском языке.

Формы именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода нетематических глаголов образовывались под влиянием тематических глаголов: **сꙑ** (**бꙑти, сѫтъ**) – как **берꙑ, несꙑ; ѣдѧ** (**ꙗсти, ꙗдѧтъ**), **вѣдꙑ** (**вѣдѣти, вѣдѧтъ**), **дадꙑ** (**дати, дадѧтъ**).

Происхождение флексий падежных форм кратких действительных причастий настоящего времени такое же, как у имен существительных склонений на *-ŏ / *-jŏ, *ā / *-jā.

Местоименные (членные, полные) формы причастий образуются так же, как местоименные прилагательные, – путем присоединения к именной форме указательного местоимения **и, ꙗ, ѥ** и характеризуются теми же особенностями формоизменения. В именительном падеже единственного числа мужского рода обычной была форма **несꙑи** (ср. **добрꙑи**), позже она вытесняется формами винительного падежа **несѫщии, несѫщеѥ**.

	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число						
И. п.	ведыи	ведѫщеѥ	ведѫщиꙗ	хвалѧи	хвалѧщеѥ	хвалѧщиꙗ
Р. п.	ведѫщꙗѥго		ведѫщѧѩ	хвалѧщꙗѥго		хвалѧщѧѩ
Д. п.	ведѫщюѥмоу		ведѫщии	хвалѧщюѥмоу		хвалѧщии
В. п.	ведѫщии	ведѫщеѥ	ведѫщѫѭ	хвалѧщии	хвалѧщеѥ	хвалѧщѫѭ
Т. п.	ведѫщиимь		ведѫщѫѭ (-щеѭ)	хвалѧщиимь		хвалѧщѫѭ (-щеѭ)
М. п.	ведѫщиимь		ведѫщии	хвалѧщиимь		хвалѧщии
Двойственное число						
И., В. п.	ведѫщꙗꙗ	ведѫщии	ведѫщии	хвалѧщꙗꙗ	хвалѧщии	хвалѧщии
Р., М. п	ведѫщюю			хвалѧщюю		
Д., Т. п.	ведѫщиима			хвалѧщиима		
Множественное число						
И. п.	ведѫщеи	ведѫщꙗꙗ	ведѫщѧѩ	хвалѧщеи	хвалѧщꙗꙗ	хвалѧщѧѧ
Р. п.	ведѫщиихъ			хвалѧщиихъ		
Д. п.	ведѫщиимъ			хвалѧщиимъ		
В. п.	ведѫщѧѩ	ведѫщꙗꙗ	ведѫщѧѩ	хвалѧщѧѩ	хвалѧщꙗꙗ	хвалѧщѧѩ
Т. п.	ведѫщиими			хвалѧщиими		
М. п.	ведѫщиихъ			хвалѧщиихъ		

Праславянские причастия действительного залога настоящего времени в результате развития славянских народно-разговорных языков имели разную судьбу: превратились, с одной стороны, в

своих членных формах в прилагательные (ср. русск. *могучий*, *дремучий*), с другой стороны, в своей нечленной форме – в деепричастие (ср. русск. *думая*, *хваля*) и др.

Но так как причастия были важным средством точного изложения сложных синтаксических отношений в славянских книжно-литературных текстах (в литературных языках), они были в этих целях либо сохранены, либо восстановлены всеми славянскими языками, кроме македонского. Причастия этого типа используются только в литературном языке, в разговорной речи они не часты, в диалектах почти не встречаются. Современное причастие выступает в членной (местоименной) форме.

В древнерусском языке действительное причастие настоящего времени в форме именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода имело флексию **-а**, **-ꙗ**: **неса**, **хвалꙗ**; в образовании форм косвенных падежей участвовали суффиксы **-ѹч-** (у глаголов I спряжения) и **-ач-** (у глаголов II спряжения). В русском языке этот тип причастий адъективировался (ср. *лежачий*, *стоячий*), на основе нечленных форм **неса**, **хвалꙗ** развилась система деепричастий.

В качестве причастий русский литературный язык использует церковнославянские причастия (старославянские по происхождению).

Действительные причастия прошедшего времени: склоняемые формы

§ 159. Склоняемые причастия действительного залога прошедшего времени образовывались от основ инфинитива прибавлением суффиксов **-ъш-** (из *-ŭs-; если основа инфинитива оканчивалась на согласный или суффиксальный [i]) и **-въш-** (из *-u̯ŭs-; если основа инфинитива оканчивалась на любой гласный, кроме суффиксального [i]). В старейших памятниках славянской письменности образования с суффиксом **-въш-** от глагола с основой на *-i уже встречаются, но они еще очень редки. Их нет в Ассеманиевом евангелии, Сборнике Клоца, Синайской псалтири, они единичны в Мариинском евангелии (один случай на 186 употреблений с **-ь**: **благословль** – **благословивъ**) и Саввиной книге (2 случая на 69 образований с **-ь**). И только в Супрасльской рукописи они

преобладают (598 образований с -**ив**-). В церковнославянском языке эти формы становятся элементом нормы. От основ глаголов II класса на -**нѫти** формы действительных причастий прошедшего времени образовывались двояко:

– если суффиксу -**нѫ**- предшествовал согласный, то использовался суффикс -**ъш**- (*-ŭs-): **двигнѫти** – **двиг-ъ** (*dvīg-ŭs > dvigъ: конечный *s утрачивается по закону открытого слога, [ŭ] переходит в [ъ]); **съх-нѫ-ти** – **съхъ** (*sŭch-nǫ-ti – *sŭch-ŭs > sъchъ);

– если суффиксу -**нѫ**- предшествовал гласный, суффикс -**нѫ**- сохранялся и форма причастий образовывалась так же, как от глаголов с основой на гласный: **ми-нѫ-ти** – **минѫвъ**.

От глагола **ити** причастие имело основу **шьд**-: **шьдъ**, **шьдъши**.

От глаголов типа **мрѣ-ти**, **клѧ-ти**, в которых конечный гласный основы являлся результатом изменения дифтонгических сочетаний в позиции перед согласным (*mĕrtei̯ > *mrētī > mrěti > ст.-сл. **мрѣ-ти**; *klĭn-tei̯ > klę-ti > ст.-сл. **клѧ-ти**), образование действительных причастий происходило посредством суффикса -ъš'- (*-ŭs-) от старых основ, не переживших изменений под влиянием тенденции к восходящей звучности. Это связывают, с одной стороны, с влиянием форм настоящего времени: **мьрєши**, **кльнєши** и др. Однако в любом случае сохранение исходного состояния дифтонгических сочетаний объясняется тем, что перед гласным суффикса (*ŭs) исчезла необходимость монофтонгизации и метатезы (ср. *mĕrtei̯ и *mĕr-ŭs; *klĭn-tei̯ и *klĭn-ŭs): *mĕr-ŭs-jī > merъš'i, *klĭn-ŭs-jī > klęъš'i (И. п. ед. ч. ж. р.).

Действительные причастия прошедшего времени могли иметь членную (полную, местоименную) и нечленную (краткую) форму. Склонение действительных причастий прошедшего времени аналогично склонению действительных причастий настоящего времени.

При склонении краткие причастия оформлялись по типу склонения на *jŏ (мужской и средний род) и *jā (женский род).

И. п. ед. ч. м. р.: *nĕs-ŭs > nesъ;

И. п. ед. ч. ж. р.: *nĕs-ŭs-jī > nesъš'i (*sj > š', *ŭ > ъ);

Р. п. ед. ч. м. р.: *nĕs-ŭs-jā > nesъš'a; *znā-u̯ŭs-jā > znavъš'a;

В. п. ед. ч. м. р.: *nēs-ŭs-jŏn > *nēsŭsjŭn > *nēsŭsjĭn > nesъš'ь (*sj > š', *jŏ > *jŭ > *jĭ > jь, *ŭ > ъ); *znā-u̯ŭs-jŏn > znavъš'ь (*jŏn > *jŭn > *jĭn > jь).

	вести (ved-ti > vesti)			хвалити, вратити		
	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число						
И. п.	ведъ		ведъши	хвал'ь	хвал'ьши	
Р. п.	ведъшꙗ		ведъшѧ	хвал'ьшꙗ		хвал'ьшѧ
Д. п.	ведъшю		ведъши	хвал'ьшю		хвал'ьши
В. п.	ведъшь	ведъше	ведъшѭ	хвал'ьшь	хвал'ьше	хвал'ьшѭ
Т. п.	ведъшемь		ведъшеѭ	хвал'ьшемь		хвал'ьшеѭ
М. п.	ведъши			хвал'ьши		
Двойственное число						
И., В. п.	ведъшꙗ	ведъши		хвал'ьшꙗ	хвал'ьши	
Р., М. п.	ведъшю			хвал'ьшю		
Д., Т. п.	ведъшема		ведшꙗма	хвал'ьшема		хвал'ьшꙗма
Множественное число						
И. п.	ведъше	ведъшꙗ	ведъшѧ	хвал'ьше	хвал'ьшꙗ	хвал'ьшѧ
Р. п.	ведъшь			хвал'ьшь		
Д. п.	ведъшемъ		ведъшꙗмъ	хвал'ьшемъ		хвал'ьшꙗмъ
В. п.	ведъшѧ	ведъшꙗ	ведъшѧ	хвал'ьшѧ	хвал'ьшꙗ	хвал'ьшѧ
Т. п.	ведъши		ведъшꙗми	хвал'ьши		хвал'ьшꙗми
М. п.	ведъшихъ		ведъшꙗхъ	хвал'ьшихъ		хвал'ьшꙗхъ

Первоначально действительные причастия прошедшего времени представляли формы с основой на согласный. Затем посредством тематических *jā и *jō они оформились по образцу соответствующих склонений имен существительных.

Местоименные (полные, членные) формы действительных причастий прошедшего времени образовывались путем присоединения к основе краткого причастия указательного местоимения **и**, **ꙗ**, **ѥ** (vědъ-jь > vědy̆i, chvalьjь > chvalĭi). О том, что в этой форме [ĭ] и [y̆] находились в сильной позиции, свидетельствуют данные старославянских памятников: **створеи**, **прѣклонеи** (Син. треб.).

	вести (*vēd-tei̯ > vesti)			хвалити		
	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число						
И. п.	ведꙑи (ведꙑ)	ведъшеѥ	ведъшиꙗ	хвал'ии (хвал'ь)	хвал'ьшеѥ	хвал'ьши
Р. п.	ведъшꙗѥго		ведъшѧꙗ	хвал'ьшꙗѥго		хвал'ьшѧꙗ
Д. п.	ведъшюѥмоу		ведъшии	хвал'ьшюѥмоу		хвал'ьшии
В. п.	ведъшии	ведъшеѥ	ведъшѭѭ	хвал'ьшии	хвал'ьшеѥ	хвал'ьшѭѭ
Т. п.	ведъшимь		ведъшѭѭ (-шеѭ)	хвал'ьшимь		хвал'ьшѭѭ (-шеѭ)
М. п.	ведъшимь		ведъши	хвал'ьшимь		хвал'ьши
Двойственное число						
И., В. п.	ведъшꙗꙗ	ведъшии	ведъшии	хвал'ьшꙗꙗ	хвал'ьшии	хвал'ьшии
Р., М. п.	ведъшю			хвал'ьшю		
Д., Т. п.	ведъшима			хвал'ьшима		
Множественное число						
И. п.	ведъшеи	ведъшꙗꙗ	ведъшѧꙗ	хвал'ьшии	хвал'ьшꙗꙗ	хвал'ьшѧꙗ
Р. п.	ведъшихъ			хвал'ьшихъ		
Д. п.	ведъшимъ			хвал'ьшимъ		
В. п.	ведъшѧꙗ	ведъшꙗꙗ	ведъшѧꙗ	хвал'ьшѧꙗ	хвал'ьшꙗꙗ	хвал'ьшѧꙗ
Т. п.	ведъшими			хвал'ьшими		
М. п.	ведъшихъ			хвал'ьшихъ		

А. Мейе полагал, что склоняемые формы причастий (**несъ**, **знавъ**) восходят к индоевропейскому действительному причастию перфекта, которое образовывалось посредством суффиксов *-wet-, *-wes-. Праславянский суффикс *-ŭs- он считает нулевой ступенью второго суффикса. Эти суффиксы имелись во всех формах, кроме форм именительного падежа единственного числа мужского и среднего родов, где [š'] отсутствовал:

Падеж	Мужской и средний род	Женский род
И. п.	несъ, знавъ	несъши, знавъши
Р. п.	несъша, знавъша	несъшѧ, знавъшѧ

При этом у глаголов, у которых основа инфинитива оканчивалась на суффиксальный [i], достаточно рано, еще в праславянском языке, суффиксальный [i] перешел в [j], в результате чего предшествующий согласный подвергся палатализации, а

последующий гласный [ъ] изменился в [ь]: **родити – рождь** (м. р., с. р.), **рождьши** (ж. р.) (*rŏdī-ŭs > *rŏdjŭs > *rŏdjĭs > rož'd'ь); **любити – любль** (м. р., с. р.), **любльши** (ж. р.) (*lūbī-ŭs > *lūbjŭs > *lūbjĭs > l'ublь); **молити – моль, мольши** (*molī-ŭs > *mŏljŭs > *mŏljĭs > molь).

Позднее от этих глаголов действительные причастия прошедшего времени стали образовываться так же, как и от других глаголов с основой инфинитива на гласный, то есть посредством суффикса -**въш**-: **родити – родивъ, любити – любивъ, молити – моливъ, благословити – благословивъ.**

Действительные причастия прошедшего времени: несклоняемые формы

§ 160. Несклоняемые причастия действительного залога прошедшего времени образовывались от основ инфинитива прибавлением суффикса -**л**- и изменялись по родам и числам: **зна-ти – зна-л-ъ, зна-л-а, зна-л-о; зна-л-а** (-**ѣ**, -**ѣ**); **зна-л-и** (-**ы**, -**а**); **видѣ-ти – видѣ-л-ъ, видѣ-л-а, видѣ-л-о; видѣ-л-а** (-**ѣ**, -**ѣ**); **видѣ-л-и** (-**ы**, -**а**); **нес-ти – нес-л-ъ, нес-л-а, нес-л-о; нес-л-а** (-**ѣ**, -**ѣ**); **нес-л-и** (-**ы**, -**а**) и т. д.

Образование этих форм характеризовалось рядом особенностей:

– конечные [t], [d] основы утрачивались: ved-lъ > velъ; plet-lъ > plelъ. Так же образовывалось причастие на -**л**- от основы -**шьд**- (глагол **ити**): **шьлъ** (из š'ьd-l-ъ > š'ьlъ; [d] при образовании формы утрачивался);

– суффикс [nǫ] сохранялся после корневого гласного и утрачивался после согласного: **ми-нѫ-ти – минѫлъ, пли-нѫ-ти – плинѫлъ; двиг-нѫ-ти – двиглъ, съх-нѫ-ти – сълъ, ищез-нѫ-ти – ищезлъ.** Если суффиксу *nǫ предшествовали [t] и [d], например *vĕndnontēi̯, то суффикс [l] присоединялся к основе без [t] и [d]: *vĕndnǫtī > vę̄lъ > ст.-сл. **вѧлъ.**

Несклоняемые формы причастий на -**л**- употреблялись только в составе сложных глагольных форм: перфекта, плюсквамперфекта, сложного будущего II, сослагательного наклонения. В таком употреблении, согласуясь с подлежащим, причастия могли иметь формы рода и числа. Окончания рода и числа у

причастий прошедшего времени на -л- те же, что у имен существительных склонения на *ā (женский род) и склонения на *ŏ (мужской и средний род).

М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число								
велъ	вело	вела	хвалилъ	хвалило	хвалила	зналъ	знало	знала
Двойственное число								
вела	велѣ	велѣ	хвалила	хвалилѣ	хвалилѣ	знала	зналѣ	зналѣ
Множественное число								
вели	вела	велы	хвалили	хвалила	хвалилы	зналъ	знала	зналы

В истории этого причастия много неясного. Так, возникает вопрос, почему праславянский имел две формы действительного причастия прошедшего времени. Должны были быть между ними какие-то различия. А. Мейе называет причастие на -л- предикативным. Однако нельзя с уверенностью говорить, употреблялось ли оно в качестве определения или нет. Распространено мнение, что отглагольные прилагательные типа *усталый*, *угорелый*, *гнилой* являются остатком праславянского состояния. Но эти прилагательные – более поздние образования от глаголов со значением состояния или перехода в состояние. И ни один славянский язык не сохранил образований типа *неслый* и т. д.

В современном русском языке старые причастия прошедшего времени действительного залога являются формальным (морфологическим) средством выражения значения прошедшего действия (состояния): *делал*, *писал*, *молил* и т. д.

Страдательные причастия настоящего времени

§ 161. Праславянские страдательные причастия настоящего времени также восходят к индоевропейскому причастию среднего залога (действие субъекта направлено на субъект). Для образования этого причастия праславянский язык использовал один из индоевропейских суффиксов – *-mo- (лит. -mas-).

Причастия страдательного залога настоящего времени образовывались в старославянском языке присоединением суффикса -м- и родовых окончаний -ъ-, -а-, -о- к основе настоящего времени. Суффиксу предшествовал тематический гласный:

[о] – в основах настоящего времени I, II, V классов;

[е] – в основах настоящего времени III класса;

[i] – в основах настоящего времени IV класса (глаголы II спряжения): нес-ѫтъ – нес-о-м-ъ (-а, -о); двигн-ѫтъ – двигн-о-м-ъ (-а, -о); дѣлаѥ-ши – дѣла-ѥ-мъ (-а, -о); пиш-є-ши – пиш-є-мъ (-а, -о); вѣд-ѧтъ – вѣдо-м-ъ (-а, -о); ꙗд-ѧтъ – ꙗд-о-мъ (-а, -о); вид-и-ши – вид-и-мъ (-а, -о).

Страдательные причастия настоящего времени склонялись по типу именных основ на *ŏ, если они согласовывались с существительным мужского и среднего рода, и по типу основ на *ā, если согласовывались с существительными женского рода.

Местоименные формы страдательных причастий настоящего времени образовывались по образцу прилагательных.

Страдательные причастия настоящего времени утрачены во всех славянских языках. Исключение составляет русский, обязанный церковнославянской традиции сохранением этого типа. В других языках остатки этого типа выступают в качестве прилагательных.

ведеши, ведѫтъ				двигнеши, двигнѫтъ		
	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число						
И. п.	ведомъ	ведомо	ведома	двигномъ	двигномо	двигнома
Р. п.	ведома		ведомы	двигнома		двигномы
Д. п.	ведомоу и т. д. по основам на *ŏ		ведомѣ и т. д. по основам на *ā	и т. д.		

знаѥши, знаѭтъ				хвалиши, хвалѧтъ		
Единственное число						
	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
И. п.	знаѥмъ	знаѥмо	знаѥма	хвалимъ	хвалимо	хвалима
Р. п.	знаѥма		знаѥмы	хвалима		хвалимы
Д. п.	знаѥмоу		знаѥмѣ	хвалимоу		хвалимѣ
и т. д. по основам на *ŏ				и т. д.		

	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число						
И. п.	**ведомъıи (-мъи)**	**ведомоѥ**	**ведомаꙗ**	**двигномъıи**	**двигномоѥ**	**двигномаꙗ**
Р. п.	**ведомаѥго**		**ведомъıѩ**	**двигномаѥго**		**двигномъıѩ**
и т. д.						

	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число						
И. п.	**знаѥмъıи (мъи)**	**знаѥмоѥ**	**знаѥмаꙗ**	**хвалимъıи**	**хвалимоѥ**	**хвалимаꙗ**
Р. п.	**знаѥмаѥго**		**знаѥмъıѩ**	**хвалимаѥго**		**хвалимъıѩ**
и т. д.						

Страдательные причастия прошедшего времени

§ 162. Причастия страдательного залога прошедшего времени образовывались посредством присоединения суффиксов **-н-** (из *nŏ, *ĕnŏ), **-т-** (из *tŏ) и родовых окончаний **-ъ**, **-а**, **-о** к основе инфинитива.

1. Суффикс [-n-] непосредственно присоединялся к основам инфинитива на суффиксальные [-a] и [-ĕ]: **зъв-а-ти – зва-н-ъ** (**-а**, **-о**); **позна-ти – позна-н-ъ** (**-а**, **-о**); **видѣ-ти – видѣ-нъ** (**-а**, **-о**).

2. К другим типам основ инфинитива присоединялся суффикс *ĕn:

– к основам на согласный; при этом если основа оканчивалась на заднеязычный согласный, он подвергался палатализации: **нес-ти – нес-е-н-ъ** (**-а**, **-о**); **реш-ти – реч-е-н-ъ** (**-а**, **-о**); **въскрьс-нѫ-ти – въскрьс-е-н-ъ** (**-а**, **-о**); **двиг-нѫ-ти – движ-е-н-ъ** (**-а**, **-о**); **истръгнѫ-ти – истръж-е-н-ъ** (**-а**, **-о**);

– основы на [nǫ] (II класс) могли утрачивать этот суффикс, но в большинстве случаев он сохранялся в форме, отражающей чередование [-nǫ-] // [-nov-]: **отъри-нѫ-ти – отъри-нов-е-н-ъ** (**-а**, **-о**); **въдъх-нѫ-ти – въдъх-нов-е-н-ъ** (**-а**, **-о**);

– при присоединении суффикса *ĕn к основам IV класса на **-ити-** [*ī] переходит в [j] перед гласным, в результате чего предшествующий согласный подвергается палатализации (*rŏdī-ĕnŏs

(*rŏdī-ĕnŏs > *rŏdjĕnŭs > rožˇ’d’enъ): роди-ти – рожд-є-н-ъ (-а, -о); люби-ти – любл-ѥ-н-ъ (-а, -о).

– при помощи суффикса [-t-] причастия образовывались от большинства основ инфинитива на корневые -ѣ-, -ѧ- (из *oi̯ и *ĕn): пѣ-ти – пѣ-т-ъ (-а, -о); проклѧ-ти – проклѧ-т-ъ (-а, -о). Впрочем, иногда в памятниках XI в. встречаются образования типа битъ, забꙑтъ. От основы на согласный образования посредством суффикса [-t-] редки: отъвръстъ, оувѧстъ.

Страдательные причастия прошедшего времени склонялись по типу именных основ на *ŏ, если они согласовывались с существительным мужского и среднего рода, и по типу основ на *ā, если согласовывались с существительными женского рода; местоименные причастия склонялись, как полные прилагательные.

	вести (vedti > vesti)			хвалити			знати		
	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
Краткие формы									
И. п.	веденъ	ведено	ведена	хвалѥнъ	хвалѥно	хвалѥна	знанъ	знано	знана
Р. п.	ведена		веденꙑ	хвалѥна		хвалѥнꙑ	знана	знана	знанꙑ
Д. п.	веденоу		веденѣ	хвалѥноу		хвалѥнѣ	знаноу		знанѣ
	и т. д. по основам на *ŏ		и т. д. по основам на *ā	и т. д.					
Местоименные формы									
И. п.	веденꙑи (-нъи)	веденоѥ	веденаꙗ	хвалѥнꙑи	хвалѥноѥ	хвалѥнаꙗ	знанꙑи	знаноѥ	знанаꙗ
Р. п.	веденаѥго		веденꙑѩ	хвалѥнаѥго		хвалѥнꙑѩ	знанаѥго		знанꙑѩ
и т. д.									

Страдательные причастия прошедшего времени – это единственный разряд причастий, сохранившийся во всех славянских языках, причем не только в литературных языках, но и в просторечии, и в диалектах. Они сохранились во многих индоевропейских языках (ср. лат. ornatus, captus; нем. gemacht, gebracht и др.).

В разных языках распределение суффиксов по отношению к основе могло быть различным, один суффикс за счет другого мог приобретать бóльшую продуктивность: так, в литовском и латинском более продуктивным оказался суффикс [-t-], а в праславянском [-n-].

Дополнительная литература:

- *Кузнецов П. С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- *Кузнецов П. С.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
- *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1986.

Наречие

§ 163. Наречием называют неизменяемые слова, обозначающие, как и в современном русском языке, «признак признака», то есть характеризующие действие, состояние, качество.

В основном наречия представляют собой застывшие формы местоимений или имен (**горѣ, тъгда, вражесьскы**) в том виде, в каком они функционируют в качестве обстоятельств. Однако в старославянском языке была и группа слов, которые могут быть признаны собственно наречиями. Некоторые из них были древними (первичными) и не соотносились с формами других частей речи: **абие** («сразу же, тотчас»), **еще** («еще»), **неоу** («никогда, еще не»), **оуже (юже)**, **нынѣ** и др.

По происхождению остальные наречия соотносились с именами: **добрѣ** – «хорошо», **послѣдь** – «наконец», **грьчьскы** и т. д. и местоимениями: **къгда (когда)**, **тъгда (тогда)**, **сѣмо** – «сюда», **како, таче** – «потом» и др., т. е. были именными или местоименными. Некоторые наречия образовывались от глаголов: **дѣлѧ (дѣл-ити)**, **мимо (ми-нѫти)**, **дѣльма (дѣл-ити)** и т. д.

Местоименные наречия образовывались от основ местоимений **с- (с-ь)**, **т- (т-ъ)**, **он- (он-ъ)**, **ов- (ов-ъıн)**, **к- (к-ъто)**, **вьс- (вьс-ь)** и др. с помощью аффиксов и сохраняли в определенной мере значение производящей основы.

Наречия от основ других знаменательных слов могли образовываться аффиксальным способом (**рабьск-ы** и др.) или представляли собой застывшие формы изменяемых слов (**кротьцѣ, присьно** – «всегда», **добрѣ** – «хорошо», **доблѣ** – «храбро»).

Как и в современном русском языке, в старославянском известны наречия со значением места, времени, меры и образа действия.

Наречия со значением времени

Наречия со значением времени образуются от *местоименных* основ:

– с помощью суффикса -гда: вьсе-гда, ово-гда, овъ-гда – «сейчас, в это время»; ино-гда, ко-гда (къ-гда), оно-гда – «тогда»; происхождение этого суффикса приемлемого объяснения не имеет;

– с помощью суффиксов -ли, -ль, -лѣ образовывались наречия со значением меры времени: сели, селѣ – «в это время», толи (толь, толѣ) – «столь, столько времени», коли (коль, колѣ) – «сколько времени», ли (ль, лѣ) – «как много, сколько».

Наречия с этими суффиксами могут употребляться с предлогом: отъсели (отъселѣ) – «с этого времени», доселѣ – «до этого времени», дотолѣ – «до тех пор», отътолѣ – «с того времени», донели же – «до тех пор пока», отънели ж – «с тех пор как».

Со значением времени употребляются так называемые первичные наречия: абие – «вскоре, тотчас», кдъва, неоу – «еще не», еще, оуже и др., а также наречия, образованные от *других частей речи*: издѣтьска – «с детства, с детских лет», къ томоу – «впредь», последи – «в конце концов, наконец, после всего, после», оутрѣ – «завтра», присьно, зимѣ – «зимой», заоутра, полоу нощи (полъ – «половина»), полоу дьне.

Наречия со значением места

Наречия со значением места образовывались посредством суффиксов -де, -амо, -ждоу (-ждѣ).

Суффикс -де обозначал место совершения действия: сьде – «здесь», онъде – «там, далеко», инъде – «где-то», овъде – «здесь», къде – «где», иде – «где-то там», вьсьде – «везде».

Иде обычно использовалось как относительное слово со значением «где» для соединения предложений. В сочетании с предлогом оно могло употребляться во временном значении доиде же. Обозначая место совершения действия, не имело суффикса -де наречие тоу (ср. совр. русск. *тут*).

Образования с -амо (-ѣмо) и -ждоу (-ждѣ) обозначали направление движения и первоначально различались в своих частных значениях. Наречия с суффиксом -амо (-ѣмо) указывали на движение к говорящему или какому-либо объекту: **тамо** – «там», **сѣмо** – «сюда», **камо** – «куда», **вьсѣмо** – «во все стороны», **овамо** – «сюда», **инамо** – «в иное место», **ıамо** – «куда-то».

Наречия с суффиксом -ждоу (-ждѣ) обозначали действие, направленное от говорящего или какого-либо объекта: **овждоу** – «отсюда», **тждоу** – «туда». Позднее под влиянием именных конструкций с предлогом **отъ** образования с -ждоу (-ждѣ) стали тоже употребляться с этим предлогом, а в беспредложном употреблении стали указывать на движение по направлению к объекту, как и наречия с суффиксом -амо (-ѣмо): **сѣмо** – «сюда»; **сждоу**, **сждѣ** – «сюда» (вероятно, первоначально «отсюда»). С другой стороны, **тамо** – «там», **тждоу**, **тждѣ** – «оттуда», с предлогом **отъ**: **отъ тждѣ** – «оттуда», **онамо** – «туда, далеко», **инждоу** – «оттуда, издалека», **овамо** – «сюда», **овждоу** – «отсюда», **инамо** – «в иное место», **инждоу** – «из иного места».

Суффикс -ждоу можно встретить в наречных образованиях не только от местоименных, но и именных основ: **обоюждоу** (ср. **оба**, **обою**) – «с обеих сторон», **въньждоу** – «извне» (**вънъ** – «вон», **вънѣ** – «вне, снаружи»).

Наречия со значением места действия могли пополняться за счет форм местного падежа: **долѣ**, **долоу** – «вниз», **кромѣ** – «на краю», **(по)срѣдѣ** – «посредине». Формой местного падежа двойственного числа является наречие **междоу** (от **межда** – «межа»).

Наречия, обозначающие направление, могли пополняться за счет форм дательного падежа (без предлога или с предлогом): **долоу** – «долой, прочь», **домови** – «домой», **горѣ** – «вверх».

Суффиксы -ждоу и -де по происхождению являются индоевропейскими.

Наречия со значением меры и образа действия

От наречий, обозначавших меру времени, с помощью суффиксов -ма или -ми образовывались наречия с более широким значением

меры: тольма, тольми – «столько, настолько», кольма, кольми – «сколько, насколько», ѥльма, ѥльми – «сколько, насколько», вьсьма – «в большой степени, очень». Наречие ѥльма (ѥльми) часто используется в качестве относительного слова.

Суффиксы -ма, -ми характеризуют также группу наречий, образованных от имен существительных и прилагательных: полъма – «пополам, надвое», ноудьма – «насильно» (ср. ноужда из *nōudjā), радьма – «ради» (ср. радъ), вельми – «очень» (ср. велии – сравнительная степень прилагательного).

Происхождение этих образований связывают с формами творительного падежа двойственного (-ма) или множественного (-ми) числа.

К наречиям меры (или количественным), отвечающим на вопросы «Сколько?», «В какой мере?», относятся также наречия с суффиксами -жды: ѥдиножды, мъногажды, а также наречия ѥдино, на мънозѣ, въмалѣ.

Наречия со значением образа действия включают в себя суффиксы -ако, -аче, представляя при этом застывшие формы прилагательных среднего рода, образованных от местоименной основы с названными суффиксами: тако – «так», таче – «потом», како – «как», вьсꙗко – «по-разному», ꙗко – «как, вот». Известны наречия, образованные от других именных основ с помощью тех же суффиксов: ѥдинако – «одним способом, тем же образом», ѥдиначе – «еще, еще раз», обоꙗко – «обоими способами».

Очень распространены наречия, образованные от имен прилагательных посредством суффиксов -о, -ѣ: просто, простѣ; быстро, быстрѣ; кротъко, кротъцѣ, где -о по происхождению – окончание среднего рода, а -ѣ – окончание местного падежа. Различий в значении у наречий на -о и -ѣ не было, хотя чаще встречаются наречия в форме на -о, некоторые из них в форме на -ѣ вообще не зафиксированы: ѕѣло – «очень», присьно – «всегда, постоянно», ꙗдро – «быстро». С другой стороны, в старославянском языке были наречия, которые употреблялись только с аффиксом -ѣ: зълѣ – «зло, сердито», поздѣ – «поздно» и др.

Как и прилагательные, такие наречия могли иметь формы сравнительной степени: выше, скорѣѥ и др.

От прилагательных с суффиксом -ьск- наречия образовывались с помощью аффикса -ы: рабьскы, вражьскы и др. По происхождению эти наречия представляют собой форму творительного падежа мн. числа относительных прилагательных.

Достаточно большую группу составляют наречия, образованные от имен существительных и прилагательных посредством аффикса -ь: правь – «истинно», прѣпрость – «очень просто, простодушно», различь – «различно». Эти наречия представляют собой, вероятно, застывшую форму винительного падежа древнего имени склонения на *-ĭ.

Некоторые старославянские наречия образа действия представляют собой косвенные падежи имен, вышедших из употребления или употреблявшихся только в функции прилагательного: беспрѣстани – «непрерывно, беспрерывно», въсоуе – «напрасно», искони – «с самого начала». Наречия образа действия могут быть связаны с формами творительного падежа единственного числа имен: въторицеѭ – «дважды», сторицеѭ – «стократно, многократно», трикраты – «трижды, троекратно». Одной из своеобразных особенностей старославянского языка являлась возможность употребления наречий с предлогами: отътждоу, донынѣ.

Дополнительная литература:

- *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1986.

Предлог

§ 164. Предлог – это служебная часть речи, оформляющая различные отношения существительного к другим словам в предложении. Предлоги могли выражать пространственные отношения: къ, изъ, въ, до и др.; временные: прѣжде, причинные: ради, дѣля. Они могут быть многозначными: съ передает значение удаления (съ горы, съ села), выражает идею совместности (съ ними, съ вами) и указывает на обстоятельства, сопровождающие действие (съ гнѣвомь).

Старославянский язык унаследовал ряд древних индоевропейских предлогов. В праславянском языке число предлогов увеличилось за счет новых образований прежде всего на основе наречий, но также и за счет предлогов, образовавшихся из других частей речи. Эти предлоги называют первичными, предлоги, образовавшиеся в старославянском языке (также на базе наречий), – новыми.

Некоторые первичные предлоги употреблялись в основном как приставки: **въз** (по происхождению из *ŭz-; перед начальным *ŭ развивался протетический *u̯, *u̯ŭz изменялось в **въз**, где [v] из *u̯, [ъ] – из *ŭ): **въздати, въздрастъ, възлежати, въсхотѣти, въсхыщати, възвратитисѧ** и др. В некоторых старославянских памятниках (Зогр., Мар., Ассем. ев.) **въз** употреблялся в функции предлога со значением замещения одного другим; **про-** (из *prŏ-) со значением движения, направленности вперед (**пробости, прокопати, протесати полъма** – рассекать на две части); **прѣ-** (из *pĕr-) со значением «очень» (**прѣдобрѣ**) или со значением прохождения через что-либо (**прѣстоупити, прѣдѣлъ** – «граница»); **раз-** (из *ŏrz-) употребляется в значении «в разные стороны»: **распѫтик** – «распутье, скрещивание дорог», **разити** – «рассеивать, разбрасывать, отделять одно от другого», **расточити** – «рассеивать», **раширити** – «расширять», **распѧти** – «растянуть» и т. д.

Многие первичные предлоги могли употребляться в качестве как предлогов (с именами), так и приставок (с глаголами). Так, **без (бес)** и в качестве предлога, и в качестве приставки употребляется со значением отрицания: **безотьчьство** – «бесстыдство, подлость»; **бестоудьнъ** – «бесстыдный, наглый»; **бес порока** – «без ошибок». **Въ(н)** – по происхождению из *ŭn (перед начальным *ŭ развивалось протетическое *u̯ –*u̯ŭn-, которое изменялось в **вън-** со значением «внутрь, внутри»): **вънити** – «войти» (**въ храминѫ**). **До** – со значением «движение в определенном направлении»: **до връхоу, донести. Из (ис)** со значением «движения изнутри» (по происхождению, вероятно, из *ĭz, перед которым развивался протетический *i̯:

*jĭz > jьz > ст.-сл. из): исходити – «выходить», исходище – «проход, выход, путь», ишьдъше (is-š'ьd-) – «вышедшие», ис храма. Такими же были предлоги за: запѧти, за оуздѫ; на: наслѣдик, наимьникъ, иде на странѫ далече, на селѣ; о (об): обити – «окружить», оглашати – «наставлять, учить»; о деснѫѭ странѫ; отъ: отъпоустити, отъставити – «удалить, изгнать», отъшьльць – «отшельник», отъ храма; по: подроугъ – «спутник», посъланик – «выполнение поручения», поѩти – «взять», поѩти женѫ – «жениться», по главѣ.

Предлог къ (из *kŭn) использовался только в качестве предлога и никогда в качестве приставки.

При помощи аффикса -дъ в праславянском языке были образованы предлоги надъ, подъ, прѣдъ, ставшие общеславянскими.

В исторический период число предлогов увеличилось: в их функции стали употребляться наречия близъ, врьхъ, противѫ, кромѣ, посрѣдѣ, развѣ, междоу, прѣждѣ, вълѣсто и др.

В старославянском языке предлоги в основном управляют теми же падежами, что и в русском языке, однако в их использовании наблюдаются некоторые особенности: надъ и прѣдъ, например, могут управлять винительным падежом (придѣ надъ него, прѣдъ ц҃рѩ) и творительным (надъ воеводы и ц҃ри). Кроме того, предлоги могут использоваться в иных, чем в современном русском языке, значениях: о – в значении «в» (о малѣ былъ еси вѣрьнъ), «за» (о воскрьсении мрьтвыихъ азъ сѫждъ приемлѭ), «с» (о надеждѣ дльженъ есть ораи орати), он указывал также на предел распространения действия (приде объ онъ полъ иордана); за – в значении «от», «мимо» (иди за мъноѭ сатано); по – в значении «за» (градитa по мьнѣ), «после» (по трьхъ дьньхъ въстанѫ) и т. д.

Союз и частица

§ 165. В индоевропейском языке не было различий между союзами и частицами: эти служебные слова могли служить как для соединения слов и предложений, так и для выражения различных смысловых оттенков. Однако если они выступали в функции сою-

зов, то находились в начале предложения, если же в функции частицы, то они занимали позицию после знаменательного слова.

В старославянском языке, вероятно, мы находим ранний этап дифференциации и специализации этих служебных слов.

Наиболее употребительными были союзы-частицы **и** (со значением «тоже», «также»), **а**, **нъ** (но), **да**. **И** употреблялся для соединения слов в предложении и предложений: **сего ради мы длъжны трьпѣти и сънидє дъждь и приидѫ рєкы**. **А** выступал в качестве соединительного союза со значением противопоставления, в сочетании с **ли** (**а** + **ли**) значение противопоставления усиливалось, появлялся оттенок недоумения, вопроса: **инъı съпасе али себе не можетъ съпасти** (Зогр. ев., Мар. ев.); в Ассеманиевом евангелии оттенок недоумения усиливается: **а себе ли не можетъ съпасти**. Для более сильного противопоставления используется **нъ** (но). **Да** может употребляться как для выражения согласия, подтверждения (ср. современное «да»), так и для передачи значения пожелания, распоряжения в сочетании с презентной формой глагола совершенного или несовершенного вида (конструкция «**да** + презентная форма»), а также для оформления значения цели (**изиде сѣѩи да сѣетъ**).

Наиболее используемыми частицами в старославянском языке являются **бо**, **же**, **ли**, **не**. **Бо** обычно использовалась для выражения причинных отношений. **Же** соединяла предложения, выделяла какое-либо слово в предложении, использовалась для усиления наречий, местоимений, союзов и других частиц, образуя вместе с ними новые служебные слова (**неже**, **не-же-ли**, **да-же**), усиливала значение знаменательных слов (**никъто же**), возвращала внимание читателя или слушателя к началу повествования. **Ли** – вопросительная частица; в соединении с **и** (**и-ли**) она образовывала разделительный союз, в сочетании с **а** (**а-ли**) усиливалось противопоставление с оттенком вопроса. **Не** – главная отрицательная частица; в сочетании с **же** (**не-же**) возникал союз со значением сравнения, противопоставления.

Древними славянскими новообразованиями были условные союзы аще и еда, в роли союзных слов использовались наречия ꙗко, кгда, кли, кльми, коли, прѣжде, любо и др.

Дополнительная литература:

- *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. М., 1951.
- *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1986.

СИНТАКСИС

Порядок слов в предложении

§ 166. Для старославянского языка характерен свободный порядок слов. Однако подлежащее, как правило, занимает место перед сказуемым, и этот порядок меняется только в том случае, если необходимо выделить член предложения, несущий основную смысловую нагрузку. Слова, поясняющие главные члены предложения, следуют за ними: **чл҃вкъ единъ сътвори вечерѭ великѫ и зъва мъногы; по приключаю же иереи единъ съхождааше пѫтемь тѣмь** (Мар. ев.). Согласованные определения, как правило, ставились после определяемого слова: **рече къ матери своеи; вьсѣкъ оубо слышитъ словеса моѣ и творитъ ѣ** (Мар. ев.); **обрѧщета жрѣбьць привѧзанъ; чл҃къ етеръ бѣ богатъ** (Зогр. ев.); **сбираѭтъ же брѣмена тѧжъка** (Мар. ев.).

Примером свободного порядка слов может служить употребление согласованных определений: хотя в основном определение находится после определяемого слова, оно может стоять и перед ним. С одной стороны: **ре҃ч г҃ъ притъчѫ сиѭ** (Лист. Унд.); **подобьно естъ ц҃рствие н҃бсное чл҃коу ц҃рю** (Сав. кн.); с другой: **и придѫ пьсъıѧ моухы** (Син. пс.); **сътвори своѭ храминѫ на пѣсцѣ** (Сав. кн.).

Согласование

§ 167. Согласование – такая связь прилагательного, местоимения, причастия с существительным в качестве определяемого слова, когда согласуемое имя получает форму того же рода, числа и падежа, что и определяемое слово: **къ матери своеи, словеса моѣ (моꙗ)** (Мар. ев.).

С существительными согласовывались счетные слова, обозначающие числа 1, 2, 3, 4: **ѥдинъ чл҃къ, дъвѣ нозѣ, дъвѣма господинома, триѥ хлѣбы** и т. д.

При существительных типа **слоуга, воѥвода**, обозначающих лиц мужского пола, но имеющих окончания женского рода, в

единственном числе определяющие слова ставились в форме мужского рода (**слоуга мои**), во множественном числе – чаще в форме женского рода, но возможны и окончания мужского рода (**слоугы моѩ и слоугы мои**).

В случае сочетания сказуемого, выраженного формой перфекта, плюсквамперфекта, сослагательного наклонения, т. е. сложной глагольной формой, с именем, выступающим в функции подлежащего, согласуется в роде и числе причастие на -л-: **сѫсѣди и ѥго же и бѣахѫ видѣли** (**сѫсѣди – видѣли** согласуются в роде и числе); **аще би вѣдѣлъ г҃нъ храма въкоѭ стражѫ тать придетъ бьдѣлъ оубо би и не би оставилъ подърыти храма своѥго** (**господинъ – вѣдѣлъ... бьдѣлъ... оставилъ**) (Мар. ев.). В то же время формы вспомогательного глагола согласуются с подлежащим только в числе.

Если же сказуемое, которое выражено глаголом в форме настоящего, будущего времени, аориста или имперфекта, согласуется с подлежащим, выраженным именем, возможно согласование только в числе: **ї дѣвъ... ізидошѧ противѫ жениxоу и невѣсте** (Зогр. ев.); **чл҃къ єдинъ съхождааше отъ и҃ема въ є҃рихѫ** (Мар. ев.); **чл҃къ єдинъ сътвори вечерѭ; и не можетъ съвръшити** (Мар. ев.).

Именная часть сказуемого употребляется в форме именительного падежа, согласуясь с подлежащим: **прѣждѣ ꙗко слѣпъ бѣ; блаженыи григории черноризецъ бѣ** (ср. совр. русск.: *был черноризцем*); **чл҃къ єдинъ бѣ богатъ** (Мар. ев.); **бѣ гладъ крѣпъкъ на странѣ тои** (Остр. ев.); **с҃нъ мои мрьтвъ бѣ и оживе изгыблъ и обрѣте сѧ** (Остр. ев.). Такую форму именной части сказуемого называют именительным предикативным.

Формы творительного предикативного, характерного для современного русского языка, встречаются только в поздних памятниках: **дѣвоѭ бо бѣ єва** (Супр. рук.).

Особым случаем является согласование с собирательными существительными, которые обозначают множество, но грамматически характеризуются формой единственного числа. При собирательных существительных, обозначающих предметы, зависимые сло-

ва употреблялись обычно в единственном числе, совпадая с формой имени (**взиде трьник** – при собирательном существительном **трьник** находится сказуемое в форме единственного числа: **взиде** – аорист 3-го лица единственного числа). Но при собирательных существительных, обозначающих множество лиц, зависимые слова употребляются обычно в форме множественного числа: **вьсь градъ** (ед. ч.) ... **молиша**, где **молиша** – аорист в форме 3-го лица множественного числа; **народъ** (ед. ч.) **идоша** (мн. ч.). Это называется согласованием «по смыслу».

Конструкции с двойными падежами

§ 168. Конструкции с двойными падежами – важная особенность старославянского языка. Они употреблялись при глаголах, обозначавших переход в новое состояние, при этом имя непосредственно управлялось глаголом и указывало на состояние, в которое переходит лицо или объект, на которое распространяется действие.

Конструкция «второй винительный» состоит из двух имен в форме винительного падежа, первое из которых («первый винительный») закономерно употреблено при переходном глаголе (прямое дополнение); второе имя, которое раскрывает содержание действия глагола, согласовано с первым в падеже («второй винительный»): **сътворѭ ва ловьца чловѣкомъ** (Зогр. ев.).

В старославянском языке в качестве «второго винительного» широко представлены причастия и прилагательные: **обрѣте и... сѣдѧщь** – «увидел его сидящим» (Ассем. ев.); **обрѣте и съдравъ** – «нашел его здоровым».

Кроме конструкции со «вторым винительным», старославянскому языку известны конструкции со «вторым родительным» (это тот же «второй винительный», но в отрицательной конструкции: **юже не глѭ васъ рабъ** – «не называю вас рабами», Мар. ев.) и «вторым дательным» (**подобаатъ юмоу оубьюноу быти** – «должно ему быть убитым», Мар. ев.).

Выражение сказуемого

§ 169. В старославянском языке сказуемое могло быть глагольным и именным.

Глагольное сказуемое могло быть простым (**вьсѣкъ бо слышитъ словеса моѣ**, Мар. ев.) и составным (**не могѫ въстати дати тебѣ, чл҃къ нач'ѧтъ зъдати, а не може съврьшити**, Мар. ев.; **и нач'ѧтъ кричати**, Супр. рук.). Однако составные сказуемые нельзя смешивать со сложными глагольными формами: будущим временем и перфектом, плюсквамперфектом, сослагательным наклонением.

В именном составном сказуемом именная часть могла быть выражена существительным (**блаженъıи григории чрьноризьць бѣ**, Супр. рук.), прилагательным (**да бѫдетъ... чисто**, Мар. ев.; **чл҃къ етеръ бѣ богатъ**, Зогр. ев), причастием (**да не приѩтъ бѫдетъ въ своѥ от'ч҃ство**, Син. треб.; **да видимъı бѫдѫтъ чл҃вкъı въ своѥ**, Мар. ев.), причем не только страдательным, но и действительным.

Связка **бъıти** в форме настоящего времени в сочетании с именем может указывать как на действие (состояние), совпадающее с моментом речи, так и на действие вневременное, вечное. В последнем случае глагол-связка, как правило, не употребляется.

Средства связи в старославянском предложении

Отрицание

§ 170. Средством отрицания в старославянском предложении является частица **не**. Она употребляется в общеотрицательных предложениях перед глаголом-сказуемым (**сеи не изгонитъ бѣсъı**). Результатом слияния частицы **не** с формами настоящего времени глагола **бъıти** являются формы **нѣстъ** из **не естъ**, **нѣсмь** из **не есмь** (**нѣсмь достоинъ нарещисѧ съıнъ твои** и под.). Использование инфинитива с частицей **не** при глаголе в личной форме придает предложению общеотрицательный смысл (**кто вамъ возбрани не покорѧтисѧ истинѣ**). Двойное отрица-

ние придает предложению утвердительное значение (**не возможно есть не прити** и под.).

Отрицание **не** может стоять также перед любым знаменательным словом, на которое падает логическое ударение (**не моѧ волѧ но твоѧ; не нашоу оубо пасхоу хотѣахоу оученици оуготовати** и под.).

В этих предложениях отрицается не само действие или состояние, а сопутствующие им обстоятельства, частные моменты.

Для усиления отрицания используется частица **ни**, являющаяся отрицательным вариантом союза-частицы **и**. При отрицании **не**, стоящем перед глаголом, частица **ни** употребляется лишь перед словами, на которые падает логическое ударение (**никомоу же ничьто же не рци; никако же не врѣди его; не хотѣаше ни очию възвести на небо** и под.). При глаголе частица **ни** употребляется лишь в том случае, если в предложении находятся однородные сказуемые, причем использование **ни** вместо **не** возможно перед вторым глаголом-сказуемым (**не сѣють ни жноуть**).

Если глагол употреблен с отрицательной частицей **не**, однородные члены предложения, *следующие за глаголом*, употребляются с усилительно-отрицательной частицей **ни**, причем перед первым однородным членом **ни** может быть опущено (**не стѧжите злата ни мѣди; не остависѧ д҃ша его во адѣ ни плоть его** и др.). Если же глагол *следует* за словом, употребленным с частицей **ни**, **не** перед глаголом может отсутствовать (**и никто же емоу можааше отвѣщати слово**; ср. совр. русск. *никто не мог*). Однако если глагол окажется *перед словом* с частицей **ни**, то перед глаголом обязательно употребление отрицательной частицы (**не можаше никъто отвѣщати; не хотѣаше ни очию възвести**), при этом **ни** приобретает значение «даже», «даже и»: **ꙗко не мощи имъ ни хлѣба ꙗсти** и под.

Повторяющаяся частица **ни** (**ни... ни**) может быть употреблена при существительных, местоимениях, наречиях, глаголах точно так же, как неповторяющаяся. Кроме того, **ни** может быть использовано в качестве отрицания «нет», например в предложении: **ѡнъ же рече ни** (Лист. Унд.).

Отрицательные местоимения (**никъто же, ничьто же** и др.), наречия (**никогда же, инъдеже** и др.) и числительное **ни кдинъ (же)** употребляются в предложении так же, как слова с частицей **ни**: если сказумое *предшествует* им, то отрицательная частица **не** при глаголе употребляется (**не исходилъ рабъ твои никамо же**); если же сказуемое *следует* за этими словами, то оно употребляется без **не** (**и мънѣ николи же далъ кси козлѧте**, Ассем. ев., Зогр. ев.).

Отсутствие второго отрицания (**никъто же можетъ**) – индоевропейское явление. Наличие же двух отрицательных частиц – это славянское новообразование: **и никъто же не дааше кмоу; мънѣ николи же не далъ кси козьлѧте** (Остр. ев.).

Конструкции, оформляющие временные отношения

Употребление конструкции «дательный самостоятельный»

§ 171. А. А. Потебня, имея в виду способность причастий указывать на побочные, второстепенные действия, считал, что они выступают в функции второстепенного сказуемого. На такое употребление причастия оказали влияние греческие оригиналы переводов; история развития кратких причастий привела к образованию деепричастий, называющих второстепенное, сопровождающее действие.

Устойчивым средством оформления временных отношений в старославянском языке является конструкция «дательный самостоятельный» (ДС), представляющая собой сочетание существительного или местоимения в форме дательного падежа с причастием в той же форме: **бывшоу же гласоу семоу сънидесѧ народъ и съмѧтесѧ** («когда же раздался этот глас...»); **идѹщимъ же имь кѹпитъ приде женихъ** («когда же они пошли купить [масло для светильника], пришел жених»); **и сѣдшѹ емѹ. приступишѧ къ немоу оученици его** («и когда он сел...») и под. Основная сфера употребления ДС в прошлом – памятники старославянской и церковнославянской письменности, в связи с чем ДС исследователи считают синтаксическим старославянизмом,

одним из элементов высокого стиля изложения. Дательный самостоятельный обычно переводится придаточным предложением времени (см. выше), но может приобретать и дополнительные оттенки значения: **моудацію же женихоу въздрѣмашѧ сѧ вьсѧ** («поскольку [так как] жених опаздывал, все заснули» – значение причины, Зогр. ев.); причинно-временное значение находим в следующем примере: **и въшьдъши дъщери еѩ иродѣиѣдѣ ї плѧсавъши и оугодъши иродови... рече ц҃срь дѣвици проси оу мене емоу же аще хощеши** (Мар. ев.). Можно предположить использование ДС в функции самостоятельного предложения в следующем случае: **и приключьшю сѧ дьни потрѣбьноу егда иродъ рождьствоу своемоу вечерѭ творѣаше** («и наступил день, когда Ирод устроил пир по случаю своего дня рождения», Мар. ев.); **не имѫщоу же емоу чесо въздати повелѣ господь юго да продадѧтъ** («так как у него не было... велел хозяин его продать...» – значение причины, Ассем. ев.).

Однако основным значением ДС было значение времени: **ї҆дѫщамъ имъ коупитъ приде женихъ** (Зогр. ев.); **вечероу же бывъшю г҃ла г҃нъ къ приставьникоу своюмоу** (Мар. ев.); **иждивъшоу же юмоу вьса бысть гладъ крепъкъ на странѣ тои** (Остр. ев.) и т. д.

Особенностью оформления ДС было то, что в ДС и примыкающей к нему части текста были разные субъекты. Позже (в старославянских, а особенно в церковнославянских памятниках) это перестало быть правилом: **строужемоу юмоу възъпи** («когда с него сдирали кожу, он закричал» – действие относится к одному субъекту; Супр. рук.).

Обращаясь к вопросу о происхождении ДС, нужно исходить из того, что старославянский синтаксис создавался и развивался под непосредственным влиянием греческого синтаксиса. В связи с этим можно было бы предположить, что старославянский ДС полностью соответствовал греческому родительному самостоятельному (РС) и представлял собой простую его замену.

Однако история языка книжно-славянской письменности обнаруживает, что, будучи введен в область церковнославянской

письменности, ДС, продолжая использоваться в функции греческого РС, расширил сферу своего употребления и стал явлением оригинальным. Анализ текстов обнаружил, что греческий РС всегда переводится ДС, но не всегда, даже в ранних произведениях, дательному самостоятельному соответствует в греческом родительный самостоятельный: ДС мог употребляться вместо обычного дательного падежа в греческом, вместо винительного падежа с предлогом εν и под.

В отличие от греческого РС дательный самостоятельный в церковнославянском мог употребляться и тогда, когда субъект действия в нем совпадал с субъектом действия остальной части предложения. Самой своеобразной чертой старославянского языка в истории ДС было то, что он знал употребление, которое действительно можно назвать независимым: в качестве самостоятельного предложения, главного предложения сложноподчиненных предложений и в составе сложносочиненных предложений. В первых двух случаях в греческом им соответствует простое предложение, субъект которого обозначен существительным в именительном падеже: с҃лнцꙋ помрькшꙋ (в греч. ἐσκότισεν ὁ ἥλιος). В случаях же, когда ДС предшествует сочинительному союзу, подчас трудно определить, выступает он в функции части сложносочиненного предложения или замещает придаточное.

Чаще всего ДС, как уже отмечалось, употребляется в функции придаточного предложения времени. ДС, использующийся в функции придаточного условного, встречается редко. ДС в функции уступительных предложений редок и, как правило, толкуется двояко: начєнъшю же ємоу сътѧзати о словеси привѣсѧ ємоу длъжьникъ єдинъ – «когда он начал...» («так как он начал...»). Он может употребляться со значением причины. При такой многозначности конструкции в ряде случаев точный смысл определяется лишь с помощью контекста. Появляется необходимость введения формальных признаков, позволяющих определить его значение: в греческом языке для этого вводились частицы, указывающие на значение конструкции, а в старославянском, а особенно позже – в церковнославянском появился новый тип

ДС – ДС с союзами: известна конструкция ДС с союзами времени (**и ѥгда семоу бываѥмоу**), причины (**понеже же ѥмоу бывъшю... ꙗко никомоу же възбранѧющю имъ...**), условия (**аще**), следствия (**ꙗко**) и т. д.

Дательный самостоятельный часто употребляется для ввода прямой речи, этой конструкцией нередко выделяется косвенная речь: **гл҃аше нѣкъто старець ꙗко нѣкогда сѣдѧщю ми въ клѣти моеи... видѣхъ... отрока** (Син. пс.) и др. Часто ДС используется для указания на врсмя и временные обстоятельства совершения описываемого, а также для подчеркивания исходящего от Бога: **оутроу свитающѹ, оутроу же бывъшю, ста и҃исъ при брѣзѣ; богоу изволь шоу, богоу попоустивъшю** и др.

Если действия ДС и остальной части предложения одновременны, то действительное причастие в ДС обычно стоит в форме настоящего времени; если действие, реализованное в конструкции ДС, предшествует действию главного предложения, то действительное причастие ДС стоит обычно в форме прошедшего времени.

Дательный самостоятельный может состоять из причастия в форме дательного падежа и наречия: **поздѣ же бывъшю... приде и҃исъ; поздѣ же бывъшю пристѫпишѧ къ немоу оученици** (Мар. ев.). Иногда в конструкции опускается существительное или местоимение в форме дательного падежа, если субъект действия легко восстанавливается по контексту или о нем уже шла речь: **се ізиде сѣꙗі да сѣетъ... сѣѭщꙇюмоу ова падошѧ при пѫти** (Зогр. ев.).

Временными конструкциями, синонимичными ДС, являются придаточные предложения, присоединенные к главному посредством союза **ѥгда**. Они широко используются в старославянском языке, а также в позднейших церковнославянских книгах, в которых конструкции ДС с союзом **ѥгда** и ДС являются синонимами: **да не ѥгда положитъ основаниѣ и не можетъ съвръшити въси видѧщеи начънѫтъ рѫгати сѧ ѥмоу; егда же възврати примъ ц҃рствие** (Мар. ев.); **егда же прозѧбе трава и плодъ сътвори тогда и ꙗвисѧ плѣвелъ** (Лист. Унд.); **и егда же приде врѣмѧ емати е посъла рабы своꙗ къ дѣлателемъ** (Сав. кн.).

Для оформления временных отношений используются также союзы доньдеже («пока, пока не»), ѿнелѣже («с тех пор»), донелѣже («до тех пор, пока не»), еда и др.: и въсади и въ темьницѫ доньдеже въздастъ емоу дльгъ вьсь; и прогнѣвавъ сѧ господь его прѣдастъ и мѫчителемъ доньдеже въздастъ дльгъ вьсь (Ассем. ев., Сав. кн.); г҃и остави ї се лѣто доньдеже ѭ окопаѭ окрьстъ (Зогр. ев.); онъ же рече ни еда въстрьзаѭще плѣвелꙑ въстрьгнете и съ ними пъшеницѫ (Лист. Унд.) и т. д.

Конструкции, оформляющие целевые отношения

§ 172. Для передачи значения цели в старославянском языке используется конструкция «да + презентная форма», достаточно популярная в языке литературно-книжных памятников и составляющая около 20% всех употреблений презентных форм: ї рече да пригласѧтъ емоу рабꙑ тꙑ имъ же дастъ сьребро да оувѣстъ како коупльѭ сѫтъ сътворили (Мар. ев.); молѭ тѧ ч҃лче б҃жии помилоуи мѧ и приими да не бѫдѫ звѣрьми изѣдена (Супр. рук.); мол҃ѭ ти сѧ мажи ми срьдце на дльзѣ да ми прѣстанетъ одрьжащиꙗ мѧ болѣзнь (Супр. рук.) и др. Подобные примеры можно найти и в церковнославянских памятниках: придѣте оубо да и азъ о вас д҃вдьскыѧ въспою г҃лы (Усп. сб.); грѣховъ отпоусть испроси к богоу молитвам да избавить ны отъ моуки (Усп. сб.).

Используются также конструкции «да + форма сослагательного наклонения»: проси Мефодиꙗ бл҃женаго оучит҃л нашего да бꙑ и емоу отпоустилъ (Усп. сб.); «ꙗко + инфинитив»: да и ставльше въ водоу привѧжоуть ю близъ колесе оу кроуга ꙗко досѧзати стъпицамъ колеснъимь пазоухоу еѧ (Усп. сб.); «ꙗко + презентная форма»: въ адъ идѣмъ ꙗко да видимъ (Супр. рук.).

Различная частота употребления сослагательного наклонения и конструкций «да + презентная форма глагола», по-видимому, определялась характером соотнесения этих форм книжно-славянского языка с системой живой славянской речи эпохи первых переводов. Конструкция «да + презентная форма» и поныне со-

хранилась в языках южных славян. В болгарском языке подобная конструкция, служащая для выражения цели, образуется сочетанием презентной формы глагола совершенного вида и модального союза да. В сербскохорватском языке конструкции этого типа функционируют в целевом значении наряду с инфинитивом. Формы же сослагательного наклонения в современных южнославянских языках в целевом значении не используются.

Конструкции, оформляющие условные отношения

§ 173. Употребление условных конструкций характерно главным образом для текстов, определяющих правовые нормы. Условные синтаксические конструкции являются важнейшим, основным структурным элементом такого документа. В главной, обусловленной, части условных конструкций обычно обозначена какая-либо обязательная норма поведения, необходимая при наличии условия, названного в придаточном предложении. Необходимость охарактеризовать «обусловленные» нормы поведения делает условную конструкцию обязательным элементом изложения договоров, законов, правил святых отцов.

В повествовательных текстах условные конструкции не имеют широкого распространения.

Особое место с точки зрения использования условных конструкций занимают книги поучений, являющиеся сборниками строгих нравственно-религиозных правил, которым необходимо следовать читателям и слушателям. По существу, это сборники социально-нравственных и религиозно-нравственных законов для тех, к кому обращена страстная речь поучений. Это сближает тексты, приобретающие характер свода нравственных наставлений, со структурой законодательных и договорных грамот: как и в грамотах, в них распространены формулы, позволяющие обозначить условие, выполнение которого является обязательным для соответствия нормам поведения, жизни, признаваемым образцовыми, достойными подражания. В отличие от оформления юридического правила в поучении частым и практически обязательным является обозначение цели, во имя которой необходимо

соблюдение предлагаемых установлений, определяются условия, при которых следует осуществлять необходимые деяния для достижения означенной цели.

В деловой письменности и повествовательно-проповеднической условные конструкции обладают разной степенью императивности: в языке деловой письменности в главном предложении преобладает инфинитив, несущий в себе значение строгой и неоспоримой необходимости. Не обладая законодательной, распорядительной силой в поучениях и повествовательной литературе, условные конструкции, как правило, в главной части не имеют инфинитива, чаще используются презентная форма и императив. В целом конструкции с презентной формой в главном предложении используются в основном там, где констатируются истины, следование которым необходимо при соблюдении определенных условий, тогда как в конструкции с повелительной формой глагола преобладает тон совета, иногда – мягкой рекомендации. Таким образом, эти условные конструкции отличаются характером императивности: **аще ли бѫде(т) недобрѣ покаал(сѧ) тода не приѩтъ бѫде(т) въ свою отьчьство** (Син. треб.); **и аще юстъ имѣѩ да подастъ цр҃квѣ** (Син. треб.); **аще кто разбои сътвори не хотѧ .д҃. лѣ҃т да покаетсѧ** (Син. треб.: **ѕаповѣди ст҃ыхъ ѿць**), см. там же: **аще которы простъ людинъ вражъдѫ имы оударитъ ч҃лка… денъ да покаетъсѧ; аще кто дроуга своего оупоитъ до рѫга да постите сѧ оба .ж҃. дьнеи** (Син. треб.) и т. д.

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ[16]

Зографское евангелие

I

15. Поздѣ же бывъшю. пристѫпишѧ къ н҃емоу. оученици его гл҃ѭще. поусто естъ мѣсто. і година минѫ юже. отъпоусти народы. да шьдъше въ ближьнѧѩ градьцѧ. коупѧтъ брашьна себѣ. 16. і҃с же рече імъ. не трѣбоуѭтъ отити. дадите імъ вы ѣсти. 17. они же гл҃ашѧ емоу. не імамъ сьде. тъкмо. д҃. хлѣбъ і. в҃. рыбѣ. 18. онъ же рече. принесѣте ми ѩ сѣмо. 19. і повелѣвъ народомъ възлещи на трѣвѣ. і прімъ. д҃. хлѣбъ. в҃. рыбѣ. възърѣвъ на н҃бо бл҃гви. і прѣломь хлѣбы. дастъ оученикомъ. оученици же народомъ. 20. і ѣшѧ в'си і насытишѧ сѧ. і възѧшѧ ізбытъкы оукроухъ. в҃і. коша іспл҃ънъ. 21. ѣдъшіхъ же бѣаше мѫжь. пѧть тысѧщь. развѣ женъ і дѣтіі. 22. і абие оубѣди оученикы вълѣсти въ корабь. і варити і на ономь полоу доньдеже отъпоуститъ народы. ко҃н. 23. і отпоущь народы вьзиде на горѫ помолитъ сѧ. поздѣ же бывъшю единъ бѣ тоу. 24. корабь же бѣ по срѣдѣ морѣ вълаѩ сѧ вльнами. бѣ противьнъ вѣтръ. 25. въ четврътѫѭ же стражѫ нощи. іде къ н҃имъ і҃с. ходѧ по морю. 26. і видѣвъше и оученици ходѧщь по морю. съмѧтошѧ сѧ гл҃ѭще. ѣко призракъ естъ. і отъ страха възъпишѧ. 27. абие же рече імъ і҃с гл҃ѧ. дрьзаите азъ есмь не боіте сѧ. 28. ѡтъвѣщавъ же петръ рече емоу. г҃и аще ты еси. повели ми прити кь тебѣ по водамъ. 29. онъ же рече приди. і излѣзъ іс кораблѣ петръ. хождааше на водахъ. і приде кы і҃сви. 30. видѧ же вѣтры крѣпъкы оубоѣ сѧ. і начьнъ оутапати. възъпи гл҃ѧ г҃и сп҃и мѧ. 31. ӑбие же і҃с простьръ рѫкѫ ѩтъ і. і гл҃а емоу маловѣре. почьто сѧ оусѫмнѣ. 32. і вълѣзъшема іма въ корабь. прѣста вѣтръ. 33. сѫщеі же въ кораби. пришьдъше поклонишѧ сѧ емоу гл҃ѭще. въ істинѫ сн҃ъ. бж҃и еси. (Мф. XIV, 15–33.)

---

[16] Кроме случаев, отмеченных особо, тексты даются по кн.: *Елкина Н. М.* Старославянский язык: Учеб. пособие. М., 1960.

2

17. въ прьвы же дьнь опрѣсньнкъ пристѫпишѧ оученици
къ и҃су. г҃лѭще къ н҃емоу. къде хощеши і оуготоваемъ ти
ѣсти пасха. 18. ѻнъ же рече ідѣте въ градъ къ ѐтероу. і
рьцѣте. емоу. оучитель г҃летъ. врѣмѧ мое близъ естъ оу те-
бе сътворѫ пасхѫ съ оученикы своіми. 19. і сътворишѧ
оученици. ѣкоже повелѣ імъ и҃с. і оуготовашѧ пасхѫ. 20.
вечероу же бывъшю. възлеже съ обѣма на десѧте. ѻучени-
кома. 21. і ѣдѫщемъ імъ рече. ѣко единъ отъ васъ прѣдастъ
мѧ. 22. і скръбѧще зѣло начѧшѧ г҃лати емоу. ѐдинъ кождо
іхъ. ѐда ӑзъ есмь г҃и. 23. ѡнъ же отъвѣщавъ рече. ѻмочиі съ
мноѭ въ солило рѫкѫ. тъ мѧ прѣдастъ. 24. с҃нъ же ч҃скы
ідетъ ѣкоже естъ псано о н҃емь. горе же ч҃коу томоу. імьже
с҃нъ ч҃скы прѣданъ бѫдетъ. добрѣе емоу би было. ӑще сѧ би
не родилъ ч҃къ тъ. 25. ѡтъвѣщавъ же іюда прѣдавы его ре-
че. ѐда ӑзъ есмь рав'ви. г҃ла емоу ты рече. 26. ѣдѫщемъ же
імъ. приімъ и҃с. хлѣбъ і бл҃гвивъ. прѣломи і. і даѣше
оученикомъ своімъ і рече. примѣте ѣдите. се ѐстъ тѣло мое.
27. і примъ чашѫ. і хвалѫ въздавъ дастъ імъ г҃лѧ. пиіте отъ
неѩ вси. 28. се естъ кръвь моѣ. новаего завета. проливаемаѣ
за многы. въ отпоущение грѣхомъ. (Мф. XXVI, 17–28.)

3

1. Ютроу же бывъшю. съвѣтъ сътворишѧ. вси ӑр'хиѐреи.
і стар'ци людьсціі на і҃са. ѣко оубити і. 2. і съвѧзавъше и
ведошѧ. і прѣдашѧ пѫн'тьскоумоу пилатоу. іѥемоноу. 3.
Тъгда видѣ іюда. прѣдавы его. ѣко осѫдишѧ и. раскаѣвъ
сѧ възврати. л҃. сърѣбрьникъ. ӑрхиѐреомъ і старцемъ. 4.
г҃лѧ. съгрѣшихъ прѣдавъ кръвь неповиньнѫ. они же рѣшѧ
чьто естъ намъ. ты оузьриши. 5. і повръгъ е въ цръкъве
отиде. і ошьдъ възвѣси сѧ. 6. ӑрхиереі же приемъше съреб-
ро рѣшѧ. не достоіно естъ въложити его въ кар'ванѫ. по
н҃еже цѣна кръве естъ. 7. съвѣтъ же сътвор'ше коупишѧ
імъ село скондельниково. въ погрѣбание странъныимъ. 8.
тѣмь же нарече сѧ село то село кръве до сего дне. 9. тъгда
събыстъ сѧ реченое пророкомь іеремиемь. г҃лѭщемь. і
приѩшѧ. л҃. сърѣбрьникъ. цѣнѫ цѣн҃енаего. его же цѣнишѧ

отъ снову ілевъ. 10. і даша на селѣ скждельничи. ѣко же съказа мнѣ гъ. 11. іс же ста прѣдъ іѣемономь. і въпроси іѣемонъ гла. ты ли еси црь июдѣіскъ. іс же рече емоу ты глеши. (Мф. XXVII, 1–11.)

4

16. Ходя же при мори галилеіцѣмь видѣ симона. і аньдрѣа брата того симона. въметжща мрѣжя въ море бѣашете бо рыбарѣ. 17. і рече іма іс. придѣта въ слѣдъ мене. і сътворж вы быти ловьца чкомъ. 18. і абие оставьша мрѣжя по немь ідосте. 19. І прѣш'дъ мало отъ тждоу. оузьрѣ іѣкова зеведова. іоана брата его. і та въ ал'дні завязажща мрѣжя. 20. і абье възъва ѣ. і оставьша оца своего зеведѣа въ ладиі. съ наімьникы по немь ідосте. (Мк. І, 16–20.)

5

29. і абье ішьдъше ісънъмища. придж въ домъ симоновъ і аньдрѣовъ съ іѣковомь. і иоанномь. 30. Тъща же симонова. лежааше огнемь жегома. і абие глаша емоу о неі. 31. і пристжпль въздвиже ѭ. імъ за ржкж еѩ. і остави ѭ огнь. і слоужааше емоу. 32. поздѣ же бывъшю. егда же захождааше слъньце. приношаахж къ немоу веѩ недѫжьнъіѩ. 33. і бѣ вьсь градъ събралъ сѧ къ двьремъ. 34. і нцѣли многы недѫжьныѩ. імѫща различьны ѩзѧ. і бѣсы многы ізгъна. і не оставлѣаше глати бѣсъ ѣко вѣдѣахѫ і. (Мк. І, 29–34.)

6

47. і вечероу бывъшю. бѣ бо кораблъ по срѣдѣ морѣ. а сь единъ на земли. 48. і видѣвъ ѩ стражджщѩ въ гребениі. бѣ бо вѣтръ противьнъ імъ. і при четвръттѣі стражи ноцьнѣи. і приде къ нимъ по морю ходѧ. і хотѣ минѫти ѩ. 49. ни же видѣвъше і по морю ходѧщь. не пьщевашѧ призракъ быти. і възвашѧ. 50. вси бо видѣвъше і. і възмѧтошѧ сѧ. нъ же абье гла съ нима. і рече імъ. Дръзаіте азъ есмь не боіте сѧ. 51. і вьниде къ нимъ въ кораблъ. і оулеже вѣтръ. і ѕѣло із лиха дивлѣахѫ сѧ. і оужасаахѫ сѧ. 52. не разоумѣшѧ бо хлѣбѣхъ. нъ бѣ сръдьце іхъ окаменено. і прѣѣхавъше при-

дошѧ въ землѭ генисаретьскѫ. і присташѧ. 54. іш'дъшемъ же імъ іс корабл'ѣ. абье познашѧ и. 55. і прѣтѣшѧ вьсѫ странѫ тѫ. і начѧсѧ приносити. на одрѣхъ болѧщѧѩ. ідеже слышаахѫ и ѣко тоу есть. (Мк. VI, 47–55.)

7

5. ізиде сѣѩи сѣатъ сѣмене своего. і егда сѣаше. ово паде при пѫти. і попърано бы і п'тицѧ небескыѩ позобошѧ е. 6. а дроугое паде на камене. і прозѧбъ оусъше. за не не імѣаше влагы. 7. а дроугое паде по срѣдѣ трьньѣ. і въздрасте трьнье і подави е. 8. а дроугое паде на земл'и добрѣ. і прозѧбъ сътвори плодъ. съторицеѭ. се гла възгласи. імѣѩи оуши слышати да слышитъ. (Лк. VIII, 5–8.)

8[17]

інѫ притъчѫ прѣдъложи імъ гла • оуподоби сѧ црствие нбское • чкоу сѣвъшюмоу доброе сѣмѧ на селѣ своемь съпѧштемъ же чкомъ • приде врагъ его • і всѣѣ плѣвелъ • по срѣдѣ пьшеницѧ і отиде • егда же прозѧбе трѣва • і плодъ сътвори • тъгдаави сѧ і плѣвелъ • пришедъше раби гноу рѣшѧ • гн не добро ли сѣмѧ сѣлъ еси на селѣ твоемъ • отъкѫдоу оубо іматъ плѣвелъ • онъ же рече імъ врагъ чскъ се сътвори • раби же рѣшѧ емоу • хоштеши ли оубо да шьдъше іспл'ѣвемъ ѩ • онъ же рече ни • еда въстръгаѭште плѣвелъ • въстръгнете коупьно съ н'имь і пьшеницѫ • оставите коупьно расти обое до жѧтвы • і въ врѣмѧ жѧтвѣ рекѫ дѣлател'емъ • съберѣте пръвѣе плѣвелъ • і съвѧжате ѩ въ снопы ѣко жешти ѩ • а пьшеницѫ съберѣте въ житьницѫ моѭ • інѫ притъчѫ прѣдъложи імъ гл'ѧ • подобьно есть црство нбское • зрьноу горюшьноу • еже възьмъ чкъ вьсѣѣ на селѣ своемь • еже мьн'е есть вьсѣхъ сѣменъ • егда же въздрастетъ • бол'е есть зел'иі • і бываетъ дрѣво • ѣко прити птицамъ нбскыімъ • і витати на вѣтвьхъ его. (Мф. XIII, 24–32.)

[17] Тексты 8 и 9 даются по кн.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. М., 1952.

9

·ї· дѣвъ ѩже примъшѩ свѣтильникы своѩ · їзидошѧ
противѫ женихоу ї невѣстѣ · пѧть же бѣ отъ н’ихъ боуї · ї
пѧть мѫдръ · боуѩ бо приемъшѧ свѣтильникы своѩ · не
възѧшѧ бо съ собоѭ ї олѣѣ · ӑ мѫдрыѩ приѩшѧ ї олѣї · ї
въ съсѫдѣхъ свѣтильникы своїми · моудѧштю же женихоу
· въздрѣмашѧ сѧ всѧ · ї съпаахѫ · полоу ношти же въпль
бы · се женихъ грѧдетъ · їсходите въ сърѣтение его ·
тъгда въсташа всѧ дѣвы ты · ї оукрасишѧ свѣтильникы
своѩ · ӑ боуѩ рѣшѧ мѫдръїмъ · дадите намъ тъ олѣѣ
вашего · ѣко свѣтильници наши оугасаѭтъ · отъвѣшташѧ
же мѫдрыѩ г҃л’ѭштѧ · еда како не достанетъ вамъ ї намъ
· їдѣте же паче къ продаѭштиїмъ ї коупите себѣ ·
їдѫштамъ же їмъ коупитъ · приде женихъ · ї готовыѩ
вьнидѫ · съ н’имь на бракъ ї затворены бышѧ двьри ·
послѣдъ же придошѧ прочаѩ дѣвы г҃л’ѭштѧ · г҃и г҃и от-
врьзи намъ · онъ же отъвѣштавъ рече · ӑмин · г҃лѭ вамъ
не вѣдѣ васъ · (Мф. XXV, 1–12.)

10[18]

ч҃къ ётеръ імѣ дъва с҃на · і рече мьниі с҃нъ ею о҃цю о҃че
даждь ми · достоінѫѭ часть · імѣньѣ · і раздѣли іма
імѣнье · і не по мнозѣхъ дьнехъ · събъравъ · все мьни с҃нъ
· отиде на странѫ далече · і тоу расточи імѣнье свое живы
блѫдьно · іждивъшю же емоу вьсѣ · бысть гладъ крѣпъкъ
на странѣ тоі · і тъ начѧтъ лишити сѧ · і шьдъ прилѣпи сѧ
единомь отъ жителъ тоѩ страны · і посъла на селе своѣ ·
пастъ свиніи · і желааше насытити чрѣво свое отъ рожьць ·
ѩже ѣдѣахѫ свиніѩ і никътоже дааше емоу · въ себѣ при-
шьдъ рече · коликоу наімьникъ о҃ца моего ізбываѭтъ хлѣби
· азъ же сьде гладомь гыблѭ · въставъ ідѫ къ о҃цю моемоу
· і рекѫ емоу · ѿче съгрѣшихъ на н҃бо і прѣдъ тобоѭ · юже
нѣсмь достоінъ нарешти сѧ с҃нъ твоі · сътвори мѧ · ѣко
единого отъ наімьникъ твоіхъ · і въставъ іде къ о҃цю

---

[18] Текст дан по кн.: *Стеценко А. Н.* Хрестоматия по старославянскому языку. М., 1984.

своемоу • еште же емоу далече сѫштю • оузьрѣ і о͠ць его • і милъ емоу быхъ і текъ нападе на выѭ его • і облобыза і • рече же емоу с͠нъ • о͠че • съгрѣшихъ на н͠бо і прѣдъ тобоѭ • юже нѣсмь достоінъ нарешти сѧ с͠нъ твоі • сътвори мѧ • ѣко единого отъ наімьникъ твоіхъ • рече же о͠ць къ рабомъ своімъ • скоро ізнесѣте одеждѫ пръвѫѭ • і облѣцѣте і • і дадите пръстень на рѫкѫ его • і сапогы на нозѣ • і приведъше тельць оупитѣны заколѣте • і ѣдъше да веселимъ сѧ • ѣко с͠нъ моі сь мрътвъ бѣ і оживе • ізгыблъ бѣ і обрѣте сѧ • і начѧшѧ веселити сѧ • бѣ же с͠нъ его старѣі на селѣ • і ѣко грѧды приближі сѧ къ домоу • і слыша пѣниѣ і ликы • і призвавъ единого отъ рабъ • въпрашааше і • чьто оубо си сѫтъ • онъ же рече емоу • братъ твоі приде і закла о͠ць твоі телець оупитѣны • ѣко съдрава і приѩтъ • разгнѣва же сѧ • і не хотѣаше вьнити • о͠ць же его ішьдъ молѣаше і • онъ же отъвѣштавъ рече о͠цю своемоу • се колико лѣтъ работаѭ тебѣ • і николиже заповѣди твоеѩ не прѣстѫпихъ • і мьнѣ николиже не далъ еси козьлѧте • да съ дроугы моіми въвеселилъ сѧ бимь • егда же с͠нъ твоі ізѣды твое імѣнье • съ любодѣіцами • приде • і закла емоу телець питомы • онъ же рече емоу чѧдо • ты всегда съ мноѭ еси • і в'сѣ моѣ твоѣ сѫтъ • възвеселити же сѧ въздрадовати подобааше • ѣко братръ твоі сь • мрътвъ бѣ і оживе • ізгыблъ бѣ і обрѣте сѧ. (Лк., XXIII.)

Мариинские евангелие

I

1. Не осѫждаите да не осѫждени бѫдете. 2. імъже бо сѫдомъ сѫдите сѫдѧтъ вамъ. і въ нѭже мѣрѫ мѣрите вьзмѣритъ сѧ вамъ. 3. Что же видиши сѫчецъ въ оцѣ братра твоего. а бръвъна еже естъ въ оцѣ твоемь не чюеши. 4. ли како речеши братроу твоемоу. остави и изъмѫ сѫчецъ из очесе твоего. і се бръвъно въ оцѣ твоемь. 5. лицемѣре. ізьми прѣвѣе бръвъно из очесе твоего. і тогда оузьриши изѧти сѫчецъ из очесе братра твоего. 6. не дадите с͠таго псомъ. ни помѣтаите бисьръ вашихъ прѣдъ

свиньѣми. да не попержтъ ихъ ногами своими. і вращьше сѧ растръгнжтъ вы ·:· 7. Просите и дастъ сѧ вамъ. іщѣте и обрѧщете. тлъцѣте и отвръзетъ сѧ вамъ. 8. вьсѣкъ бо просѧи приемлетъ. і ищѧи обрѣтаатъ. і тлъкжщоумоу отвръзаатъ сѧ ·:· (Мф. VII, 1–8.)

2

14. і пришедъ ісъ въ домъ петровъ. видѣ тъщж его лежѧщж. огнемъ жегомж. 15. і прикоснж сѧ ржцѣ еѩ. і остави ѩ огнь. і въста. и слоужаше емоу. 16. Поздѣ же бывъшоу. привѣсѧ къ немоу. бѣсънъı мъногъı. і изгъна словомъ дхъı. і вьсѧ неджжънъıѩ исцѣли. 17. да събждетъ сѧ реченое пророкомъ. ісаиемь глѩщемь. тъ. неджгъı нашѧ приѩтъ. и болѣзни понесе. 18. оузьрѣ же іссъ мьногъı народъı окрѫстъ себе. повелѣ ити на онъ полъ. 19. і пристжпь единъ кънижъникъ рече емоу. оучителю идж по тебѣ. ѣможе колижъдо идеши. 20. гла емоу ісъ. лисъı ѣзвинъı имжтъ. і птицѧ нбскъıѩ гнѣзда. а снъ члвчскъı не иматъ къде главъı подъклонити. 21. дроугъıи же отъ оученикъ рече емоу гі. повели. ми прѣжде ити. і погрети. отца моего. 22. ісъ же гла емоу. гради по мьнѣ. і остави мрътвъıѩ погрети своѩ мрътвьцѧ.. 23. і вьлѣзъшоу емоу въ корабь по немь идж оученици его. 24. і се тржсъ великъ бъıстъ въ мори. ѣко покръıвати сѧ кораблю вльнами. а тъ съпаше. 25. і пришедъше оученици его. възбоудишѧ и глѩще гі. съпі нъı погъıблемъ. 26. і гла имъ. что страшиви есте маловѣри. тогда въставъ запрѣти вѣтромь и морю. і бъıстъ тишина велиѣ. 27. чловци же чюдишѧ сѧ глще. къто сь естъ ѣко вѣтри и море послоушаѭтъ его ·:· (Мф. VIII, 14–27.)

3

2. і се принѣсѧ емоу ослабленъ жилами на одрѣ лежѧщъ. і видѣвъ ісъ вѣрж ихъ. рече ослабленоуемоу. дрьзай чѧдо отъпоущаѭтъ сѧ грѣси твои. 3. і се едини отъ кънижъникъ рѣшѧ къ себѣ. сь власвимлѣатъ. 4. і видѣвъ ісъ помъıшлениѣ ихъ рече. вьскжѭ въı мъıслите зъло въ срдцихъ вашихъ. 5. чъто бо естъ оудобѣе рещи. отъпоущаѭтъ сѧ

грѣси твои. ли рещи въставъ ходи. 6. нъ да оувѣсте ѣко власть иматъ с͞нъ ч͞вчскы на земи отъпоущати грѣхы. 7. тъгда г͞ла ослабленоумоу въставъ возьми ложе твое. і иди въ домъ свои. 8. видѣвъше же народи чюдишѧ сѧ и прославишѧ б͞а. давъшаего власть такѫ ч͞лвкомъ. (Мф. IX, 2–8.)

4

3. ...Се изиде сѣꙗи да сѣетъ. 4. і сѣѭщоумоу. ова оубо падѫ при пѫти. і придѫ птицѧ небⷭ҇кыꙗ и позобошѧ ѣ. 5. дроугаа же падѫ на камененіїхъ. ѣже не имѣшѧ землѧ мъногы. і абье прозѧбѫ. зане не имѣше глѫбины землѣ. 6. слънъцоу же коснѣвъшю присвѧдѫ. і зане не имѣхѫ корениѣ исъхѫ. 7. а дроугаа падѫ въ трънии. і възиде трънье и подави ѣ. 8. дроугаа же падѫ на земи добрѣ. і даѣхѫ плодъ. ово съто. ово шесть десѧтъ. ово три десѧти. 9. імѣꙗи оуши слышати да слышитъ. (Мф. XIII, 3–9.)

5

11. бѣ же тоу стадо свино пасомо велие при горѣ. 12. і молишѧ и вьси бѣси г͞лѭще. посъли ны вь свиниꙗ да вь нѧ вьнидемь. 13. і абие повелѣ имъ і͞съ. і ишедъше д͞си нечистии. вьнидѫ вь свиниꙗ. і оустръми сѧ стадо по брѣгоу въ море. бѣ же ихъ ѣко дъвѣ тысѭщи. і оутопаахѫ въ мори. 14. і пасѫщи свиниꙗ бѣжашѧ. і вьзвѣстишѧ въ градѣ и на селѣхъ. і придѫ видѣтъ что есть бывъшее. (Мк. V, 11–14.)

6

1. Въ ты дьни пакы мъногоу сѫщоу народоу. і не имѫщемъ чесо ѣсти призъвавъ оученикы своѧ і͞съ. г͞ла имъ. 2. милъ ми еси народъ сь. ѣко юже три дьни присѣдѧтъ мьнѣ. і не имѫтъ чесо ѣсти. 3. і аще отпоущѫ сь не ѣдъшѧ въ домы своѧ. ослабѣѭтъ на пѫти. дроуѕии бо ихъ изъ далече сѫтъ пришъли. 4. і отъвѣщашѧ емоу оученици его. отъ кѫдоу сьѧ можетъ къто (съде) насытити хлѣбъ на поустыни. 5. і въпроси ѩ колико имате хлѣбъ. они же рѣшѧ седмь. 6. і повелѣ народоу възлещи на земи. і приемъ седмь тѫ хлѣбъ. хвалѫ въздавъ прѣломи. і даѣше оученикомъ своимъ да

прѣдълагаѭтъ. і положишѧ прѣдъ народомъ. 7. і имѣахѫ и рыбицъ мало. і ты благословивъ рече. прѣдъложите и ты. 8. ѣсѧ же и насытишѧ сѧ. і възѧсѧ избытъкы оукроухъ седмь кошьницъ. 9. бѣ же ѣдъшиихъ ѣко четыри тысѧщѧ. і отъпоусти ѩ. (Мк. VIII, 1–8.)

7

21. і приключьшю сѧ дьни потрѣбьноу егда иродъ рождьствоу своемоу вечерѭ творѣаше кънѧѕемъ своимъ и тысѧщьникомъ. і старѣишинамъ галилѣискамъ. 22. и въшедъши дъщери еѩ иродиѣдѣ. і плѧсавъши и оугождъши иродови. і възлежѧщиимъ съ нимъ. рече цс҃рь дѣвици проси оу мене емоуже аще хощеши и дамь ти. 23. і клѧтъ сѧ еи. ѣко егоже аще просиши дамь ти. до полъ цс҃рствиѣ моего. 24. она же ишедъши рече къ матери своеи. чесо прошѫ. Ѡна же рече главы иоана кр҃стителѣ. 25. і въшедъши абие съ тъщаниемь къ цс҃рю. проси гл҃ѭщи хощѫ да даси ми отъ неѩ на блюдѣ главѫ иоана крьстителѣ. 26. і прискрьбенъ бысть цс҃рь за клѧтвы. и възлежѧщиихъ съ нимъ. не въсхотѣ отърещи сѧ еи. (Мк. VI, 21–27.)

8

36. Молѣаше же и единъ отъ фарисѣи да би ѣлъ съ нимъ. і въшедъ въ домъ фарисѣовъ възлеже. 37. і се жена въ градѣ ѣже бѣ грѣшьница. і оувѣдѣвъши ѣко възлежитъ. въ храминѣ фарисѣовѣ. принесъши алавастръ мγроу. 38. і ставъши зади при ногоу его. плачѭщи сѧ начѧтъ мочити ноѕѣ его слъзами. и власы главы своеѩ отираааше. і облобызааше ноѕѣ его и мазааше мγромь. 39. видѣвъ же фарисѣи възъвавы его рече вь себѣ гл҃ѧ. съ аще би былъ прк҃ъ. вѣдѣлъ би оубо кто и какова жена прикасаатъ сѧ емь. ѣко грѣшьница естъ. (Лк. VII, 36–39.)

9[19]

Вьсѣкъ оубо иже слышитъ словеса моѣ си и творитъ ѣ · оуподоблѭ и мѫжѭ мѫдроу · иже созъда храминѫ своѭ̑ на

---

[19] Тексты 9 и 10 даны по: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. М., 1952.

камене • ї сънидє дождъ и придѫ рѣкы • и вьзвѣашѧ врѣтри • ї нападѫ на • храминѫ тѫ • и не паде сѧ основана бо бѣ на камене • и вьсѣкъ слышѧи словеса моѣ си и не творѧи ихъ • ѹподобитъ сѧ мѫжѫ боуѩ • іже созда своѭ хаминѫ на пѣсъцѣ • ї сънидє дождъ и придѫ рѣкы и възвѣашѧ вѣтри и опьрѣшѧ сѧ храминѣ тои • ї паде сѧ • і бе разроушение еѩ велие ѕѣло • (Мф. VII, 24–27.)

10

Подобъно естъ ц҃рствие небеское ч҃лвкоу домовитоу • їже изиде коупъно ѵтро наѩтъ дѣлателъ винöградоу своемоу • съвѣщавъ же съ дѣлателы по пѣнѧзоу на день • посъла ѩ въ виногⷬадъ свои • ї ишедъ въ третиѭ годинѫ • видѣ ины на тръжищи стоѩштѧ праздъны ї тѣмъ рече идѣте и вы въ виноградъ мои • ї еже бѫдетъ правъда дамъ вамъ • они же идѫ • пакы же ишедъ въ шестѫѭ и въ деватѫѭ годинѫ сътвори такожде • вь единѫѭ же на десете годинѫ ишедъ • обрѣте дроугыѩ стоѩштѧ праздъны • ї гла имъ чьто стоите сьде весь день праздьни • ї г҃лашѧ емоу ѣко никтоже насъ не наѩтъ • г҃ла имъ идѣте и вы въ виноградъ мои ї еже бѫдетъ правъда примете • вечероу же бы(въ)шю • г҃ла г҃нъ винограда къ приставъникоу своемоу • призови дѣлателѧ • ї даждь имъ мъздѫ • наченъ отъ послѣдьниихъ до пръвыихъ • пришедъше же иже въ единѫѭ на десѧте годинѫ • приѩсѧ по пѣнѧзю • ї пришедъше пръвии мьнѣахѫ сѧ вѧште приѩти • ї приѩсѧ по пѣнѧзоу • приемъше же ръпътаахѫ на г҃нъ г҃лѫште • како сьѩ послѣдьнѧѩ единъ часъ сътворьшѧ ї равъны намъ сътворилъ ѩ еси • понесъшеимъ тѧготѫ дъне и варъ онъ же отъвѣщавъ рече единомоу ихъ дроуже не обиждѫ тебе • не по пѣнѧзоу ли съвѣштахъ съ тобоѭ • вьзьми свое и иди • хоштѫ же семоу послѣднюмоу дати ѣко и тебѣ • їли нѣстъ ми лѣть сътворити въ своихъ ми еже хоштѫ • аште око твое лѫкаво естъ • ѣко азъ благъ есмъ.. (Мф. XX, 1–15.)

Саввина книга

1

33. Рече г҃ь притъчѫ сиѭ. ч҃лкъ единъ бѣ богатъ. иже насади виноградъ и ископа вь немь точило. и прѣдастъ і дѣлательмъ и отиде. 34. и егда же приде врѣмѧ емати і посъла рабъ свои къ дѣлательмъ имать вина своего. 35. и имъше дѣлателе рабы его. бишѧ. а дроугыѧ оубишѧ. овы же камениемь побишѧ. 36. пакы посъла инъı рабы множѣішѧ прьвыхъ. и тѣм створишѧ такожде. 37. послѣди же посъла с҃на своего къ нимъ г҃лѧ. постыдѧтъ сѧ с҃на моего. 38. дѣлателе же видѣвъше с҃на его рѣшѧ къ себѣ. се естъ наслѣдъникъ придѣте да оубиемъ сего. и оудрьжимъ наслѣдие его. 40. и егда оубо приде г҃ь виноградоу. что створитъ дѣлательмъ. г҃ла емоу. 41. зълъ зьлѣ побитъ. и виноградъ прѣдастъ инѣмъ дѣлательмъ. иже въздадѧтъ емоу. плодъ въ врѣмена своꙗ (Мф. XXI, 33–41.)

2

1. …тогда посъла. в҃. оученика своꙗ. 2. г҃лѧ има. идѣта въ весь ꙗже естъ прѣмо вама. и абие обрѧщета осълѧ привѧзано. и жрѣбѧ съ нимь. отрѣшъша приведѣта е сѣмо. 3. и аще речетъ кто вама что. рьцѣта ꙗко г҃ь трѣбоуетъ ею. и посъла ꙗ. (Мф. XXI, 1–3.)

3

30. ч҃лкъ единъ съхождааше отъ иер҃слима въ ерихѫ. и въ разбоиникы въпаде. иже съвлькъше і. и ꙗзвы възложъше оставльше і елѣ живого сѫща отиде. 31. по приключаю же иереі единъ. идѣше пѫтьмь тѣмь. и видѣвъ і мимоиде. 32. такожде же и леоуғитъ бывъ на томь мѣстѣ. пришьдъ и видѣвъ і мимоиде. 33. самарѣнинъ же етеръ грѧды приде къ немоу. и видѣвъ і м҃лсрдова. 34. и пристѫпь обѧза ꙗзвы его възливаѧ олѣі и вино. възъмъ же і на скотъ своі. приведе же і въ господѫ. и прилежаше емь. 35. и на оутриꙗ шьдъ. и възъмъ. в҃. пѣнѧза. дасть гостьникоу. и рече при-

лежи ѥмь. и аще. что иждивеши. азъ ѥгда въвращѫ сѧ. въздамь ти. (Лк. X, 30–35.)

4

16. рече гь притъчѫ сиѭ. чл҃коу ѥдиномоу богатоу оугобьзи сѧ нива. 17. и помꙑшлѣше в себѣ гл҃ѧ. что сътворѫ. ꙗко не и(ма)мъ къде събрати плодъ моихъ. 18. и рече се створѫ. разорѫ. житьницѫ моѭ. и большѫ съзиждѫ. и съберѫ тоу вса жита моꙗ. и доброе свое. 19. и рекѫ дши своеи. имаши много добро. лежащеѥ на лѣта многа. почиі ꙗждь пиі весели сѧ. 20. рече же емоу бъ безоумьлю. въ сиѭ нощъ възъмлѧтъ дшѫ твоѭ. а ꙗже оуготови. комоу бѫдѫтъ. 21. тако и събираѧі себѣ. а не въ ба богатѧ сѧ. се глѧ възгласи. имѣѧі оуши слꙑшати да слꙑшитъ. (Лк. XII, 16–21.)

5

Въ оно[20]. 33. пришъдъше воіни на место рекомое голъгафа. еже нарицаетъ сѧ. краниево мѣсто. 34. дашѧ емоу оцьтъ пити. съ злъчиѭ съмѣшенъ. и вькоушъ не хотѣше пити. 35. распьнъше же раздѣлишѧ ризꙑ его. и меташѧ жрѣбиѧ. 36. и сѣдъше стрѣжахѫ і тоу. 37. и положишѧ врьхоу главꙑ его винѫ написанѫ. се есть црь июдеіскъ. 38. тогда распѧшѧ съ нимь. в. разбоіника. единого о деснѫѭ. и единого о лѣвѫѭ. 39. мимоходѧще же хоулѣхѫ і. покꙑваѭще главами своіми. (Мф. XXVII, 33–39.)

Ассеманиево евангелие

I

1. Исоу рождьшю сѧ въ відлеоми июд'еистѣмь. Въ дьни ирода црѣ. се влъсві отъ въстокь. прідѫ въ ермъ. 2. глще. къде есть рождеи сѧ црь июдеискь. видѣхомъ бо ѕвѣздѫ его на вьстоцѣ. и прідомъ поклонітъ сѧ емоу. 3. Слꙑшавъ же иродъ црь сьмѧте сѧ. и весь иерсмъ съ нимъ. 4. и съвьравъ вьсѧ архиереѩ и кьніжьникꙑ людьскꙑѩ. въпрашааше

[20] Въ оно = въ оно врѣмѧ.

ѩ къде Х҃ъ раждаетъ сѧ. 5. они же рѣшѧ емоу. въ віѳлеоми июдеистѣи. тако бо пісано естъ. 7. тогда иродъ таи призъвавъ вльхвъи. испыта ѿ ніхъ. врѣмѧ ѣвльшѧѩ сѧ ѕвѣздъі. 8. И посълавь ѩ въ віѳлеомъ. рече. шедъше испытаите извѣстъно о отрочѧті. и егда обрѧщете. възвѣстите мі. да и азь шедъ поклонѭ сѧ емоу. 9. Wни же послоушавъше ц҃рѣ идѫ. и се ѕвѣзда ѭже відѣшѧ на въстоцѣ. идѣаше прѣдь німі. дондеже прішедші ста връхоу. идѣже бѣ отрочѧ. 10. Відѣвъше же ѕвѣздѫ възрадовашѧ сѧ радостиѭ веліеѭ ѕѣло. 11. и вънедъше въ храминѫ. идешѧ отрочѧ съ маріеѭ. м҃тріѭ его. и падъше поклонішѧ сѧ емоу. и отвръзъше съкровіща своѣ. принѣсѧ емоу даръи. Злато и ливанъ и змvрнѫ. 12. и отъвѣтъ пріемъше въ сънѣ. не възвратішѧ сѧ кь иродоу. нъ инѣмъ пѫтемъ. отідѫ въ странѫ своѭ. (Мф. II, 1–5, 7–12.)

2

11. ч҃лкъ етеръ имѣ дъва с҃ны. 12. и рече менъші с҃нъ о҃цю. о҃че даждь мі достоинѫѭ чѧсть имѣніѣ. и раздѣлі има имѣние. 13. и не по мноѕѣхъ дънехъ. сьбьравъ вьсе мьніи с҃нъ. отиде на странѫ далече. и тоу съі расточи имѣние свое. жівъі блѫдъно. 14. иждивъшоу же емоу вьсѣ бъі гладъ крѣпокъ на странѣ тои. и тъ начѧтъ лішаті сѧ. 15. и шедъ прілѣпи сѧ єдіномъ. ѡтъ жітель страны тоѩ. и посъла и на села своѣ пастъ свиніи. 16. и желааше насътітi сѧ. ѿтъ рожець ѩже ѣдѣахѫ свиніѩ. И никто же даѣаше емоу. 17. вь себѣ же пришедъ рече. колікоу наемъніkъ о҃ца моего избъіваѭтъ хлѣбі. аз же сьде гладомъ гъібльѭ. 18. въставъ идѫ къ о҃цю. и рекѫ емоу о҃че съгрѣшихъ на н҃бо и прѣдъ тобоѭ. 19. юже не достоинъ есмъ нарещи сѧ с҃нъ твои. сътворі мѧ ѣко единого ѿ наемьнікъ твоихъ. 20. и въставъ поиде кь о҃цю своемоу. (Лк. XV, 11–20.)

3

12. въсходѧщю і҃соу въ весь етерѫ сърѣте и. десѧть прокаженъ мѫжь. іже ставъше издалече. 13. и ті вьзнѣсѧ гласъ. г҃лще. і҃се наставъніче помилоуи нъі. 14. и відѣвъ ѩ

рече имъ. шедъше покажите сѧ іереомъ. и бъї идѫщемъ им. ичистишѧ сѧ. единъ же отъ ниҳъ відѣвъ. ѣко ицѣлѣ. възраті сѧ. гласомъ велиемъ славѧ. Ба. 16. и падъ ниць на колѣноу его. хвалѧ емоу въздасть. (Лк. XVII, 12–16.)

Синайская псалтирь

1

14. ...оуслыши мѧ въ рѣсноте спа твоего ⁘ 15. спі мѧ отъ брѣніѣ да не оуглъбѫ ⁘ ізбаві отъ ненавідѧщіхъ мѧ ⁘ ї отъ глѫбокыхъ водъ ⁘ 16. да не потопітъ мене боурѣ водьнаѣ ⁘ ні пожъретъ мене глѫбіна ⁘ ні съведетъ о мьнѣ ровьнікъ оустъ своіхъ ⁘ 17. Ѡуслыші мѧ гі ѣко блага есть мілость твоѣ ⁘ по мъножьствоу щедротъ твоихъ прізрі на мѧ ⁘ 18. не отъвраті ліца твоего отъ отрока твоего ⁘ ѣко скръблѭ ѩдро оуслыші мѧ ⁘ 19. Вонъми дші моеі ї отъмі ѭ ⁘ Врагъ моіхъ раді избаві мѧ ⁘ 20. Ты бо съвѣсі поношеніе мое ї стоудъ моі ї срамотѫ моѭ ⁘ Прѣдъ тобоѭ сѫтъ вьсі сътѫжаѭщеі мьнѣ ⁘ 21. Поношеніѣ прічаѣ дша моѣ і страсті ⁘ і жьдахъ иже со мъноѭ поскръбітъ і не бѣ ⁘ (Гл. LXVIII, 14–21.)

2

4. ѣко іспълъні сѧ золъ дша моѣ ї жівотъ моі адѣ пріблізі сѧ ⁓ 5. Прімѣненъ бъіхъ съ нізъходѧщиимі въ ровъ ⁘ бъіхъ ѣко. 6. чловѣкъ бес помощі оу мрътвыхъ свободь ⁘ ѣко ѣзвьні съпеші въ гробѣхъ іхъже нѣсі помѣнѫлъ къ томоу ⁘ ї и ті отъ рѫкы твоеѧ отъріновені бышѧ. 7. Положішѧ мѧ въ ровѣ прѣисподьнімь ⁘ Въ темьнъіхъ въ сѣни съмрътьнѣ ⁘ 8. На мѧ оутвърди сѧ ѣрость твоѣ ⁘ ї вьсѧ влънъі твоѧ наведе на мѧ ⁘ 9. Ѡудалилъ есі знаніѣ моѣ отъ мене ⁘ положишѧ мѧ въ мръзость себѣ ⁘ Прѣданъ бъіхъ и не ісхождааҳъ ⁘ 10. очі моі изнеможете отъ ніщеты ⁘ Въздѣхъ рѫцѣ моі ⁘ 11. Еда мрътвымь сътворіші чюдеса ⁘ ли баліѧ въскрѣсѧтъ исповѣдѧтъ сѧ тебѣ ⁘ (Гл. LXXXVII, 4–11.)

3

9. Прѣдѣлъ положі єгоже не прѣідѫтъ: ни обратѩтъ сѩ
покрытъ землѩ: ~ ~ ~ 10. Посылаѩ источьнікы ко дьбрехъ:
Посрѣдѣ горъ проідѫтъ во^(дЫ:) 11. Напоѩтъ вьсѩ звѣрі
сілъныѩ: Жидѫтъ аонагрі въ жѩждѫ.. своѩ: ~ ~ ~ 12. На
ты пьтицѩ н҃бнъıѩ прівітаѥтъ: Ѿтъ срѣдъı камьньѣ
дадѩтъ гласъ: 13. Напаѣѩ горы отъ прѣвъспрънь хъ
своіхъ: Ѿтъ плода дѣлъ твоіхъ насытітъ сѩ землѣ: ~ 14.
Прозѩбѩи пажитъ скотомъ ї травѫ на слоужьбѫ ч҃лкмъ: ~
їзвесті хлѣбъ отъ земⷧѩ и вино вьзвеселитъ ср҃дце ч҃лкоу: ~
15. Ѿумастіті ліце олѣимъ: и хлѣбъ ср҃дце ч҃лкоу оукрѣпитъ
16. Насытѩтъ сѩ дрѣва польскаа: Кедры ліванъскыѩ же
єсі насаділъ: ~ ~ ~ 17. Тоу пьтицѩ оугнѣздѩтъ сѩ: Єродово
жілище обладаетъ іми: ~ ~ ~ 18. Горы высокыѩ еленемъ:
каменъ прібѣжіще заѩцемъ ⁖ (Гл. СIII, 9–18.)

Синайский требник

1

…Ходатаю нашъ. і доводителю. къ о҃цю твоемоу н҃бсъноумоу. молимъ тѧ о вс҃ѣхъ насъ. недостоинъıхъ рабѣхъ твоихъ. Нынѣ же паче вьпиемъ о Братрѣ нашемь. і рабѣ твоемь семь. не прѣдажди его г҃і поношенью безоумъньмъ. ні ѣростиѫ обличи. Ни гнѣвомь твоимь покажи насъ. забѫди грⷧѣхы его. і ицѣли и отъ одръжѧщѩѩ болѣзни. Да не посрамⷧенъ бѫдетъ. знаменавъи сѧ въ имѧ твое. і хвалѧ сѧ о тебѣ. (Гл. 27 б, 2–16.)

2

Свѣтъ очью моею і тъ нѣстъ съ мноѭ ·/. Дроуѕи мои і ближикы моѩ. Прѣмо мнѣ приближишѧ сѧ и сташѧ. Ближьнии мои далече сташѧ /. И нѫждаахѫ сѧ искѫщии д҃шѧ моеѩ. іскѫще зъла ⷨнѣ г҃лахѫ. Соуетьнаа и лестьнаа ⷡсь день поучахъ сѧ ·/· азъ же ѣко и глоухъ не слышахъ. И ѣко нѣмъ не отвръзахъ оустъ своихъ ·/. И быхъ ѣко ч҃къ не слышѧ. і не имы въ оустѣхъ своихъ обличениѣ·/. ѣко на тѧ г҃і оупъвахъ. і ты оуслыши мѧ г҃і б҃же моі. (Гл. 76 б, 1–15.)

3

подобъно есть цр҃ство нб҃ское. чкоу црю. еже сътвори бракъ сн҃оу своемоу. і посъла рабы своꙗ. призвати зъванꙑꙗ на бракъ. і не хотѣахѫ прити. Пакы посъла ины рабы гл҃а. Рьцѣте зъванымъ. се обѣдъ мои оуготовахъ. і юньци мои оупит҄ѣнаа исколена. і вс҃ѣ готова. придѣте на бракъ. ѡни же не рождьше отидѫ. ѡвъ на село свое. ѡвъ же на коуплѭ своѭ. а прочи емъше рабы его. Доадишѧ имъ. и ізбишѧ ꙗ. і слышавъ црь҃ тъ разгнѣва сѧ. і посълавъ воꙗ своꙗ погоуби оубиицѧ тꙑ. и градъ іхъ зажьже. тогда гл҃а рабомъ своимъ. бракъ оуготованъ есть. а зъвании не бѣшѧ достоини. ідѣте оубо на исходища пѫтеи. і елико аще обрѧщете. Призовѣте на бракъ. і ишедъше раби ти на пѫти. собърашѧ вс҃ѧ обрѣтѫ. зълыꙗ же и добрꙑ. іспълнишѧ бракъ възлежѧщиихъ. Въшедъ же црь҃ тъ видѣтъ възлежѧщиихъ. Видѣ тоу чк҃а не облъчена. въ одѣние брачьное. і гл҃а емоу дроуже. како вьниде сѣмо. не имꙑ одѣниѣ брачьнааго. онъ же оумъ҃ча. тогда рече црь҃ слоугамъ. съвѧзавъше и по рѫцѣ и по нозѣ. Възъмѣте и въвръзѣте и. въ тъмѫ кромѣшьнѭѭ. тоу бѫдетъ плачь и скръжетъ зѫбомъ мнози бо сѫтъ зъвании. мало же избранꙑх. (Гл. 106 а, 9–25, гл. 106 б, 1–26.)

Супрасьская рукопись

Житиѥ и дѣаниѥ прѣподобьнаего анина.

Повелѣ же нѣкомоу отъ братьѩ теци къ паничици. и пришед҄шиимъ отъ пѫти. жѧд҄номъ сѫщемъ водѫ принести. он҄ же рече ѩко не иматъ паничица водꙑ никакоже. и то само оуицѣааше братъ. ѩкоже прѣжде малꙑ своима рѫкама самѫ тѫ оставъшѫ водѫ. пришед҄шимъ к немоу стран҄нꙑимъ принесъ. Правьдънꙑи же слꙑшавъ то. и въздѣвъ рѫцѣ на небо. кротцѣ и тихо братоу рече. иди въ имѧ гн҃е. и надѣѭ сѧ ѩкоже обрѧщеши водѫ. и шьдъ отврьзе двьри паничицѧ. и обрѣте ѭ испльнь. и въздивь сѧ и оужасъ. и прославивъ б҃а. почрьпъ принесе жѧждѫщиимъ. поведаѩ имъ сълоучивъшаа сѧ чоудеса б҃жиꙗ. стави же со-

бо҃ж чоудо то. и отътоли отъ своѥго троуда готовити водѫ. на питиѥ стран'нъıимъ. водонось противѫ своѥи силѣ. оуготови. без' лѣности сь тихомъ лицемъ. ношааше водѫ отъ рѣкъı ефрата. на рамоу своѥю. и пиıахѫ приходѧщии к немоу. Въ нощи же то твораааше. Начьнъ носити отъ вечера дожи и до зорь. не ставыıаѩ пѣсни. нъ присно ѥѫ съвръшаа по всемоу пѫти.. възъмь водоносъ. начѧ ити пѫтьмь на рѣкѫ. прѣжде же дошьстиıа ѥмоу прѣполовьѥниıа пѫти. обрѣте сѧ водоносъ испльнена водъı. абьѥ же сьньмъ ѥѫ и поставивъ на земи. прѣклонивъ колѣнѣ и плака и моли сѧ. и въставъ вьздѣ рѫцѣ свои на небо. и благодари бога. възъм' же водоносъ възврати сѧ въ манастъıрь свои. Пришъд'ъшии же к немоу стран'нии. видѣвъше ıакоже възврати сѧ не дошъдъ рѣкъı. мнѣахѫ ѥмоу разболѣти сѧ. и не мощи по оустав'ноуоумоу ѥго доити до ефрата. и текъ ѥдинъ отъ братиѩ на сьрѣтеньѥ ѥго. вьзѧти водоносъ отъ него. и ити и почрѣти вь него мѣсто оть рѣкъı. и дотекъ стааго. обрѣте ѥже на рамоу ѥго водоносъ испльнь водъı. оужасъ же сѧ брат'. възврати сѧ. само то ıавьıаа. събравъше сѧ оужас'ни же бъıвъше. и дививъше сѧ бъıвъшоуоумоу славьıахѫ б҃а. (Гл. 549_{22}–550_{11} , гл. 550_{23}–551_{9}).

Остромирово евангелие

I

13. Ѿшьдъшемъ же влъхвомъ. се ан҃гелъ г҃нь въ сънѣ ıави сѧ иосифоу г҃лѧ въставъ. поими отрочѧ. и матерь ѥго. и бѣжи въ егуп'тъ и бѫди тоу. доньдеже ти рекѫ хощеть бо иродъ искати отрочѧте. да погоубить ѥ. 14. онъ же въставъ. поѩтъ отрочѧ. и матерь ѥго нощиѭ. и отиде въ егуп'тъ. 15. и бѣ тоу. до оумрьтиıа иродова. Да събѫдеть сѧ реченое отъ г҃а. пр°къмь г҃лѭщемъ отъ егуп'та възъвахъ с҃нъ мои. 16. тогда иродъ. видѣвъ ıако порѫганъ бъıсть отъ влъхвъ. разгнѣва сѧ зѣло и посълавъ. изби вьсѧ отрокъı сѫщѧѩ въ видлеемѣ и въ вьсѣхъ прѣдѣлѣхъ ѥѩ. отъ дъвоѭ лѣтоу. и ниже по врѣмени ѥже испъıта отъ влъхвъ. 17. тогда събъıсть сѧ реченоѥ. иеремиемь пр°къмь г҃лѭщемь. 18. гласъ

въ рамѣ. слышанъ бысть плачь и рыданиѥ и въпль мъногъ
рахиль плачѫщи сѧ. чадъ своихъ и не хотѣаше оутѣшити
сѧ ꙗко несѫть. 19. оумьръш' же иродоу. се ан'гелъ г҃нь въ
сънѣ ꙗви сѧ иосифоу въ єгуп'тѣ 20. г҃лѩ. въставъ. поими
отрочѧ и матеръ ѥго. и иди въ землѭ изл҃евѫ измрѣшѧ бо
ищѫщеи доушѧ отрочѧте. (Мф. II, 13–20.)

2

17. тъ бо иродъ посълавъ ѩтъ иоана. и съвѧзавъ и въса-
ди въ тьмьницѫ. иродиꙗдъı ради женъı филипа брата
своѥго. ꙗко жени сѧ ѭѫ. 18. г҃лаше бо иоанъ иродови ꙗко не
достоить тебѣ имѣти. женъı брата твоего. 19. иродиꙗ же
гнѣваше сѧ на нь. и хотѣаше и оубити. и не можааше. 20.
иродъ бо боꙗаше сѧ иоана. вѣдъı мѫжа правьдьна и с҃та. и
хранꙗаше и. и послоушаѩ ѥго мъного творѣаше. и въ сласть
ѥго послоушаа ѥ. (Мк. VI, 17–20.)

Сравните следующий отрывок по Зографскому, Мариинскому, Ассеманиеву, Остромирову евангелиям и Саввиной книге.

Зографское евангелие

16. ...ч҃къ етеръ сътвори вечерѫ велья. і вьзъва мъногъı.
17. і посъла рабъı своѩ въ годинѫ вечерѧ. рече зъванымъ
градѣте. ѣко оуже готова сѫтъ вcase. 18. і начѧшѧ въ коупѣ
отърицати сѧ в'си. пръвъı рече емоу. село коупихъ. імамъ
нѫждѫ ізити. і видѣти е молѭ тѧ імѣі мѧ отъречена.
19. і дроугъı рече емоу. сѫпрѫгъ воловънъıхъ. коупихъ пѧть.
і градѫ іскоусити іхъ. молѭ тѧ імѣі мѧ отрекъша сѧ.
20. і дроугъı рече. женѫ поѩхъ. і сего ради не могѫ прити.
21. пришьдъ рабъ повѣда г҃ноу своемоу. Тогда разгнѣвавъ
сѧ г҃нъ домоу. рече рабоу своемоу. ізиди на распѫтьѣ і
стъгнъı града і нищѩѩ і бѣдънъıѩ. і хромъıѩ і слѣпъıѩ.
въведи сѣмо. 22. і рече рабъ. г҃и бъı еже повелѣ і еще
мѣсто есть. 23. і рече г҃ь рабоу. ізиди на пѫти. і халѫгъı. і
оубѣди вьнити. да напльнитъ сѧ домъ моі. (Лк. XIV, 16–23.)

Мариинское евангелие

16. …ч҃лкъ единъ сътвори вечерѭ велиѭ. и зъва мъногꙑ.
17. и посъла рабъ свои въ годъ вечерѧ рещи зъванꙑмъ
грѧдѣте. ꙗко оуже готова сѫтъ вьсѣ. 18. і начѧсѧ въкоупъ
отрицати сѧ вьси. пръвꙑ рече емоу. село коупихъ и имамъ
нѫждѫ ізити и видѣти е. молѭ тѧ імѣи мѧ отъречьна. 19. и
дроугꙑ рече сѫпрѫгъ воловънꙑихъ коупихъ пѧть. и грѧдѫ
искоуситъ ихъ. молѭ тѧ имѣи мѧ отъречьна 20. и дроугꙑ ре-
че женѫ поѩсъ. і сего ради не могѫ прити. 21. и пришъдъ
рабъ тъ повѣдѣ се г҃спдиноу своемоу. тогда разгнѣвавъ сѧ
господинъ домоу. рече рабоу своемоу. изиди ꙗдро на распѫтиѣ
и стьгнꙑ града. і нищѧѩ и бѣдънꙑѩ и хромꙑѩ и слѣпꙑѩ
въведи сѣмо. 22. і рече рабъ. г҃и бꙑстъ ꙗкоже повелѣ. и еще
мѣсто естъ. 23. и рече г҃ь рабоу. изиди на пѫти и халѫгꙑ и
оубѣди вънити. да напльнитъ сѧ домъ мои. (Лк. XIV, 16–23.)

Ассеманиево евангелие

16. …ч҃лкъ етеръ сьтворі вечерѭ веліѭ. і зьва мьногъи.
17. и посьла раба своего въ годъ вечерѩ. рещи зьванъимъ.
грѩдѣте ꙗко оуже оуготована сѫтъ вьсѣ. 18. и начѧшѧ
въкоупь отъріцаті сѧ въсі. пръвъи рече емоу. село коупихъ
и имамъ нѫждѫ изиті и видѣті е. молѭ тѧ імѣи мѧ от-
рочьна. 19. и дроугꙑ рече емоу. сѫпрѫгъ воловънъиихъ
коупихъ пѩть. и грѩдѫ искоуситъ ихъ. молѭ тѧ имѣи мѧ
отърочна 20. и дроугꙑ рече женѫ поѩхъ. и сего раді не
могѫ приті. 21. и пришьдъ рабь ть повѣда г҃спдиноу. своемоу
сіи. тогда разгнѣвав сѧ г҃нъ домоу. рече рабоу своемоу. изіді
скоро на распѫтіѣ и стьгнꙑ града и нищѧѩ и бѣдънꙑѩ. и
хромꙑѩ и слѣпꙑѩ въведі сѣмо. 22. и рече рабъ г҃дноу сво-
емоу бⷭꙑ еже повелѣ и еще мѣсто естъ. 23. рече же г҃нъ
рабоу. изіді на пѫти. халѫгъи. і оубѣди вънити. да на-
плъннтъ сѧ домъ мои. (Лк. XIV, 16–23.)

Саввина книга

16. …ч҃лкъ етеръ створи вечерѫ велиѭ. и зъва многꙑ. 17. и
посъла рабꙑ своѧ въ годъ вечерѧ. рещи зъванꙑмъ идѣте.

ꙗко ѹже готово ѥстъ все. 18. и начашѧ въ коупь отърицати сѧ
вси. прьвꙑ рече ѥмоу. село коупихъ. и имамъ нѫждѫ изити и
видѣти ѥ. молѭ тѧ імѣи мѧ отъреции сѧ. 19. и дроугꙑ рече
ѥмоу. сѫпрѫгъ воловьнꙑхъ коупихъ. є. и се идѫ искоушатъ
ихъ. молѭ тѧ имѣи мѧ отрекъша сѧ. 20. и дроугꙑ ре^че женѫ
поѧхъ. и сего ради не могѫ ити. 21. и пришьдъ рабъ повѣда
гоу своѥмоу. тогда разгнѣвавъ сѧ гнъ домоу. рече рабоу
своѥмоу. изиди скоро на распѫтьꙗ и на стъгнꙑ градоу. и събе-
ри нищѧѩ и бѣдънꙑѩ. и хромꙑѩ и слѣпꙑѩ. въведи сѣмо. 22.
и рече рабъ ги бꙑстъ ꙗкоже повелѣ. и ѥще мѣсто ѥстъ. 23. и
рече гъ рабоу. изиди на пѫти. и халѫгꙑ. и оубѣди вънити да
наплънитъ сѧ храмъ мои. (Лк. XIV, 16–23.)

Остромирово евангелие

16. ...чл҃къ нѣкꙑи. сътвори вечерѭ великѫ. и зъва
мъногꙑ. 17. и посъла рабъ свои въ годъ вечери. рещи зъва-
нꙑимъ. придѣте. ꙗко оуже оуготована сѫть вьсꙗ. 18. и
начашѧ въкоупѣ отърицати сѧ вьси прьвꙑи рече кмоу село
коупихъ. и имамъ ноуждѫ изити и видѣти к молѭ тѧ.
имѣи мѧ отърочьна. 19. и дроугꙑ рече сѫпрѫгъ воловь-
нꙑхъ. коупихъ пѧть. и хощѭ искоуситъ ихъ. молѭ тѧ имѣи
мѧ отърочьна. 20. и дроугꙑ рече женѫ поѧхъ. и сего ради
не могѫ прити. 21. и пришьдъ рабъ тъ повѣда господиноу
своκмоу се тогда разгнѣвавъ сѧ гъ домоу. рече рабѫ
своемоу. изиди скоро. на распѫтиꙗ. и стьгнꙑ градоу и
нищѧѩ. и бѣдьнꙑѩ. и хромъıѩ и слѣпꙑѩ въведи сѣмо.
22. и рече рабъ. ги бꙑсть еже повелѣ и еще мѣсто кстъ.
23. и рече гь рабоу. изиди на пѫти. и халѫгꙑ. и оуѣди
вьнити. да напълнитъ сѧ домъ мои. (Лк. XIV, 16–23.)

Слова под титлами

Бъ = богъ, благо = благо, благсви = благослови, благнъ = благо-
слов(л)енъ, бꙑ = бꙑстъ; влка, влдка = владꙑка; гви = гос-
подеви, гдь = господь, ги = господи, гла = глагола, глати = гла-
голати, глще = глаголѭще, глъ = глаголъ, глѧ = глаголѧ,
глаще = глаголааше, глахѫ = глаголаахѫ, гнь = господьнь;

д҃хъ = доухъ, д҃ши = доуши; и҃рмъ, иерсмⷶъ = Иероусалимъ, и҃с, и҃съ = И(и)соусъ; Кⷰ = коньць; млс҃рдова = милосрьдова; н҃бо = небо, н҃бскъ = небесьскъ, н҃бснъ = небесьнъ, н҃се = небесе; о҃ць = отьць, о҃че = отьче; п҃ркъ, п҃рркъ, прⷪкъ = пророкъ; с҃пи = съпаси, с҃пение = съпасение; с҃рдце = срьдьце, с҃тъ = свѧтъ, с҃нъ = сынъ, с҃тмъ = свѧтымъ; т҃ло = тѣло; Х҃ъ = Хрьстосъ; ц҃рь = цѣсарь, ц҃рькъ = цѣсарьскъ, ц҃рю = цѣсарю, црс҃тво = цѣсарьство, црс҃твиѥ = цѣсарьствиѥ; ч҃къ, чл҃къ = человѣкъ, чк҃оу = чловѣкоу, чс҃къ = чловѣчьскъ.

СЛОВАРЬ К ТЕКСТАМ

А

а – а, но
абиѥ, абье – тотчас, немедленно, скоро
авити – см. ꙗвити
авлꙗти сѧ – см. ꙗвлꙗти сѧ
агньць, агнець – ягненок, барашек
аеръ – воздух
азъ (местоимение) – я
ако – см. ꙗко
акы (наречие) – как, как-то
алавастръ – сосуд из алебастра
али – но, однако
алъдии – см. ладии
алъканиѥ, алъканье – голодание
ал(ъ)кати, алъчѫ – голодать, ощущать голод, поститься
аминь – истинно
аонагръ – дикий осел
архисѵнагогъ – старейшина собора
архитриклинъ – распорядитель пира
ацѣ – все-таки, тем не менее
аще – если (ли)
ашоутъ – напрасно

Б

багърѧница – пурпур
балии – врач
бе – вместо без перед фрикативными и шумными согласными
безвѣстьнъ – безвестный, неизвестный
безгода – бесчисленное множество
без-д-разоума – без разума
безочьство – бесстыдство, наглость
безоумьлъ – безумный
бескврьньнъ – неоскверненный
бесплътьнъ – бесплотный, бестельный
бестоудьнъ – бесстыдный, наглый
бещьсти (от без чьсти) – без чести
бещьстиѥ (от безчьстиѥ) – бесчестие
бещѧдъ (от безчѧдъ) – бездетный
бисьръ – бисер, жемчуг
благо – добро, имущество, благо
благоволити, благоволѭ – благоволить, проявлять расположение к кому-либо
благовѣстити, благовѣщѭ – сообщать хорошую весть
благодѣть – благодать
благъ – хороший, добрый
блазнити, блажнѭ – соблазнять, искушать, обольщать
ближика – близкий родственник
блюсти, блюдѫ – наблюдать, присматривать
блѫдити, блѫждѫ – блуждать, развратничать
блѫдьнъ – непристойный, неприличный, распутный, развратный, безнравственный
бо – потому что, ведь, же
болѥи, болии – больший
бости, бодѫ – бодать
брань – свадьба, женитьба
бранити, бранѭ – защищать
брань – война
брати сѧ, берѫ сѧ – бороться, воевать
брашьно – пища
бридъкъ – жестокий, суровый
брьниѥ, брьнье, брениѥ – грязь, тина, глина
брьвьно – балка, перекладина, бревно
брѣмѧ – груз, ноша, бремя
брѣщи, брѣгѫ – беречь, заботиться
боуи – глупый, безумный
боукы – написанное, письмо, запись, расписка

боксть – глупость, безумие
бъдѣти, бъждѫ – бодрствовать
бьдѣти – см. **бъдѣти**
бѣда – необходимость, нужда
бѣжати, бѣжѫ – бежать
бѣсьнъ – бесноватый

В

варити, варѭ – обманывать
варıати, варıаѭ – предупредить, обгонять, опережать
варъ – жар, зной
ведро – ясно
велии, вельи, великъ – большой
вельми – много, очень
ветъхъ – старый, ветхий
вечерıа, вечера – пир, обед, угощение
винарь – возделывающий виноград
винопиица – винопиец, пьяница
витати, витаѭ – останавливаться для отдыха, гнездиться (о птицах)
власвимисати, власвимисаѭ – проклинать, злословить, богохульствовать
власфимию – злословие, хула, клевета, богохульство
влъхвъ – волхв, ясновидец, предсказатель, волшебник
влѣщи, влѣкѫ – влечь, тащить
воденосъ – ведро, сосуд для ношения воды
вои – воин, лагерь, стан; в В. п. мн.ч. – **воѩ** – войско
вонъ – см. **вънъ**
вонıа – запах, аромат
вражьда – неприятель, вражда
вратарь – привратник
врачьва – лечение, исцеление
вратити сѧ, вращѫ сѧ – возвращаться
врьхоу – наверху
врьхъ – верх
врѣщи, врьгѫ – бросать
въврѣщи, въврьгѫ – бросать, ввергать
въждел ѣти (от **въжжелѣти**), **въжделѣѭ** – пожелать, хотеть, иметь желание
въжещи, въжегѫ – зажечь
въжизати, въжизаѭ – зажигать
въз (предлог) – на
възал(ъ)кати, възал(ъ)каѭ – почувствовать голод
възбоудити, въбоуждѫ – возбудить, разбудить, пробудить
възвратити сѧ, възвращѫ сѧ – возвратиться
възвращати сѧ, възвращѫ сѧ – возвращаться
възвѣсити, възвѣшѫ – повесить
въздаıати, въздаıаѭ – воздавать
въздвигнѫти, въздвигнѫ – воздвигнуть, поднять
въздрастъ – возраст
въздроути, въздровѫ – зареветь
възимати, възьмати, възьмлѭ – брать
възити, възидѫ – взойти
възлежати, възлежѫ – питаться, есть (в лежачем положении)
възлещи, възлагѫ – прилечь
възмощи, възмогѫ – быть в состоянии, смочь
възмѧсти, възмѧтѫ – смешать, спутать, сбить; смутить, возмутить
възѧти, възьмѫ – взять
въкоупь, въкоупѣ – вместе
въкоусити, въкоушѫ – вкусить, попробовать
въкысн ѫти, въкыснѫ – киснуть, заквситься
въЛагалище – кошель, карман
вълати, вълати сѧ, вълаѭ сѧ – раскачиваться, толкаться, ударяться (о волны)
вълагати, вълагаѭ – вкладывать, ставить, помещать

въмести, въметѫ – бросить, кинуть, закинуть (в)
въметати, въметаѭ – бросить, закинуть (в)
вън҃егда – когда
въниматн, вънимаѭ – внимать
вънити, вънидѫ – войти
въноушити, въноушѫ – услышать
вънъ, вънѣ – вне, снаружи
вънѣщьнъ – внешний
вънѧти, въньмѫ – понять, разобрать, внять, услышать
вънѫтрь – внутри
вънѫтрьнъ – внутренний
въобразити, въображѫ – образовать
въскрилиѥ – край одежды
въскрѣсити, въскрѣшѫ – воскресить
въскысѣти, въскышѫ – скисать (о тесте)
въскѫѭ – зачем, для чего
въсприѩти, въсприимѫ – воспринять, принять
въспѧть – назад, обратно
въстокъ – восток
въстръгати, въстръгаѭ – вырывать, выдергивать
въсхытити, въсхыщаѭ – похищать, хватать
въстоудити сѧ – удивляться
въторицеѭ – второй раз
въчѧти, въчьнѫ – начать
выꙗ – шея
вьсь (ж. р.) – село
вѣдѣти, вѣмь – знать, ведать
вѧще – больше
вѧщии – больший

Г

галилеꙗ, галилеа (ж. р.) – Галилея
геена – геена, ад
глѫбина – глубина
гнести, гнетѫ – гнести, угнетать, давить
гобьзити, гобьжѫ – уродиться (об урожае), созреть
гобезиѥ – плодородие, изобилие
година – час, время года
годъ – час, определенное время
голъгота, голгода, голгада – Голгофа
гороушьнъ, горюшьнъ – горчичный
горѣ – вверху
горьши – хуже
господинъ – господин, хозяин
господь – хозяин
гост(ин)ьникъ – хозяин постоялого двора
гребениѥ – гребля во время плавания, плавание
гривьна – ожерелье
грѣбище – могила, могильный склеп
грѧсти, грѧдѫ – идти
гънати, женѫ – гнать

Д

да – чтобы, с целью, пусть
даати, даꙗти, даѭ – давать
двиѕати, движати, движѫ – двигаться
деснаꙗ – правая
дивити сѧ, дивлѭ сѧ – удивляться
длъгъ – долг
дондеже – см. доньдеже
доити, доѭ – кормить молоком, доить
доколи, доколѣ – до каких пор
дон҃елиже – до тех пор, пока
дон(ь)деже – пока, пока не
досадити, досаждѫ – поступать нагло с кем-либо, наносить обиду
дробл҃е – некогда, прежде
дроуга – подруга
дроугъ – друг
дроугъ (прилагательное) – другой
дьбрь (ж. р.) – долина, пропасть, бездна, дебри

дьньсь, дьнєсь – сегодня
дьрати, дерѫ – драть, рвать
дѣлатєль – работник
дѣльма – ради, из-за, по причине
дѣти, дѣѭ, деждѫ – деть, ставить, класть
дѣть (собирательное) – дети
дѣтьскъ – детский
дѣıати, дѣѭ – делать, совершать

Є

см. **Ѥ**

Ж

жаль – гроб, гробница, надгробный памятник
желати, желѣти, желаѭ – желать
жена – женщина
жещи, жегѫ – жечь
животъ – жизнь
жила – жила
жилище – жилище
жито – пища, хлеб
житьница – складочное место, амбар
жрьдь – жердь, шест
жрьтва, жрътва – жертва
жрѣбьць – жеребенок
жрѣти, жьрѫ – приносить жертву, жертвовать.
жьдати, жьдѫ – ждать, ожидать
жѧдати, жѧждѫ – испытывать жажду
жѧти, жьнѫ – жать
жѧти, жьмѫ – сжимать

Ѕ

ѕѣло – очень, весьма

З

забьдѣниє – бодрствование
завѧзати, завѧзаѭ – завязывать, застегивать
зади – сзади
задѣти, задеждѫ, задѣѭ – заставить
зажещи, зажегѫ – зажечь
зазирать. зазираѭ – упрекать, осуждать
зазрѣти, зазьрѭ – упрекать, осуждать
заимъ – заем, **въ заимъ** – взаймы
заклати, заколѭ – заколоть
заматерѣти, заматерѭ – состариться
занѥ – потому что, так как
запѧти, запьнѫ – расставить сети, поймать в ловушку
зелиѥ – зелень
зльчь – желчь, горькое питье
змѵрна – смирна
зрьно – зерно
зъдати, зиждѫ – сооружать, строить дом
зѣло – см. **ѕѣло**

И

и – 1) союз *и*; 2) В. п. ед. ч. м. р. от местоимения **и(же)**
иде, идеже – где, когда; тогда, как
иереи – священник
иерм҃ъ, иерсм҃ъ – Иерусалим
иждє, иждеже – тогда как
иждити (от **изжити**), **иждивѫ** – истратить, издержать, израсходовать
иже (местоимение) – который
избꙑвати, избꙑваѭ – иметь в изобилии
избꙑти, избѫдѫ – спастись, освободиться
извлѣщи, извлѣкѫ – извлечь
изводити, извождѫ – выводить
изгънати, ижденѫ – изгнать
изгꙑбнѫти, изгꙑбнѫ – погибнуть
издаıати, издаѭ – израсходовать, истратить
издъхнѫти, издъхнѫ – умереть
издꙑхати, издꙑхаѭ – умирать

изл҄ѣсти, изл҄ѣзѫ – вылезть, выйти
измрѣти, измьрѫ – вымереть
изнемощи, изнемогѫ – изнемогать
изѣсти, изѣмь – съесть
изѧти, изьмѫ – вынуть, избавить, спасти
иѣемонъ – управитель
имати, имлѭ – взять
иночѧдъ – однородный
инъгда – иногда
инѫдоу – куда-либо, в другое место
инокритъ вместо **Vнокритъ** – лицемер
иродиꙗ, иродиꙗда – Иродиада
иродъ – Ирод
ис҃, ис҃ъ – Иисус
исклати, исколѭ – переколоть, перерезать
истещи, истекѫ – вытечь
истрьгнѫти, истрьгнѫ – вырвать, выдернуть
истѧзати, истѧзаѭ и **истѧжѫ** – взять обратно; спрашивать; расспрашивать
истѣлити – см. **исцѣлити**
исходити, исхождѫ – выходить
исцѣлити, исцѣлѭ – исцелить, вылечить, оздоровить
исъхнѫти, исъхнѫ – высохнуть, сушить
исъıпати, исъıплѭ – высыпать
исѣщи, исѣкѫ – высечь
исѧкнѫти, исѧкнѫ – иссякнуть, высохнуть
ицѣлити – см. **исцѣлити**
ищезнѫти (от **изчезнѫти**), **ищезѫ** – исчезнуть, стать невидимым
ищистити (от **изчистити**), **ищишчѫ** – очистить, вычистить
ищрѣва (от **из чрѣва**) – из чрева
ищѧдие (от **изчѧдие**) – порождение

К

к = коньць
кадити, каждѫ – кадить
казати, кажѫ – показывать
каменьнъ – каменистый
камениѥ – камни; каменистая почва
камо – куда
каръвана – сосуд, в который помещается в церкви денежное приношение
катапетазма – завеса
кинъсь, киньсь – подать
кладѧзь – колодец, источник, родник, ключ
клати, колѭ – колоть
клеврѣтъ – сотоварищ по рабству, по зависимости от господина
клепати, клеп҃лѭ – указывать, обвинять
клѧчати, клѧчѫ – наклоняться, становиться на колени
ковъчегъ, ковьчегъ – ковчег
козьлѧ – козленок
кокотъ – петух
коли – когда
колижьдо – время от времени, иногда
колико, коликоу – сколько
коликъ - который
коло – коуг, колесо
коль – сколько
коль кратъı – сколько раз
кольми – во сколько раз более
кольми паче – тем более
корабиць – кораблик
кошь – корзина
краниѥвь – лобный, черепной; **краниѥво мѣсто** – лобное место
кратъ – раз
кратъкъ – короткий
кромѣщьн҄ь, кромѣшьн҄ь – крайний, внешний, наружный
кръма – корма, руль у судна
кръмчии – кормчий, рулевой
крьститеѧь – Креститель
крьстити, крьщѫ – крестить
коуплꙗ – торговля, покупки

коупоcвати, коупоуѭ – покупать
коупьно – вместе
коупьць – торговец
коуръ – петух
късда – когда
къжьдо – каждый
къзнь – козни, вымысел, хитрость
къи, кыи – который
късьнити, късьнѭ – медлить
къто – кто
кыпѣти, кыплѭ – кипеть
кѫдоу – куда
кѫпѣль – купель

Л

ладии – ладья, лодка, корабль
лакати, лачѭ – ощущать голод, голодать
лакомъ – лакомый
лакъть – локоть
лаıати, лаѭ – подстерегать, выслеживать, преследовать
левьг'итъ, левьћитъ – церковный служитель
леоуг'итъ см. **левьг'итъ**
летѣти, лецѭ – лететь
лещи, лѩгѫ – лечь
ли – или, ли
ликъ, В. п. мн. ч. **ликы** – хор
лишати сѧ, лишаѭ сѧ – отставать, нуждаться в чем-либо, терпеть недостаток
ловьць – охотник, ловец
локы – лужа
лъгати, лъжѫ – лгать
лъжа – ложь
льгъкъ – легкий
льзати, лижѫ – лизать
лѣпота – красота
лѣто – год
любо – или
любодѣи – развратник
любодѣица – блудница, распутная женщина
любъı – любовь
людьскъ – народный
лютъ – суровый, страшный
лѫкавъ – лукавый, злой

М

маловѣръ – маловерный
маломощь – слабосильный
мамона – богатство, мамона
межда – межа
метати, мещѫ и метаѭ – метать, бросать
мимогрѧсти, мимогрѧдѫ – проходить, проезжать
мимоити, мимоидѫ – отойти, удалиться
млъчати, млъчѫ – молчать
млѣти, мелѭ – молоть
може – мозговой
мощи, могѫ – мочь
мощь – сила, мощь, могущество
мрькнѫти, мрькнѫ – смеркаться, темнеть
мрѣжа – сеть
мъзда – мзда
мъножаи – больший, более многочисленный
мытарь – сборщик податей
мыто – пошлина
мытьница – таможня
мьгла – мгла
мьздоимьць – сборщик налога
мьнии – меньший
мьнѣти, мьнѭ – думать, полагать
м(ь)рѣти, мьрѫ – умереть
мѣсто – место
мѣсѧць – месяц
мѧгъкъ – мягкий
мѧсти, мѧщѫ – смущать
мѫка – мука
мѫчити, мѫчѫ – мучить
мνро – благовонное масло

Н

навъкнѫти, навъкнѫ – научиться

надоути сѧ, надъмѫ сѧ – надуться, распухнуть

надъменъ – надменный

надѫти, надъмѫ – надуть

наѥмьникъ – см. **наимьникъ**

назирати, назираѭ – наблюдать

назьрѣти, назьрѭ – проследить (взглядом)

наимьникъ – наемный работник

наипаче – больше всего

наипаче – тем более

напаꙗти, напаѭ – напоить

напитати, напитаѭ – накормить

напити сѧ, напиѭ сѧ – напиться

нарещи, нарекѫ – назвать

нарицати, нарицаѭ – называть

насадити, насаждѫ – насадить, посадить

насъітити, насъіщѭ – насытить

насъіщати, насъіщаѭ – насыщать

находити, назождѫ – находить

начинати, начинаѭ – начинать

начрьтати, начрьтаѭ – начертить, нарисовать

начѧло – началу

начѧти, начьнѫ – начать

начѧтъкъ – начало

наѥмьникъ – см. **наимьникъ**

наѩти, наимѫ – нанять

нбнъіѩ = небесьнъіѩ

небонъ – ибо, на самом деле

небрѣщи, небрѣгѫ – пренебрегать, презирать

негъли – см. **неже**

недостати, недостанѫ – недоставать, испытывать недостаток в чем-либо

недѫжьнъ – больной, недомогающий

неже, нежели – нежели

незълобивъ – беззлобный

неиздреченъ (от **не-из-реченъ**) – невысказанный, невыраженный

некъли – чтобы

немощь – слабость, бессилие

неразоумьливъ – неразумный

нетьлѣниѥ – бессмертие

нечистота – невоздержанность, неумеренность

нечьстивъ – бесчестный, нечестивый

нешчѧдьнъ – беспощадный, жестокий

ни – нет

низъврьщи, низъврьгѫ – ниспровергать, уничтожать

никакъже – никоим образом

никаможе – нигде

николиже – никогда

никъдеже – нигде

ницати, ничѫ – пустить ростки, произрасти

нищь – нищий

нощьнъ – ночной

нсе = небесе

нъ – но, а

нѣколи – когда-нибудь, когда-либо; наконец, с трудом

нѣкъде – где-то, где-нибудь

нѣкъто – некто

нѣкъи – некий

нѫдити, нѫждѫ – принуждать

О

обавати, обаваѭ – заговаривать, заклинать

обаче – однако, впрочем

обидѣти, обиждѫ – обидеть

обиновати сѧ, обиноуѭ сѧ – колебаться, недоумевать

обинѫти сѧ, обинѫ сѧ – колебаться, недоумевать

обити, обидѫ – обходить кругом, покрыть

обладати, обладаѭ – обладаю

облачати, облачаѭ – одевать

облобъізати, облобъізаѭ – целовать

облѣщи, облѣкѫ – надевать

обрѣсти, обрѣщѫ – найти
обрѣтати, обрѣтаѭ – находить
обтещи – обежать
обоуıати, обоуıаѭ – сойти с ума
обьщь – общий
обѣсити, обѣшѫ – повесить
обѧзати, обѧжѫ – связать, завязать, обвязать
обѧти, обьмѫ – охватить
овамо – здесь
овогда – иногда, однажды
овъде – здесь
овьца – овца
овьчь – овечий
овъ, ова, ово – этот, эта, это
овѫдоу – сюда
огласити, оглашѫ – огласить
оглашати, оглашаѭ – оглашаю
огнь – огонь
огобьзити сѧ, огобьжѫ сѧ – дать хороший урожай, уродиться, плодоносить
одолѣти, одолѣѭ – победить
одръ – ложе, кроват, носилки
одрьжати, одрьжѫ – одержать
одѣаник, одѣıаник, одѣıаник – одеяние, одежда
одѣти, одеждѫ – одеть
одѣıати, одѣıѫ – одевать
окоушати, окоушаѭ – испытывать
олѣи – масло, елей
онамо – там
онъде, оноуде – там
онѫдоу – туда
опакы – назад, наоборот
оплотъ – ограда, изгородь
опрѣс(ь)нъкъ – хлеб, приготовленный без закваски
опрѣти сѧ, опьрѫ сѧ – опереться, толкать
орати, орıѫ – пахать
оскѫдѣти, оскѫдѣıѫ – оскудеть
осльпеник – ослепление
остати, останѫ – остаться
осьлѧ – ослик
осѧзати, осѧзаѭ – прикоснуться, ощупать
отимати, отимѫ – отнимать
отирати, отираѭ – вытирать, обтирать
отокъ – остров
отроковица – девочка
отрокъ – мальчик
отрочѧ – дитя, ребенок
отъвратити, отъвращѫ – отвернуть, отвратить
от(ъ)врѣсти, от(ъ)врьзѫ – открыть, отворить
от(ъ)врьзати, от(ъ)врьзаѭ – открывать
отъврѣщи, отъврьгѫ – бросить, отвергнуть
отъимати, отъıемлѭ – отнять что-либо у кого-либо
отъкѫдоу – откуда
отълѫчити, отълѫчѫ – отлучить
отъметати, отъмещѫ – отбросить, избавить
отънели, отънелиже – с тех пор как, когда, откуда
отъпоущеник – прощение, отпущение
отърещи, отърекѫ – отречься
отъринѫти, отъринѫ – отбросить, отогнать, отвергнуть
отърочьнъ – отказавшийся
отьчь – отеческий
оцьтъ – уксус

П

пакы – опять
паничица – водоем
параскевьгии – пятница
паропсида – небольшое блюдо
паче – лучше, больше, кроме
пещи сѧ, пекѫ сѧ – заботиться, печалиться

пискати, пищѫ – играть на свирели, на флейте
плакати сѧ, плачѫ сѧ – плакать
плинѫти, плинѫ – плюнуть
плоути, пловѫ – плыть
плънъ – полный
плъть – плоть
плѣвелъ – сорная трава
плѧсати, плѧсаѭ, плѧшѭ – плясать
побъдѣти, побъждѫ – бодрствовать
поврѣщи, поврьгѫ – бросить
повѣдати, повѣдаѭ – сообщать, рассказывать
повѣдѣти, повѣмь – сообщить, рассказать
поганъ – язычник
погре(с)ти, погребѫ – похоронить, зарыть
погрѧзнѫти, погрѧзнѫ – потонуть, погрязнуть
погыбѣль – погибель
подвигнѫти, подвигнѫ – раздвинуть, подвинуть
подвизати сѧ, подвизаѭ сѧ – подвязаться, бороться
подъклонити, подъклонѭ – дать приют, принять под свой кров
пожрѣти, пожьрѫ – пожрать, поглотить
поздѣ – поздно вечером
позобати, позобаѭ – съедать, поклевать (о птицах)
позоръ – зрелище
позьрѣти, позьрѭ – посмотреть, взглянуть
поимати, поѥмлѭ – брать
поимати женѫ – жениться
покоити, покоѭ – успокаивать
покывати, покываѭ – кивать
полоунощи – в полночь
полъ – берег, половина
поманѫти, поманѫ – сделать знак
помощи, помогѫ – помочь
помѣтати, помѣтаѭ – бросить, кинуть
по҃нє – потому что, хотя, по крайней мере
по҃неже – с тех пор как
поносити, поношѫ – укорять, упрекать
попьрати, поперѫ – попрать
попьрище – верста, миля
порещи, порекѫ – назначить, упрекнуть, оскорбить
послѣди, послѣдь – после
послѣжде – после, позднее, потом
посрамити, посрамлѭ – посрамить, опозорить
посѣщи, посѣкѫ – посечь, отрубить
потрѧсти, потрѧсѫ – потрясти, растрясти
почисти, почьтѫ – почтить
почити, почиѭ – успокоиться, предаться отдыху, умереть
почрѣти, почрьпѫ – почерпнуть
поѩти, поимѫ – взять
правьдьнъ, праведенъ – праведный, правдивый
прати, порѭ – пороть
привлачити, привлачѫ – притаскивать
привлѣщи, привлѣкѫ – привлечь
привѧзати, привѧзаѭ – привязать
призьрѣти, призьрѭ – обратить внимание, позаботиться
приимати, приѥмлѭ – принимать
приключаи – случай, случайность; **по приключаю** – случайно
прилежати, прилежѫ – стараться, заботиться
прилещи, прилѧгѫ – прилечь
прилепити сѧ – прилепиться
приникънѫти, приникънѫ – приникнуть
приобрѣсти, приобрьщѫ – приобрести
присвѧнѫти, присвѧдѫ – вянуть (от жары)
присно – всегда, постоянно, вечно
присѣдѣти, присѣждѫ – сесть около кого-нибудь, присесть

притъча – короткий рассказ с поучительным или нравоучительным содержанием, иносказание
приꙗти, приимѫ – принять, взять
пробости, прободѫ – проколоть, пронзить
прогнати, проженѫ – прогнать
прозꙙбати, прозꙙбаѭ – прорасти, взойти, дать ростки
прозꙙбнѫти, прозꙙбнѫ – прорастать, всходить
прокаженъ – прокаженный, больной проказой
проклꙙти, прокльнѫ – проклясть
пропꙙти, пропьнѫ – распять
прорещи, прорекѫ – предсказать
прорицати, прорицаѭ – предсказывать, пророчествовать
просити, прошѫ – просить
простр҄ѣти, простьрѫ – растянуть, простереть, протянуть
противѫ – против
прр҇къ, пр҇къ, пр°ркъ = пророкъ
прьси – груди
прьстъ – перст, палец
пр҄ѣд҄ѣлъ – граница
пр҄ѣполовити, пр҄ѣполовлѭ – делить пополам, наполовину
пр҄ѣр҄ѣкати, пр҄ѣр҄ѣкаѭ – упрекнуть, возразить
пр҄ѣтещи, пр҄ѣтекѫ – перейти, перебежать
пр҄ѣтити, пр҄ѣщѫ – запрещать, препятствовать
прꙙдати, прꙙдаѭ – прыгать, скакать
поущеница – разведенная жена
пьрати, перѫ – давить, мять
пьр҄ѣти сꙙ, перѫ сꙙ – спорить, состязаться
п҄ѣнꙙзь – серебряная римская монета
п҄ѣнꙙжьникъ – 1) меняла, разменивающий деньги; 2) меняльный стол
пꙙтъкъ – пятница
пѫто – путы, оковы
пѫчина – бездна, морская глубина

ρ

раба – рабыня, слуга
работати, работаѭ – служить в качестве раба
рабꙑни – рабыня, слуга
рав(ь)ви – из др.-евр. «мой учитель»
равьнъ – ровный, одинаковый
развръзати, развръзаѭ – раскрывать, развертывать
разврѣщи, развръзѫ – раскрыть, развернуть
развѣ – кроме
рало – плуг, лемех, соха
рама – г. Рама
рамо – плечо
рана – болезнь, недуг, наказание
распꙙти, распьнѫ – распять
распѫтиѥ – дорога, улица, скрещивание дорог
растачати, растачаѭ – растрачивать, рассеивать
расточити, расточѫ – растратить, рассеить
растръгнѫти, растръгнѫ – разорвать
растрьзати, растрьзаѭ – растерзать, разорвать
расхꙑтити, расхꙑщѫ – разграбить, ограбить
рацисти (от **расчисти**), **рацьчѫ** – считать
риза – платье, верхнее платье, одежда
ривати, риваѭ – реветь, рычать
ринѫти, ринѫ – бросить, толкнуть
ровъ – ров, могила
рождиѥ – ветви, розги
рожьць, рожець – уменьшительное от рогъ
рꙑбарь – рыбак
рѣзати, режѫ – резать, сечь

рѣс(ь)нота – истина
рѫгати сѧ, рѫгаѭ сѧ – насмехаться над кем-либо

С

самарꙗнинъ – самарянин
само – только
сапогъ – обувь, сандалия
свекры – свекровь
свинии – свинья
свѣщьникъ – подсвечник
свѧтити, свѧщѫ – святить
село – поле, нива
сельнь – полевой, сельский
сице – так
сиць – такой
сиꙗти, сиꙗѭ – сиять
скандалъ – соблазн, искушение
сквозѣ – сквозь
скврьна – нечисть, мерзость
скотъ – домашний скот
скръбь – скорбь
скрьжьтъ – скрежет
скѫдельникъ, скѫдьльникъ – горшечник, гончар
скѫдьльниковъ – гончарный, керамический
слоути, словѫ – слыть
слоухъ – молва, слух
смоковьница – смоковница, фиговое дерево
сокачии – повар
соньмище – см. **съньмище**
срамота – посрамление, позор
старѣишина – первый, главный, глава
страдати, страждѫ – страдать, лишаться
страньнъ – чужой
страна – страна, область, земля
строѥниѥ – управление
стрѣщи, стрѣгѫ – стеречь, сторожить
стоуденьць – колодец
стоудъ – стыд
стьгна, стъгна – узкая улица, переулок
стыдѣти сѧ, стыждѫ сѧ – стыдиться
стьза – стезя, дорожка
стькльница – чаша
соуи – тщетный
съблажнꙗти сѧ, съблажнꙗѭ сѧ – соблазняться, возмущаться
съблазнити, съблажнѭ – соблазнить
събыти сѧ, събѫдѫ сѧ – сбыться, осуществиться, исполниться
събьрати, съберѫ – собрать
съвлѣщи, съвлѣкѫ – снять, раздеть
съвѣщати, съвѣщаѭ – посоветоваться, сговориться
съвѧзати, съвѧзаѭ – связать
съжещи, съжегѫ – сжечь
съзъвати, съзовѫ – созвать
съзьдати, съзиждѫ – построить
сълазити, сълажѫ – спускаться
сълѫкъ – сгорбленный, скорченный
съмѧсти сѧ, съмѧтѫ сѧ – смутиться
сънити, сънидѫ – сойти, спуститься
сънъмище – место собрания
сънъмъ – собрание, сбор
сънѣдь – пища
сънѧти, съньмѫ – снять
сърѣсти, сърѣщѫ – встретить
съторица – сотня
сътѧжати, сътѧжѫ – приобрести, добыть
сътѧзати сѧ, сътѧзѫ сѧ – спорить
сътѫжати, сътѫжаѭ – надоедать, быть в тягость
стѫжити, стѫжѫ – мучить, угнетать
съходити, съхождѫ – спускаться
сьмрьтьнъ – смертный
сьдалище – место сидения
сѣдѣти, сѣждѫ – сидеть
сѣмо – сюда
сѣмѧ – семя

сѣнь – тень
сѣщи, сѣкѫ – сечь, рубить
сѣꙗти, сѣѭ – сеять
сѫдии – судья
сѫпрѫгъ – упряжь, пара волов в одной упряжи; супруг, мужъ
сѫпрь – противник

Т

та – и так
такъжде, такожде – так же
таланътъ – вес и определенная монета у древних греков и римлян
тамо – там
тать – вор
тварь – создание
те – и
тельць – теленок, бычок, молодое животное
тети, тепѫ – бить, колотить
тещи, текѫ – течь, бежать
тлѣщи, тлькѫ – толкать, стучать, ударять
тольма – столько
точило – корыто, чан, в котором выжимают виноград
точити, точѫ – наливать, источать
тръгъ – базар
тръжище – торговое место, рынок; собрание
тръжьникъ – торговец
трьниѥ – терновник
трьнъ – терн, колючка
трьзати, трьзаѭ – терзать, рвать
трьпѣти, трьплѭ – терпеть
трѣва и трава – трава
трьзвъ – трезвый
трѧсавица – дрожь, лихорадка
трѧсти, трѧсѫ – трясти
трѧсъ – сотрясение, землетрясение
тѹ – здесь, там
тѹждь – чужой
тъкъмо – только
тьма – десять тысяч, громадное количество
тьщꙗ – теща
тѣмь же – следовательно
тѣмѧ – темя
тѧгота – тяжесть
тѧжькъ – тяжелый
тѫдѹ, тѫдѣ – туда

Ѹ

ѹбиица – убийца
ѹбо – же, итак, ведь, потому
ѹбогъ – бедный, убогий
ѹбрѹсъ – платок
ѹврѣсти, ѹврьзѫ – открыть, приоткрыть
ѹвѣдѣти, ѹвѣмь – узнать
ѹвѣрити, ѹвѣрѭ – уверить, убедить
ѹгаждати, ѹгаждаѭ – угождать кому-либо
ѹглъбнѫти, ѹглъбнѫ – погрузиться, увязнуть
ѹгобьзити сѧ, ѹгобьжѫ сѧ – получить хороший урожай, плодоносить
ѹготовати, ѹготоваѭ – приготовлять что-либо для кого-либо
ѹготовити, ѹготовлѭ – приготовить что-либо для кого-либо
ѹдобь – удобно, легко
ѹдрьжати, ѹдрьжѫ – удержать
ѹдъ – член
ѹжасть – ужас
ѹкротити, ѹкрощѫ – укротить, смирить, успокоить
ѹкрѹхъ – кусок, крошка
ѹкрыти, ѹкрыѭ – укрыть, скрыть
ѹлещи, ѹлѧгѫ – стихнуть, успокоиться
ѹмастити, ѹмащѫ – намазать
ѹмлъчати, ѹмлъчѫ – замолчать
ѹмрѣтиѥ – смерть

оуность вместо **юность**
оуоръжити, оуоръжѫ – вооружить
оупъвати, оупъваѭ – уповать
оурѣзати, оурѣжѫ – отрезать
оусрьдиѥ, оусрьдьѥ – усердие
оуста – рот
оустрьмити сѧ, оустрьмлъ сѧ – устремиться
оустьна – губа
оусънѫти, оусънѫ – уснуть
оусъхнѫти, оусъхнѫ – засохнуть
оусѣкнѫти, оусѣкнѫ – отсечь, отрубить, погубить
оусѧдити, оусѧждѫ – положить в гроб (мертвеца)
оусѫмьнѣти сѧ, оусѫмьнѫ сѧ – усомниться
оутапати, оутапаѭ – утопать, тонуть
оутети, оутепѫ – убить
оутръ – завтра
оушидъ – беглец, беглый раб
оуꙗзвити, оуꙗжвлѭ – уязвить, нанести рану

ф

фарисеи, фарисѣи – фарисей (так назывались сторонники религиозно-политической партии в древней Иудее, представлявшие интересы зажиточных слоев городского населения и отличавшиеся фанатизмом и лимцемерным исполнением правил наружного благочестия)

х

халѫга – изгородь, ограда
ходатаи – посредник, заступник, ходатай
храмина – дом, помещение, жилище, здание
храмъ – дом
хризма – благовонное масло
хоулити, хоулѭ – клеветать, злословить, ругать
х҃ъ = Христосъ
хытрость – хитрость, умение, мастерство
хыщениѥ – грабёж, ограбление

ц

цвисти, цвьтѫ – цвести
ц҃рькъ = цѣсарьскъ
цръкы – церковь
ц҃рь = цѣсарь
ц҃рство = цѣсарьство
цѣлити, цѣлѭ – лечить, врачевать
цѣлованиѥ – приветствие
цѣлъ – здоровый
цѣсарь – государь, царь
цѣсарствиѥ – царство

ч

часъ – час
чаꙗти, чаѭ – ожидать, надеяться
чии – чей
числѧ – число
чисти, чьтѫ – считать
ч҃къ = чловѣкъ
чоути, чоуѭ – слышать
чюти см. **чоути**
чѧдо – дитя, ребенок
чѧсть – часть, доля

ш, щ (щ)

щоуждь – чужой
щѧдѣти, щѧждѫ – щадить, беречь
шоуи – левый
шоуица – левая рука
шюи см. **шоуи**
шюица см. **шоуица**

ю

юже (то же **оуже**)
юность – молодость, юность

юньць – бычок, молодой вол

ютро – утро

ꙗ (ѣ)

ꙗвити, ꙗвлѭ – явить

ꙗвити сѧ, ꙗвлѭ сѧ – явиться

ꙗдъ – еда

ꙗдьца – обжора

ꙗзва – рана

ꙗзвенъ – уязвленный

ꙗзвити, ꙗжвлѭ – ранить

ꙗзьвинъ – убитый, раненый

ꙗко, ако – потому что, что, тогда, так что, как

ꙗковъ – какой

ꙗкоже – как, как-то

ꙗкъ – какой

ꙗхати, ꙗдѫ – ехать

ѥ

ѥгда – когда

ѥда – не, чтобы не

ѥдъва – едва

ѥже – что касается

ѥлико – сколько

ѥликъ – который

ѥль кратꙑ – сколько раз, что

ѥлѣ – почти

ѥмати (вместо имати), ѥмлѭ – брать

ѥтеръ – некто

ѥще – еще

ѩ

ѩдро – быстро, скоро

ѩꙃа, ѩза – болезнь, недуг, слабость

ѩзꙑкъ – язык, народ

ѩзꙑчьнъ – языческий, народный

ѩти, имѫ – взять

ѩтрꙑ – жена брата мужа

ѩчьмень – ячмень

ѫ

ѫглъ – угол

ѫдоу – откуда

ѫже – цепь, оковы

ѫжика – родственник (близкий)

ѫзъкъ – узкий

ѫтроба – утроба

ѫтрь – внутри

ѫтрьнь – внутренний

ѫтрьѭдоу – внутрь

ѭ

ѭдоуже – откуда

ѵ

ѵпокритъ – лицемер

ѵпостась – сущность, существо, материя, вещество, субстанция

Учебное издание

Ремнёва Марина Леонтьевна

Старославянский язык

Учебное пособие

Издание осуществлено при финансовом участии
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Зав. отделом *Е. Г. Домогацкая*
edit@philol.msu.ru

Редакторы и корректоры
Е. Г. Домогацкая, Л. А. Илюшина,
Н. В. Николенкова, Е. А. Певак

Компьютерная верстка: *А. М. Егоров*

Дизайн упаковки диска: *Ю. Н. Симоненко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.08.04.
Формат 84 × 108/32. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 18,48. Тираж 5000 экз.
Заказ № 4357.

ООО «Академический проект».
Изд. лиц. № 04050 от 20.02.01.
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3, стр. 4.
Санитарно-эпидемиологическое заключение
Департамента государственного эпидемиологического надзора
№ 77.99.04.953.П.002217.08.01 от 24.08.01.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.